

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

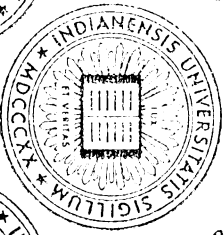
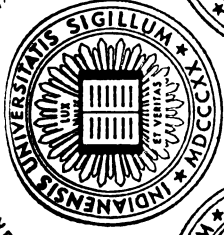
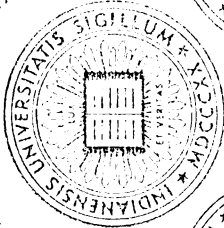
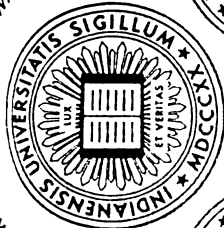
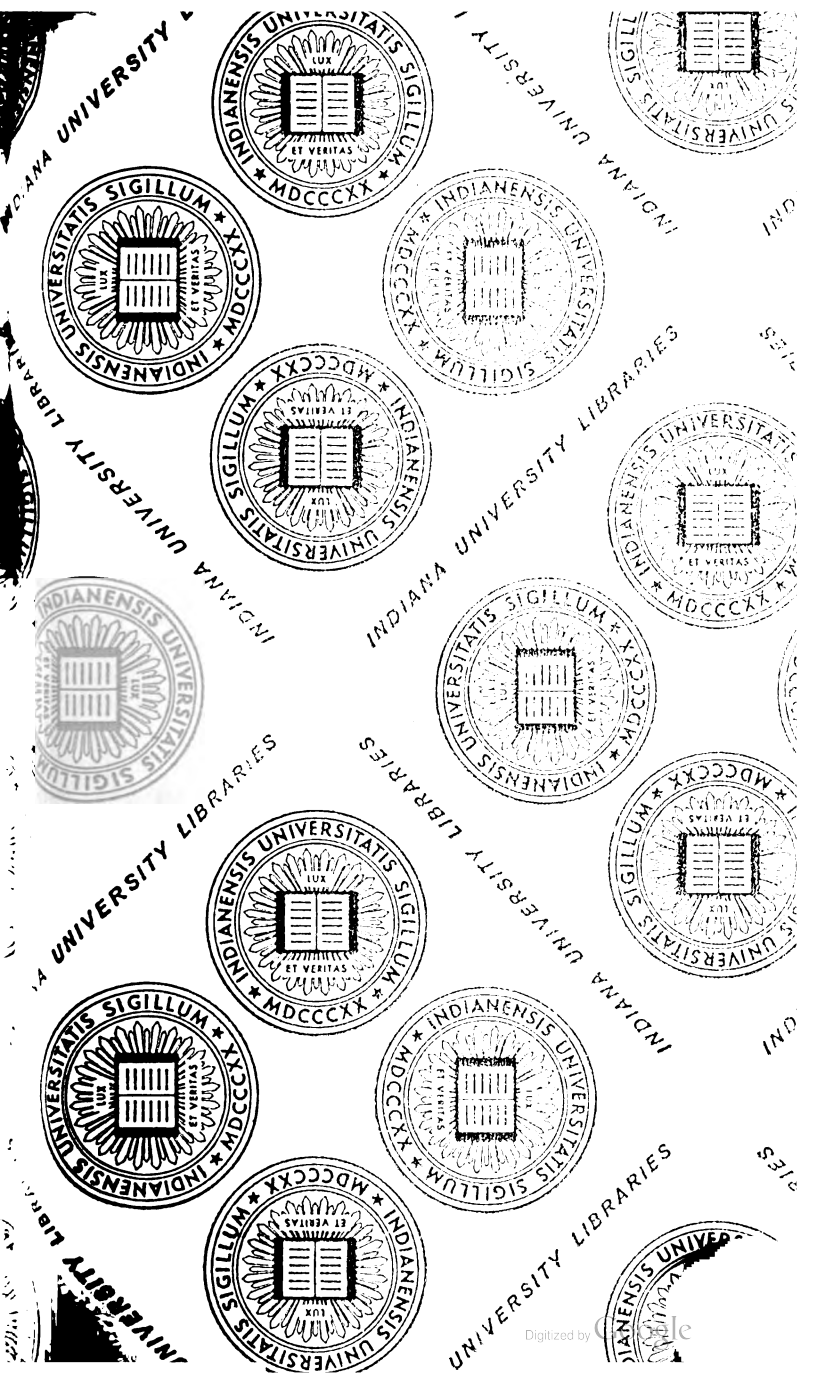
1902

1903

1904

Digitized by Google

Aleksei Konstantinovich graf Tolstoy

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Polnoe sobranie sochinenii

Гр. А. К. ТОЛСТОГО.

Съ портретомъ графа Алексѣя Толстого и критико-
біографическимъ очеркомъ С. А. Венгерова.

т. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Woodburn

Приложение къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1907.

PG 3363

A1

1907

v.2

Артистич. заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

6-22-57

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ.

I.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

[1865]

— Рече царь: «Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея!» Еще слову сушу во устѣхъ царя гласъ съ небесе бысть: «Тебѣ глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое преjde отъ тебя, и отъ чelовѣкъ отженуть тя и со звѣрьми дивными житіе твое!»

Кн. пр. Данила, IV, 27.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ІV.
 ЦАРИЦА МАРІЯ ФЕДОРОВНА, изъ рода Нагихъ, седьмая жена его.
 ЦАРЕВИЧЪ ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ, сынъ его отъ первой жены.
 ЦАРЕВНА ИРИНА, жена Федора, сестра Бориса Годунова.
 КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ
 ЗАХАРЬИНЪ-ЮРЬЕВЪ, братъ первой жены царя
 КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ
 БѢЛЬСКІЙ
 КНЯЗЬ ЩЕРВАТЫЙ
 КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ
 КНЯЗЬ ТРУБЦКОЙ
 КНЯЗЬ СИЦКІЙ
 ШЕРЕМЕТЕВЪ
 ТАТИЩЕВЪ
 САЛТЫКОВЪ
 МИХАЙЛО НАГОЙ, братъ царицы Маріи Федоровны
 БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, шурина царевица Федора
 ГОНЕЦЪ изъ Пскова.
 МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА, жена Годунова.
 ГРИГОРІЙ ГОДУНОВЪ, родственникъ Бориса
 ГРИГОРІЙ НАГОЙ, второй братъ царицы Маріи Федоровны } Околь-
 ГАРАБУРДА, посоль Стефана Баторія. } ничьи.
 БИТЯГОВСКІЙ }
 КИКИНЪ. } Дворяне.
 СХИМНИКЪ.
 МАМКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.
 ДВОРЕЦКІЙ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА.
 ДВОРЕЦКІЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ.
 ДВОРЕЦКІЙ ГОДУНОВА.
 1-й }
 2-й } Волхвы.
 ЭЛЬМСЪ }
 ЯКОВИ } Врачи.
 1-й }
 2-й } Пристава.
 ШУТЬ.
 КЛЮЧНИКЪ.
 СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.
 СТРѢЛЕЦКІЙ СОТНИКЪ.
 СТОЛЬНИКЪ.
 ЛАБАЗНИКЪ.
 СѢННАЯ ДѢВУШКА.
 СЛУГА КНЯЗЯ ШУЙСКАГО.

Бояре, окольничьи, рынды, стрѣльцы, народъ, скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ, 1584 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятія занавѣса слышны на сценѣ шумъ и споры. Занавѣсъ поднимается Боярская Дума. На лавкахъ, стоящихъ вдоль стѣны и образующихъ фигуру Покоя, сидятъ бояре: на средней лавкѣ князь Мстиславскій, Захарьинъ-Юрьевъ, Бѣльскій и другіе старшіе бояре; на боковыхъ—младшіе; на концѣ правой боковой лавки, у просцениума Борисъ Годуновъ; съ лѣвой стороны, напротивъ Годунова, Михайло Нагой, схвативъ Салтыкова за воротъ, старается стащить его съ мѣста.

НАГОЙ.

Я государевъ шуринъ! мнѣ невмѣстно
Быть меньше Салтыковыхъ!

САЛТЫКОВЪ.

Бражникъ! прочь!
Твой дѣдъ служилъ у дѣда моего
Знакомцемъ и держальникомъ!

НАГОЙ.

Неправда!
Держальниковъ не знали Салтыковы!
За то-ль въ бояре ты попалъ, что вмѣстѣ
Съ Голицынымъ сдалъ Полоцкъ королю?

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, это ложь! Я защищалъ посады,
А въ городѣ сидѣлъ тогда Щербатый!

ЩЕРБАТЫЙ.

Ну, да, сидѣлъ! И въ то сидѣнье мы
Въ двѣнадцать дней семь приступовъ отбили,
А кабы ты посады отстоялъ,
Къ намъ подошла-бъ отъ Сокола подмога
И съ тылу бы схватила короля!

ГОЛИЦЫНЪ.

А я ли виновать, что та подмога
Три цѣлыхъ дня тягалась о мѣстахъ?

НАГОЙ—продолжаетъ спорить съ Салты-
ковымъ.

Я государевъ шурины! Я на свадьбѣ
Передъ другихъ несъ царскій коровай!

САЛТЫКОВЪ.

А я несъ блюдо съ золотою чарой!
Отецъ мой былъ оружничимъ! А твой
Кто есть отецъ? Великая то честь,
Что по седьмой женѣ ты царскій шурины!

НАГОЙ.

Да ты сестру-царицу не кори!

САЛТЫКОВЪ

Я не корю ее! А все-жъ она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царскій шурины! Мало ли шурьевъ
Перебывало у царя!

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояре!

Что вы чините? Вспомните, гдѣ вы!
Гораздо-ль такъ чинить?

ИГОЙ.

Царю я буду

Въ отечествѣ и въ счетѣ бить челомъ!

САЛТЫКОВЪ.

Ну, бей челомъ! пусть выдастъ головою
Онъ мнѣ тебя!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да полноте, бояре!

Вотъ я да Шереметевъ, всѣхъ мы больше,
А о мѣстахъ не споримъ!

ГОЛОСА.

Насъ вы больше?

А чѣмъ вы больше насъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Стыдъ вамъ, бояре!

Къ Мстиславскому.

Ты, князь Иванъ Теодорычъ, ты старшій—
Уйми же ихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ ихъ унять, бояринъ?

Съ ума сопли! Вишь, со Мстиславскими
Хотятъ считаться! Не велѣтъ ли дьяку
Разрядныя намъ книги принести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Теперь не до разрядовъ, князь!

Выступаетъ впередъ.

Бояре!

Иль вы забыли, для чего мы здѣсь?
Возможно-ль? Какъ? Въ теперешнюю пору,
Когда, свершивъ сыноубійство, царь
Терзается раскаяньемъ, когда
Отъ міра онъ рѣшился отойти
И, мимо своего второго сына
Теодора, его болѣзни ради,
Намъ указалъ достойнѣйшаго выбрать,
Кому-бъ онъ могъ державу передать,—
Когда межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Воюютъ Русь,—кругомъ я морь и голодь,—
Вы въ самую ту пору о мѣстахъ
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый другъ за друга
Держаться крѣпко, да не сгинетъ Русь!
Забудемте-жъ разряды! Безъ расчетовъ
Къ прискорбному приступимъ избиранью
И будемте безъ мѣсты!

БѢЛЬСКІЙ.

Безъ мѣсты, пожалуй!

Всѣ.

Безъ мѣсты! Безъ мѣсты!

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ, князь Мстиславскій,

ты старшій—открывай совѣты!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Бояре!

Вы слышали, что вамъ сейчасъ Никита Романовичъ сказалъ? Какъ намъ ни горько— А покориться надо царской волѣ. Пойдемъ на голоса!

ШУЙСКІЙ.

Позволь, бояринъ—

Послѣднее-ль то слово государя?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Послѣднее! Напрасно мы его Молили. Онъ намъ указалъ немедля Постановить нашъ приговоръ и съ новымъ Къ нему явиться государемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Страшно!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не вѣрится!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣрилось и мнѣ,

Пока не топнулъ онъ на насъ ногою И не велѣлъ мнѣ думу собирать.

ШУЙСКІЙ.

Когда его такая воля—что-жь?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да, если такъ, бояре—мы не властны Ему перечить!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Подлинно не властны!

ТАТИЩЕВЪ—старикъ.

Тому о Пасхѣ будетъ двадцать лѣтъ, Великій государь задумалъ то же: Хотѣлъ, какъ нынѣ, бросить свой престолъ И въ Слободу отъѣхалъ отъ Москвы. Народъ мутиться началъ; мы-жь рѣшили Всѣмъ ѣхать за царемъ, просить его. Поѣхали. Царь принялъ насъ сурово;

Сначала слушать не хотѣлъ; потомъ
Моленьямъ внялъ, вернулся на Москву
И снова принялъ государство.

сицкій.

Да!

И учинилъ опричнину! Мы помним!

татищевъ.

Ужасное, не приведи Богъ, время!
Но безъ царя еще бы хуже было:
Народъ бы насъ камнями побилъ,
Вся Русь бы замутилась, и татары,
И ляхи насъ, и нѣмцы-бъ одолѣли—
Согласья вовсе не было межъ насъ!

сицкій.

Завидное теперь межъ насъ согласье!

шуйскій—къ Татищеву.

Къ чему-жь ты рѣчь, бояринъ, вель?

татищевъ.

Къ тому,

Что, можетъ-быть, и нынѣ, какъ въ ту пору,
Царь-государь смягчится.

мстиславскій.

Нѣтъ, бояринъ;

Теперь другое время—царь не тотъ.
Онъ опустился плотію и духомъ:
Не мнѣнье на бояръ, какъ было прежде—
Раскаянье его съ престола гонить!

бвльскій.

Не ѣсть, не пьеть, давно не знаетъ сна;
О тѣхъ переговорахъ, что такъ тайно
Онъ съ аглицкою королевой вель,
Ужь рѣчи нѣтъ. Посоль ея теперь
Напрасно просить у него приема.

захарьинъ.

Да, непохожъ онъ на себя теперь!
До этого грѣха недѣли за три
Онъ къ Курбскому, къ измѣннику, писалъ,
Корилъ его жестоко, и отвѣта

Ждалъ изъ Литвы, а самъ дрожалъ отъ гнѣва;
Теперь же позабылъ онъ и о Курбскомъ;
И кротокъ сталъ, и милостивъ въ рѣчахъ.

ШУЙСКІЙ.

Не намъ царю указывать. Отъ Бога
Его и гнѣвъ и милость. Что-жъ, бояре?
Приступимъ къ избиранію!

Всѣ.

Приступимъ!

Молчаніе.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кого-жъ, бояре?

НАГОЙ.

Да кого-жъ другого,
Коль миновать мы Ѳедора должны,
Кого-жъ еще, какъ не царева-жъ сына,
Димитрія Иваныча?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Младенца?

НАГОЙ.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же съ васъ сестры-царицы мало—
Правителя придать ей!

САЛТЫКОВЪ.

Не тебя ли?

НАГОЙ.

Меня ли, брата-ль, все равно—мы оба
Димитрію дядья!

САЛТЫКОВЪ.

Да намъ не дядьки!

ТАТИЩЕВЪ.

Избави Богъ! Мы помнимъ малолѣтство
Царя Ивана! Отъ дядьѣвъ царевыхъ
Избави Богъ!

ШУЙСКІЙ.

Не приведи Господь!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не приведи! Намъ нуженъ властный царь,
А не опека надъ царемъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Вѣстимо!

И самъ Иванъ Васильичъ указалъ,
Чтобъ изъ себя мы выборъ учинили.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Кого-жъ тогда?

ЩЕРВАТЫЙ.

Да ужъ кого ни взять,
Онъ долженъ быть породы знаменитой,
Чтобъ всѣ склонились передъ нимъ.

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, князь!

Пусть тотъ царить, кто доблестнѣй насъ всѣхъ!
Его искать недалеко: Никита
Романовичъ Захарьинъ передъ вами!

Говорь.

У царскаго кроваваго престола
Онъ тридцать лѣтъ стоитъ и чистъ и бѣлъ.
Онъ смѣлымъ словомъ тысячи безвинныхъ
Спасалъ не разъ, когда уже надъ ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя-жъ онъ не берѣгъ. Всегда онъ смерти
Глядѣлъ въ глаза—и смерть, намъ всѣмъ на диво,
Его главы почтенной не коснулась—
И стелется предъ нами жизнь его
Безъ пятнышка, какъ снѣжная равнина!

ГОЛОСА.

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

ТРУБЕЦКОЙ—къ Сицкому.

Кто противъ этого! Бояринъ чистъ!
Корить его не станемъ. По заслугамъ
И честь ему мы воздаемъ, но онъ
Не княжескаго рода—быть подъ нимъ
Невмѣстно намъ, потомкамъ Гедимины!

ШУЙСКІЙ.

Намъ и подавно, Рюрика потомкамъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, онъ не князь—намъ быть подъ нимъ негоже!

САЛТЫКОВЪ.

Не князь онъ, правда—но съ царемъ въ свойствѣ!

НАГОЙ.

Не онъ одинъ! Съ царемъ въ свойствѣ и мы!

САЛТЫКОВЪ.

Ты братъ седьмой жены, Захарынъ—первой.

ЗАХАРЫНЪ.

Изъ-за меня не спорьтеся, бояре!

Благодарю тебя за честь, князь Сицкій,

кланяется нѣкоторымъ.

Благодарю и васъ, бояре, но—

Я чести бы не принялъ, хоть и всѣ-бъ вы

Меня хотѣли, я-бъ не принялъ чести!

Я слишкомъ простъ, бояре! Не сподобилъ

Меня Господь науки государской,

А коль хотите добраго совѣта,

То есть одинъ, который и породой,

И службою насъ будетъ выше всѣхъ:

Бояринъ, воевода, князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій, что теперь сидитъ

Во Псковѣ противъ короля Батура—

Вотъ вы кого возьмите! Передъ этимъ

Склоняться не обидно никому!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ, Шуйскаго нельзя! Король не даромъ

Ужъ пятый мѣсяць осаждаетъ Псковъ!

А воевода князь Иванъ Петровичъ

Засѣлъ въ немъ на-смерть и на томъ онъ крестъ

Со всей своей дружиной цѣловаль.

Богъ-вѣсть, на сколько времени еще

Продлится обложенъ; мы-жъ не можемъ

И часу оставаться безъ царя!

ШУЙСКІЙ.

Такъ какъ же быть?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣдаю, бояре!

ШУЙСКІЙ.

Царь ждетъ отвѣта—надо кончить выборы!

ЗАХАРЬИНЪ—къ Годунову.

Борисъ Θεодорычъ! Ты что-жь доселѣ
Не вымолвилъ ни слова? Въ трудномъ дѣлѣ
Ты выручалъ насъ часто изъ бѣды—
Скажи, какъ мыслишь?

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мнѣ-ль, отецъ названный,

Мнѣ-ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищутъ лучшіе изъ васъ?
Но если вы мнѣ рѣчь вести велите,
То я скажу, бояре...

ГОЛОСА.

Громче! Громче!

Не слышно!

ГОДУНОВЪ.

Мнѣ казалось бы, бояре...

ГОЛОСА.

Не слышимъ! Громче!

ЗАХАРЬИНЪ.

Да зачѣмъ ты сѣлъ

Такъ далеко и ниже всѣхъ, Борисъ?
Иль мѣста ты не знаешь своего?
Не слышно намъ! Ступай сюда, поближе!

Береть его за руку и подводитъ къ средней лавкѣ.

Вотъ гдѣ тебѣ приходится сидѣть!

ГОДУНОВЪ—кланяется на всѣ стороны.

Бояре, вы великихъ предковъ внуки!
И ты, названный мой отецъ, Никита
Романовичъ, наставникъ мой любезный!
Я-бъ не дерзнулъ мое вамъ молвить слово,
Когда-бъ вы сами мнѣ не приказали..

САЛТЫКОВЪ.

Куда онъ гнетъ?

НАГОЙ.

Хвостомъ вертить, лисица!

САЛТЫКОВЪ.

А забрался-таки на середину!

НАГОЙ.

Небось, онъ даромъ на концѣ сидѣлъ!

ГОЛОСА.

Тсъ! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

ГОДУНОВЪ.

Вамъ вѣдомо, великіе бояре,
Какія на Руси теперь настали
Крутыя времена: король Батуръ
За городомъ у насъ воюетъ городъ;
Въ его рукахъ Усвятъ, Велижь и Полоцкъ;
Великихъ-Лукъ ужъ взорваны имъ стѣны,
И древній Псковъ, нашъ кровный русскій городъ,
Безчисленнымъ онъ войскомъ обложилъ.
Межъ тѣмъ въ Ливонію ворвался шведъ,
Завоевалъ Иванъ-городъ, Копорье;
А тамъ съ востока и съ полудня ханъ
Опять орду вздымаетъ; сотни тысячъ
Уже идутъ на Тулу и Рязань;
Болѣзни, голодъ, моръ—а въ довершенье
Намъ черемисы мятежомъ грозятъ!

Бояре, можно-ль при такой невзгодѣ,
При горестномъ шатаньи всей Руси,
О перемѣнѣ думать государя?
Положимъ, вы такого-бъ и нашли,
Который былъ бы по-сердцу всей думѣ—
Увѣрены ли вы, что и народъ
Его захочетъ? что угоденъ будетъ
Онъ всей землѣ? А если, невзначай,
Начнутся смуты? Чтѣ тогда, бояре?
Довольно ли строенья между насъ,
Чтобы врагамъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ,
Противостать и дружный дать отпоръ?

Великая въ обычаѣ есть сила;
Привычка людямъ—бичъ, или узда;
Каковъ ни будь наслѣдственный владыка,
Охотно повинуются ему;

Сильнѣе онъ и въ смутную годину,
Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
Полвѣка будетъ, что Иванъ Васильичъ
Надъ нами государить. Гнѣвъ и милость
Смѣнялись часто въ этотъ длинный срокъ,
Но глубоко въ сердца вросли корни
Привычка безусловнаго покорства
И долгій трещеть имени его.
Бояре! Намъ твердыня это имя!
Мы держимся лишь имъ. Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой;
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что насъ на части раздробила,
Она-жь одна и связываетъ насъ;
Исчезни власть—и тѣло распадется!
Единое спасенье намъ, бояре,
Идти къ царю немедля; всею думой,
Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
И вновь молить его, да не оставитъ
Престола онъ и да поддержитъ Русь!

Г О В О Р Ъ .

Онъ дѣло говорить!—Мы безъ Иванъ-
Василича пропали!—Лучше прямо
Идти къ нему! Онъ государь законный!—
Подъ нимъ не стыдно!—Да! Идти къ нему!
Просить его!—Просить его всей думой!

с и ц к и й .

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иванъ Васильичъ?
Что значать нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненьи съ нимъ? Что значать моръ и голодъ,
Когда самъ царь не что какъ лютый звѣрь?

ш у й с к и й .

Что онъ понесъ? Да онъ царя безчеститъ!

м с т и с л а в с к и й .

Князь Петръ Ильичъ! Да ты съ ума сошелъ!

с и ц к и й .

Не я, а ты, вы всѣ ума лишились!
Иль есть изъ васъ единый, у кого бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,

Иль матери, иль ближняго, иль друга?
На васъ смотрѣть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не сталь васъ подымать, когда бы
Онъ самъ съ престола не хотѣлъ сойти,—
Не хуже васъ писаніе я знаю,—
Я не на бунтъ зову васъ, но онъ самъ,
Самъ хочеть перестать губить и рѣзать,
Постричься хочеть, чтобы наконецъ
Вздыхнула Русь,—а вы просить его
Сбираетесь, чтобъ онъ подолѣ рѣзалъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь, про царя такія рѣчи слышать
Не гоже намъ. Ты молвилъ сторяча—
Доносчиковъ не чаю между нами—
Тебѣ-жъ отвѣчу: выбора намъ нѣтъ!
Изъ двухъ грозящихъ золь кто усомнится
Взять меньшее? Чтò лучше: видѣть Русь
Въ рукахъ враговъ? Москву въ плѣну у хана,
Церквей, святыней поруганье?—или
Попрежнему съ покорностью сносить
Владыку, Богомъ даннаго? Ужели
Намъ наши головы земли дороже?
Еще скажу: великій государь
Быль, правда, къ намъ немилостивъ и грозень,
Но время то прошло; ты слышалъ, князь,
Онъ умилился сердцемъ, сталь не тотъ,
Сталь милостивъ; и если онъ опять
Пріиметь государство—не землѣ,
Ея врагамъ онъ только будетъ страшень!

ГОЛОСА.

Такъ! Такъ! Онъ правъ! Онъ дѣло говорить!

СИЦКІЙ.

Бояринъ, ты сладкорѣчивъ, я знаю!
Ты хитростнымъ умѣешь языкомъ
Позолотить все, чтò тебѣ пригодно!
Вѣстимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой на мѣстѣ Іоанна
Возьметъ вѣнецъ! Бояре, берегитесь!
Онъ мягко стелеть—жестко будетъ спать!

ГОДУНОВЪ.

Бояре всѣ! свидѣтельствуюсь вами—
Не заслужилъ я этого упрека!
Вамъ вѣдомо, что власти не ищущу я.
Я говорилъ по вашей волѣ нынѣ—
Но, можетъ-быть, я и не правъ, бояре;
Меня князь Сицкій старше и умнѣе:
Когда вы съ нимъ согласны, я готовъ
Признать царемъ боярина Никиту
Романыча, или кого велите!

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ Захарьина! Не надо!

ГОДУНОВЪ.

Иль, можетъ-быть, Мстиславскаго, бояре?

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ! И сами мы не меньше
Мстиславскаго!

ГОДУНОВЪ.

Иль Шуйскаго, бояре?

ГОЛОСА.

И Шуйскаго не надо! Быть подъ Шуйскимъ
Мы не хотимъ! Хотимъ царя Ивана!

СИЦКІЙ.

Идите же! Идите всѣ къ нему!
Идите въ бойню, какъ баранье стадо!
Мнѣ дѣлать болѣ нечего межъ васъ!

Уходить.

ГОЛОСА И КРИКИ.

Онъ бунтовщикъ! Онъ оскорбилъ всю думу!
Онъ противъ всѣхъ идетъ! Онъ всѣмъ досадчикъ!

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайтесь на него, бояре!
Онъ говорилъ, какъ мыслилъ. Если-жъ вы
Рѣшили въ мудрости своей всей думой
Идти къ царю—пойдемъ, не надо мѣшкать.

ЗАХАРЬИНЪ.

Когда бы не шатаніе земли,
Не по-сердцу была-бъ мнѣ эта мѣра,

Но страшно нынѣ потрясать престоль.
Пойдемъ къ царю—другого нѣтъ исхода!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто-жь будетъ рѣчь вести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Да ты, бояринъ;
Кому-жь другому? Ты межъ нами старшій!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Неловко мнѣ! Сегодня на меня
И безъ того разгнѣвался ужъ царь.

ГОЛОСА.

Пусть Шуйскій говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И мнѣ неловко!

ЗАХАРЬИНЪ.

Пожалуй, я рѣчь поведу, бояре!
Мнѣ гнѣвъ его не страшенъ—мнѣ страшна
Земли погибель!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, отецъ названный,
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мнѣ вести предъ государемъ рѣчь—
Меня не жаль!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пойдемте-жь! Годуновъ
Рѣчь поведетъ; онъ всѣхъ насъ лучше скажетъ!
Всѣ бояре встаютъ и уходятъ за Мстиславскимъ.

САЛТЫКОВЪ—уходя—къ Голицыну.

А Сицкій-то былъ правъ. Вѣдь Годуновъ
Такъ и глядитъ, какъ бы взобраться въ гору!

ГОЛИЦЫНЪ.

Сѣлъ ниже всѣхъ, а подъ конецъ сталъ первый!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

А говорили: быть безъ мѣсть!

ТРУБЕЦКОЙ.

Дай срокъ!

И скоро всѣхъ татаринъ пересядеть!

Уходить.

Царская опочивальня.

Іоаннъ, блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, Мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару.

НАГОЙ.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ.

ІОАННЪ.

Не надо нищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

НАГОЙ.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ парицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

ІОАННЪ.

Господь ихъ не оставитъ!

НАГОЙ.

Но кто-жь сумѣетъ государствомъ править,
Опричь тебя?

ІОАННЪ.

Острунлся мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жь указалъ престолъ мой уступитъ
Другому; беззаконія мои
Песка морского паче: сыродецъ—
Мучитель—блудникъ—церкви оскорбитель—

Долготерпѣнья Божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

НАГОЙ.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

ІОАННЪ.

Неправда!

Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Навзничъ
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!

Таинственно.

Сегодня ночью онъ явился мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.

Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволенья міра удалаться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать;
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я приму и, можетъ-быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!

Помолчавъ.

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье! Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ придутъ, да возложу немедля
Я на него и бармы и вѣнецъ!

Нагой уходитъ.

Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражыхъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаясь съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!

Не кроткимъ былъ я властелиномъ. Нѣтъ!

Я не умѣлъ обуздывать себя!

Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,

Мнѣ говорилъ: «Иване, берегись!

«Въ тебя вселиться хочетъ сатана!

«Не отвержай души ему, Иване!»

Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца

И душу я діаволу отверзъ!

Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песь смердящій!

Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!

Я Каина злодѣйство превзошелъ!

Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы

Сердечныя безчисленны мои!

О, Христе-Боже! Исцѣли меня!

Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!

Очисти мя отъ неслезанныхъ скверней

И ко блаженныхъ лику сочetaй!

Нагой поспѣшно возвращается.

НАГОЙ.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибылъ гонецъ.

ІОАННЪ.

Ужъ я не государь—

Пусть обратится къ новому владыкѣ!

НАГОЙ.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

ІОАННЪ.

Пусть войдетъ!

Нагой впускаетъ гонца.

ГОНЕЦЪ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

ІОАННЪ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

ГОНЕЦЪ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлись подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огонь—и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Къ утру

Великій приступъ приказалъ король,
Мы-жь въ колоколь ударили осадный,
Соборомъ всёмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всёхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ, съ башенъ
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящій ленъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межь нихъ явился, самъ повель дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню
Свинарскую обсыпали литовцы—
Какъ муравьи полѣзли—на зубцахъ
Схватились съ нами—новыя ватаги
За ними лѣзли—долго мы держались—
Но наконецъ...

ІОАННЪ.

Пу?

ГОНЕЦЪ.

Наконецъ они
Сломали насъ и овладѣли башней!

ІОАННЪ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
Клятвопреступники! Хриstopродавцы!
Что дѣлалъ Шуйскій?

ГОНЕЦЪ.

Князь Иванъ Петровичъ,

Увидя башню полною враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня

Взлетѣла вверхъ—и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

ІОАННЪ.

Насилу-то! Чтò дальше?

ГОНЕЦЪ.

Этотъ приступъ

Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

ІОАННЪ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промыслъ Божій... Ну, король?!
Не мнилъ ли ты ужъ совладать со мною,
Со мною, Божьей милостью владыкой,
Ты—милостию панскою король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой расшибешь!.. А сколько
Литовцевъ полегло?

ГОНЕЦЪ.

Примѣрнымъ счетомъ,

Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

ІОАННЪ.

Чтò, король?!

Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ?.. А сколько ихнихъ
Съ начала обложенія убито?

ГОНЕЦЪ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать,
Да нашихъ тысячъ до семи.

ІОАННЪ.

Довольно

Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій царь...

ІОАННЪ.

Чтò? Конченъ ихъ совѣтъ?

СТОЛЬНИКЪ—подавал письмо.

Одинъ, врагами полоненный, ратникъ
Съ письмомъ отпущенъ къ милости твоей.

ІОАННЪ.

Подай сюда!

Къ Нагому.

Читай его, Григорій.

Стольникъ уходитъ.

НАГОЙ—развертываетъ и читаетъ.

«Царю всея Русіи Іоанну
«Отъ князь-Андрея, князь-Михайлы сына...»

ІОАННЪ.

Что? Что?

НАГОЙ—смотримъ въ письмо.

«Отъ князь-Михайлы сына Курб...»

ІОАННЪ.

Отъ Курбскаго! А! На мое посланье
Отвѣтъ его мнѣ милость посылаетъ!

Къ гонцу.

Ступай!

Къ Нагому.

Прочти!

НАГОЙ.

Но, государь...

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ—читаетъ.

«Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
«Тебѣ слуги, теперь короны польской
«Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
«Поклонъ! Внимай моимъ словамъ!..»

ІОАННЪ.

Ну? Что же?

НАГОЙ.

Не смѣю, государь!

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ—продолжаетъ читать.

«Нелѣпный

«И широковыщательный твой листъ
«Я вразумилъ. Превыше Божьихъ звѣздъ
«Гордынею своею возносяся
«И самъ же фарисейски унижаясь,
«Въ измѣнахъ ты небытныхъ насъ винишь.
«Твои слова, о, царь, достойны... смѣху!..
«Твои упреки...»

ІОАННЪ.

Ну? «Твои упреки»?..

НАГОЙ.

«Твои упреки—басни пьяныхъ бабъ!
«Стыдился-бъ ты такъ грубо и нескладно.
«Писать въ чужую землю, гдѣ не мало
«Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
«Непрощенную-жъ исповѣдь твою
«Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
«Я не пресвитеръ, но въ чину военномъ
«Служу я государю моему,
«Пресвѣтлomu, вельможному Стефану,
«Великому земли литовской князю
«И польскаго шляхетства королю.
«Благословеньемъ Божиимъ мы взяли
«Ужь у тебя Велижь, Усвятъ и Полоцкъ,
«А скоро взять надѣмся и Псковъ.
«Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
«Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
«Которые тебѣ своею грудью
«Твердыни брали, и тебѣ Казань
«И Астрахань подъ ноги покорили?
«Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ,
«Твои войска, безъ добрыхъ воеводъ
«Подобныя безпастырному стаду,
«Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ ли, о, царь,
«Что всѣ твои шуты и скоморохи
«Не замѣнять замученныхъ вождей?
«Ты понялъ ли, что въ машкерахъ плясанье
«И афродитскія твои дѣла
«Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?»

«Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь!
«Свое ты войско бросилъ...»

ІОАННЪ.

Продолжай!

НАГОЙ.

«Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
«И дома заперся, какъ хороняка...
«Тебя, должно-быть, злая мучить совѣсть
«И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
«Войди-жь въ себя! А чтобъ...»

ІОАННЪ.

Ну, что же? Дальше!

«А чтобъ?..» Читай!

НАГОЙ.

«А чтобъ свою ты дурость
«Уразумѣлъ и духомъ бы смирился,
«Двѣ *эпистоли* тебѣ я шлю
«Отъ Цицерона, римскаго витіи,
«Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку.
«Прочти ихъ на досугъ, и да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье
«Тебѣ...»

ІОАННЪ.

Кончай!

НАГОЙ.

О, государы!

ІОАННЪ.

«Да будетъ

«Сіе мое смиренное посланье...»

НАГОЙ.

«Тебѣ лозой полезно! Аминь!»

При послѣднихъ словахъ Нагого Іоаннъ вырываетъ у него письмо, смотритъ на него и начинаеть мять бумагу. Его дергаютъ судороги.

ІОАННЪ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песъ изъ-за ограды!

Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчно наследовать блаженство!
Но не угодно-ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То высказать, что ты писать изволишь?

Озирается.

И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили! Ни брата—
Ни свояка—ни зятя—ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ—
И молча долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасъ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь! Къ тебѣ бояре
Пришли изъ думы всѣмъ соборомъ!

ІОАННЪ.

А!

Добро пожаловать! Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его, какъ ветошь старую, закинуть!
Ужъ веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному крыльцу
Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа-ради,
Кафтанишко оставляютъ они мнѣ!
Посмотримъ же, кому пришлось мѣсто
Мнѣ уступать! Просить сюда бояръ!

Стольникъ выходитъ.

Воистину! Что имъ за государь я?
Подъ этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужъ я ихъ отучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишеть Курбскій? Войско-де я бросилъ?
И сталь смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ ли?
Посмотримъ же, кто ихъ премудрый царь,
Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать?

Входятъ бояре.

Бью вамъ челомъ, бояре!

Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили и, конечно, мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ, и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть-можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте—я жду!

годуновъ.

Великій царь!

Твоей священной покоряясь волѣ,
Мы совѣщались. Нашъ единодушный,
Ничѣмъ неотмѣнимый приговоръ
Мы накрѣпко постановили. Слушай!
Опричь тебя, надъ нами господиномъ
Никто не будетъ! Ты владыкой нашимъ
Доселѣ былъ—ты долженъ государить
И впредь. На этомъ головы мы наши
Тебѣ несемъ—казни насъ или милуй.

Становится на колѣни, и всѣ бояре за нимъ.

ІОАННЪ—послѣ долгаго молчанія.

Такъ вы меня принудить положили?
Какъ плѣнника связавъ меня, хотите
Неволей на престолѣ удержать?

БОЯРЕ.

Царь-государь! Ты намъ дарованъ Богомъ!
Иного мы владыки не хотимъ,
Опричь тебя! Казни насъ или милуй!

ІОАННЪ.

Должно-быть, вамъ мои пришлись бармы
Не по плечу! Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить!
Оно-де такъ сподручнѣй!

— 32 —
шуйскій.

Государь,
Не оставляй насъ! Смилуйся надъ нами!

ІОАННЪ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ—я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постыльшій
Вѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будетъ
По-вашему! Я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ!

Надѣваетъ Мономахову шапку.

БОЯРЕ—вставая.

Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Василичъ!

ІОАННЪ.

Подать мнѣ бармы!

Надѣваетъ царское облаченіе.

Подойди, Борисъ!

Ты смѣло говорилъ. Въ закладъ поставилъ
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца!

Цѣлуетъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ.

Второй ужъ разъ я, вопреки хотѣнью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престолѣ. Горе-жъ нынѣ
Тому изъ васъ, кто надо мной что-либо
Задумаетъ, иль поведетъ хлѣбъ-соль
Съ опальникомъ, или какое дѣло
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмѣетъ пересуживать, забывъ,
Что нѣсть судьи дѣламъ моимъ, бо нѣсть
Верховной власти, аще не отъ Бога.

Озирается.

Я Сицкаго не вижу между вами?

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайся, великій государь!
Прости безумнаго!

ІОАННЪ.

Что сдѣлалъ Сипцкій?

ГОДУНОВЪ.

Онъ не хотѣлъ идти тебя просить.

ІОАННЪ.

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!
Вишь, что онъ выдумалъ! Когда вся дума,
Соборомъ всѣмъ просить меня рѣшила—
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значить, заодно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перекопскимъ?
И съ Курбскимъ?—Голову съ него долой!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь тебѣ сегодня,
Для радостнаго дня, замолвить слово
За Сипцаго!

ІОАННЪ.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шуринъ. Если ты хотѣлъ
Измѣнниковъ щадить—ты долженъ былъ
Самъ сѣсть на царство—случай былъ сегодня!

Къ боярамъ.

Дать знать послу сестры Елизаветы,
Что завтра я глазъ-на-глазъ назначаю
Ему приѣмъ. Теперь идемъ въ соборъ
Передъ Всевышнимъ преклонить колѣна!

Уходить съ боярами.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворцѣ Іоанна.

ЗАХАРЬИНЪ и Годуновъ.

ГОДУНОВЪ.

Ужъ битый часъ онъ съ англійскимъ посломъ
Сидитъ одинъ. Приказъ онъ отдалъ строіи,
Чтобъ не впускали никого.

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ!

Ужъ не ошиблись ли съ тобою мы?
Не кроткимъ онъ владыкой свой престолъ
Пріялъ опять.

ГОДУНОВЪ.

Что было дѣлать намъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ! Борисъ! Когда-бъ не вышло хуже,
Чѣмъ было прежде! Вѣдомо-ль тебѣ,
О чемъ они толкуютъ?

ГОДУНОВЪ.

Да, отецъ мой,

Хотя-бъ и радъ я былъ того не вѣдать:
Съ царицею царь хочетъ развестися
И сватаетъ себѣ черезъ посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй Богъ!

Осьмого брака хочетъ онъ? Я вѣдалъ,

Что прежде преступленья своего
Онъ помышлялъ объ этомъ, но теперь—
Теперь, когда едва лишь отказался
Отъ схимы онъ, теперь—не можетъ быть!
Ты точно-ль знаешь?

ГОДУНОВЪ.

Онъ мнѣ самъ сегодня

То объявилъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

А ты что отвѣчалъ?

Сказалъ ли ты ему, что грѣхъ великій
Онъ затѣваетъ? Что въ его лѣта,
При горестныхъ невзгодахъ государства,
Не о женитьбѣ думать, но о томъ,
Какъ землю поддержать!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Нѣтъ? Не сказалъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ—не время.

Онъ не забылъ, что свой вѣнецъ вчера
Хотѣлъ сложить. Отъ мысли, что онъ власти
Лишиться могъ, она ему теперь
Еще дороже стала, словно онъ
Какой ущербъ вознаградить въ ней ищетъ.
Все, что съ тобой для блага государства
Черезъ него мы учинить хотѣли-бъ,
Теперь скрывать должны мы отъ него
И нашу мысль въ немъ зарождасть незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью онъ,
Но собственной считалъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Ты правъ, Борисъ;

Его всегда ты сердце лучше вѣдалъ.
Чини-жъ какъ знаешь, но, во что-бъ ни стало,
Ты удержи его.

ГОДУНОВЪ.

И днемъ и ночью
Лишь объ одномъ, отецъ, я помышляю:
И какъ, и чѣмъ удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно—
Нѣтъ приступу къ нему!

ЗАХАРЬИНЪ.

Тогда, Борисъ,
Ошиблись мы! Къ бѣдѣ насъ приведетъ
Его гордыня, если ты ее
Направить не сумѣешь.

ГОДУНОВЪ.

Дай совѣтъ мнѣ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не мнѣ тебѣ совѣтовать, Борисъ.
Тебя Господь искусствомъ одарилъ
И мудрости уклончивой сподобилъ,
Не даромъ ты снискалъ любовь цареву,
А отъ грѣховъ и темныхъ дѣлъ его
Остался чистъ. Храни-жь свое умѣнье
И дѣлай самъ. Лишь одного страшись:
Не забывай, что не себѣ ты служишь,
Но всей землѣ; что умъ отъ честолюбы
Недалеко; и что порой опасенъ
Окольный путь бываетъ для души!

ГОДУНОВЪ.

Какъ радъ бы я, отецъ мой, безъ уклона
Всегда впередъ идти прямымъ путемъ!
Но можно-ль мнѣ? Ты знаешь государя,
Ты знаешь самъ противниковъ моихъ,
И какъ они высматриваютъ случай,
Чтобъ устранить, иль извести меня.
Что дѣлать мнѣ? Я долженъ неусыпно
За кознями враговъ моихъ слѣдить
И хитрости противопоставить хитрость,
Иль отказаться долженъ навсегда
Служить землѣ.

TR

ЗАХАРЬИНЪ.

Избави Богъ тебя!

Ты Богу дашь о ней отвѣтъ! Борисъ—
Судьба Руси въ твоихъ рукахъ!

ГОДУНОВЪ.

О, если-бъ

Она была въ моихъ рукахъ! Я зналъ бы,
Что дѣлать мнѣ! Пусть только-бъ царь Иванъ
Хоть мѣсяцъ далъ мнѣ править государствомъ!
Ему-бъ въ одинъ я мѣсяцъ доказалъ,
Какія силы Русская земля
Въ себѣ таитъ! Я-бъ доказалъ ему,
Что можетъ власть, когда на благодати,
А не на казняхъ зиждется она:
Но тяжело, отецъ мой, все то видѣть—
И лишь молчать безсильно.

Стольникъ отворяетъ дверь.

СТОЛЬНИКЪ.

Царь идетъ!

ІОАННЪ—входитъ съ грамотами въ рукахъ.

Намъ пишетъ Шуйскій: въ королевскомъ станѣ
Отъ голода открылись морь и бунтъ;
Король же ихъ опомнися, должно-быть,
И изъ Варшавы шлетъ ко мнѣ посла.

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Богъ здоровья воеводѣ, князь-
Иванъ Петровичу!

ІОАННЪ.

Сидѣльцы-жъ наши

Вновь цѣловали крестъ чинить по Богѣ:
Всѣмъ лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
Сосѣдъ Степанъ ужъ потерялъ охоту
Братъ города, и если съ новымъ войскомъ
Пожалуетъ онъ къ намъ, въ голодный край,
Мы шапками ихъ закидаемъ.

Къ Захарьину.

Ты

Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира просить у меня король!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь, а если не о мирѣ
Онъ шлетъ посла?

ІОАННЪ.

Сдается мнѣ, что насъ
Учить твоя изволить милосты! Видно,
Ошибкой намъ, а не тебѣ, бояре
Вѣнецъ нашъ поднесли! Ступай, старикъ,
И объяви на площади народу,
Что мира просить у меня король!

Захарьинъ уходитъ.

ІОАННЪ—къ Годунову.

Я съ аглицкимъ посломъ покончилъ дѣло;
Но больно онъ тягучъ и жиловать:
Торговья, вишь, льготы англичанамъ
Все подавай! О льготахъ говорить
Мнѣ съ нимъ не время. Пригласи его
Къ себѣ, къ обѣду, потолкуй съ нимъ дѣльно,
И что онъ скажетъ, то мнѣ донеси.

ГОДУНОВЪ.

Великій царь! Ты мнѣ сказалъ вчера,
Что дерзкую охотно слышишь рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца.
Дозволь мнѣ нынѣ снова предъ тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанинъ
Подумаеть, что слишкомъ дорожишь ты
Союзомъ съ королевой, и тогда
Еще упрямѣй сдѣлается онъ.
Не лучше-ль было-бъ дать ему отъѣхать,
Не кончивъ дѣла? Если-жъ королева,
Сверхъ чаянья, на льготахъ настоить—
Ты къ ней всегда посла отправить можешь
Съ согласіемъ твоимъ.

ІОАННЪ.

Иною рѣчью:

Не по-сердцу боярину Борису,
Чтобъ царь Иванъ съ великой королевой
Вступилъ въ родство? Такъ, что ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

ГОДУНОВЪ.

Государы!

Напрасно я съ тобой хотѣлъ лукавить:
 Не отъ тебя сумѣеть кто сокрыть,
 Что мыслить онъ. Такъ, государы! Виновенъ
 Я предъ тобой. Вели меня казнить —
 Но выслушай: не мнѣ, великій царь,
 А всей Руси не по-сердцу придется
 Твой новый бракъ. Вся Русь царицу любитъ
 За благочестіе ея, а паче
 За то, что мать Димитрія она,
 Наслѣдника второго твоего,
 Который быть царемъ однажды долженъ.
 Какъ за тебя, такъ за твою царицу
 Народъ вседневно молится въ церквахъ.
 Что скажетъ онъ? Что скажетъ духовенство,
 Когда ты мать Димитрія отринешь
 И новый бракъ примешь съ иновѣркой—
 Осьмой твой бракъ, великій государы!
 Не скажутъ ли, что всѣ невзгоды наши
 (И, можетъ-быть, ихъ много впереди)
 Накликалъ ты на землю? Государы,
 Казни меня—но я у ногъ твоихъ

становится на колѣни

Тебя молю: тобою лишь однимъ
 Русь держится—не захоти теперь
 Поколебать ея къ тебѣ довѣрье!
 Не отвращай напрасно отъ себя
 Любви народа!

ІОАННЪ.

Кончилъ? Ободренье

Мое пошло тебѣ, я вижу, въ прокъ,
 И дерзокъ ты воистину не мало!
 Мою ты видя милость надъ собой,
 Конечно, мнишь, что я для руководства
 Тебя держу? Что ты ко мнѣ приставленъ
 Отъ земства, что-ль, хулить иль одобрять
 Мои дѣла? и можешь гнуть меня,
 Какъ вѣтеръ трость? Достойно смѣху, право,
 Какъ всѣмъ бы вамъ со мной играть хотѣлось
 Въ попы Сильвестры! На твоихъ губахъ
 И молоко въ ту пору не обсохло,

Какъ я попу Сильвестру съ Алексѣемъ
Ужь показаль, что я не отрокъ имъ!
По моему съ тѣхъ поръ уразумѣнью,
Какъ прибыльнѣй для царства моего,
Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
Что скажетъ тотъ иль этотъ обо мнѣ!
Не на день я, не на годъ устрою
Престоль Руси, но въ долготу вѣковъ;
И что вдали провижу я, того
Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершинь исправно волю;
А въ томъ и вся твоя заслуга. Встань—
На этотъ разъ тебя прощаю—впредь же
Въ совѣтки не суйся мнѣ! Посла
Ты пригласишь и принесешь мнѣ завтра
Его послѣдній уговоръ.

Уходить въ другую дверь.

ГОДУНОВЪ—ОДИНЪ.

Онъ правъ!

Я только рабъ его! Предвидѣть это
Я долженъ былъ! Иль я его не зналъ?
Я поступилъ какъ женщина, какъ мальчикъ!
Я какъ безумный поступилъ!

Вотъ онъ,

Тотъ путь прямой, которымъ мнѣ Захарьинъ
Идти велить! На первомъ онъ шагу
Мнѣ властю царевой, какъ стѣною,
Пересѣченъ! Для блага всей земли
Царицу защищая, я съ ней вмѣстѣ
Спасалъ Нагихъ, моихъ враговъ исконныхъ,
Которые теперь же, въ этотъ часъ,
Ведутъ совѣтъ, какъ погубить меня—
Я былъ готовъ ихъ пощадить сегодня,
Лишь только-бъ царь Руси не потрясалъ—
И вотъ исходъ! Легко тебѣ, Никита
Романовичъ, идти прямымъ путемъ!
Передъ собой ты не поставилъ дѣли!
Спокойно ты и съ грустью тихо смотришь
На этотъ мѣръ! Какъ солнце въ зимній день
Землѣ сияя, но не грѣя землю,
Идешь ты чистъ къ закату своему!

Моя-жъ душа борьбы и дѣла просить!
Я не могу мириться такъ легко!
Раздоры, казни, самовластье видѣть—
И въ доблести моей, какъ въ свѣтлой ризѣ,
Утѣшенъ быть, что самъ я чистъ и бѣлъ!

Уходить.

Домъ Шуйскаго.

Шуйскій, Мстиславскій, Михайло Нагой и Григорій Нагой
сидятъ у стола за кубками.

ШУЙСКІЙ—наливая имъ вина.

Прошу васъ, пейте, гости дорогие!
Во здравіе Бориса Годунова!
Вѣдь онъ то въ думѣ дѣло порѣшилъ!

Гости пьютъ неохотно; Мстиславскій не пьетъ вовсе.

Что-жъ, князь Иванъ Ѳеодорычъ? иль, можетъ,
Не нравится тебѣ мое вино?
Не выпить ли другого намъ, покрѣпче?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мнѣ не нравится.

ШУЙСКІЙ.

Что такъ?

Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вотъ и вы поморщились, бояре:
Иль онъ вамъ нелюбъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Выскачка! Татаринъ!
Вишь, ближнимъ сталъ бояриномъ теперь!

БѢЛЬСКІЙ.

А мы, должно-быть, дальніе бояре!

М. НАГОЙ.

Всѣмъ сядетъ скоро на голову намъ!

Г. НАГОЙ.

Нѣтъ, онъ не сядетъ—онъ уже сидитъ!

ШУЙСКІЙ.

Помилуйте, бояре, Годуновъ-то?
Его насильно ставятъ выше насъ,
А онъ и самъ не радъ! Онъ намъ всегда
И честь какъ должно воздаеть, и въ думѣ
Готовъ молчать иль соглашаться съ нами!

М. НАГОЙ.

Да, къ этому вьюну не придерешься!
Поддакиваетъ, кланяется, бѣсъ,
А все-таки поставитъ на своемъ!

ШУЙСКІЙ.

Ну, этотъ разъ ему за то спасибо!

БѢЛЬСКІЙ.

Да этотъ разъ не первый, не послѣдній.
Покойный Сицкій правду говорилъ:
Онъ всѣхъ насъ сломитъ!

М. НАГОЙ.

Да—коль мы его

Не сломимъ прежде!

Г. НАГОЙ.

Какъ его сломить?

БѢЛЬСКІЙ.

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да намъ-то не повѣрятъ. Онъ же насъ,
Какъ Сицаго, однимъ словечкомъ срѣжетъ!

М. НАГОЙ.

Нѣтъ—такъ нельзя; а можно бы иначе—
Да, вишь, князь Шуйскій за него стоитъ!

ШУЙСКІЙ.

Я? За него? Да что-жъ онъ мнѣ, бояре?
Онъ мнѣ ни кумъ, ни шуринъ, ни своякъ!
Я лишь сказалъ, что онъ хлопотъ не стѣбитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Нѣ слѣпъ же ты!

шуйскій.

Нѣтъ, я не слѣпъ, бояре!

Когда-бъ дошло до дѣла, вы бы сами
Раздумали!

вѣльскій.

Нѣтъ, этого не бойся!

мстиславскій.

Ужъ другъ за друга мы бы постояли!

г. нагой.

Готовы крестъ на этомъ цѣловать!

шуйскій.

Экъ вамъ охота даромъ въ петлю лѣзть!

вѣльскій.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слѣпъ какъ кротъ, и перваго тебя
Татаринъ этотъ выживетъ какъ-разъ!

шуйскій.

Ты думаешь?

вѣльскій.

Да ужъ навѣрно такъ!

шуйскій.

Ну, коли такъ—тогда другое дѣло!

вѣльскій.

Такъ ты согласенъ?

шуйскій.

Что-жъ мнѣ одному

Быть противъ всѣхъ! Пожалуй, я согласенъ—
Да какъ же дѣло-то начать?

м. нагой.

А вотъ какъ:

Теперь у насъ вездѣ, по всей Руси,
Повѣтріе и хлѣбный недородъ.
Ужъ были смуты: за Москвой-рѣкой
Два бунта вспыхнуло. Въ такую пору
Народъ озлобленъ; радъ, не разбирая,

Накинуться на перваго любого.
Отъ насъ зависить время уллучить
И натравить ихъ въ пору на Бориса!

г. нагой.

Оно-бъ недурно! Пусть бы насъ народъ
Избавиль отъ него—мы въ сторонѣ!

мстиславскій.

Да, въ сторонѣ! А какъ поднять народъ?
Вѣдь не самимъ же намъ идти на площадь!

м. нагой.

Вѣстимо, нуженъ вѣрный человекъ!

вѣльскій.

Или такой, котораго бы мы
Въ рукахъ держали непрестаннымъ страхомъ!

мстиславскій.

А гдѣ его достать?

шуйскій—отворяя дверь въ другой покой.

Войди, Данилычъ!

Входитъ Битяговскій.

Вотъ онъ, бояре, кто теперь намъ нуженъ!
Я съ нимъ ужъ говорилъ—онъ радъ служить.

Общее удивленіе.

вѣльскій.

Такъ ты... Ну, князь, признаться, удивиль!

г. нагой.

Перехитрилъ насъ! Нечего сказать!

мстиславскій.

А пиль еще здоровье Годунова!

Шуйскій смѣется.

м. нагой—указывая на Битяговскаго.

Такъ онъ беретса сладить это дѣло?
Но кто же онъ? Его намъ надо знать!

шуйскій.

Онъ изъ дворянъ: Михайло Битяговскій.
Прошу любить и жаловать его;
Онъ насъ не выдастъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Князь, конечно, ты
Намъ доказалъ, что ты хитрить умѣешь;
Мы положиться можемъ на тебя:
Но все-жъ дозвожь, въ такомъ опасномъ дѣлѣ,
Тебѣ не въ гнѣвъ, ему не въ осужденье,
Спросить тебя: чѣмъ отвѣчаешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Бояре, дѣло просто: въ зернь да въ карты
Имѣнье онъ до нитки проигралъ;
Въ долгахъ сидитъ по шею; правезомъ
Ему грозятъ; исхода два ему:
Послужить намъ—долги его заплатимъ;
Обманетъ насъ—поставимъ на правезъ.
Данилычъ! Такъ ли? Ясень уговоръ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, ясень.

ШУЙСКІЙ.

Если-жъ ты уладишь дѣло,
Мы наградимъ тебя.

БИТЯГОВСКІЙ.

Само собой.

ШУЙСКІЙ.

Я говорилъ тебѣ не въ укоризну,
А чтобъ бояре лучше вѣру взяли.
Теперь садись.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу и постоять.

ШУЙСКІЙ.

На, выпей чару!

БИТЯГОВСКІЙ.

Чару выпить можно.

Пьетъ, кланяется и ставитъ чару на столъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ вправду ты сумѣешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Сумбю.

М. НАГОЙ.

Съ кого-жь начать ты хочешь?

БИТЯГОВСКІЙ.

Съ черныхъ сотенъ.

Г. НАГОЙ.

Про что-жь ты будешь говорить?

БИТЯГОВСКІЙ.

Про голодь.

БЪЛЬСКІЙ.

Что скажешь ты?

БИТЯГОВСКІЙ.

Что въ голову придетъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

А за успѣхъ стоишь ты намъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Стою.

М. НАГОЙ.

Народъ не въ шутку долженъ возмутиться.

Сначала подготовь его искусно:

Борись, моль, вотъ кто цѣны вамъ набилъ!

Онъ, моль, царемъ какъ хочетъ, такъ и водить;

Все зло, моль, отъ него! Онъ зять Малюты!

Онъ и царя на казни подбивалъ!

Потомъ, въ удобный день, на праздникъ, что ли,

Когда пойдетъ онъ въ церковь, иль изъ церкви,

Ты ихъ и подожги! Да не мѣшало-бъ

Тебѣ товарища найти.

БИТЯГОВСКІЙ.

Не нужно.

БЪЛЬСКІЙ.

Тутъ надобны не крики и не шумъ,

А чтобъ они, увидя Годунова,

Такъ на него-бъ и кинулись, и разомъ

На ключья-бъ разорвали!

БИТЯГОВСКІЙ:

Разорвуть.

ШУЙСКІЙ.

Ужь положитесь на него, бояре!
Онъ неохочь до словъ, но онъ на дѣлѣ
Собаку съѣлъ,—ему вѣдь не впервой.
А вы межъ тѣмъ извѣдайте бояръ:
Чѣмъ больше будетъ съ нами, тѣмъ мы легче
И подведемъ его!

БѢЛЬСКІЙ.

На всякъ случай

Я кой-кого еще пушу въ народъ.
Есть на примѣтѣ у меня одинъ:
Рязанскій дворянинъ, Прокофій Кикинъ.

ШУЙСКІЙ.

Коль за него ты можешь отвѣчать,
Пошли его, пожалуй, отъ себя;
Пусть съ двухъ концовъ они волнуютъ городъ:
Не одному удастся, такъ другому.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Твоими бы устами, князь Василій
Иванычъ, медь пить!

М. НАГОЙ.

Ну, теперь недурно
Идутъ дѣла! Благослови, Господь!

Входитъ слуга.

СЛУГА.

Бояринъ Годуновъ!

ШУЙСКІЙ—про себя.

Ахъ, бѣсъ проклятый!

Входитъ Годуновъ. Гости встаютъ въ замѣшательствѣ.

ШУЙСКІЙ—идеть навстрѣчу Годунову съ
распростертыми объятіями.

Борисъ Ѳеодорычъ! Вотъ гость любезный!
Челомъ тебѣ на ласкѣ бю твоей!

Обнимаются.

Садись, бояринъ! Здѣсь, подъ образами!
Уважь домишко мой! Да чѣмъ же мнѣ

Попотчевать тебя! Вотъ романя!
Вотъ ренское! Вотъ аликантъ! Вотъ бастръ!

ГОДУНОВЪ—кланяется.

Благодарю, бояринъ, князь Василій
Ивановичъ! Не помѣшалъ ли я?
Быть-можетъ, ты съ гостями дорогими
Быль дѣломъ занять?

ШУЙСКІЙ.

Дѣломъ? Нѣтъ, бояринъ!

Мы такъ себѣ балякали. Садись.
Прошу покорно! Да уважь, бояринъ,
Хоть чарочкой.

ГОДУНОВЪ—пѣть.

Во здравіе твое!

МСТИСЛАВСКІЙ—подходить къ Шуйскому.

Хозяинъ ласковый, пора домой мнѣ;
Прости.

БѢЛЬСКІЙ.

И мнѣ пора домой, прости!

ОБА НАГІЕ.

Пора и намъ! Прости же, князь Василій
Ивановичъ.

ШУЙСКІЙ.

Что-жь, гости дорогие?

Зачѣмъ такъ рано?

М. НАГОЙ.

Дома дѣло есть.

ШУЙСКІЙ.

Простите же, бояре! Много васъ
За честь благодарю!

Провожаетъ гостей и возвращается къ Годунову.

Ну, слава Богу!

Ушли! Спасибо же тебѣ, бояринъ,
Что навѣстилъ! Ты не повѣришь,
Какъ на тебя отрадно мнѣ глядѣть!
Вѣдь мы съ тобой издавна заодно!
Что ты—то я!

ГОДУНОВЪ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! А я вотъ за совѣтомъ
къ тебѣ пришелъ.

ШУЙСКІЙ.

Приказывай, бояринъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты знаешь, князь, меня не любятъ въ думѣ:
Я—новый человекъ.

ШУЙСКІЙ.

Такъ что же въ томъ?

Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у насъ! Вотъ хоть бы этотъ
Мстиславскій, или Бѣльскій—кто ихъ знаетъ!
Завидно имъ, что любятъ царя тебя!

ГОДУНОВЪ.

Царь жалуетъ меня не по заслугамъ;
Я скользкою тропкою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчутъ;
А до бѣды у насъ недолго, князь!

ШУЙСКІЙ.

А я на что-жь? Я за тебя готовъ
Въ огонь и въ воду. Ты мнѣ тотъ же братъ!

Входитъ слуга.

СЛУГА—къ Шуйскому.

Князь, царь прислалъ за милостью твоей.

ШУЙСКІЙ—встаетъ.

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, бояринъ—
Царь ждать не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Не чинися, князь.

Шуйскій поспѣшно уходитъ. Годуновъ остается
съ Битяговскимъ и пристально смотритъ на
него; Битяговскій смущается и отворачивается.

ГОДУНОВЪ.

Ты—дворянинъ Михайло Битяговскій?

Сочиненія А. К. Толстого. Т II.

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, дворянинъ.

Хочеть уйти.

ГОДУНОВЪ.

Ни съ мѣста! Стой и слушай!

Ты разорился въ карты. На правезь.
Тебя хотять поставить—дѣло плохо—
Но можетъ выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писалъ въ литовскій станъ
И предлагалъ Замоискому услуги.

БИТЯГОВСКІЙ.

Нѣтъ, это ложь! Меня оклеветали!

ГОДУНОВЪ.

Я грамоту твою перехватилъ—
И вотъ она отъ слова и до слова!

Вынимаетъ изъ кармана грамоту. Битяговскій
нагибается и суетъ руку за голенище.

Ты лѣзешь за ножомъ? Не безпокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только списокъ. Слушай, другъ:
Съ тобой вчера князь Шуйскій сторговался,
Чтобъ на меня поднять народъ. Сегодня
Съ двумя Нагими, съ Бѣльскимъ и Мстиславскимъ
Объ этомъ вмѣстѣ толковали вы.
Мнѣ стоить захотѣть—и черезъ часъ
Твое клевать вороны будутъ мясо!

БИТЯГОВСКІЙ.

Бояринъ... я... я не хотѣлъ...

ГОДУНОВЪ.

Молчи!

Теперь ты долженъ притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадямъ, по рынкамъ, по базарамъ,
Но распускай молву, что Шуйскій съ Бѣльскимъ,
Хотять царя отравой извести;
Что погубить и Ѳедора рѣшили,
И Дмитрія царевичей; что если-бъ
Не Годуновъ—они бы царскій корень
Ужъ извели; что Годуновъ одинъ

Блюдетъ царя и охраняетъ царство.
Ты поняль?

БИТЯГОВСКІЙ.

Поняль.

ГОДУНОВЪ.

Приходи сегодня

Ко мнѣ въ мой домъ, по заднему крыльцу,
Когда стемнѣетъ. Тамъ тебя дворецкій
Проводитъ дальше. Каждый вечеръ ты
Ко мнѣ являться будешь. Все, что Шуйскій,
Иль Бѣльскій, иль другой тебѣ прикажутъ,
Ты будешь мнѣ передавать. И помни:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, я за тобой слѣжу—
Не захоти и думать о побѣгѣ.

Различье-жъ, знай, межъ мной и Шуйскимъ то,
Что правезомъ тебя стращаетъ Шуйскій,
А я тебѣ грожу такую казнью,
Какой бы не придумалъ и Малюта
Скуратовъ-Бѣльскій, мой покойный тесть!

Уходитъ. Битяговскій остается въ оцѣпенѣннцѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Поком царицы Маріи Ѳедоровны.

ЦАРИЦА И МАМКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

ЦАРИЦА.

Что-жь, мамка? Уложила ты его?
Заснулъ ли онъ, голубчикъ мой, царевичъ?

МАМКА.

Заснулъ, царица-матушка, заснулъ!
Ужь любовалась, на него я глядя;
Лежить смиренхонько, закрывши глазки
И этакъ ручки сжамши въ кулачки.
Вишь, бѣгая, мой свѣтикъ уморился;
Такой живой! Не въ старшаго онъ братца,
Не въ Ѳедора Иваныча поидеть!
Тотъ тихъ и смиренъ, словно не царевичъ,
Не то, что братецъ былъ Иванъ Иванычъ!
Тотъ, царствіе небесное ему,
На батюшку похожъ былъ. Охъ-охъ-охъ!
Подумаешь, какъ кончился-то онъ!
Ахъ, грѣхъ какой! Не вѣрится доселѣ!

ЦАРИЦА.

Не будемъ говорить про это, мамка.
Не присылалъ ли государь сказать,
Что онъ придетъ? Не присылалъ ли онъ
Кого спросить, здоровъ ли мой царевичъ?

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ.

ЦАРИЦА.

Бывало,
Онъ каждый день навѣдывался самы!

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ. А вотъ,
Когда мы давеча гулять ходили,
Къ намъ подходилъ бояринъ Годуновъ,
Бралъ на руки царевича, ласкалъ
И любовался имъ.

ЦАРИЦА.

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не долженъ. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Такъ, матушка. Бояринъ Годуновъ
Мнѣ тоже говорилъ: смотри, молю, мамка,
Блюди царевича! Ты, говорить,
За каждый волосочекъ, молю, его
Предъ Богомъ и землю отвѣчаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка, этакъ не годится
Болтать со всякимъ. Никому впередъ
Ты не давай съ ребенкомъ говорить!

МАМКА.

Такъ какъ же, матушка? А вотъ Никита
Романовичъ къ намъ подходилъ напередъ —
И съ этимъ, значить, говорить нельзя?

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, съ этимъ можно! Этому я вѣрю;
Онъ все равно мнѣ, что родной отецъ!

Входитъ сѣнная дѣвушка.

ДѢВУШКА.

Царица! Можетъ ли къ тебѣ Никита
Романовичъ взойти, Захарьинъ-Юрьевъ? —

ЦАРИЦА.

Онъ здѣсь? Проси, проси его скорѣй!

Входитъ Захарьинъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица Марья Ѳедоровна, здравствуй!
Какъ можешь?

ЦАРИЦА—идеть къ нему навстрѣчу.

Здравствуй, дядюшка Никита
Романовичъ! Тебя самъ Богъ прислалъ!
Мнѣ говорить съ тобою надо! Мамка,
Ступай себѣ къ царевичу, оставь насъ.

Мамка уходитъ.

Мнѣ надо говорить съ тобой, Никита
Романовичъ! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, сталося;
Всѣ эти дни такъ тяжело на сердцѣ,
Какъ будто чуется бѣда! Скажи,
Ты ничего не слышалъ? Что случилось?
Что царь задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Матушка-царица,
Вѣдь я пришелъ тебя предостеречь!
И самъ уже не знаю, что съ нимъ дѣлать?
Бѣда и только! словно дикій конь,
Внезапно закусившій удила,
Иль ярый туръ, все ломящій съ разбѣга,
Такъ онъ не знаетъ удержу теперь.
Подобная рѣкѣ, его гордыня
Изъ береговъ ужъ выступила вонъ
И топить все кругомъ себя!

ЦАРИЦА.

Скажи,

Что онъ задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Богъ ему судья!

ЦАРИЦА.

О чемъ-то страшномъ шепчуть во дворцѣ—
Онъ съ англійскимъ посломъ наединѣ
О чемъ-то долго толковалъ... Я знаю—
Я догадалась—онъ жениться хочетъ
На чужеземкѣ, а меня онъ бросить
Сбирается съ Димитріемъ моимъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Будь, дитятко, готова ко всему!

ЦАРИЦА.

Не даромъ сердце у меня щемило! —

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица, онъ хотѣлъ сегодня утромъ
Быть самъ къ тебѣ. Не покажи и вида,
Что я съ тобой объ этомъ говорилъ;
Я буду здѣсь. Ты-жь выслушай его
Съ покорностью и, что-бъ онъ ни сказалъ,
Не возражай ни слова—будь нѣма!
Единый звукъ, единый вздохъ, движенье
Единое твое—и ты пропала!
Дай бурѣ прошумѣть. Еще, быть-можетъ,
Смягчится онъ покорностью твоею;
А если нѣтъ—я на свою главу
Приму ударъ, скажу ему открыто,
Что онъ безсовѣстно чинить!

ЦАРИЦА.

Бояринъ,

Спаси меня! Не за себя мнѣ страшно!
Я хлопочу не о себѣ, ты знаешь!
Когда меня Иванъ Васильичъ взялъ,
Не радовалась я высокой чести;
И если бы со мной, тому три года,
Онъ развелся, я Бога бы за то
Благодарила—но теперь, бояринъ,
Я не одна! Теперь я стала маты!
И если онъ жену возьметъ другую—
Ребенокъ мой—мнѣ страшно и подумать—
Мой маленькій Димитрій—о, бояринъ!
Сама не знаю, что я говорю,
Чего боюсь, не вѣдаю—но смутно
Мнѣ чуется для Дмитрія опасности!
Усовѣсти, уговори царя!
Тебя онъ чтить! Пусть онъ съ тобою прежде
Обсудить дѣло!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дитятко-царица!

Кого онъ чтить?! Я, правда, передъ нимъ

Еще ни разу не кривилъ душою,
Но самъ не знаю, какъ я уцѣлѣлъ!
Лишь одного на свѣтѣ человѣка
Порою слушается онъ: дай Богъ
Здоровья Годунову! Онъ одинъ
Еще его удерживать умѣты!

ЦАРИЦА.

О, дядюшка! Не вѣрь ты Годунову!
Нѣтъ, онъ не тотъ! Его смиренный видъ,
Его всегда степенные приемы,
И этотъ взглядъ, ничѣмъ невозмутимый,
И этотъ голосъ, одинако ровный,
Меня страшать не даромъ! Не могу я
Смотрѣть, когда ребенка моего
Ласкаетъ онъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Что ты, царица, что ты?
Помилуй! Годуновъ-то!

Вбѣгаетъ дѣвушка—запыхавшись.

ДѢВУШКА.

Царь идетъ!

Сейчасъ здѣсь будетъ!

ЦАРИЦА—съ испугомъ.

Дядюшка! Мнѣ страшно!

Я не могу...

ЗАХАРЬИНЪ.

Оправься поскорѣй,
Чтобъ не замѣтилъ онъ чего! Отри
Скорѣй глаза!

ЦАРИЦА.

Охъ, сердце замираетъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Уйди-жь на мигъ! Принарядись, а я
Приму его!

Царица уходитъ. Иоаннъ входитъ въ сопровожденіи Годунова.

ІОАННЪ—къ Захарьину.

Что дѣлаешь ты здѣсь?

ЗАХАРЬИНЪ.

Царицы дожидаясь, государь.

ІОАННЪ.

Какое дѣло у тебя съ царицей?

ЗАХАРЬИНЪ.

Навѣдаться зашелъ къ ней.

ІОАННЪ.

Гдѣ-жъ она?

У

ЗАХАРЬИНЪ.

Услыша голосъ твой, она пошла
Для милости твоей приварядиться.

ІОАННЪ.

Могла и такъ остаться. Отъ нарядовъ
Пригожѣе не будетъ!

Къ Годунову—садись.

Продолжай!

Ты говоришь, что видѣлся съ послами?

ГОДУНОВЪ.

Съ обоими, великій государь.

ІОАННЪ.

Ну, что-жъ?

ГОДУНОВЪ.

Посоль Елизаветинъ, Баусъ,

Стоитъ на томъ, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,
Согласна королева; но о томъ-де
Онъ подписать не властенъ уговора,
Пока съ царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавилъ,
Чтобъ на Руси ты запретилъ торговлю
Всѣмъ иноземцамъ всякихъ государствъ
Опречь однихъ лишь англійскихъ гостей.
На этомъ, говорить онъ, королева
Намъ обѣщаетъ дружбу и союзъ
И цесаря нѣмецкаго упросить,
Чтобы на Польшу двинулъ онъ полки.

ІОАННЪ.

Благодарю сестру Елизавету,
Что нашей дружбой и худымъ родствомъ
Не брезгаетъ она! Но обойтись
Безъ милостей ея теперь мы можемъ,
И цесаря не просимъ намъ помочь.
Уже мы сами скоро за рубежъ
Переведемъ полки. А что узналъ ты
Отъ польскаго посла? Какія земли
Сосѣдъ Степанъ за миръ намъ обѣщаетъ?

ГОДУНОВЪ.

Мы за виномъ, великій государь,
Сидѣли съ нимъ до самаго разсвѣта.
Гарабурда, хоть не природный ляхъ,
А пить здоровъ и говорить охотникъ;
Но вывѣдать я у него не могъ,
Съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Одному тебѣ
Открыться хочетъ онъ.

ІОАННЪ.

Заранѣ, видно,

Хвалиться нечѣмъ!

ГОДУНОВЪ.

Утромъ прискакалъ
Къ нему гонецъ отъ короля. Напрасно
Въ глазахъ посла старался угадать я
Письма значенье. На лицѣ его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонецъ, какъ выпилъ чару,
Такъ и упалъ на землю и заснулъ.

ІОАННЪ.

Я чай, не спалъ во всю дорогу! Видно,
Крутенъко имъ пришлось и невтерпѣжъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда бы только...

ІОАННЪ.

Что-о?

ГОДУНОВЪ.

Какъ бы онъ
Для насъ недоброй вѣсти не привезъ!

ІОАННЪ.

Недобрыхъ я вѣстей не получаль;
Чего-жь не знаю я—того и нѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Будь остороженъ, государь!

ІОАННЪ.

Бориско!

Ужь не опять ли ты совѣты мнѣ
Давать изволишь? Струсилъ, говорю я,
Сосѣдъ Степанъ и новыя уступки
Прислалъ въ наказъ Гарѣбурдѣ! Гей! Марья!

Стучить о полъ посохомъ.

Ты долго-ль тамъ укучиваться будешь?

Входитъ царица въ большомъ нарядѣ и, по-
клонившись Іоанну, останавливается передъ
нимъ молча.

ІОАННЪ—смотреть на нее пристально.

Зачѣмъ твои заплаканы глаза?

Царица молчить, потупя взоръ.

Ты слышишь ли? Чтò сталося съ тобою?

ЦАРИЦА.

Мой господинъ, прости меня... я...

ІОАННЪ.

Ну?

ЦАРИЦА.

Я видѣла недобрый сонъ.

ІОАННЪ.

Какой?

ЦАРИЦА.

Мнѣ снилось, государь... мнѣ снилось, что...
Я разлучаюся съ тобой!

ІОАННЪ.

Сонъ въ руку,

Ты негодна мнѣ. Я объявить

Тебѣ пришелъ, что ты отнынѣ болѣ
Мнѣ не жена.

ЦАРИЦА.

Такъ это правда? Правда?
Меня съ Димитріемъ ты бросить хочешь?
Съ Димитріемъ моимъ? Ты хочешь...

ІОАННЪ.

Тяше!
Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю.

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, господинъ мой!—я не плачу—нѣтъ—
Ты видишь, я не плачу—но скажи,
Какъ развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителямъ? Какую
На мнѣ вину найдешь ты?

ІОАННЪ.

Это что?

Ты, кажется, меня къ допросу ставишь!
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?
Иль ты другихъ пригожѣе и краше,
Чтобъ мнѣ тебя какъ кладъ какой беречь?
Иль я ужъ въ домѣ у себя не властенъ?
Иль ты царица по себѣ?

ЦАРИЦА.

Прости,

Мой господинъ! Прости! Я не ропщу—
Я не молю о милости—на все
Готова я—но бѣдный мой Димитрій
Чѣмъ виновать?

ІОАННЪ.

О немъ не хлопочь.

Мой сынъ въ удѣлъ получить городъ Угличъ.
Вины твоей не нужно мнѣ! Тебя
Постричь велю я—вотъ и весь разводъ.
Святителей же, слава Богу, я

Не приучилъ въ мой обиходъ вступаться...
И требовать отчета отъ меня!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь мнѣ слово молвить!

ІОАННЪ.

Старикъ, я вижу, что сказать ты хочешь!
Что-бъ я ни сдѣлалъ, все не по-тебѣ!
Я знаю васъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь...

ІОАННЪ.

Я знаю васъ! Вы рады бы мнѣ руки
Опять связать, какъ при пошѣ Сильвестрѣ
Да при Адашевѣ! Ты былъ имъ другъ!
Когда на нихъ опалу положилъ я,
Какихъ ужъ бѣдъ ты ни пророчилъ мнѣ!
Тебя послушать—царство распадалось!
И что-жъ? Съ тѣхъ поръ минуло двадцать лѣтъ—
Гдѣ твой Адашевъ? Гдѣ Сильвестръ твой?
А мы, межъ тѣмъ, благословеньемъ Божьимъ
Не уменьшили нашихъ государствъ!
Безъ вашихъ наставленій, помаленьку,
Таки-живемъ себѣ умишкомъ нашимъ,
И руководства твоего, старикъ,
Не просимъ мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь!

Что мы мечомъ завоевали, то
Мечомъ же можно и отнять у насъ.
Все въ Божьей волѣ, государь; но Богъ
Лишь добрыя дѣла благословляетъ.
Ты-жъ, государь, недоброе затѣялъ!
Твоя царица предъ тобой чиста,
Чиста какъ день! Грѣшно тебѣ царицу
Хотѣть мѣнять на новую жену!
Чѣмъ съ Англійей искать тебѣ союза,
Вгляни на Русь! Каковъ ея удѣлъ!
Ты, государь,—скажу тебѣ открыто—

Ты, въ юныхъ дняхъ испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимыхъ смуть
И подавилъ измученную землю.
Ты сокрушилъ въ ней все, что было сильно.
Ты въ ней попралъ все, что имѣло разумъ,
Ты безсловесныхъ сдѣлалъ изъ людей—
И самъ теперъ, какъ дубъ во чистомъ полѣ,
Стоишь одинъ, и ни на что не можешь
Ты опереться; если—Богъ избави—
Тебя оставить счастье твое,
Ты предъ несчастьемъ будешь нагъ и бѣдёнъ.
Несчастье-жъ недалеко, государь!
Не радуйся побѣдѣ надъ Батуромъ—
Есть на Руси другія тѣсноты!—
Орда и шведъ грозятъ намъ, а внутри
Неправосудье, неустройство, голодъ!
Ихъ англійскимъ союзомъ не избыть!
Я старъ, великій государь, и близокъ
Уже ко гробу. Не зачѣмъ мнѣ даромъ
Тебѣ перечить! Да и самъ-то ты
Ужъ нѣмолодъ, великій государь.
Въ твои лѣта о новомъ бракѣ думать
Грѣшно, да и негоже. Бога-бъ ты
Благодарилъ за добрую парицу,
А не искалъ себѣ другой!

ІОАННЪ.

Микита!

Я далъ тебѣ домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чѣмъ мыслишь. Мнѣ
Наскучило тебя щадить. Легко-бъ я
Могъ отвѣчать на болтовню твою,
Но мой отвѣтъ: я такъ хочу! Довольно!
Ни слова болѣ! Время намъ принять
Батурова посла. Ступай за мной.

Къ парицѣ.

Ты-жъ будь готова въ монастырь идти!

Уходитъ съ Захарынымъ.

Престольная палата.

Весь дворъ, въ богатомъ убранствѣ, входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вокругъ престола становятся рынды съ топорами на плечахъ. Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входитъ изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьиннымъ.

ІОАННЪ—къ Захарьину.

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловать
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

Захарьинъ уходитъ. Іоаннъ садится на престолъ. Черезъ пріемную дверь входитъ Гарабурда и съ низкимъ поклономъ останавливается передъ Іоанномъ.

ІОАННЪ—мѣря его глазами.

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ
Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.
По смерти Жигимонта короля
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Былъ присланъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.

Такъ есть.

ІОАННЪ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условия не изволили принять.

ГАРАБУРДА.

Великій царь, не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ былъ.

ІОАННЪ.

Хорошъ законъ!

Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

ГАРАБУРДА.

'А бѣсъ его возьми!

То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

ІОАННЪ.

Да! Батура,

Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ семиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

ГАРАБУРДА.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Польшѣ, семиградскій князь,
Великій князь литовскій...

ІОАННЪ.

Погоди-ка!

Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схизматика латинскаго зовешь ты?

ГАРАБУРДА.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтить и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ дать повинонать.

ІОАННЪ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ также онъ честить.

Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволить
Сосѣдъ Степанъ?

ГАРАБУРДА.

Онъ просить напередъ,
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ, и письменно и устно,
Ему ту честь, названія и титулъ,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату!

ІОАННЪ.

Ахъ онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! Дальше!

ГАРАБУРДА.

Далѣ; отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли Ливонской
Немедля вывелъ ты свои полки
И навсегда-бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.

Рокотъ въ собраніи.

На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

ІОАННЪ.

Посоль! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?

Къ стольникамъ.

Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

ГАРАБУРДА.

Коли же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакуютъ,
Король Степанъ велитъ тебѣ сказать:
«Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ,
«Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
«Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,

«Какъ рыцарямъ прилично благороднымъ!»
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.

Бросаетъ передъ Иоанномъ желѣзную перчатку.

ІОАННЪ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты или король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника Божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

ГАРАБУРДА.

Ни! этого, панъ-царь, не можно.

ІОАННЪ.

Что?

Да онъ не шутить ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

ГАРАБУРДА.

Ни, ни,

Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

ІОАННЪ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!

Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду.

ГАРАБУРДА—отклоняя ударъ.

Поторопился-жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову взялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ идти?

Дрянные-жъ воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ!

ІОАННЪ—вставая съ престола.

Ты лжешь, злодѣй!

ГАРАБУРДА.

А, ей же Богу, такъ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
Коли-жъ, панъ-царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король, пожалуй, на Москву
Пріѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!

Уходитъ. Общее смятеніе.

ГОДУНОВЪ—вбѣгая.

Великій государь! Что сдѣлалъ ты!
Ты оскорбилъ Батунова посла?

ІОАННЪ.

Онъ лжетъ какъ пѣсь!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь! Все правда!

Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали!—
Я видѣлъ ихъ—Нарову взяли шведы—
Полки разбиты наши!

ІОАННЪ.

Лгутъ гонцы!

Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь въ Замоскворѣчьѣ.

Площадь наполнена народомъ. Въ сторонѣ хлѣбныя лабазы. За рѣкой виденъ Кремль. Вечерѣть. Толпа народа волнуется передъ лабазомъ.

ЛАБАЗНИКЪ.

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Вѣдь сказана цѣна вамъ: семь алтынъ
За полчетверки!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтынъ!

ДРУГОЙ.

Четыре дня не ѣли!

ТРЕТІЙ.

Побойся Бога!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть въ долгъ! О Пасхѣ заплачу—
Вотъ-те Христось!

ЛАБАЗНИКЪ.

Проваливай! О Пасхѣ!
Вишь, въ долгъ давай хозяйское добро!
Прочь, говорю вамъ!

Дерется.

ПЕРВЫЙ.

Что-жь ты, людоѣдъ?

Околѣвать намъ, что ли?

ВТОРОЙ.

Лучше прямо

Ножомъ зарѣжь!

ТРЕТИЙ.

Разбойникъ! Душегубъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жидовская душа! Ты развѣ самъ
Свой съѣшь запасъ? Самъ, что ли?

ЛАБАЗНИКЪ.

Караулы!

Лабазъ мой разбиваютъ!

Подходятъ два пристава.

1-й ПРИСТАВЪ.

Что за шумъ?

Кто тутъ буянить?

ЛАБАЗНИКЪ.

Помогите! Бунтъ!

Ломаютъ двери!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вступитесь, государи!

ДРУГОЙ.

Велите цѣну сбавить, государи!

ТРЕТИЙ.

Не дайте съ голодухи помереть.

ЛАБАЗНИКЪ.

Они меня собирались грабить!

ПЕРВЫЙ.

Вреть!

Онъ самъ дерется! Чуть не изувѣчилъ!

1-й ПРИСТАВЪ—къ лабазнику.

Какъ смѣешь ты народъ увѣчить? А?

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ приказъ его! Къ допросу!

ЛАБАЗНИКЪ.

Государя!

Помилуйте! За что меня въ приказъ?
Хозяйское отстаиваль добро!

Суеть имъ деньги.

1-й ПРИСТАВЪ.

Ну, развѣ такъ!

2-й ПРИСТАВЪ.

Что-жъ сразу не сказали!

1-й ПРИСТАВЪ—къ народу.

Прочь, вы, разбойники! Вотъ я васъ! Прочь!

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ застѣнокъ ихъ! Въ приказъ! Къ допросу!

Народъ отступаетъ.

То-то!

Оба пристава идутъ далѣ.

ЛАБАЗНИКЪ—смотреть имъ вслѣдъ.

Хриstopродавцы! Ишь! Пошли по рынку
Выглядывать, съ кого-бъ еще содрать!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

И по-дѣломъ тебѣ!

ДРУГОЙ.

Съ своимъ запасомъ

Чтобъ лопнулъ ты!

ТРЕТІЙ.

Мы съ голодухи мремъ,

А онъ сидитъ какъ крыса въ закромахъ
Да дуется!

Лабазникъ отходитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А приставамъ пожива!

ПЕРВЫЙ.

Порядокъ, вишь, приставлены блюсти!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну, ужъ порядокъ! Пусть бы царь узналъ!

ПЕРВЫЙ.

За взятки царь таки-казнилъ ихъ прежде!
Я видѣлъ самъ: разъ девять человекъ
Висѣло рядомъ; а на шею имъ
Повѣшены ихъ пѣсулы всѣ были!

ВТОРОЙ.

Да, царь въ обиду не давалъ народъ!
Бывало, самъ выходитъ на крыльцо,
Отъ всякаго примаешь челобитье
И рядить судъ, а судъ его недологъ:
Обидчикъ будь хоть князь иль воевода,
А уличень—такъ голову долой!

Подходить Кикинь, переодѣтый въ стран-
ника, въ черномъ подрясникѣ, съ палкою
и четками въ рукахъ.

КИКИНЪ.

Такъ прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грѣхъ нашихъ ради,
Врагъ помрачилъ царицы очи. Нынѣ
Уже не царь, а Годуновъ всѣмъ править,
Очами Годунова смотреть цари!

Народъ столпляется вокругъ Кикина.

Вы слышали, чтò говорилъ лабазникъ?
Хозяйское, молъ, не свое добро!
А кто хозяинъ? Тотъ же Годуновъ!
Кто цѣны набиваетъ? Годуновъ же!
Легко сказать! Четырнадцать алтынъ
Четверка ржи! Кабы не Годуновъ,
Она всего пошла бы два алтына!

Ропотъ въ толпѣ.

Охъ, прогнѣвили Господа мы, братья!
Намъ мука по-дѣломъ! Глядимъ на грѣхъ
Сложимши руки, а еретикъ тотъ
Межъ тѣмъ царя обходитъ да обходитъ!

Ропотъ усиливается.

Господь не даромъ знаменье явилъ:
Кровавую хвостатую звѣзду!
Чай, видѣли ее вы?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Какъ не видѣты!

ДРУГОЙ.

Котору ночь она восходитъ тамъ,
Надъ тою башней.

ТРЕТІЙ.

Вотъ она сейчасъ
Взойдетъ опять, лишь небо потемнѣетъ!

КИКИНЪ.

Великій гнѣвъ Господь являетъ ею!
То огненный подъятъ надъ нами мечъ
За то, что мы царя, а съ нимъ всю землю
Еретикъ въ обиду злему дали!

ПЕРВЫЙ.

Отколѣ же то вѣдомо тебѣ?

КИКИНЪ.

Скитаюсь, сыне, по святымъ мѣстамъ;
Былъ въ Соловахъ и на горѣ Аѳонской,
Въ Ерусалимѣ былъ, всего наслышанъ,
Моря исплавалъ, земли исходилъ,
Китъ-рыбу видѣлъ, птицу-Евстрафилъ,
И Алатырь, горючій бѣлый камень!
Теперь иду отъ Кіева; тамъ чудо
Великое свершилось: со креста
Софійскаго былъ слышенъ велій гласъ:
Пророчилъ гибель русскому народу
За то, что терпитъ Голунова!

ПЕРВЫЙ.

Братцы!

Вы слышите, что странникъ говорить!

КИКИНЪ.

И гласъ вѣщаль: возстаньте, христіане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо отъ него всѣ бѣды на Руси!

ВТОРОЙ.

Слышь, замѣчай! Все зло отъ Годунова!

КИКИНЪ.

Такъ, сыне, такъ! Все зло отъ Годунова!
Онъ держитъ хлѣбъ, онъ язвы насылаетъ,
Онъ короля призвалъ на Русь, онъ хана
Поднять хвалился на Москву!

ТРЕТИЙ.

А, братцы?

Что-жь, въ самомъ дѣлѣ? Если вправду онъ
Всею виной—мы порѣшимъ его!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да вправду-ль такъ?

КИКИНЪ.

Воистину и вправду!

Грѣхъ, сыне, намъ не вѣрить въ Божій гласъ!

ПЯТЫЙ.

Ты самъ ли слышалъ, отче странникъ?

КИКИНЪ.

Самъ!

Какъ разъ, когда народъ валилъ изъ церкви
Отъ всенощной, софійскій крестъ въ огнѣ
Явился весь, и гласъ съ него раздался.
Не я одинъ, весь кіевскій народъ
Ему внимать, и ницъ всѣ пали въ страхѣ!

ТРЕТІЙ.

Ребята! Что-жь? Когда весь Кіевъ-городъ
Тотъ слышалъ гласъ, такъ, стало-быть, ужь правда.

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДѢ.

Вѣстимо, правда! Значить, Годуновъ
Измѣнникъ! Да! измѣнникъ и колдунъ!
Онъ, стало, Божій гнѣвъ на насъ накликаль!
Антихристъ онъ!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Эй, что вы, братцы? Полно,
Грѣхъ вамъ его порочить!

ДРУГОЙ.

Вправду грѣхъ!
Опричь добра, о Годуновѣ, братцы,
Мы не слыхали ничего!

КРИКИ ВЪ НАРОДѢ.

Вороны!
Что слушать ихъ! Они за колдуна!
Крѣпки ли ребра? Бей того, кто будетъ
За вора говорить! Онъ хлѣбъ нашъ держитъ!
Антихристъ онъ! Всѣхъ нашихъ бѣдъ заводчикъ!
Такъ порѣшимъ его! Чего тутъ ждатель!
Слышевъ голосъ Битяговскаго, поющаго удалую пѣсню.

БИТЯГОВСКІЙ—поетъ за сценой.

«Ужь ты, пьяница-пропойца, скажи,
«Что несешь ты подъ полою, покажи!»

ПЕРВЫЙ.

Кто тамъ горланить? Что онъ на-смѣхъ, что ли,
Въ такую пору пѣсню затянулъ?

БИТЯГОВСКІЙ—является, шапка набекрень,
кафтанъ нараспашку.

«Изъ корчмы иду я, братцы, удалой,
«А несу себѣ я гусли подъ полой!»

КИКИНЬ—къ Битяговскому.

Великій грѣхъ въ такую пору, чадо,
Когда на насъ прогнѣвался Господь,
Когда являетъ знаменья на небѣ,
На землю-жъ гладь и скорби посылаетъ,
Великій грѣхъ намъ суетѣ служить,
Веселію мірскому предаваться,
И суетловіемъ и пѣснопѣньемъ
Дявола во адѣ потѣшать.

БИТЯГОВСКІЙ.

Красно, товарищъ, сказано! Жаль только,
Что невпопадъ! Когда-жъ и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слышали, братцы,
Какую милость намъ Господь явилъ?

ГОВОРЪ.

Какую? Говори! Какую милость?

БИТЯГОВСКІЙ.

А вотъ, ребята! слушайте! Бояре
Князь Шуйскій съ Бѣльскимъ—накажи ихъ Богъ!—
Задумали—чтобъ имъ на томъ свѣту
Въ смолѣ кипѣть!—задумали царя
Отравой извести!

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь, ребята!

Кикинъ дѣлаетъ знаки Битяговскому.

БИТЯГОВСКІЙ—не обращая на него вниманія.

Господь грѣху не попустилъ свершиться!
Провѣдалъ ихъ злодѣйство Годуновъ,
Да тотъ пирогъ, что для царя спекли,
Собака бросилъ. Та его какъ съѣла—
Такъ и издохла!

НАРОДЪ.

КОНЯ.

Ахъ они злодѣи!
Ахъ окаянныя! Да кто—сказаль ты—
Кто спасъ царя? Кто бросилъ псу пирогъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Вѣстимо кто! Бояринъ Годуновъ!
Кому-жъ другому? Онъ и днемъ и ночью
Блюдетъ царя! А безъ него давно
Проклятый Бѣльскій съ Шуйскимъ извели бы
Весь царскій корень!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА—къ Кикину.

Что-жъ ты говорилъ,
Что Годуновъ измѣнникъ!

КИКИНЪ.

Да, измѣнникъ!

Иль даромъ намъ Господь изъ-за него
И знаменья и голодъ посылаетъ?

Тихо Битяговскому.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ, аль пьянъ напился?

ВТОРОЙ—къ Кикину.

Какой же онъ измѣнникъ, коль царя
Отъ смерти спасъ онъ?

ТРЕТІЙ—къ Битяговскому.

Полно, такъ ли, братъ?

Вотъ странникъ слышалъ самъ, какъ обличалъ
Съ креста гласъ Божій Годунова!

БИТЯГОВСКІЙ.

Странникъ?

Какой? Вонъ этотъ, что ли? Ха-ха-ха!
Хорошъ онъ странникъ! Онъ Прокофій Кикинъ,
Рязанскій дворянинъ! Мы съ нимъ частенько
По кружаламъ таскались! Изъ Рязани
Онъ далѣ не ходилъ, какъ до Москвы!

Ударяетъ Кикина по плечу.

Прокофій Силычъ, ты кого морочишь?

Нарядился Лазаремъ какимъ!

КИКИНЪ—тихо къ Битяговскому.

...я ты?

«Иль»

БИТЯГОВСКІЙ—тихо Кикину.

«А въ»

Ты за кого стоишь?

КИКИНЪ—тихо къ Битяговскому.

Какъ за кого? за Бѣльскаго! Вѣдь Бѣльскій
Насъ торговаль!

БИТЯГОВСКІЙ—презрительно.

Пораньше было встать!

КИКИНЪ.

Такъ вотъ ты какъ, Иуда? Погоди-ка:
Я Бѣльскому скажу!

БИТЯГОВСКІЙ.

Небось, не скажешь!
Вязать его, ребята! Шуйскій съ Бѣльскимъ
Его къ намъ подослал!

КИКИНЪ.

Нѣтъ, неправда.
Его вяжите! Онъ отъ Годунова
Сюда подосланъ!

НАРОДЪ.

Кто ихъ разберетъ!
Одинъ изъ двухъ морочить насъ!—Ребята!
Что долго думать! Вздернемъ ихъ обоихъ!
—Зачѣмъ обоихъ?—Будетъ одного!—
Котораго?—А перваго!—Второго!—
Нѣтъ, перваго!

Слышенъ звонъ бубенъ. Григорій Годуновъ
показывается, верхомъ, съ двумя бирючами.
За ними валитъ новая толпа.

НАРОДЪ.

Постой, ребята! тише!
Бояринъ ѣдетъ съ бирючами!—Смирно!
Онъ говорить къ намъ хочетъ! Тише!—Слушать!
Онъ говорить.

ГРИГОРІЙ ГОДУНОВЪ—говорить съ коня.

Зарѣченскіе люди
Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ!
Слуга царевъ, его бояринъ ближній,

Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ,
Шлетъ вамъ поклонъ! Скорбя о вашей долѣ
И вѣдая всѣ ваши тѣсноты,
Повѣтріе и ржи дороговизну,
Онъ хлѣбные запасы на Москвѣ,
Какіе есть, изъ собственной казны,
Скупаеть всѣ, и завтра приказалъ
Раздать ихъ вамъ безденежно, а васъ
Молиться просить о его здоровьи!

НАРОДЪ.

Отецъ онъ нашъ!—Дай Богъ ему здоровья!
Кормилецъ нашъ!—Слышь, Годуновъ намъ даромъ
Хлѣбъ раздаетъ!—Спаси его Господь!—
Воздай ему сторицей! Да живетъ
Бояринъ Годуновъ!—А кто сказалъ,
Что онъ намъ врагъ?—Кто подымалъ насъ, братцы,
На Годунова?—Гдѣ онъ, воръ-собака?
Да мы его на ключья разнесемъ!

Кикинь хочеть бѣжать; народъ бросается на него съ крикомъ.
Бей, бей его! Лови!

БИТЯГОВСКІЙ—заложа руки за поясъ.

Что, дурень, вѣзять?
Впередъ смотри, откуда вѣтеръ дуетъ!

Внутренніе покои царя.

Ночь. Царица Марія Θεодоровна, царевна Ирина Θεодоровна
и Марія Григорьевна глядятъ въ окно. На звѣздномъ небѣ
вырѣзываются башни Кремля и церковныя главы. Между церквами
Благовѣщенія и Ивана Великаго видна комета.

МАРІЯ ГОДУНОВА—къ Иринѣ.

Золушка! смотри, какъ далеко
Звѣзда свой хвостъ раскинула! Какъ разъ
Надъ городомъ полъ-неба охватила!

ИРИНА.

Она какъ будто ярче съ каждой ночью
И больше все становится!

Входитъ царевичъ Θεодоръ Іоанновичъ.

ӨЕДОРЪ—дергая Ириану за рукавъ.

Оставь,

Аринушка! Довольно! отойди!
Глядѣть на это долго не годится;
Оно вѣдь не къ добру!

ЦАРИЦА—къ Өедору.

Гдѣ государь?

Ужели все на знаменіе смотреть?

ӨЕДОРЪ.

Да, матушка. Стоитъ все на крыльцѣ
И смотреть на звѣзду. Мнѣ съ нимъ хотѣлось
Заговорить, но страшно было. Онъ
Все молча смотреть, а кругомъ бояре
Очей поднять не смѣютъ на него.

ЦАРИЦА—задумчиво.

Уже который вечеръ ходитъ онъ
Все на звѣзду смотрѣть?

ИРИНА.

И каждый разъ

Все пасмурнѣй приходитъ, и ни слова
Не вымолвить!

ӨЕДОРЪ.

Нерадостныя вѣсти
Его тревожатъ.

ИРИНА.

Правда ли, что ханъ

Ужъ подошелъ къ Окѣ?

ӨЕДОРЪ.

Борисъ сказалъ,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вотъ хотѣлъ бы къ Троицѣ пѣшкомъ
Отправиться, молебень отслужить,
Да какъ спросить у батюшки, не знаю.

ИРИНА.

Ахъ, Господи! бѣда со всѣхъ сторонъ!
Ужъ не за тѣмъ ли и звѣзда явилась?

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Богъ вѣсть! Недавно привезли сюда
Волхвовъ и ворожей, которыхъ царь
Собрать велѣлъ, чтобы они ему
Повѣдали, зачѣмъ она явилась.

ЦАРИЦА.

Волхвовъ? Помилуй Богъ! Царь видѣлъ ихъ?

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, матушка; но говорилъ Борисъ,
Что ужъ они гадали всѣмъ соборомъ
И батюшкѣ сегодня принести
Должны отвѣтъ.

ИРИНА.

Онъ, говорятъ, послалъ
За схимникомъ какимъ-то?

ФЕДОРЪ.

Да, Арина:

Я отъ Бориса слышалъ, что послалъ.
То мужъ святой. Ужъ тридцать слишкомъ лѣтъ
Затворникомъ живетъ онъ. У него
Царь-батюшка спросить совѣта хочетъ.

ЦАРИЦА.

Дай Богъ, чтобы схимникъ далъ ему совѣты!

ИРИНА.

Дай Господи! Зачѣмъ бы государю
Сбирать волхвовъ и на душу брать грѣхъ!

ФЕДОРЪ—озираясь.

Ирина, тсъ! Въ сѣняхъ шаги какъ будто
Я батюшкины слышу!

СТОЛЬНИКЪ—поспѣшно отворяетъ дверь
и говоритъ шопотомъ.

Царь идетъ!

Іоаннъ входитъ, опираясь одною рукою на посохъ, другою на плечо Бориса Годунова. За нимъ бояре.

ІОАННЪ—къ Ѳеодору и жонщинамъ.

Ступайте всѣ сюда! Всѣ подойдите
И слушайте!

Садитсѣ.

Я знаменіе понялъ!

Волхвы, которыхъ я собрать велѣлъ,
Мнѣ новаго не скажутъ—самъ я понялъ!

Молчаніе. Ѳеодоръ тихонько подталкиваетъ Ирину.

ИРИНА—боязливо къ Іоанну.

Царь-батюшка... дозвожь тебя спросить,
Что понялъ ты?

ІОАННЪ.

Вы видите звѣзду?

Она мнѣ смерть явилась возвѣстить!

ѲЕДОРЪ—бросаясь на колѣни.

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

ІОАННЪ.

Встань и не хнычь. Еще успѣешь хныкать.
Сперва принять ты долженъ государство.
Встань, говорю тебѣ!

Женщины поднимаютъ вопль.

Молчите, бабы!

Успѣете! Позвать ко мнѣ врача!
Царица Марья! я съ тобой наемни
Негоже говорилъ—забуди о томъ.
Сынъ Ѳеодоръ! ты въ тяжелый, трудный часъ
Восходишь на престоль—ты думалъ ли,
Что будешь дѣлать, какъ меня не станеть?

ѲЕДОРЪ.

Царь-батюшка! Когда ты насъ покинешь,
Не знаю, какъ и быть!

ІОАННЪ.

Ты долженъ знать!
Ты скоро царь. Не вѣкъ на колокольнѣ
Тебѣ звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну, иль миръ съ Батуромъ учинишь?

ЕЕДОРЪ.

Какъ, батюшка, прикажешь!

ІОАННЪ.

По грѣхамъ
Мнѣ наказанье послано отъ Бога!
Иванъ, Иванъ! Мой старшій сынъ Иванъ!
Ты мнѣ не такъ бы отвѣчалъ!—Врача!

Входитъ врачъ Якоби.

А, вотъ ты! Что? Къ чему мнѣ послужила
Твоя наука? Умереть я долженъ!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу!

ЯКОБИ—пощупавъ пульсъ.

Великій царь, ты боленъ,
Но умирать тебѣ причины нѣтъ!

ІОАННЪ.

Неправда! я умру—я знаю вѣрно!
Кровавая звѣзда—я развѣ слѣпецъ?
Я понялъ все!

ЯКОБИ.

Когда своимъ ты мнѣнъемъ,
Великій царь, себѣ не повредишь,
Ты будешь здравъ. Тебѣ я головою
Готовъ за это отвѣчать.

ІОАННЪ.

Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбскій
И всѣ мои злодѣи подкупили,
Чтобъ умеръ я безъ покаянья. А?
Кто подкупилъ тебя?

якови.

Великій царь,
Твой мозгъ отъ долгихъ бдѣній раздраженъ
И кровь твоя воспалиена. Дозволь
Тебѣ напитокъ на ночь приготовить,
Онъ освѣжитъ тебя.

ІОАННЪ.

Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться!

Къ боярамъ.

Успѣю—вамъ на зло!
Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ придетъ. А до того
Я царь еще! Я наказать сумѣю
Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ
Какъ песь, безъ покаянья!

Входятъ два волхва.

Вотъ они!
Зачѣмъ васъ только двое? Гдѣ другіе?

1-й волхвъ.

Всѣ вмѣстѣ, царь, мы въ Рафляхъ и въ Зодѣѣ
Три дня читали. Нынѣ нашъ соборъ
Насъ двухъ къ тебѣ съ отвѣтомъ присылаетъ.

ІОАННЪ.

Ну—что же?

2-й волхвъ.

Царь, намъ страшно говорить!

ІОАННЪ.

Я знаю все. Мнѣ смерть? Скажите прямо!

1-й волхвъ.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Когда?

1-й волхвъ.

Въ Кириллинъ день.

2-й волхвъ.

Въ Кириллинъ день—осьмнадцатаго марта.

ІОАННЪ—про себя.

Осьмнадцатаго марта! Это скоро!

Я думалъ позже—я не ждалъ такъ скоро!

Къ волхвамъ.

Откуда вы?

1-й волхвъ.

Я родомъ изъ Кореловъ.

2-й волхвъ.

Я изъ Литвы.

ІОАННЪ.

А кто васъ научилъ
Кудесничать и звѣзды толковать?

1-й волхвъ.

Изъ рода въ родъ къ намъ перешло отъ предковъ.

ІОАННЪ.

Вы христіане?

2-й волхвъ.

Насъ крестили, царь.

ІОАННЪ.

Проклятые! Вы знаете-ль, что наша
Святая церковъ ворожбы не терпитъ?

1-й волхвъ.

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

ІОАННЪ.

По моему указу
Волховъ казнять! Зловѣщія уста
Я вамъ живымъ велю землей засыпать!

2-й волхвъ.

Мы не виновны, царь. Не наша власть
Изъ нашихъ усть тебѣ вѣщаетъ.

ІОАННЪ.

Чья же?

1-й волхвъ.

Не спрашивай.

2-й волхвъ.

Не спрашивай насъ, царь!
Ты знаешь самъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Богъ свидѣтель мнѣ
Отъ власти той я отрекаюсь! Васъ же,
Богоотступниковъ, я выдамъ церкви!
Сковать обоихъ и съ другими вмѣстѣ
Отвести въ тюрьму!

Волхвовъ уводять.

Осмынадцатаго марта!

Немного дней осталось мнѣ. Явится
Передъ Судьею пришла пора. Но я
Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ міромъ всѣ мои покончу счеты!

Къ Годунову.

Борись! Сходи въ опочивальню—тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси
Его сюда.

Годуновъ уходитъ. Іоаннъ продолжаетъ, косясь на бояръ.

Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминовенья—
Ни одного! Послѣднему холопу
Назначу вкладъ за упокой!—Что взяли!

Годуновъ возвращается съ бумагою.

Иди сюда. Такъ. Это тотъ синодикъ.
Читай мнѣ вслухъ—возьми перо—и если

Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

ГОДУНОВЪ—береть перо и читаетъ.

«Упокой, Господь,
«Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
«Окольничьихъ Ивана и Петра,
«Боярина Василия съ женою,
«Да ихъ холопей тридцать человекъ.
«Помилуй воеводу князь-Григорья
«Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
«Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
«Холопей ихъ сто двадцать человекъ.
«Боярина князь-Якова съ княгиней
«Марією, съ княжной Елизаветой,
«Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ,
«Да ихъ холопей сорокъ человекъ.
«Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
«Архіерея Леонида, съ ними-жъ
«Пятнадцать иноковъ...»

ІОАННЪ.

Постой—пятнадцать?—
Ихъ было болѣ—двадцать напиши!

ГОДУНОВЪ—ишетъ и продолжаетъ:

«Помилуй, Господи, и упокой
«Крестьянъ опальныхъ сель и деревень
«Боярина Морозова, числомъ
«До тысячи двухсотъ! Трехъ нищихъ старцевъ,
«Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
«Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ,
«Которые сдалися королю
«И были имъ отпущены на волю,
«Числомъ двѣ тысячи... Новгородцевъ,
«Утопленныхъ и избіенныхъ,
«Двѣнадцать тысячъ, ихъ же имена
«Ты вѣси, Господи!...»

ІОАННЪ.

Постой!—За дверью
Тамъ кто-то говоритъ!

Бѣльскій выходитъ и тотчасъ возвращается.

ВѢЛЬСКІЙ.

Дворецкій твой

Изъ слободы пріѣхалъ, государь.

ІОАННЪ.

Объ эту пору? Ночью? Чтò случилось?
Позвать его!

Входитъ дворецкій.

Зачѣмъ пріѣхалъ ты?

ДВОРЕЦКІЙ.

Царь-государь! Гнѣвъ Божій насъ постигъ!
Вчерашняго утра въ твой царскій теремъ
Ударилъ громъ и сжегъ его до тла!

ІОАННЪ.

Теперь? Зимой?

ДВОРЕЦКІЙ.

Гнѣвъ Божій, государь!
Въ морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. Въ твою опочивальню
Проникла съ трескомъ молонья—и разомъ
Дворецъ вспылалъ. Никто изъ старожилловъ
Того не помнитъ, чтобъ когда зимою
Была гроза!

ІОАННЪ—про себя.

Да! Это Божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ—
Тамъ онъ упалъ—межъ дверью и окномъ—
Разъ только вскрикнулъ и упалъ—хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ—
И вдругъ упалъ—и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула...

Вздвогнувъ.

Чтò это было?

Борись! оставь, оставь теперь синодикъ—
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Чтò тамъ
Скребеть въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срѣкъ еще не минулъ!

Я царь еще—покаяться я властен!
Ирина, Федоръ, Марья! Станьте здѣсь—
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ! Бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной—
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ—

кланяется въ землю

У всѣхъ у васъ прощенья прошу!

БѢЛЬСКІЙ—тихо къ Шуйскому.

Помилуй насъ Господы!

ШУЙСКІЙ—тихо къ БѢльскому.

Остережемся—
Быть-можетъ, онъ испытываетъ насъ!

ІОАННЪ—стоя на колѣняхъ.

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ или словомъ!
Простите-жъ мнѣ! Ты, БѢльскій,—ты, Захарьинъ,—
Ты, князь Мстиславскій,—ты, князь Шуйскій,—ты...

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенья просить?

ІОАННЪ.

Молчи, холопъ!

Я каюсь и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры ни числа!
Душою скотенъ—разумомъ растлѣнъ—
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста—божбой, языкъ мой—срамословьемъ,
Убийствомъ—руки и грабленьемъ влата,
Утробу—объяденіемъ и пьянствомъ,
А чресла—несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю—простите,
Вы всѣ простите вашему царю!

Кланяется въ землю.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государы! Когда то Божья воля
 Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ,
 То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
 И о войнѣ, которую оставишь
 Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
 Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
 И Господа всѣ молимъ за тебя!

ІОАННЪ—вставая.

Ты правъ, старикъ. Сынъ Ѳедоръ, подойди—
 Не много дней—и ты на царство сядешь—
 Услышь теперь послѣдній мой наказъ:

Опускается въ кресла.

Цари съ любовію, и съ благочестьемъ,
 И съ кротостію. Напрасно не клади
 Ни на кого ни казни ни опалы.
 Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
 Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
 Искалъ себѣ пріюта на Руси,
 Не мсти по мнѣ—Всевышній насъ разсудитъ!
 Мою царицу, мачеху твою,
 Блюди и милуй; съ Дмитриемъ же, съ братомъ,
 Будь за-одинъ; не захоти никакъ
 Присвоивать къ себѣ его удѣла,
 Зане же Каинъ Авеля убилъ,
 Наслѣдства же не взялъ братоубійца.
 Войну съ Литвой старайся кончить миромъ
 И силы всѣ на хана устреми.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;
 Онъ вѣдаетъ мои предначертанья
 И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
 Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
 Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ-жъ
 Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ
 Самъ навывай, чтобъ не тебѣ другіе,
 А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
 Опричину-жъ ты снова-ль учредишь,
 Иль будешь всей землею государить—
 Въ твоей тѣ волѣ—ты разсудишь самъ,
 Какъ тѣ тебѣ и брату прибыльнѣе,

А образецъ вамъ учиненъ готовъ.
Ты все ли понялъ?

ФЕДОРЪ.

Батюшка! Дастъ Богъ,
Ты не умрешь! Дастъ Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь,
Я не готовился къ тому!

ІОАННЪ—ГНѢВНО.

Феодоръ!

Тебя не спросятъ: нелюбо иль любо—
Ты за меня на царство долженъ сѣсть,
Когда меня не станеть!

ФЕДОРЪ.

Не гнѣвись,
Царь-батюшка—но я молю тебя—
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-батюшка, доволенъ былъ бы
И небольшимъ удѣломъ.

ІОАННЪ.

Пономарь!

Я говорю съ тобой какъ съ мужемъ, ты же
Какъ баба отвѣчаешь! Горе! горе!
Сыноубійцѣ мститъ за брата братъ!
Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того-ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унижилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный мой престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!

Григорій Нагой входитъ съ бумагами.

ГР. НАГОЙ.

Великій царь,
Двѣ грамоты къ тебѣ!

ІОАННЪ.

Отдай Борису—

Пусть онъ прочтетъ!

Годуновъ—просмотрѣвъ обѣ грамоты.

Изъ Серпухова пишутъ,
Великій государь, что чрезъ Оку
Переpravляться ханъ ужъ начинается,
А изъ Казани—что кругомъ возстала
Вся Луговая Черемиса вмѣстѣ
Съ ногаями.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Столько разомъ бѣдъ
Упасть не можетъ на одну главу!
Не вѣрю! Нѣтъ! Подай сюда листы!

Годуновъ подаетъ ему грамоты; онъ долго
въ нихъ смотритъ, роңаетъ и остается не-
движимымъ. Молчаніе. Входитъ стольникъ
и шепчетъ на ухо Бѣльскому.

БѢЛЬСКІЙ—къ Іоанну.

Великій царь! Къ тебѣ пришелъ тотъ схимникъ,
Котораго ты привести велѣлъ.

ІОАННЪ—вздогнувъ.

Впустить его. Вы всѣ ступайте прочь—
Я съ нимъ хочу наединѣ остаться.

Всѣ выходить.

ІОАННЪ—одинъ.

Всевышній Боже! Просвѣти мой разумъ!

Остается погруженъ въ размышленія. Черезъ
нѣсколько времени входитъ схимникъ. Іоаннъ
встаетъ и преклоняетъ предъ нимъ главу.

Благослови меня, отецъ!

СХИМНИКЪ—благословляетъ его.

Во имя

Отца и Сына и Святого Духа!

ІОАННЪ—садясь.

Я много слышалъ о тебѣ. Ты долго
Затворникомъ живешь. Въ глубокой кельѣ
Свой слухъ и зрѣнье суетѣ мірской
Ты заградилъ. Такимъ мужамъ, какъ ты,
Господь даритъ чудесное прозрѣнье
И ихъ устами истину гласить.

СХИМНИКЪ.

Такъ, сынъ мой; есть въ Минеяхъ Четіяхъ
Тому иримѣры; но до тѣхъ мужей
Мнѣ далеко.

ІОАННЪ.

Давно ты схиму принялъ?

СХИМНИКЪ.

Въ тотъ самый годъ, когда ты, государь,
Казань завоевалъ; а сколько лѣтъ
Тому прошло—не вѣдаю.

ІОАННЪ.

Тому

Ужъ тридцать лѣтъ. И съ самой той поры
Ты заперся отъ міра?

СХИМНИКЪ.

Я сегодня

Его увидѣлъ снова въ первый разъ.
Изъ подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

ІОАННЪ.

Прости,

Святой отецъ, что потревожилъ я
Твое уединенье и молитвы,
Но мнѣ былъ нуженъ твой совѣтъ. Скажи,
Наставь меня, какъ отворотить мнѣ гибель
Отъ всей земли и отъ престола?

СХИМНИКЪ.

Гибель?

Какую гибель?

ІОАННЪ.

Развѣ ты не знаешь?

СХИМНИКЪ.

Не знаю, сынъ мой. Вѣсти до меня
Не доходили.

ІОАННЪ.

Отче, за грѣхи
Господь меня караетъ. Королю
Онъ одолѣнье надо мной послалъ—
Ливонію воюють шведы—ханъ
Идетъ съ ордою на Москву—ногаи
И черемисы бунтомъ встаютъ—
Что дѣлать мнѣ?

СХИМНИКЪ.

Великія-жъ съ тѣхъ поръ
Настали перемѣны! Ты въ то время
Врагамъ былъ грозенъ. Ты стоялъ высоко;
Никто не смѣлъ подняться на тебя;
Мы-жъ знаменья не разъ воспоминали,
Которымъ при рожденіи твоёмъ
Свидѣтелями были: въ самый часъ,
Какъ ты рождался, громъ ударилъ въ небѣ,
Весь день гремѣлъ при солнечномъ сіяньи,
И было такъ по всей Руси; и много
Отшельниковъ пришло изъ разныхъ странъ
Предвозвѣстить твое величье
И колыбель твою благословить.

ІОАННЪ.

Такъ, мой отецъ. И милостивъ былъ долго
Ко мнѣ Господь; но нынѣ отъ меня
Свою десницу отнял Онъ. Престоль мой
Шатается; враги со всѣхъ сторонъ
Меня тѣснятъ!

СХИМНИКЪ.

Пошли навстрѣчу имъ
Твоихъ вождей. Довольно у тебя
Есть воеводъ. Они тебѣ привыкли
Языцей покорять.

ІОАННЪ.

Святой отецъ,
Вождей тѣхъ нѣтъ, которыхъ ты знавалъ.

СХИМНИКЪ.

Ни одного? А гдѣ-жъ Горбатый-Шуйскій,
Князь Александръ Борисовичъ, который
Разбилъ на Волгѣ князя Япанчу?

ІОАННЪ.

Онъ измѣнилъ мнѣ—и казненъ.

СХИМНИКЪ.

Горбатый?
Онъ вѣрный былъ тебѣ слуга. А гдѣ
Князь Рязанскій, тотъ, что столько славныхъ
Побѣдъ надъ ханомъ одержалъ?

ІОАННЪ.

Казненъ.

СХИМНИКЪ.

А Федоровъ, конюшій твой, который
Въ землѣ Рязанской сокрушилъ орду
И полонилъ царевича Мамаю?

ІОАННЪ.

Онъ мной убитъ за то, что захотѣлъ
Похитить у меня престолъ мой.

СХИМНИКЪ.

Царь,
Въ твоихъ рѣчахъ я истины не слышу!
Всѣ тѣ мужи тебѣ служили вѣрно—
Я зналъ ихъ всѣхъ. Но у тебя остался
Бояринъ князь Михайло Воротынский?
Когда Казань мы брали, первый онъ
Крестъ водрузилъ на вражіей стѣнѣ.
Врагамъ онъ вѣдомъ!

ІОАННЪ.

Онъ на пыткѣ умеръ.

СХИМНИКЪ.

Князь Воротынскій!—Царь!—А гдѣ же Пронскій,
Князь Турунтай, который въ славной битвѣ
Подъ Полоцеомъ Литву разбилъ?

ІОАННЪ.

Утоплень.

СХИМНИКЪ.

Да будетъ милостивъ къ тебѣ Господь!..
Но Курбскій, князь Андрей Михайлычъ, твой
Сподвижникъ добрый въ славный день казанскій?

ІОАННЪ.

Не спрашивай о немъ! Меня онъ бросилъ—
Мнѣ измѣнилъ—и ко врагамъ моимъ
Ушелъ въ Литву.

СХИМНИКЪ.

Въ бывшее время, помню,
Тебя любили; отъ тебя никто
Не уходилъ; изъ дальнихъ странъ стекались
Тебѣ служить. Но гдѣ-жъ князья: Щербатый?
Щенятевъ? Оболенскій?

ІОАННЪ.

Мой отецъ,
Не называй ихъ—ихъ ужъ нѣтъ.

СХИМНИКЪ.

А Кашинъ?

А Бутурлинъ? Серебряный? Морозовъ?

ІОАННЪ.

Всѣ казнены.

СХИМНИКЪ.

Какъ? Всѣ до одного?

ІОАННЪ.

Всѣ, отче,—всѣ.

СХИМНИКЪ.

Всѣхъ погубилъ ты?

ІОАННЪ.

Всѣхъ.

Молчаніе.

Я каялся, отецъ мой. Мнѣ недолго
Осталось жить—я долженъ умереть—
И срокъ ужъ мнѣ назначенъ.

СХИМНИКЪ.

Кто тебѣ

Назначилъ срокъ?

ІОАННЪ.

Не спрашивай, отецъ мой!—
Не спрашивай—но вразуми меня,
Какъ царство мнѣ спасти?

СХИМНИКЪ.

Когда-бъ ты не былъ
И слабъ и хворъ, я бы сказалъ тебѣ:
Встань, государь! И за святое дѣло
Самъ поведи на брань свои полки!
Но ты согбенъ недугомъ—я въ тебѣ
Не узнаю воителя Казани,
И долженъ ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сынъ Иванъ
Теперь быть долженъ возмужалый воинъ—
Пошли его.

ІОАННЪ—быстро вставая.

Монахъ! Ты для того ли
Его назвалъ, чтобъ издѣваться мнѣ?
Ты смѣлъ назвать Ивана? Я тебѣ
Велю языкъ твой вырвать!

СХИМНИКЪ.

Царь, твой гнѣвъ
Не страшень мнѣ, хотя и непонятенъ.
Уже давно я смерти жду, мой сынъ!

ІОАННЪ—саясь.

Прости меня! Прости, отецъ святой!
Но неужель ты ничего не слышалъ?
Ужель въ твою обитель никакая
Вѣсть не проникла?

СХИМНИКЪ.

Дверь въ мою обитель
До дня сего задѣлана была,
И проникалъ въ глухое подземелье
Лишь дальній гулъ Господней непогоды
Да слабый звонъ святыхъ колоколовъ.

ІОАННЪ.

Отецъ мой,—я исполнить не могу
Совѣта твоего: мой сынъ Иванъ—
Преставился!

СХИМНИКЪ.

Кто-жь твой наслѣдникъ нынѣ?

ІОАННЪ.

Второй мой сынъ, Феодоръ; по и тѣломъ
И духомъ слабъ онъ. Нечего и думать
Ждать отъ него пособія иль дѣла!

СХИМНИКЪ.

Тогда—у Бога помощи проси!

ІОАННЪ.

И никакого наставленья болѣ
Ты мнѣ не дашь?

СХИМНИКЪ.

Царь, прикажи меня
Отвѣсть обратно въ келію мою.

ІОАННЪ—вставая.

Святой отецъ, молися за меня!

СХИМНИКЪ.

Всемиловитый Богъ да ниспошлетъ
Миръ совѣсти твоей!

ІОАННЪ—провожаєть схишника
и, отворивъ дверь,
говорить.

Святого старца
Отвєсть опять въ его обитель! Вы же
Всѣ можете войти!

Федоръ и бояре входятъ.

ІОАННЪ—садится и говоритъ,
помолчавъ.

Мстиславскій! Бѣльскій!
Захарьинъ! Годуновъ! Цѣлуйте крестъ,
Что будете Феодору служить
До смерти и до крови!—Ты-жъ, Феодоръ,
Имъ четверымъ довѣрься. Ничего
Не начинай безъ ихъ совѣта. Если-жъ
Господь дозволить, чтобы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій уцѣлѣлъ во Псковѣ,
Онъ будетъ пятый. Имъ я завѣщаю
Съ тобою вмѣстѣ Русью управлять.

Подаетъ имъ свой нагрудный крестъ.

Цѣлуйте кресты!

МСТИСЛАВСКІЙ, ЗАХАРЬИНЪ, БѢЛЬСКІЙ, ГОДУНОВЪ—
прикладываясь ко кресту.

Цѣлуемъ, государы!

ІОАННЪ.

Пословъ въ Литву отпратить сею-жъ ночью
И добрый миръ, во что бы то ни стало,
Хотя на срокъ съ Батуромъ учинить.
«Челомъ-де бью возлюбленному брату
«Стефану королю»—и полный титулъ
Весь прописать его, въ концѣ-жъ назвать
Владѣтелемъ ливонскимъ—такъ онъ хочеть:—
«Землею-де Ливонской бью челомъ
«Возлюбленному брату, и прошу
«Оставить мнѣ одинъ лишь городъ Юрьевъ,
«А достальное будетъ все его!»
Ему же уступаю города:
Велижъ, Усвятъ, Озерище и Полоцкъ,
Изборскъ, Себежъ, Холмъ, Заволочье, Островъ,

Гдовъ, Невель, Луки, Красный и другіе
Всѣ города, имъ взятые у насъ!

Ропоть между боярами.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй, государь! Такое стыдно
Намъ заключать условье!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Государь!
Вели намъ всѣмъ идти на бой съ Батуромъ,
Лишь не вели срамиться намъ!

ВЪЛЬСКІЙ.

Дозволь,
Великій царь, мы все имѣнье наше
Пожертвуемъ!

ВСѢ БОЯРЕ—говорять наперерывъ.

Всѣ ляжемъ за тебя!
Все продадимъ! Заложимъ земли наши!
До смерти стоимъ! Прольемъ до капли
Всю нашу кровь! Умремъ до одного!
Лишь нашихъ русскихъ, кровныхъ городовъ
Не прикажи намъ отдавать!

ІОАННЪ.

Молчите!
Я развѣ радъ тому?—Нельзя иначе!
Забыли вы, что ханъ ужъ подъ Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозятъ идти на Новгородъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Но, царь,
Псковъ нашъ еще! Доколѣ онъ не сдастся,
Батуръ не можетъ тыломъ стать къ нему!
Онъ далѣ не пойдетъ! Въ его полкахъ
Мятежъ и моръ, безденежье и голодъ—
Пожди еще—пожди, и скоро онъ,
Осаду снявъ, уйдетъ и всѣ свои
Завоеванья намъ отдастъ!

ІОАННЪ.

Нельзя!

Нельзя мнѣ ждаты! Кровавая звѣзда
Меня зоветъ! Отъ Федора же болѣ
Еще Батуръ потребуетъ! Нельзя!

ВЪЛЫСКІЙ.

Но, государь, ты слышишь: бунтъ, и голодъ,
И моръ въ ихъ войскѣ! Неужель теперь,
Теперь—когда напоромъ дружнымъ можно
Ихъ разгромить—мы имъ уступимъ столь
Владѣній русскихъ?

ІОАННЪ.

Намъ не побѣдять!

Забыли вы, что не ему, а мнѣ
Вонъ та звѣзда погибель предвѣщаетъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ
Ты самъ погибъ—зачѣмъ же хочешь ты
И Русь еще губить съ собою?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Зачѣмъ

Унизить хочешь нашу честь?

ІОАННЪ—гордо.

Когда,

Мои грѣхи предъ смертью искупая,
Я унижаюсь—я, владыка вашъ—
Тогда не вамъ о вашей чести думать!
Ни слова болѣ!—Шуйскій! ты къ разсвѣту
Мнѣ грамоту къ Батуру изготвишь,
А Пушкину съ товарищи велишь,
Чтобы, чѣмъ свѣтъ, они собирались ѣхать;
Чтобы они въ своихъ переговорахъ
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья!
Безропотно—чтобъ все сносили—все!

БОЯРЕ.

Нѣтъ, государь! Нѣтъ! Этого нельзя!
Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣннн нашемъ,
Во всемъ воленъ! Но въ нашей земской чести
Ты не воленъ! Нѣтъ, государь! Такого
Никто наказа не подпишетъ!

ІОАННЪ—вставал.

Такъ-то

Присягу бережете вы свою? .
Такъ помните Писанье? Въ оный день,
Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день
Я власть отъ васъ условную пріялъ?
Иль я не тотъ же царь, который вамъ
Отъ Бога данъ и вами-жъ избранъ снова?
Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
Повиноваться мнѣ? Или, быть-можетъ,
Такъ мало дней осталось мнѣ жить,
Что ужъ не стѣитъ мнѣ повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
Что я не царь? Ницъ! Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыка!..

Шатается.

ГОДУНОВЪ—подхватывая его.

Государю дурно!

Позвать врачей!

ІОАННЪ—поддерживаемый Годуновымъ.

Подъ страшной смертной казнью,
Пословъ немедля снарядить! Велѣтъ имъ,
Чтобъ все сносили—все терпѣли—все—
Хотя-бъ побои!

Бояре удаляются.

Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь—
Достаточно-ль униженъ онъ теперь!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Домъ Годунова.

Годуновъ и жена его провожаютъ съ поклонами царевича Ѳеодора.

ГОДУНОВЪ.

Прости-жь, царевичъ! Много благодарны
Тебѣ за честь! Да не кручинься болѣ!
Ты видишь—вотъ Кириллинъ день насталь,
Бѣды-жь съ собою не принеси: напротивъ,
Сегодня стало государю легче,
И добрыя все вѣсти къ намъ пришли:
Царевъ гонецъ успѣлъ его посольство
Вернуть назадъ; разливъ мѣшаетъ хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снялъ, та вѣсть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здравъ онъ будетъ.

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Государы!

Куда-жь спѣшишь ты? Я вѣдь и закуской
Попотчевать тебя-то не успѣла!

ѲЕОДОРЪ.

Уволь, невѣстуха! Хотя и легче
Сегодня стало батюшкѣ-царю,
А все на сердцѣ какъ-то неспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шуринъ;
Не отрекись отъ слова своего!
Когда бы что, не дай Господь, случилось,
Я буду какъ въ лѣсу! Тогда ужъ ты мнѣ
Указывай, что дѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я, царевичъ,
Тебѣ слуга и вѣрный твой холопъ;
Но если-бъ что случилось, посмотри:
Мнѣ не дадутъ тебѣ служить; всѣ будутъ
Меня чернить!

ОЕДОРЪ.

Я не повѣрю имъ!
Отецъ тебя мнѣ слушаться велѣлъ,
И на тебя во всемъ я положуся.
Прости-жь, Борисъ! Прости же, дорогая
Невѣстухка! Прошу не провожать!

Уходить сопровождаемый Годуновымъ.

МАРІЯ—одна.

О, Господи! Когда бы этотъ день
Скорѣй прошелъ! Что мужъ ни говори,
А самъ онъ неспокоенъ. Мнѣ-жь всю ночь
Камень драгоцѣнное все снилось
И крупный жемчугъ—и руками царь
Все рылся въ немъ и яхонты, любуясь,
Пересыпалъ. Къ бѣдѣ, а не къ добру
Такіе сны!

Задумывается.

ГОДУНОВЪ—возвращается и смотреть
на нее.

Марія, что съ тобою?

МАРІЯ.

Прости меня! Мнѣ страшенъ этотъ день.
Ворожеи...

ГОДУНОВЪ.

Ворожеи солгали;
Царь сталъ бодрѣй. Я видѣлъ самъ его.

МАРІЯ.

Однако если-бъ—если-бъ не солгали
Ворожеи?

ГОДУНОВЪ—понижая голосъ.

Когда бы то случилось—
Скажи, Марія—мы теперь одни—
Ужели-бъ ты?..

МАРІЯ.

Нѣтъ, господинъ мой, нѣтъ!
Не за него, а за тебя мнѣ страшно!

ГОДУНОВЪ.

Какъ? За меня?

МАРІЯ.

Не говорилъ ли Федоръ,
Что если что случится, онъ не знаетъ,
Какъ быть ему? Что долженъ будешь ты
Ему во всемъ указывать? Борисъ!
Что, если вдругъ сегодня на тебя
Падеть вся тяжесть государства? Если
За мятежи, за голодъ, за войну,
За все, за все передъ землею будешь
Ты отвѣчать?

ГОДУНОВЪ.

Когда бы въ самомъ дѣлѣ
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою-бъ я тогда
Пріялъ бразды! Не власти я страшуся,
Я чувствую въ себѣ довольно силы
Русь поддержать въ годину тяжкихъ бѣдъ!
Нѣтъ, я страшусь, что выпадетъ на долю
Не полная мнѣ власть. Правитель царства,
Каковъ ни будь онъ—тѣнь лишь государя;
Онъ съ завистью другихъ бороться долженъ,
И мысль свою не можетъ воплотить
Завѣтную—всецѣльно, безъ ущерба,
Какъ могъ бы я, когда бы не въ подданствѣ,
А на престолѣ былъ рожденъ!

МАРІЯ.

О, будемъ
Мы Господа благодарить за то,

Что не высоко рождены. Ужасень
Отвѣтъ царей!

ГОДУНОВЪ.

А этого царя
Отвѣтъ еще ужаснѣй будетъ. Но
Напрасно ты тревожишься. Недугъ
Его прошелъ, и много лѣтъ, быть-можетъ,
Еще пройдетъ, пока ему придется
Свой дать отвѣтъ.

МАРІЯ.

Ты беспокоенъ самъ!

ГОДУНОВЪ.

Спокоенъ я—все къ лучшему—солгали
Ворожеи. Поди къ себѣ, Марія,
Оставь меня; мнѣ дѣло есть.

Марія уходитъ. Годуновъ открываетъ боковую
дверь и впускаетъ двухъ скованныхъ волх-
вовъ. Потомъ садится и смотритъ на нихъ
молча.

ГОДУНОВЪ—значительно.

Сегодня

Кириллинъ день, осьмнадцатое марта!

1-й волхвъ.

Такъ, государь.

ГОДУНОВЪ.

Царю сегодня лучше.

2-й волхвъ.

Спаси его Господь!

ГОДУНОВЪ.

Вы, стало-быть,
Ошиблиса, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1-й волхвъ.

Что мы въ звѣздахъ

Прочли, то и сказали.

ГОДУНОВЪ.

Отчего же

Такъ скоро спалъ съ него недугъ?

1-й ВОЛХВЪ.

Не знаемъ;

Но дологъ день, и солнце не зашло.

Молчаніе.

ГОДУНОВЪ.

А обо мнѣ, какъ я вамъ указалъ,
Гадали вы?

1-й ВОЛХВЪ—ОЗИРАЯСЯ.

Гадали, государь.

ГОДУНОВЪ.

Вы можете здѣсь говорить открыто—
Насъ не услышать. Что узнали вы?

1-й ВОЛХВЪ.

Сплетаются созвѣздія твои
Съ созвѣздыми вѣнчанныхъ государей,
Но три звѣзды покамѣстъ затмеваютъ
Величіе твое. Одна изъ нихъ
Угаснетъ скоро.

ГОДУНОВЪ.

Говори яснѣе!

1-й ВОЛХВЪ.

Чѣмъ далѣ путь твой стелется, тѣмъ шире,
Тѣмъ ярче онъ.

ГОДУНОВЪ.

Куда онъ приведетъ?

2-й ВОЛХВЪ.

Чего давно душа твоя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться ты не смѣлъ —
То сбудется.

ГОДУНОВЪ.

Волхвы! Скажите прямо,
Что ожидаетъ въ будущемъ меня?

ОБА ВОЛХВА—становятся на колѣни.

Когда на царскій сядешь ты престолъ,
Своихъ холопей помяни, бояринъ!

ГОДУНОВЪ—вставая.

Въ умѣ ли вы!

1-й волхвъ.

Такъ выпало гаданье.

ГОДУНОВЪ.

Тсъ! Тише! Тише! Стѣны насъ услышать!

Подходить къ дверямъ, осматриваетъ ихъ
и останавливается передъ волхвами.

Кудесники! Когда-бъ я могъ подумать,
Что вы теперь морочите меня,—
Для васъ на свѣтъ бы лучше не родиться!

1-й волхвъ.

Мы говоримъ, что видимъ. Мы читали
Въ небесныхъ знакахъ; прочіе-жь на кровь
И дымъ гадали, и во мглѣ туманной
Всѣ на престолѣ видѣли тебя.
Въ вѣнцѣ и въ царскихъ бармахъ...

ГОДУНОВЪ.

Тише, тише!

Когда случится то, что вы сказали?

1-й волхвъ.

Когда—не знаемъ.

ГОДУНОВЪ.

Много ли мнѣ лѣтъ

Царить. придется?

2-й волхвъ.

Твоего цареня
Семь только будетъ лѣтъ.

Годуновъ.

Хотя-бъ семь дней!
Но чѣмъ достигну я верховной власти?

1-й волхвъ.

Не вѣдаемъ.

Годуновъ.

Кого бояться мнѣ?

2-й волхвъ.

Не спрашивай.

Годуновъ.

Я знать хочу, кто главный
Противникъ мой?

1-й волхвъ.

Темны его примѣты.

Годуновъ.

Скажите ихъ!

1-й волхвъ.

Онъ слабъ, но онъ могучъ.

2-й волхвъ.

Самъ и не самъ.

1-й волхвъ.

Безвиненъ передъ всѣми.

2-й волхвъ.

Врагъ всей землѣ и многихъ бѣдъ причина.

1-й волхвъ.

Убить, но живъ.

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ смысла въ сихъ словахъ!

1-й волхвъ.

Такъ выпало гаданье. Болѣ знать
Намъ не дано.

ГОДУНОВЪ.

Съ меня пока довольно.
Въ темницу васъ обратно отведутъ;
Я-жъ въ-время васъ выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вамъ подь смертной казнью
Самимъ забыть, что вы сказали мнѣ!

Отворяетъ дверь—волхвы уходятъ.

ГОДУНОВЪ—одинъ.

«Чего давно душа моя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться я не смѣлъ!»
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно,
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возносить надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ—
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его.
Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть—
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора!

Топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.

Позвать сюда котораго-нибудь
Изъ государевыхъ врачей!

Дворецкій уходитъ.

Семь лѣтъ!

Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далекъ тотъ день иль близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Иоанна
Все рушится—и для моей державы
Готовятся развалины однѣ...

«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ-быть?..

Умри сегодня этот звѣрь, сегодня-жъ
Мой слабодушный деверь власть свою
Мнѣ передасть—я буду господиномъ!..
Но то ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!
Они въ вѣнцѣ и въ бармахъ, на престолахъ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!
Они сказали: «Три звѣзды покамѣстъ
Мое величье затмеваютъ—три!»
Одна изъ нихъ—то Иоаннъ, другая—
Царевичъ Ѳеодоръ, третья—кто-жъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный,
Котораго бояться долженъ я,
Кому-жъ и быть ему, какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ—преграда мнѣ!
«Слабъ, но могучъ; безвиненъ, но виновенъ;
Самъ и не самъ»—оно какъ разъ подходитъ
Къ Димитрію! Но что могло бы значить:
«Убить, но живъ»? Какъ дико мнѣ звучитъ
Зловѣщее, загадочное слово:
«Убить, но живъ»! Кѣмъ будетъ онъ убитъ?
Не можетъ быть! А если-бъ кто и вправду
Рѣшилъ руку на него поднять,
То какъ ему, убитому, воскреснуть?
Я словно въ бездну темную гляжу!
Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
Довольно! прочь бесплодные догадки!
Живъ иль убитъ—судьба его въ грядущемъ.
Мнѣ-жъ дорогъ настоящій мигъ!

Входитъ дворецкій.

ДВОРЕЦКІЙ.

Къ тебѣ пришелъ, бояринъ, царскій дохтуръ.

ГОДУНОВЪ.

Пускай войдетъ!

Входитъ Якоби.

Романъ Елеазарычъ,

Я за тобой послалъ, чтобъ ты подробно
Повѣдалъ мнѣ, насколько государю
Сегодня легче? Можно-ль уповать,
Что миновала для него опасность?

ЯКОВИ.

Его болѣзнь, бояринъ, многосложна:
Не плоть одна страдаетъ—~~болень духъ~~
Отъ юности привыкшій, чтобы все
Передъ его державной гнулось волей,
Послѣдняго не могъ онъ униженья
Перенести. Но добрыя его
Оправили и ободрили вѣсти.
И будетъ здоровъ онъ, если намъ удастся
Отъ раздраженій охранить его.

ГОДУНОВЪ.

А если бы, не дай Богъ, чѣмъ-нибудь
Онъ раздражился?

ЯКОВИ.

Мы бы не могли
Тогда отвѣтить ни за что. Сосуды,
Которые проводятъ кровь отъ сердца
И снова къ сердцу, такъ напряжены,
Что можетъ ихъ малѣйшее волненье
Вдругъ разорвать.

ГОДУНОВЪ.

Но чѣмъ же помѣшать намъ,
Чтобъ какъ-нибудь не опалился онъ?

ЯКОВИ.

Всѣ случаи волненья и досады
Во что-бъ ни стало надо удалить.
Пусть только то и видитъ онъ и слышитъ,
Что развлекать его способно.

ГОДУНОВЪ.

Какъ

Оставилъ ты его?

ЯКОВИ.

Онъ послѣ ванны
Прилежъ заснуть, но ключнику вслѣлъ,
Чтобы межъ тѣмъ въ сосѣдную палату
Сокровища изъ главной кладовой

Перенесли, дабы, по пробужденьи,
Осматривать ихъ могъ онъ. Близъ него
Остался мой товарищъ, Ричардъ Эльмсъ.

ГОДУНОВЪ.

Вы трудное условье положили
Для исцѣленья царскаго недуга—
Вы знаете царя!

ЯКОВИ.

Бояринъ Бѣльскій,
Чтобъ отъ заботъ и дѣлъ его отвлечь,
Собралъ толпу шутовъ и скомороховъ.
Мысль не дурна. Пусть въ играхъ эготъ день
Пройдетъ и въ смѣхѣ.

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мы стараться будемъ
Исполнить наставленія твои.

ЯКОВИ.

Прости, бояринъ.

Уходить. Годуновъ топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.

ГОДУНОВЪ.

Здѣсь ли Битяговскій?

ДВОРЕЦКІЙ.

Здѣсь, государь.

ГОДУНОВЪ.

Пошли его сюда.

Дворецкій уходитъ и вскорѣ выпускаетъ Битяговскаго.

ГОДУНОВЪ.

Что дѣется въ народѣ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Слава Богу.

ГОДУНОВЪ.

На Шуйскаго и Бѣльскаго они
Озлоблены-ль какъ надо?

БИТЯГОВСКІЙ.

Такъ и рвутся.

ГОДУНОВЪ.

И стало-быть подымутся на нихъ,
Когда мы захотимъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Коли-бъ не прежде.

ГОДУНОВЪ.

Ты долженъ быть готовъ передъ царемъ
Свидѣтелемъ предстать, что возмущенье
Нагіе подготовили.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу.

ГОДУНОВЪ.

И присягнуть, что слышалъ ты своими
Ушами, какъ холопей подсылали
Они въ народъ.

БИТЯГОВСКІЙ.

Зачѣмъ не присягнуть!

ГОДУНОВЪ.

Будь у меня сегодня подъ рукою:
Быть-можетъ, тебѣ понадобится мнѣ;
Теперь ступай!

Битяговскій уходитъ.

ГОДУНОВЪ—одинъ.

Я больно ошибаюсь,
Иль многое рѣшится въ этотъ день!

Уходитъ.

Богатая палата во дворцѣ.

Слуги вносятъ и разставляютъ драгоценную утварь. За ними надзирають дворецкій и ключникъ.

ДВОРЕЦКІЙ—къ слугамъ.

Живѣй! Живѣй! Кончайте поскорѣй!
Сейчасъ проснуться государь изволить!

КЛЮЧНИКЪ—къ дворецкому.

Скажи, пожалуйста, для чего онъ рухлядь
Сбирается смотрѣть?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, говорятъ,
Невѣстѣ хотеть за море подарки
Отправить.

КЛЮЧНИКЪ.

Какъ? Онъ развѣ не раздумаль
На ней жениться?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, раздумаль-было,
Да вотъ сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

КЛЮЧНИКЪ.

Ну, какъ онъ знаетъ! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

ДВОРЕЦКІЙ—смотреть въ окно.

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Такъ и кишатъ!

КЛЮЧНИКЪ.

Да! Ужъ который день
У теремовъ съ утра они толпятся:
Все о здоровьѣ царскомъ узнаютъ!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ну, слава Богу! Видно, обманулись
Ворожеи! Кириллинъ день насталь,
А государю легче!

Къ слугамъ.

Что? Готово?

КЛЮЧНИКЪ—смотришь съ списокъ.

Все налицо!

ДВОРЕЦКІЙ—къ слугамъ.

Ну, съ Богомъ! Уходите!

Слуги уходятъ.

Вишь, какъ статьи подобраны подь ряды!
Чего тутъ нѣтъ! Каменьевъ самоцвѣтныхъ,
И золота, и шелку, и парчи!
Такъ вся палата и горитъ!

КЛЮЧНИКЪ.

Тсъ! Кто-то

Идетъ сюда!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ахъ, Господи, не царь ли?

Входитъ Бѣльскій.

КЛЮЧНИКЪ.

Нѣтъ, это Бѣльскій!

БѢЛЬСКІЙ.

Все-ль у васъ готово?

ДВОРЕЦКІЙ.

Все, государь

БѢЛЬСКІЙ.

Сейчасъ изволить царь
Пожаловать. Смотрите же, чтобъ онъ
Остался всѣмъ доволенъ; чтобъ ему
Отъ насъ досады въ чемъ не приключилось!

Врачи сказали: Боже сохрани
Его прогнѣвать чѣмъ-нибудь сегодня!

Слышень хохоть.

Кто тамъ хохочеть?

Входитъ шутъ. За нимъ толпа скомороховъ,
въ странныхъ нарядахъ, съ гудками, волын-
ками, сковородками и разной звонкой по-
судой.

ШУТЪ—къ Бѣльскому.

Дядюшка Богданъ!

Я хороводъ тебѣ привелъ! Послушай!

СКОМОРОХИ—съ пляскою.

Ой, жги, жги, жги!
Настежь, баба, ворота:
Тащи козла за рога!
Ой, жги, жги, жги!
Пошла, баба, въ три ноги!

ШУТЪ.

Ну что, какъ нравится тебѣ?

БѢЛЬСКІЙ—осматриваетъ скомороховъ.

Изрядно!

Смотрите-жь, хари! Пятокъ не жалѣть!
Передъ царемъ вертѣться кубарями!
Теперь пока ступайте въ ту палату,
Тамъ спрячьтесь. Когда я крикну: «Люди!»—
Вбѣгайте всѣ, да эту пѣсню гряньте
Повеселѣй!

Скоморохи проходятъ черезъ сцену въ боковую дверь.

БѢЛЬСКІЙ—къ шуту.

Ты около царя

Все время будь—гляди ему въ глаза,
И только лишь онъ брови понахмурить—
Ты шутку выкинь посмѣшнѣй!

ШУТЪ.

Да, выкинь!

Не хочешь ли самъ выкинуть? А онъ
Тебя въ окошко выкинетъ!

Дверь отворляется

Вотъ онъ!

Поди, шути!

Иоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо его изнурено болѣзнию, но выражаетъ торжество. Кресла опускаютъ среди палаты и передъ ними ставятъ небольшой треугольный столъ. За Иоанномъ входятъ: Годуновъ, Мстиславскій, Шуйскій и другіе бояре, кромѣ Захарьина.

І О А Н Н Ъ—сидя въ креслахъ, къ Годунову.

Нельзя еще сегодня

Намъ видѣть королевина посла.

Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,

Откланяться придетъ. Въ опочивальнѣ

Мы примемъ за просто его. Теперь же

Посмотримъ, что назначить намъ въ подарокъ

Сестрѣ Елизаветѣ да ея

Племянницѣ, невѣстѣ нашей!

БѢЛЪСКІЙ.

Вотъ

Изъ Персіи, великій государь,

Уздрочіе разное. Быть-можетъ,

Оно пригодно королевѣ?

І О А Н Н Ъ.

Нѣтъ,

Тряпьемъ ее не увидишь. Обычай

Ея не бабій. Писемскій намъ пишетъ

Изъ Лондона, что любить-де она

Въ лѣсахъ гонять оленей; любить также

Потѣху птичью и звѣриный бой.

Мы припасемъ подарокъ ей по вкусу.

Подайте мнѣ ту сбрую съ бирюзой,

Съ жемчужными наузами, да къ ней

Вонъ тотъ чепракъ, что яхонтами сажень!

Иоанну подають требуемые предметы. Онъ осматриваетъ ихъ и велитъ знакомъ отложить въ сторону.

Еще пошлемъ ей двухъ живыхъ медвѣдей

На золотыхъ цѣпяхъ, да кречетовъ

Сибирскихъ шесть. Пусть тѣшится сестрица

Да поминаетъ насъ! Княжнѣ-жъ Хастинской—

Другое дѣло! ей найдемъ нарядъ.
Подать сюда всѣ кольца и монисты!

Иоанну подають разныя драгоценности. Онъ беретъ ихъ въ руки и осматриваетъ одну за другою.

Вотъ это ожерелье изъ алмазовъ
И яхонтовъ лазоревыхъ съ червцами
Пошлемъ княжнѣ. Лазоревъ темный яхонтъ,
Когда взглядѣться въ глубину его,
Покоить душу, скорби разбиваетъ,
Червецъ же вѣрность женскую блюдетъ,
Затѣмъ, что цвѣтъ его—сердечной крови.
Изъ перстней же вотъ этотъ ей пошлемъ,
Онъ всѣхъ цѣннѣй: зовется камень лаль,
Привозится къ намъ изъ земли Индiйской,
А достается не легко, затѣмъ,
Что страховидные тамъ звѣри, грифы,
Его стрегутъ. Отъ укушенья змѣй
Онъ исцѣляетъ. Пусть его невѣста
На пальчикъ свой надѣнетъ, намъ въ любовь!
А что до тканей—въ нихъ я не знатокъ,
О нихъ спросить царицу Марью. Бабы
На томъ собаку съѣли. Что царицѣ
Полюбится, то и послать княжнѣ!

шутъ.

Царь-батюшка!

ІОАННЪ.

Что?

шутъ.

Ты когда женишься

Сбираешься?

ІОАННЪ.

Тебѣ на что?

шутъ.

Да такъ;

указывая на Михайла Нагого

Хочу вотъ Мишкѣ службу сослужить:
Нагихъ-то время при дворѣ прошло,
Такъ я хочу вотъ этого пристроить!

Снимаетъ свой колпакъ и ходитъ съ нимъ отъ
одного къ другому, будто прося милостыни.

ІОАННЪ.

Что дѣлаешь ты, шутъ?

ШУТЬ.

По ниткѣ съ міру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

ІОАННЪ.

Ха-ха! Вотъ это шутъ такъ шутъ! Не бойся,
Нагимъ не станеть по прозванью.

Къ Нагимъ.

Вы!

Коль будете по правдѣ мнѣ служить,
Я не оставлю васъ!

Окидываетъ глазами сокровища.

Есть, слава Богу,

Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мнѣ станеть!

• Слышны крики на площади.

Что за крики тамъ?

ГОДУНОВЪ.

Народъ шумитъ, великій государь,
И веселится о твоёмъ здоровьи!

ІОАННЪ.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!
А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ.
Борись, ступай и казнь имъ объяви,
Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они состроятъ рожи!

Годуновъ уходитъ.

Вишь, хотѣли
Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ
Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите ли?

шуйскій.

Слышимъ, государь.

Іоаннъ.

Что-жъ вы молчите? Развѣ можетъ кто
Сказать впередъ: я проживу вотъ столько?
Иль такъ-то жизнь окончу я мою?

мстиславскій.

Нѣтъ, государь!

Іоаннъ.

Ну, то-то-жъ! Чтò же вы
Молчите, а?

шуйскій.

Великій государь,
И день и ночь мы о твоємъ здоровьѣ
Всѣ молимъ Бога!

мстиславскій.

Исцѣли тебя
Скорѣи Господь!

Іоаннъ.

Да развѣ я еще
Не исцѣленъ? Чтò вы сказать хотите?
Я развѣ боленъ? Солнце ужъ заходитъ,
А я теперь бодрѣй, чѣмъ утромъ былъ,
И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
Устроить вновь! Въ мой смертный часъ, когда
Митрополитъ у моего одра
Молиться будетъ со святымъ синклитомъ,
Я имъ скажу: не плачьте, я утѣшенъ,

Бо легкую приметъ сынъ державу
Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу!

Бѣльскій дѣлаетъ знакъ шуту, который раз-
сматривалъ разныя вещи на столахъ. Шутъ
беретъ ящикъ съ шахматами и подноситъ къ
Іоанну.

ШУТЪ.

Надѣжа-царь! Вишь, куколки какія!

ІОАННЪ—къ боярамъ.

Волхвовъ за ложь на казнь я осудилъ.
Не правъ мой судъ, по-вашему?

БОЯРЕ.

Правъ, царь!

ІОАННЪ.

А коли правъ, такъ что же языки
Связало вамъ?

БОЯРЕ.

Великій государь!

Помилуй насъ! Не знаемъ, что сказать!

ІОАННЪ.

Не знаете? Такъ, стало, я безвинныхъ
На казнь обрекъ? Такъ, стало, не солгали
Ворожей?

БОЯРЕ.

Солгали, государь!

Они солгали! По винѣ имъ мѹка!
За ихъ вину и казни мало имъ!

ІОАННЪ.

Насилу-то! Вишь, ротъ раскрыть боятсѹ
Изъ нихъ слова тащить клещами надо!

Молчаніе.

Что шепчетесь вы тамъ?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь!

Мы не шептались!

ІОАННЪ.

Вы какъ будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

ШУТЪ.

Царь-солнышко! да посмотри-жь сюда
На куколки!

ІОАННЪ.

Что это у него?

БЪЛЬСКІЙ.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислалъ тебѣ въ подарокъ
Персидскій царь.

ШУТЪ—разглядывая фигуры.

Нарядныя какія!

БЪЛЬСКІЙ—береть со стола доску.

Вотъ и доска къ нимъ!

ІОАННЪ.

Покажи сюда!

Осматриваетъ шахматы.

Давно въ игру я эту не игралъ.
Садись, Богданъ, посмотримъ, кто сильнѣе!

Слуги вносятъ свѣчи. Іоаннъ разставляетъ
игру. Бѣльскій садится противъ него на
стольцѣ и также разставляетъ.

ШУТЪ—къ Іоанну, указывая на шахматы

Точь-въ-точь твои бояре! Знаешь что?
Живыхъ-то ты всѣхъ по-боку, а этихъ
Всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже
У нихъ пойдутъ, а ѣсть они не просятъ!

ІОАННЪ.

Ха-ха! Дуракъ не слишкомъ глупъ сегодня!

Подвигаетъ пѣшку. Игра начинается. Всѣ ста-
новятся полукругомъ за царскими креслами и
смотрятъ.

ШУТЬ.

Иль, вмѣсто ихъ, меня поставь въ боярс!
Я буду въ думѣ засѣдать одинъ,
И разногласья у меня не будетъ!
Не то пошли меня, надежа-царь,
Посломъ въ Литву, поздравить короля!

ІОАННЪ.

Съ чѣмъ, шутъ?

ШУТЬ.

Да съ тѣмъ, что о псковскія стѣны
Онъ лобъ разбилъ!

ІОАННЪ.

Тебя послать не дурно;
Послалъ же онъ Гарабурду ко мнѣ
Съ своей перчаткой! Чай, теперь идти
На Новгородъ раздумали!

ШУЙСКІЙ.

Куда имъ!

ІОАННЪ.

На сеймѣ ихнемъ королю въ пособіѣ
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ!

ШУТЬ.

У насъ не такъ!
Понадобилось что—хапъ, хапъ! и есть!

БѢЛЬСКІЙ—подвигая ферязь.

Шахъ, государь.

ІОАННЪ—заслоняется словомъ.

Шахъ ферязи твоей!

ШУЙСКІЙ—къ БѢльскому, смѣясь.

Что взялъ, бояринъ? Ферязь-то пропала!

ІОАННЪ.

Да, кажется!

БѢЛЬСКІЙ.

Какъ есть пропала ферязь!

ІОАННЪ.

Сдается намъ, мы не совсѣмъ еще
Играть забыли! Нашъ недугъ у насъ
Еще не вовсе отнялъ разумъные!
Кириллинъ день! Вишь выдумали что!
Проклятые! Куда пропалъ Борисъ?
Что онъ нейдетъ съ отвѣтомъ?

БѢЛЬСКІЙ беретъ царскаго слона. Іоаннъ хочетъ
взять его ферязь царемъ и роняетъ его на полъ.

ШУТЬ—бросаясь подымать.

Ай, ай, ай!

Царь шлепнулся!

ІОАННЪ—вспыхнувъ.

Шутъ! Ври, да мѣру знай!

Къ БѢльскому.

Тебѣ ходить!

Игра продолжается. Годуновъ показывается
въ дверяхъ.

ГОДУНОВЪ—тихо, указывая на Іоанна
одному боярину, стоящему
позади другихъ.

Каковъ онъ?

БОЯРИНЪ—тихо къ Годунову.

Больно гнѣвень!

Ужъ раза два сердиться начиналъ!

Годуновъ подходитъ и становится напротивъ Іоанна.

ІОАННЪ—поднявъ голову.

Ты здѣсь? Ну, что? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Зачѣмъ молчишь ты?
Что-жъ ты не говоришь?

ГОДУНОВЪ.

Гмъ, государь!

ІОАННЪ.

Что ты такъ смотришь на меня?

Отодвигается отъ Годунова.

Какъ смѣешь

Ты такъ смотрѣть!

ГОДУНОВЪ.

Великій государы!

Волхвы тебѣ велѣдц отвѣчать,

Что ихъ наука достовѣрна.

ІОАННЪ.

Какъ?!

ГОДУНОВЪ.

Что ошибиться имъ нельзя, и что—

Кириллинъ день еще не миноваль!

ІОАННЪ—встаетъ, шатаясь.

Не миноваль?—Кириллинъ день?—Ты смѣешь—

Ты смѣешь мнѣ въ глаза—злодѣй!—Ты—ты—

Я понялъ взглядъ твой!—Ты меня убить—

Убить пришелъ!—Измѣнникъ!—Палачей!—

Феодоръ!—Сынъ!—Не вѣрь ему!—Онъ воръ!—

Не вѣрь ему!—А!

Падаеть навзничъ на полъ.

ШУЙСКІЙ—бросается къ нему и поддер-
живаеть его голову.

Боже! Онъ отходитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Позвать врачей! Скорѣй позвать врачей!

ІОАННЪ—открывъ глаза.

Духовника!

БѢЛЬСКІЙ.

Бѣгите за попомъ!

Скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!

Вбѣгаютъ скоморохи съ пѣніемъ, свистомъ и пляской.

СКОМОРОХИ.

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

БОЯРЕ.

Что это? Что? Назад! Побойтесь Бога!

БѢЛЬСКІЙ—бросается на скомороховъ.

Назад! Назад! Безбожники! Назад!
Царь умираетъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Дохтура зовите!

Іоаннъ умираетъ. Нѣкоторые бояре бросаются
изъ палаты. Скоморохи разбѣгаются. Входятъ
Эльмсъ и Якоби.

ЯКОБИ.

Гдѣ государь?

БѢЛЬСКІЙ—указываетъ на трупъ.

Вотъ оны!

ЯКОБИ—нагибается и щупаетъ пульсъ
Іоанна.

Не бьется пульсъ!

Эльмсъ—беретъ другую руку.

Не бьется—нѣтъ!

ЯКОБИ—щупаетъ сердце.

Не бьется сердце!

Эльмсъ.

Умеръ!

ЯКОБИ.

Окончилъ жизнь!

ГОДУНОВЪ—подходитъ и кладетъ руку
на сердце Іоанна.

Преставился!

Отворяетъ окно и кричитъ на площад

Москва!

Царь Иоаннъ Васильевичъ скончался.

Говоръ и гулъ на площади. Годуновъ выходитъ изъ палаты. Бояре обступаютъ Иоанна и глядятъ на него молча. Входитъ Захарьинъ и останавливается передъ трупомъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,
Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтесь! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватитъ длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

Они поднимаютъ Иоанна, кладутъ его на скамью, дѣлаютъ ему изголовье и покрываютъ его парчою. Вбѣгаютъ Ѳедоръ, царица и царица Ирина.

ѲЕДОРЪ—бросаясь къ трупу.

Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.

О, Господи, помилуй!

ИРИНА.

О, Господи!

Всѣ трое голоса и рыдаютъ. Крики на площади усиливаются. Входитъ стрѣлецкій голова.

ГОЛОВА—къ Ѳедору.

Великій государь!

Народъ бунтуетъ! Лѣзутъ на крыльцо!

ѲЕДОРЪ—съ испугомъ.

Что надо имъ?

ГОЛОВА.

Кричатъ, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Отравой государя извели!

Вбѣгаетъ стрѣлецкій сотникъ.

СОТНИКЪ.

Народъ царь-пушкой овладѣлъ! Хотятъ
Разбить дворецъ!

БѢЛЬСКІЙ—къ Ѳедору.

Вели по нимъ стрѣлять!

ѲЕДОРЪ.

Гдѣ шуринъ мой? Борисъ! Борисъ! Что дѣлать?

Входитъ Годуновъ.

ГОДУНОВЪ—торжественно къ Ѳедору,
опускаясь на колѣни.

Великій царь!

ѲЕДОРЪ—бросается къ нему.

А, вотъ ты наконецъ!

Крики на площади, между которыми слышны
имена Шуйскаго и Бѣльскаго.

ШУЙСКІЙ—къ Ѳедору.

Рѣшайся, государь!

ѲЕДОРЪ—указывая на Годунова.

Вотъ тотъ, кто долженъ

Теперь рѣшать! Ему препоручаю
Отнынѣ власть мою!

ГОДУНОВЪ—поклонившись Ѳедору, под-
ходитъ къ окну.

Народъ московскій!

Ѳеодоръ Іоаннычъ, Божьей волей
Великій князь и царь всея Руси,
Вамъ повѣстить велѣлъ, что отъ недуга
Скончался царь Иванъ. Въ его же смерти
Виновныхъ нѣтъ. Но Шуйскій съ Бѣльскимъ долго
Тѣснили васъ; что вѣдая, царь Ѳеодоръ
Ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы!

Гулъ на площади.

ШУЙСКІЙ.

Борисъ Ѳеодорычъ! Помилуй! Что ты?

БѢЛЬСКІЙ.

За что насъ въ ссылку?

ГОДУНОВЪ.

Вы вольны остаться—

Хотите-ль выйти на крыльцо?

ШУЙСКІЙ.

Помилуй!

Насъ разорвутъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Насъ разорвутъ на клочья!

ГОДУНОВЪ.

Я думаю.

Къ стрѣльцкому головѣ.

За крѣпкимъ карауломъ

Бояръ отправить изъ Москвы. Въ Покровѣ

Васъ извѣстятъ, куда ихъ отвезти.

Шуйскаго и Бѣльскаго окружаютъ стрѣльцы.

ЗАХАРЬИНЪ—къ Годуну.

Ты скорѣ, бояринъ. Мы еще не знаемъ,

Кто поднялъ бунтъ?

ГОДУНОВЪ.

Нагіе со Мстиславскимъ.

Указывая на Битяговскаго, который входитъ
въ приличномъ видѣ и въ добромъ платьѣ.

Вотъ кто на нихъ свидѣтелемъ стоитъ!

НАГІЕ И МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ? Онъ?

БИТЯГОВСКІЙ—нагло.

Да, я!

ГОДУНОВЪ—къ Мстиславскому.

Князь, ты достоинъ смерти,

Но царь тебя лишь въ монастырь ссылаетъ.

Къ Нагиму

А васъ обоихъ, изъ любви къ царицѣ,
Прощаетъ онъ и въ Угличъ вамъ велитъ
Отправиться съ царевичемъ и съ нею.

Къ царицѣ, указывая на Битяговскаго.

Васъ всѣхъ блюсти вотъ этотъ наряженъ!

царица—къ Феодору.

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Феодоръ!
Не отсылай насъ, цари!

ФЕОДОРЪ—къ Годунову.

Нельзя ли, шуринъ,
Царицѣ здѣсь остаться?

ГОДУНОВЪ.

Государь,

Тамъ лучше ей.

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ Годуновъ!

И вижу, ты распоряжаться мастеръ!
Всѣмъ мѣсто ты нашелъ—лишь одного
Меня забылъ ты! Говори, куда
Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?
Въ тюрьму? Или на плаху?

ГОДУНОВЪ.

Мой отецъ,

Тебя царь проситъ оставаться съ нимъ.

царица—къ Захарьину.

Спаси меня! Спаси меня, бояринъ!
Пропали мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало!.. Злое сѣмя
Посѣялъ ты, бояринъ Годуновъ!
Не доброй жатвы отъ него я чаю!

Обращаясь къ трупу Іоанна.

О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!
Прости насъ всѣхъ! Вотъ самовласть кара!
Вотъ распаденъ нашего исходъ!

ӨЕДОРЪ—къ царицѣ со слезами.

Не плачь, царица-матушка! Чтò-жъ дѣлать!
Такъ, видно, надобно!

ГОДУНОВЪ—подходить къ окну.

Народъ московскій!

Великій царь Ѳеодоръ Іоаннычъ
Прощаетъ васъ! Ступайте всѣ молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утромъ будетъ вамъ раздача
По всей Москвѣ и хлѣба и вина!

КРИКИ НА ПЛОЩАДИ.

Да здравствуетъ царь Ѳеодоръ Іоаннычъ!
Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

Өеодоръ бросается, рыдая, на шею Годунову.
Они стоятъ, обнявши другъ друга.

К О Н Е Ц Ъ .

II.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

[1868]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго.
 Царица Ирина Ѳедоровна, жена его, сестра Годунова.
 Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, правитель царства.
 Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, верховный воевода.
 Діонисій, митрополитъ всея Руси.
 Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій.
 Іовъ, архіепископъ Ростовскій.
 Благовѣщенскій протопопъ.
 Чудовскій архимандритъ.
 Духовникъ царя Ѳедора.
 Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, племянникъ кн. Ивана Петровича.
 Князь Андрей }
 Князь Дмитрій } Шуйскіе, родственники кн. Ивана Петровича.
 Князь Иванъ }
 Князь Мстиславскій } ближніе воеводы }
 Князь Хворостининъ } } сторонники Шуйскихъ.
 Князь Шаховской }
 Михайло Головинъ }
 Андрей Петровичъ Лупъ-Клешнинъ, }
 бывший дядька царя Ѳедора, } } сторонники Годунова.
 Князь Туренинъ }
 Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и не-
 вѣста Шаховского.
 Василиса Волохова, сваха.
 Богданъ Курюковъ }
 Иванъ Красильниковъ } московскіе гости, сторонники Шуйскихъ.
 Голубъ, отецъ }
 Голубъ, сынъ }
 Ѳеодокъ Старковъ, дворецкій кн. Ивана Петровича.
 Гусляръ.
 Царскій стремянный.
 Слуга Бориса Годунова.
 Гонецъ изъ села Тѣшлова.
 Гонецъ изъ Угляча.
 Ратникъ.

Бояре, боярыни, сѣнныя дѣвушки, стольники, дьяки, попы, монахи,
 торговые люди, посадскіе, стрѣльцы, слуги, нищие и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ, въ концѣ XVI столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На лѣвомъ концѣ сцены—столъ, за которымъ сидятъ всѣ Шуйскіе, кромѣ Ивана Петровича и Василя Ивановича.—Рядомъ съ Шуйскими: Чудовскій архимандритъ, Благовѣщенскій протопопъ и нѣкоторыя другія духовныя лица.—Нѣсколько бояръ также сидятъ за столомъ; другіе расхаживаютъ, разговариваютъ, въ глубинѣ сцены.—По правую руку стоятъ купцы и люди разныхъ сословій.—Тамъ же виденъ другой столъ съ кубками и сулеями. За нимъ стоитъ, въ ожиданіи, Старковъ, дворецкій князя Ивана Петровича.

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ—къ духовнымъ.

Да, да, отцы! На это дѣло крѣпко
Надѣюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидитъ правитель Годуновъ. Онъ ею
Одной сильнѣй всего боярства вмѣстѣ;
Какъ вотчиной своею помыкаетъ
И думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Намъ отъ сестры избавиться его—
Мы сладимъ съ нимъ!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Такъ князь Иванъ Петровичъ
Свое согласье даль?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Насилу далъ!

Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я въ домѣ-де своемъ справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховскаго,
Вишь, выдаю,—царицу же съ царемъ
Я разлучу; у насъ веселье будетъ,
У нихъ же плачь!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Зѣло онъ мягкосердъ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Такой ужъ норовъ: въ полѣ лютый звѣрь,
А снялъ доспѣхъ—и не узнаешь вовсе,
Другой сталъ человѣкъ.

ГОЛОВИНЪ.

А какъ же онъ

Согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Спасибо князь-Василью,
Онъ уломалъ его.

ГОЛОВИНЪ.

Не жду я проку
Отъ этого. По мнѣ: ужъ если дѣлать,—
Такъ все, иль ничего!

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

А что-бъ ты сдѣлалъ?

ГОЛОВИНЪ.

Попроше-бъ сдѣлалъ, да теперь, вишь, намъ
Не время толковать объ этомъ. Шшы!
Вотъ онъ идетъ!

Входитъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ Васи-
ліемъ Шуйскимъ, который держитъ бумагу.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Отцы! Князья! Бояре!

Бью вамъ челомъ—и вамъ, торговымъ людямъ!
Рѣшился я. Намъ долъ Годунова
Терпѣть нельзя. Мы, Шуйскіе, стоимъ
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Какъ повелось отъ предковъ; онъ же ставитъ
Всю Русь вверхъ дномъ. Нѣтъ, не бывать тому!
Онъ—или мы! Читай, Василь-Иванычъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—читасть.

«Великому всея Русіи князю,
«Царю и самодержцу, государю
«Θеодору Иванычу—отъ всѣхъ
«Святителей, князей, бояръ, поповъ,
«Всѣхъ воинскихъ людей, и всѣхъ торговыхъ,
«Отъ всей земли: Царь, смилуйся надъ нами!
«Твоя царица, родомъ Годунова,
«Неплодна есть, а братецъ твой, Димитрій
«Ивановичъ, недугомъ одержимъ
«Падучимъ. И если-бъ, волей Божьей,
«Ты, государь, преставился, то могъ бы
«Твой родъ пресѣчься, и земля въ сиротство
«Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
«Насъ пожалѣй, не дай остаться пусту
«Отцовскому престолу твоему.
«Наслѣдія и чадородья ради,
«Ты новый бракъ прими, великій царь,
«Возьми себѣ въ царицы (имя рекъ)...»

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мы имя впишемъ послѣ; со владыкой
Рѣшимъ, кого намъ указать. Читай!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—продолжаетъ.

«Неплодную-жъ царицу отпусти,
«Царь-государь, во иноческій чинъ,
«Какъ то твой дѣдъ покойный учинилъ,
«Великій князь Василій Іоаннычъ.
«И въ томъ тебѣ мы, цѣлою землею,
«Отъ всей Руси, соборне бьемъ челомъ
«И руки наши прилагаемъ».

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ боярамъ.

Всѣ ли

Согласны подписаться?

БОЯРЕ.

Всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ духовнымъ.

А вы, отцы?

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Святой владыка насъ
Благословилъ тебѣ дать руки.

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЬ.

Полно
Христову церковь Годунову долѣ
Насиловать!

кн. иванъ петровичъ—къ купцамъ.

А вы?

КУПЦЫ.

Князь-государь,
Ужъ намъ ли за тобою не идти!
Отъ Годунова намъ накладнѣй всѣхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ льготы англичанамъ!

кн. иванъ петровичъ—береть перо.

Прости-жь мнѣ Богъ, что я для блага всѣхъ
Грѣхъ на душу беру!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И, полно, дядя!
Какой тутъ грѣхъ? Не по враждѣ къ Иринѣ
Ты на нее идешь, но чтобъ упрочить
Престоль Руси!

кн. иванъ петровичъ.

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова,—
И самъ себя морочить не хочу!
Мой путь не прямъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Помилуй! Что Иринѣ
Въ мірскомъ величѣ? Супротивъ блаженства
Небеснаго все—прахъ и суета!

кн. иванъ петровичъ.

Я говорю тебѣ, мой путь не прямъ—
Но пятиться не стану. Лучше пусть

Безвинная царица пропадаетъ,
Чѣмъ вся земля!

Подписывается.

Прикладывайте руки!

Всѣ начинаютъ подписываться. Кн. Иванъ Петровичъ отходитъ въ сторону. Къ нему подходитъ кн. Шаховской.

ШАХОВСКОЙ.

Князь-государь, когда же мнѣ позволишь
Съ невѣстою увидѣться?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тебѣ

Одна забота—только о невѣстѣ?
Не терпится? Пожди, она сойдетъ
Тебя съ другими потчевать.

ШАХОВСКОЙ.

Ты, князь,

Вѣдь при другихъ мнѣ только и даешь
Съ ней видѣться.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А ты-бъ хотѣлъ одинъ?

Ты молодъ, князь, а я держуся крѣпко
Обычая. Имъ цѣло государство,
Имъ—и семья.

ШАХОВСКОЙ.

Обычая-ль тогда

Держался ты, когда сидѣлъ во Псковѣ,
Тебя-жъ хотѣлъ Замоискій извести,
А ты его, въ лукавствѣ уличивъ,
Какъ честнаго, на поле звалъ съ собою?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не красная былъ дѣвица Замоискій,
Я-жъ—не женихъ. Глазъ-на-глазъ со врагомъ
Быть не зазоръ.

Шаховской отходитъ. Подходить Головинъ.

ГОЛОВИНЪ—вполголоса.

Когда-бъ ты захотѣлъ
Князь-государь, короче-бъ можно дѣло
И лучше кончить. Углицкіе люди
Ко Дмитрію Ивановичу мыслятъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, что же въ томъ?

ГОЛОВИНЪ.

А на Москвѣ толкуютъ,
Что Федоръ царь и плотью слабъ и духомъ;
Такъ если-бъ ты...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Михайло Головинъ,
Остерегись, чтобъ я не догадался,
Куда ты гнешь.

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я мимо
Ушей теперь намекъ твой пропускаю,
Но если ты его мнѣ повторишь—
Какъ святъ Господь, я выдамъ головою
Тебя царю!

Входитъ княжна Мстиславская въ большомъ
нарядѣ, за ней двѣ дѣвушки и Волохова съ
подносомъ, на которомъ чары.—Всѣ кла-
няются княжнѣ въ поясъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—тихо къ Головину.

Нашель кого поднять
На прирожденнаго на государя!
Да онъ себя на мелкіе куски
Дастъ искрошить скорѣй. Брось дурь!

ГОЛОВИНЪ.

Кабы

Онъ только захотѣлъ...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кабы! Кабы .

У бабушки бородушка была,
Такъ былъ бы дѣдушка.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, гости дорогіе,
Теперь изъ рукъ племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передаетъ поднось княжнѣ, ко-
торая обноситъ гостей съ поклонами.

ШАХОВСКОЙ—къ Мстиславской шопотомъ,
принималъ отъ нея чару.

Скоро ли позволишь
Мнѣ свидѣться съ тобою?

Княжна отворачивается.

ВОЛОХОВА—шопотомъ Шаховскому.

Завтра ночью,

Въ садовую калитку!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—подымая кубокъ,
который поднесъ
ему Старковъ.

Напередъ
Во здравье пьемъ царя и государя
Теодора Иваныча! Пусть много
Онъ лѣтъ царить надъ нами!

Всѣ.

Много лѣтъ

Царю и государю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А затѣмъ
Пью ваше здравье!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Ты намъ щитомъ былъ долго отъ Литвы—
Будь намъ теперь щитомъ отъ Годунова!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Благослави тебя Всевышній Царь
Святую церковь нашу отстоять!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЬ.

И сокрушить Навуходоносора!

КУПЦЫ.

Князь-государь! Ты намъ—что твердый Кремль,
И мы съ тобой въ огонь и въ воду!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь,
Теперь дозвожь про молодыхъ намъ выпить,
Про жениха съ невѣстой!

ВСЪ.

Много лѣтъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Благодарю васъ, гости дорогіе,
Благодарю! Она хотя мнѣ только
Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорій! Кланяйтеся, дѣти!

ВСЪ—пьютъ.

Во здравье удалому жениху
И дорогой невѣстѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Всѣмъ спасибо!

Къ Мстиславской.

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться въ люди:
Вишь раскраснѣлась, словно маковъ цвѣтъ.

Цѣлуеть ее въ голову.

Ступай себѣ!

Княжна, Волохова и дѣвушки уходятъ.

ВОЛОХОВА—уходя, къ Шаховскому.

Смотри же, не забудь:

Въ садовую калитку! Да гостинчикъ
Мнѣ принеси, смотри же!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Медлить намъ
Теперь нельзя. Пусть тотчасъ ко владыкѣ
Идетъ нашъ листъ, а тамъ по всей Москвѣ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не проболтаться, Боже сохрани!

В С ъ.

Избави Богъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Простите-жъ, государи,
Простите всѣ! Владыка дастъ намъ знать,
Когда къ царю собираться съ челобитьемъ!

Всѣ расходятся.

Мой путь не прямъ. Сегодня понялъ я,
Что чистымъ тотъ не можетъ оставаться,
Кто борется съ лукавствомъ. Правды съ кривдой
Бой неравѣнъ; а съ непривычки трудно
Кривить душой! Счастливъ, кто въ чистомъ полѣ
Передъ врагомъ стоитъ лицомъ къ лицу!
Вокругъ него и громъ, и дымъ, и сѣча,
А на душѣ спокойно и легко!
Мнѣ-жъ на душу легло тяжелымъ камнемъ,
Что нынѣ я неправо совершилъ.
Но, видитъ Богъ, намъ всѣ пути иные
Заграждены. На Ѳедора опоры
Нѣтъ никакой! Онъ—словно мягкій воскъ
Въ рукахъ того, кто имъ владѣть умѣетъ.
Не онъ царить—подъ шуриномъ его
Стена, давно земля защиты просить;
Отъ насъ однихъ спасенья ждетъ она!
Да будетъ же—нѣтъ выбора иного—
Неправдою неправда сражена,
И да падутъ на совѣсть Годунова
Мой вольный грѣхъ и вольная вина!

Уходятъ.

СТАРКОВЪ—глядя ему вслѣдъ.

Неправда за неправду! Ну, добро!
Такъ и меня ужъ не вини, бояринъ,

Что предъ тобой неправду учиню я,
Да на тебя всю правду донесу!

Палата въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ, въ раздумѣ, сидятъ у стола — Близъ него стоятъ Лупъ-Клешнинъ и князь Туренинъ. — У двери дожидается Старковъ.

К Л Е Ш Н И Н Ъ — къ Старкову.

И ты во всемъ свидѣтельствовать будешь?

С Т А Р К О В Ъ.

Во всемъ, во всемъ, боярины! Хоть сейчасъ
Поставь меня лицомъ къ царю!

К Л Е Ш Н И Н Ъ.

Добро!

Ступай себѣ, голубчикъ! съ насъ довольно!

Старковъ уходитъ.

К Л Е Ш Н И Н Ъ — къ Годунову.

Что? Каково? Сестру, молю, въ монастырь,
А брата пд-боку! И со владыкой
Идутъ къ царю!

Г О Д У Н О В Ъ — въ раздумѣ.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ царь Иванъ преставился. И нынѣ,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрѣпшше строенье,
Все, что для царства сдѣлать я успѣлъ —
Все рушится — и снова станемъ мы,
Гдѣ были въ ночь, когда Иванъ Васильичъ
Преставился.

К Л Е Ш Н И Н Ъ.

Подконы съ двухъ сторонъ
Они ведутъ. Тамъ, въ Угличѣ, съ Нагими
Спознался ихъ сторонникъ Головинъ,
А здѣсь царя съ царицею разводять.
Не тутъ, такъ тамъ; коль не мытьемъ удастся,
Такъ катаньемъ!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Бояринъ, не давай
Имъ съ челобитіемъ идти къ царю!
Его ты знаешь; супротивъ поповъ,
Пожалуй, онъ не устоитъ.

КЛЕШНИНЪ.

Пожалуй!
Разсчитывать нельзя. Покойный царь
Пономаремъ его не даромъ звалъ.
Эхъ, батюшка ты нашъ, Иванъ Васильичъ!
Когда-бъ ты здравствовалъ, ужъ какъ бы ты
И Шуйскихъ и Нагихъ поуспокоилъ!

ГОДУНОВЪ.

Изъ Углича намъ не было вѣстей?

КЛЕШНИНЪ.

Не получалъ. Пусть только Битяговскій
Ту грамоту пришлетъ, что Головинъ
Писалъ къ Нагимъ, ужъ мы скрутили-бъ Шуйскихъ!

ТУРЕНИНЪ.

А если онъ самъ отъ себя воруетъ?

КЛЕШНИНЪ.

Намъ нѣтъ нужды! Съ той грамотой опи
У насъ въ рукахъ.

ТУРЕНИНЪ.

Твоими бы устами
Пришлось медъ пить. У меня-жъ со княземъ
Иванъ-Петровичемъ старинный счетъ:
Когда во Псковѣ съ голоду мы мерли,
А день и ночь насъ осыпали ядра
Каленныя, я въ жалости души,
И не хотя сидѣльцевъ погубленья,
Далъ имъ совѣтъ зачать переговоры
Съ Батуромъ королемъ. Но князь Иванъ
На шею мнѣ велѣлъ накинуть петлю
И только по упросу богомольцевъ
Помиловалъ. Я не забылъ того,

И вотчины свои теперь бы отдать,
Чтобы на нёмъ веревку увидеть!

КЛЕШНИНЪ.

Ему-бъ къ лицу! Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ нами гордь. Эхъ, грамоту-бъ добыты!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Твоя судьба виситъ на волоскѣ—
Тебѣ рѣшиться надо!

ГОДУНОВЪ—вставал.

Я рѣшился.

ТУРЕНИНЪ.

На что?

ГОДУНОВЪ.

На миръ.

ТУРЕНИНЪ И КЛЕШНИНЪ—вмѣстѣ.

Какъ? Съ Шуйскими на миръ?

ГОДУНОВЪ.

Мы завтра же друзьями учинимся.

ТУРЕНИНЪ.

Врагамъ своимъ ты хочешь уступить?
Ты согласишься подѣлиться съ ними
Своею властью?

КЛЕШНИНЪ.

Батюшка, дозвожь
Тебѣ сказать: ты не съ ума ли спятилъ?
Вѣдь ты козла въ свой пустишь огородъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда, шумя, въ морскую бурю волны
Грозятъ корабль со грузомъ поглотить,—
Безуменъ тотъ, кто изъ своихъ сокровищъ
Не броситъ часть, чтобъ цѣлое спасти.
Часть правъ моихъ въ пучину я бросаю,
Но мой корабль отъ гибели спасаю!

КЛЕШНИНЪ.

А какъ сойдешься съ ними ты? Съ повинной
Къ нимъ, что-ль, пойдешь? Аль ихъ къ себѣ попросишь?
Кто миръ устроить между васъ?

ГОДУНОВЪ.

Самъ царь.

Стольникъ отворяетъ дверь.

ТУРЕНИНЪ.

А вотъ и цѣрь!

Входитъ царь Ѳедоръ.—За нимъ стремянный.

ѲЕДОРЪ.

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

СТРЕМЯННЫЙ.

Государь,

Ты, вишь, въ мошну за деньгами полѣзь
Для нищаго, конь подался впередъ,
Ты-жь дернулъ за поводья, конь съ испугу
И сталъ дыбиться

ѲЕДОРЪ.

Самого меня

Онъ испугаль. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сѣно ѣсть одно!

КЛЕШНИНЪ.

А я бы, царь, стремяннаго приструнилъ,
Чтобъ милости твоей такихъ не смѣлъ
Онъ бѣшенныхъ давать коней!

СТРЕМЯННЫЙ.

Помилуй,

Какой же бѣшенный онъ конь? Ему
Лѣтъ двадцать пять. На немъ покойный царь
Еще ѣзжалъ.

ѲЕДОРЪ.

Я, впрочемъ, можетъ-быть,
Самъ виноватъ. Я слишкомъ сильно стиснулъ

Ему бока. Ты говоришь, съ испугу
Вздыбился онъ?

СТРЕМЯННЫЙ.
Съ испугу, государы!

ӨЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть, ужъ я его прощу;
Но ѣздить я на немъ не буду болъ.
Въ табунъ его! И полный кормъ ему
Давать по смерти!

Изъ другой двери входитъ царица Ирина.
Аринушка, здорово!

ИРИНА.

Здорово, свѣтъ! Никакъ ты уморился?

ӨЕДОРЪ.

Да, да, усталъ. Отъ самаго Андронья
Все ѣхалъ рысью. Здѣсь же, у крыльца,
Конь захотѣлъ меня сшибить, да я
Даль знать себя! Бока ему какъ стиснулъ,
Такъ онъ и стихъ. Аринушка, я чаю,
Обѣдъ готовъ?

ИРИНА.

Готовъ, свѣтъ-государь,
Покушай на здоровье!

ӨЕДОРЪ.

Какъ же, какъ же!
Сейчасъ пойдемъ обѣдать. Я отъ этой
Ѣзды совсѣмъ проголодался. Славно
Трезвонять у Андронья. Я хочу
Послать за тѣмъ пономаремъ, чтобъ онъ
Мнѣ показалъ, какъ онъ трезвонить... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видѣлъ! Знаешь кто?
Мстиславская! Она прилася Шуйскимъ
Племянницей. Видалъ ее ты, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь; мы съ Шуйскими давно ужъ
Не видимся.

ФЕДОРЪ.

Жаль, шуринъ, очень жаль!..
Высокая и стройная такая,
И бѣлая!

ИРИНА.

Да у тебя ужъ, Федоръ,
Зазнобы нѣтъ ли къ ней?

ФЕДОРЪ.

И брови, знаешь,
Какія у нея!

ИРИНА.

Да ты и впрямь
Ужъ много говоришь о ней!

ФЕДОРЪ — лукаво.

А что-жъ,
Аринушка? Вѣдь я еще не старъ,
Вѣдь я еще понравиться могу!

ИРИНА.

Стыдись, она невѣста!

ФЕДОРЪ.

Да, сна
Посватана за Шаховского. Шуринъ,
Ты Шаховского знаешь, князь-Григорья?

ГОДУНОВЪ.

Знавалъ когда-то, царь, но онъ вѣдь нынѣ
Сторонникъ Шуйскихъ.

ФЕДОРЪ.

Шуринъ, даже грустно
Мнѣ слышать это: тотъ сторонникъ Шуйскихъ,
А этотъ твой! Когда-жъ я доживу,
Что вмѣстѣ всѣ одной Руси лишь будутъ
Сторонники?

ГОДУНОВЪ.

Я радъ бы, государь,
За мной не стало-бъ дѣло, если-бъ зналъ я,
Какъ помприться?

ФЕДОРЪ.

Право, шуринь? Право?
Зачѣмъ же ты мнѣ прежде не сказалъ?
Я помирю васъ! Завтра же тебя
Я съ князь-Иванъ Петровичемъ сведу!

ГОДУНОВЪ.

Царь, я готовъ, но, кажется...

ФЕДОРЪ.

Ни, ни!

Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка!..
Я завтра-жъ помирю васъ. А теперь
Пойдемъ къ столу.

Направляется къ дверямъ и останавливается.

Аринушка, послушай:

А вѣдь Мстиславская-то на меня
Смотрѣла въ церкви!

ИРИНА.

Что-жъ мнѣ дѣлать, Федоръ,
Такая, видно, горькая ужъ доля
Мнѣ выпала!

ФЕДОРЪ—обнимая ее.

Родимая моя!
Безцѣнная! Я пошутилъ съ тобою!
Да есть ли въ цѣломъ мѣрѣ кто-нибудь,
Кого-бъ ты краше не была? Пойдемъ же,
Пойдемъ къ столу, а то обѣдъ простынетъ!

Уходитъ. — Ирина слѣдуетъ за нимъ. — Годуновъ, Клешнинъ и Туренинъ идутъ за обоими.

КЛЕШНИНЪ—къ Годунову, уходя.

Миришься ты? Въ товарищи возьмешь ты
Исконнаго, заклятаго врага?

ТУРЕНИНЪ.

Того, къмъ ты всѣхъ болѣ ненавидимъ?
А послѣ что-жь?

ГОДУНОВЪ.

А послѣ—мы увидимъ!

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Царская палата.

Царь Ѳедоръ сидитъ въ креслахъ. — По правую его руку, Ирина вышивасть золотомъ въ пальцахъ. — По лѣвую, сидятъ въ креслахъ: Діонисій, митрополитъ всея Руси; Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій; Іовъ, архіепископъ Ростовскій, и Борисъ Годуновъ. — Кругомъ стоятъ бояре.

ѲЕДОРЪ.

Владыко Діонисій! Отче Іовъ!
Ты, отче Варлаамъ! Я васъ позвалъ,
Святители, чтобъ вы мнѣ помогли
Благое дѣло учинить: давнишнихъ
Мнѣ помогли бы помирить враговъ!
Вамъ вѣдомо, какъ долго я крушился,
Что Шуйскіе, высокіе мужи,
И Годуновъ Борисъ, мой добрый шурина,
Напрасною враждой раздѣлены.
Но, видно, внялъ Господь моимъ молитвамъ,
Духъ кротости въ Бориса Онъ вложилъ.
И вотъ онъ самъ мнѣ обѣщалъ сегодня
Забыть свои отъ недруговъ досады
И первый Шуйскимъ руку протянуть.
Не такъ ли, шурина?

ГОДУНОВЪ.

Твоему желанью
Повиноваться—долгъ мой, государь!

ѲЕДОРЪ.

Спасибо, шурина! Ты Писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вотъ

О Шуйскомъ я хотѣлъ тебѣ сказать,
О князь-Иванъ Петровичѣ: онъ нравомъ
Немного крутъ, и гордъ, и щекотливъ;
Такъ лучше-бъ вамъ поменѣ говорить бы,
А чтобы ты къ нему бы подошелъ,
И за руку бы взялъ его—вотъ этакъ—
И только бы сказалъ, что все забыто,
И что отнынѣ ты со всѣми ими
Въ согласіи быть хочешь.

ГОДУНОВЪ.

Я готовъ.

ФЕДОРЪ.

Спасибо, шуринъ! Онъ вѣдь мужъ военный,
Онъ взросъ въ строю среди мечей желѣзныхъ,
Пицалей громоносныхъ, страшныхъ копій
И бердышей! Но онъ благочестивъ,
И вѣрно ужъ на ласковую рѣчь
Податливъ будетъ.

Къ Діонисію.

Ты-жъ, святой владыко,
Лишь только за руки они возьмутся,
Ихъ поскорѣй благослови и слово
Спасительное тотчасъ имъ скажи!

ДИОНИСІЙ.

Мой долгъ велитъ мнѣ, государь, о мирѣ
Вѣщать ко всѣмъ, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйскій спорить съ шуриномъ твоимъ,
Его склонять готовъ я къ миру.

ФЕДОРЪ.

Отче,

Мы всѣ стоимъ за церковь! И Борисъ,
И я, и Шуйскій, всѣ стоимъ за церковь!

ДИОНИСІЙ.

Великій царь, усердіе твое
Намъ вѣдомо; дѣла же, къ сожалѣнью,
Не всѣ исходятъ отъ тебя.

Смотрить на Годунова.

. Намедни

Новгородскіе купцы, которыхъ
За ересь мы соборомъ осудили,
Свобождены и въ Новгородъ обратно,
Какъ правые, отпущены, къ соблазну
Всѣхъ христіанъ.

ГОДУНОВЪ.

Владыко, тѣ купцы
Съ нѣмецкими торгуютъ городами
И выгоду приносятъ государству
Не малую. Мы съ ними разорили-бъ
Весь Новгородъ.

ДИОНИСІЙ.

А ересь ни во что
Ты ставишь ихъ?

ГОДУНОВЪ.

Избави Богъ, владыко!
Ужъ царь послалъ наказы воеводамъ
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненныхъ отличаетъ царь
Отъ соблазнительей.

ӨЕДОРЪ.

Конечно, шуринъ!
Но самыхъ соблазнительей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Имъ передъ Богомъ отвѣчать придется!
Ты увѣщаль бы ихъ. Вѣдь ты, владыко,
Грамматикомъ не даромъ прозванъ мудрымъ!

ДИОНИСІЙ.

Мы дѣлаемъ, сколь можемъ, государь,
Черезъ увѣщанья. Но тебѣ еще
Не все извѣстно: старосты губные
И сборщики казенныхъ податей
Въ обители входить святыя стали
И въ волости церковныя вѣзжать,
И старые съ нихъ править недоборы,
Забытые отъ прежнихъ лѣтъ.

ГОДУНОВЪ.

Владыко,

Великій царь предупредилъ твое
Печалованье. Что насъ крайность сдѣлать
Заставила, ужъ то не повторится.

Подаетъ ему грамоту.

Вотъ грамота, владыко, о невѣздѣ
Въ имѣнья церкви никакимъ чинамъ
И о рѣшенъи всякихъ дѣлъ не царскимъ,
Но собственнымъ твоимъ судомъ.

ӨЕДОРЪ.

Да, отче,

Онъ написалъ ее, а я печать
Привѣсилъ къ ней!

ДИОНИСИЙ—пробѣгаетъ грамоту.

Блаженны миротворцы!

Когда правитель общаетъ мнѣ
И въ остальныхъ статьяхъ всѣ льготы церкви,
Ея права и выгоды блюсти—
То прошлое да будетъ позабыто!

ӨЕДОРЪ.

Такъ, такъ, владыко! Отче Варлаамъ,
Ты помоги владыкѣ!

ВАРЛААМЪ.

Государь,
Что въ дѣлѣ семъ святой владыка скажетъ,
Я повторю охотно.

ӨЕДОРЪ.

Отче Іовъ,
И на тебя разсчитываю я!

ІОВЪ.

Правитель твой, великій государь,
Незлобія и мудрости исполненъ,
А наше дѣло Господу молиться
О тишинѣ и мирѣ!

ФЕДОРЪ.

И тебя,

Аринушка, прошу я: если Шуйскій
Упрется, ты привѣтливое слово
Ему скажи. Оно вѣдь много значить
Изъ женскихъ устъ и умягчаетъ самый
Суровый нравъ. Я знаю по себѣ:
Мужчинѣ я не уступлю ни въ чемъ,
А женщина попросить, иль ребенка,
Все сдѣлать радъ!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ,
Какъ ты велишь, такъ мы и будемъ дѣлать;
Но наше слово, противъ твоего,
Что можетъ значить? Если только ты
Имъ съ твердостію скажешь, что ихъ распря
Тебя гнѣвить, то князь Иванъ Петровичъ
Ослушаться тебя не будетъ властенъ.

ФЕДОРЪ.

Да, да, конечно; я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорѣй зачните съ ними разговоръ;
Не стойте молча, хуже нѣтъ того,
Какъ если два противника сошлись,
Ужъ помирились, смотря другъ на друга,
А всѣ молчать...

КЛЕШНИНЪ.

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда-бъ его лишь милость,
На Шуѣ князь, намъ рты разинуть далъ!

ФЕДОРЪ.

Что ты понесъ? Какой онъ князь на Шуѣ?

КЛЕШНИНЪ.

А то, что онъ себя удѣльнымъ княземъ,
А не слугой царевымъ держитъ—вотъ что!

кн. хворостининъ.

Твой дядька, царь, простить не можетъ Шуйскимъ,
Что за Нагихъ вступаются они.

головинъ.

И что тебя хотѣли-бъ упросить
Царевича взять на Москву обратно.

Федоръ.

Димитрія? Да я и самъ бы радъ!
Сердечный онъ! Ему, я чай, тамъ скучно,
А я-то здѣсь его бы потѣшалъ:
И скомороховъ показалъ смѣшныхъ бы,
И бой медвѣжій! Я просилъ Бориса,
Не разъ просилъ, да говорить: нельзя!

Клешнинъ.

И въ томъ онъ правъ! Твой батюшка покойный
Нагимъ не даромъ Угличъ указалъ!
Онъ зналъ Нагихъ, онъ воли не давалъ имъ,
И шуринъ твой на привязи ихъ держитъ!

Федоръ.

Негоже ты, Петровичъ, говоришь,
Они дядя царевичу, Петровичъ!

Клешнинъ.

Царевичу! Да нешто онъ царевичъ?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нешто? Этакихъ царицъ
При батюшкѣ твоемъ понабралось бы
И болѣе, пожалуй!

Федоръ.

Полно, полно!

Мнѣ Митя братъ, ему-жъ дядя Нагие,
Такъ ты при мнѣ порочить ихъ не смѣй!

Клешнинъ.

А что же мнѣ, хвалить ихъ, что они
Тебя долой хотѣли бы съ престола,
А своего царенка на престолъ?

ӨЕДОРЪ.

Какъ смѣешь ты?

КЛЕШНИНЪ.

И Шуйскихъ тожь хвалить,
Что заодно идутъ они съ Нагими?

ӨЕДОРЪ.

Я говорю тебѣ: молчи! молчи!
Сейчасъ молчи!

КЛЕШНИНЪ—отходя къ окну.

Ну что-жь? И замолчу!

ӨЕДОРЪ—къ Годунову.

Не позволяй ему въ другой разъ, шуринъ,
Порочить мачеху и брата!

ГОДУНОВЪ.

Царь,

Онъ человекъ усердный и простой!

Крики на площади.

КЛЕШНИНЪ—глядя въ окно.

Ну, вонъ идутъ!

ӨЕДОРЪ.

Кто?

БОЯРЕ—смотреть въ окно.

Шуйскіе идутъ!

ӨЕДОРЪ—подходить къ окну.

Какъ? Ужь пришли?

КЛЕШНИНЪ.

Да, вотъ ужъ у крыльца!

Крики слышны громче.

Вишь, впереди идетъ Иванъ Петровичъ,
А кругъ его валить съ купцами чернь!
Ишь, голосагъ и шапки вверхъ кидаютъ!
Еще, еще! Стрѣльцовъ сбиваютъ съ ногъ!
Держальниковъ оттерли! Подхватили

Его подь руки! Эвоть, по ступенямъ
Его ведутъ! Небось, и государя
Такъ не чествять они!

ӨЕДОРЪ.

Смотри же, шуринь,
Не забывай, что ты мнѣ обѣщаль!
Аринушка—смотри же, замѣчай!
Коль, неравно, у нихъ пойдеть не гладко,
Ты помоги! Отцы мои—я паче
На васъ надѣюсь!

Возвращается поспѣшно на свое мѣсто.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Князь Иванъ Петровичъ!

Входятъ Шуйскіе; за ними Мсти-
славскій, Шаховской и другіе.

КЛЕШНИНЪ—тихо къ Туренину,
глядя на Шуйскихъ.

Ишь, какъ идутъ! И шеи-то не гнутся!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — опускаясь
на колѣни.

Великій царь! По твоему указу
Предъ очи мы явились твои!

ӨЕДОРЪ.

Встань, князь Иванъ Петровичъ! Встань скорѣе!
Тебѣ такъ быть негоже!

Поднимаетъ его.

Мы съ царицей
Давно тебя не видимъ. Ты, должно-быть,
Семейнымъ дѣломъ занятъ? Мнѣ сказали:
Племянницу ты замужъ выдаешь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ, государь.

ӨЕДОРЪ.

Я радъ, я очень радъ!
Я поздравляю васъ! Такъ вотъ я, князь,
Хотѣлъ сказать тебѣ, что мы давно
Тебя не видимъ—впрочемъ, можетъ-быть,

Тебѣ не время? Это сватовство—
Ты оттого и въ думу, вѣроятно,
Давно уже не ходишь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, когда
Дѣла земли вершить уже не дума,
А шурина твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояръ и безъ меня!

ФЕДОРЪ.

Иванъ Петровичъ! Мнѣ прискорбно видѣть,
Что межъ тобой и шуриномъ моимъ
Такое несогласье учинилось!
Намъ самъ Господь велѣлъ любить другъ друга!
Велѣлъ, владыко?

ДИОНИСІЙ.

Истинно велѣлъ!

ФЕДОРЪ.

Вотъ видишь, князь! Что говоритъ апостоль
Въ посланіи къ коринѳянамъ? «Молю вы...»
Какъ дальше, отче Варлаамъ?

ВАРЛААМЪ.

«Молю вы,

«Да тожде вы глаголете, да распри
«Не будутъ въ васъ, да въ томъ же разумѣнны
«И въ той же мысли будете!»

ФЕДОРЪ.

Вотъ видишь!

А какъ въ своемъ посланіи соборномъ
Апостоль Петръ сказалъ? «Благоутробни...»
Какъ далѣ говоритъ онъ, отче Іовъ?

ІОВЪ.

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
«Не воздающе убо зла за зло
«Ни досажденія за досажденье!»
И шурина твой, великій государь,

Апостольское слово исполняютъ
Воистину!

ФЕДОРЪ.

Да! отче Ювъ, да!

Ты, князь Иванъ Петровичъ, будь увѣренъ,
Онъ чтить тебя—мы всё твои заслуги
Высоко чтимъ—такъ, видишь ли,—когда бы
Ты захотѣлъ—когда бы ты съ Борисомъ—

Тихо къ Годунову.

Кончай же, шурины!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Уже давно о нашей долгой распрѣ
Крушуся я. Коль ты забыть согласишь
Все прошлое, я также все забуду
И радъ съ тобой и съ братьями твоими
Быть за одинъ. И съ тѣмъ на примиренье
Тебѣ я руку подаю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—отступая.

Боярины!

Упорно слишкомъ враждовали мы,
Чтобы могли теперь безъ договора
Сойтиса вдругъ!

ГОДУНОВЪ.

Какого договора

Ты хочешь, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Бояринъ Годуновъ!

Виню тебя, что ты нарушилъ волю
И завѣщаніе царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерымъ боярамъ приказалъ!
Одинъ былъ—я; другой—Захарьинъ-Юрьевъ;
Мстиславскій—третій; Бѣльскій былъ четвертый,
А пятый—ты. Кто-жъ нынѣ, говори,
Кто государствомъ править?

ГОДУНОВЪ.

Царь Θεодоръ
Ивановичъ, его же царской воли
Я исполнитель.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не хитри, бояринъ!
Его ты волей завладѣлъ лукаво!
Едва лишь царь представился Иванъ,
Ты Бѣльскаго въ изгнаніе усласть,
Мстиславскаго насильно ты въ монахи
Велѣлъ постричь; отъ Юрьева-жъ, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болѣзнь и смерть. Остались мы оба.
Но ты, со мной совѣта избѣгая,
Своимъ высокимъ пользуясь свойствомъ,
Сталъ у царя испрашивать указы,
На что хотѣлъ, вступаться началъ смѣло
Въ права бояръ, въ права людей торговыхъ
И въ самыя церковныя права.
Роптали всѣ...

ГОДУНОВЪ.

Князь, дай мнѣ слово молвить...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Роптали всѣ. Но имя государя
Тебѣ щитомъ служило; мы же дѣло
Получше знали; люди на Москвѣ
Къ намъ мыслили—и мы за правду встали,
Мы, Шуйскіе, а съ нами весь народъ.
Вотъ нашей распри корень и начало.
Я все сказалъ. Пускай же въ этомъ дѣлѣ
Насъ царь разсудитъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Великій царь межъ насъ желаетъ мира,
Твоя же рѣчь враждою дышитъ, князь;
Негоже мнѣ упрекомъ на упреси
Отвѣтствовать, но оправдаться долженъ
Я предъ тобой. Меня винишь ты, князь,

Что я одинъ вершу дѣла? Но вспомни:
Хотѣлъ ли ты со мною совѣщаться?
Не ты-ль всегда мой голосъ отвергалъ?
И, не снося ни въ чемъ противорѣчья,
Не удалился-ль ты отъ насъ? Тогда
Великій царь, твою холодность видя,
Мнѣ одному всю землю поручилъ.
Я-жь, не въ ущербъ, воистину, для царства,
Ее пріялъ. Война съ Литвою миромъ
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
Въ виду орды, мы подняли на хана
Племянника его, и ханъ во страхъ
Бѣжалъ назадъ. Мы черемисскій бунтъ
Утишили. Отъ шведовъ оградились
Мы перемирьемъ. Съ цесаремъ нѣмецкимъ
И съ Даніей упрочили союзъ,
А съ Англіей торговый подписали
Мы договоръ, быть-можетъ, неудобный
Гостямъ московскимъ, но обильный выгодъ
Для всей земли. И въ самое то время,
Когда ужъ Русь отъ смуть и тяжкихъ бѣдствій
Въ устройство начинала приходить,
Ты, князь,—я то тебѣ не въ укоризну
Теперь скажу—ты, съ братьями своими,
Вы собирали въ скопъ народъ московскій
И черный людъ вы тайно научали
Бить государю на меня челомъ!

кн. андрей шуйскій—выступаетъ впередъ.

Не за себя мы поднялись, бояринъ!
Когда ломать ты началъ государство,
За старину съ народомъ встали мы!

кн. дмитрій шуйскій.

Такихъ досадъ, какъ отъ тебя, бояринъ,
И при Иванѣ не было царѣ!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Покойный царь былъ грозенъ для окольныхъ!
Кто близокъ былъ къ нему, тотъ и дрожалъ;
Кто-жь былъ далекъ, тотъ жилъ безъ опасенья
По своему обычаю. Ты-жь словно

Всю Русь опуталь сѣтью, и покоя
Нѣтъ отъ тебя нигдѣ и никому!

ГОДУНОВЪ.

Когда земля, по долгомъ неустройствѣ,
Въ порядокъ быть должна приведена,
Болѣзненно свершается цѣленье
Старинныхъ ранъ. Чтобъ зданіе исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостію Божьей,
Мы неизбежную страданья пору
Ужъ перешли, и мудрость государя
Сознали всѣ; вы только лишь одни,
Вы, Шуйскіе, противитесь упорно
И жизни новой свѣтлое теченье
Отвлечь хотите въ старое русло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь мы одни? Владыко Діонисій!
Скажи ему, одни ли о насильяхъ
Мы вопіемъ Христовой церкви.

ДІОНИСІЙ.

Княже,
Съ правителемъ до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чемъ съ тобою
Скорбѣли мы—онъ отмѣнилъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не чисто!

ГОДУНОВЪ.

А въ остальномъ надѣюсь я съ вами,
Князья, сойтись. Ужъ миновала нынѣ
Пора волненій; въ уровень законный
Вошла земля, и не о чемъ намъ спорить.
Ей вмѣстѣ мы теперь послужимъ лучше,
Чѣмъ могъ бы я одинъ.

ДІОНИСІЙ.

Такое слово
Смиреномудренно. Совѣтъ нашъ, княже,
Не продолжать вамъ распри, несогласной

Съ ученіемъ Спасителя и вредной
Для государства.

ѢДОРЪ.

Отче, я увѣренъ,
Они того не захотятъ! Не правда-ль?
Не правда-ль, князь? Вотъ и моя царица
Тому не вѣрить. Что же ты молчишь,
Аринушка?

ИРИНА—продолжая вышивать.

Не вѣрится мнѣ вправду,
Что долго такъ князь Шуйскій заставляеть
Себя просить о томъ, что государь
Ему велѣтъ единымъ можетъ словомъ.

Смотрить на Шуйскаго.

Скажи мнѣ, князь, когда бы ты теперь
Не предъ царемъ Ѣеодоромъ стоялъ,
Но предъ отцомъ его, царемъ Иваномъ,
Раздумывалъ бы столько ты? Ужели-жъ
За то, что царь съ тобою такъ негнѣвенъ,
Такъ милостивъ, такъ многотерпѣливъ,
Свой долгъ предъ нимъ забудешь ты?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царица,

Я говорилъ предъ государемъ нынѣ,
Какъ говорилъ бы предъ его отцомъ,
И прежде, чѣмъ отъ мысли отказаться,
На плаху я скорѣе бы пошелъ.
Но мнѣ наврядъ ли при царѣ Иванѣ
Такъ говорить пришлось—затѣмъ, что врядъ бы
Покойный царь такъ беззаботно отдалъ
Изъ рукъ своихъ въ чужія руки власть!

ИРИНА.

Когда во Псковѣ, князь Иванъ Петровичъ,
Ты, окруженъ литовцами, сидѣлъ
И мужествомъ своимъ непобѣдимымъ
Такъ долго былъ оплотомъ для Руси—
Я, за твое спасенье и здоровье,
Дала тогда молитвенный обѣтъ:
На раку, гдѣ покоятся во Псковѣ

Святые мощи Всеволода-князя,
Вотъ этотъ вышить золотомъ покровъ.
Я шью давно—и вотъ моя работа
Къ концу приходитъ. Но ужель она,
Начатая во здравіе того,
Кто землю спасъ, окончится, когда
Противникомъ онъ станетъ государству?

Встаетъ и подходитъ къ Шуйскому.

Ужели тотъ, за чье спасенье я
Такъ горячо со всей молилась Русью,
Ея покой упорствомъ возмутить?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителямъ и царскому велѣнью!
Князь-государь—

кланяется ему въ поясъ.

Моимъ большимъ поклономъ

Прошу тебя, забудь свою вражду!

кн. иванъ петровичъ—въ волненіи.

Царица-матушка! Ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!
Своимъ нежданнымъ милостивымъ словомъ
Ты все нутро во мнѣ перевернула!
Какъ устоять передъ тобой? Повѣрь
Велѣнье государево исполнить
Я радъ душой—но напередъ дозволь мнѣ
Сказать два слова брату твоему.

Къ Годунову.

Не въ первый разъ, бояринъ, хитрой рѣчью
Обходишь ты противниковъ своихъ.
Какой залогъ намъ дашь ты, что не хочешь
Насъ усыпить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе послѣ
Погибель нашу уготовить?

Г О Д У Н О В Ъ .

Князь,

Залогомъ вамъ мое да будетъ слово
И вмѣстѣ съ нимъ ручательство царя.

Е Е Д О Р Ъ .

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какая участь ожидаетъ тѣхъ,
Которые, защитѣ нашей вѣря,
Къ намъ мыслили?

ГОДУНОВЪ.

Ихъ ни единый волосъ
Не упадетъ, и ни единымъ пальцемъ
Не тронуть ихъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И будешь ты на томъ
Крестъ цѣловать предъ государемъ?

ГОДУНОВЪ.

Буду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ боярамъ, при-
шедшимъ съ
нимъ.

Какъ мыслите?

БОЯРЕ.

На что согласенъ ты,
Мы всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ Годунову.

Вотъ моя рука!

ТЕОДОРЪ.

Друзья мои! Спасибо вамъ, спасибо!
Аринушка, вотъ это въ цѣлой жизни
Мой лучший день! Владыко Діонисій—
Крестъ имъ скорѣе! Кресты!

Діонисій беретъ со стола крестъ и подаетъ
сперва Шуйскому, потомъ Годунову.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клянусь отнынѣ

Не враждовать, ни мыслю ни дѣломъ,
Къ великому боярину, къ Борису
Теодорычу Годунову; въ томъ же

Я за себя и за своихъ за братьевъ,
И за сторонниковъ за нашихъ всѣхъ,
За всѣхъ бояръ и всѣхъ людей торговыхъ,
Цѣлую крестъ Спасителя Христа!

Прикладывается ко кресту.

ГОДУНОВЪ.

Цѣлую крестъ, что съ Шуйскими отнынѣ
Мнѣ пребывать въ согласѣ и любви,
Безъ ихъ совѣта никакого дѣла
Не начинать, сторонникамъ же ихъ:
Князьямъ, боярамъ и торговымъ людямъ,
Ничѣмъ не мстить за прежнія вины.

Прикладывается ко кресту.

ӨЕДОРЪ.

Вотъ это такъ! Вотъ это значить: прямо
Писаніе исполнить! Обнимитесь!
Вотъ такъ! Ну, что? Вѣдь легче стало? Легче?
Не правда ли?

Крики на площади.

О чемъ они кричатъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Должно-быть, царь, хотѣлось бы узнать имъ,
Чѣмъ кончилась сегодня наша встрѣча
Съ бояриномъ. Дозволь, я выйду къ нимъ.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься! Сами пусть они
Сюда придутъ. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

Къ Клешнину.

Выдь, Петровичъ,
Выдь на крыльцо и приведи ихъ!

КЛЕШНИНЪ.

Всѣхъ?

Да ихъ, я чай, тамъ сотенъ будетъ съ двадцать,
Аршинниковъ!

ӨЕДОРЪ.

Зачѣмъ же всѣхъ? Зачѣмъ?
Пусть выборныхъ пришлютъ!

Клешнинъ уходитъ.

Я съ ними, шуринъ,

И не охотникъ, правда, говорить,
Когда они обступятъ вдругъ меня
На выходѣ, кто съ жалобой, кто съ просьбой,
И стукотня такая въ головѣ
Отъ нихъ поидеть, какъ словно тулумбасы
Въ ней загремятъ; терпѣть я не могу!
Стоишь и смотришь, и не знаешь ровно,
Что отвѣчать? Но здѣсь—другое дѣло—
Я радъ ихъ видѣть!

ГОДУНОВЪ.

Государь, боюсь,
Тебѣ ихъ вздорныхъ жалобъ не избыть;
Народъ докучливъ. Лучше прикажи мнѣ,
Я выйду къ нимъ!

КЛЕШНИНЪ—возвращаясь.

Царь! Выборные люди
Отъ всѣхъ купцовъ, лабазниковъ, ткачей,
И шорниковъ, и мясниковъ, которыхъ
Привелъ съ собой князь Шуйскій! Вотъ они!

ВЫБОРНЫЕ—входятъ и становятся на колѣни.

Царь-государь! Спаси тебя Господь,
Что свѣтлыя свои повидѣть очи
Ты насъ пожаловалъ!

ФЕДОРЪ.

Вставайте, люди!
Я радъ васъ видѣть. Я послалъ за вами,
Чтобъ вамъ сказать—да что-жъ вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встаютъ, исключая одного старика.

Что же ты, старикъ?
Что-жъ не встаешь?

СТАРИКЪ.

И радъ бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колѣни стать-то—
Оно кой-какъ и удалось, а вотъ
Подняться-то не хватитъ силы! Больно
Ужъ древенъ сталъ я, государь!

ӨЕДОРЪ—къ другимъ.

Возьмите-жъ

Его подъ руки, люди!

Двое купцовъ поднимають старика.

Ну, вотъ такъ!

Ты, дѣдушка, себя не утрудилъ ли?
Кто ты?

СТАРИКЪ.

Богданъ Семеновъ Курюковъ,
Московский госты!

ӨЕДОРЪ.

Который годъ тебѣ?

КУРЮКОВЪ.

Да будетъ за сто, государы! При бабкѣ
Я при твоей, при матушкѣ Оленѣ
Васильевнѣ, ужъ денежникомъ былъ,
Чеканилъ деньги по ея указу,
Копейныя, на коихъ нонѣ князь
Великій златенъ съ копеймъ въ рудѣ;
Оттоль онѣ и стали называться
Копейными. Такъ я-то, государы,
Въ ту пору ихъ чеканилъ. Лѣтъ мнѣ будетъ,
Пожалуй, за сто!

ӨЕДОРЪ.

Дѣдушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы-бъ ему
Столець подставили!

КУРЮКОВЪ.

Помилуй, царь!
Какъ при твоей мнѣ милости сидѣтъ!

ӨЕДОРЪ.

Да ты вѣдь больно старъ; вѣдь ты, я чаю,
Ужъ много видѣлъ на своемъ вѣку?

КУРЮКОВЪ.

Какъ, батюшка, не видѣть! Всяко видѣль!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Огъ, Соломонью Юрьевну, постригъ,
Неплодья ради, бабку же твою,
Олену-то Васильевну пояль.
Тогда народъ, вишь, на-дво раздѣлился,
Кто, вишь, стояль за бабку за твою,
Кто за княгиню былъ за Соломонью.
А въ тѣ поры и межъ бояръ разрухи
Великія чинились; въ малолѣтство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зарѣза
Князья Овчины съ Шуйскими князьями,
А изъ-за нихъ и весь московскій людъ.
А нашъ-то родъ всегда стояль за Шуйскихъ,
Ужъ такъ у насъ отъ предковъ повелось.
Бывало, слышишь: бьютъ въ набать у Спаса—
Вставай, купцы! Вали къ одной за Шуйскихъ!
Тутъ поскорѣ лавку на запоръ,
Кафтанъ долой, захватишь чтò попало
Чтò Богъ послалъ, рогатину-ль, топоръ ли,
Бѣжишь на площадь, анъ ужъ тамъ и валка;
Одни горланять: Телепня Овчину!
Другіе: Шуйскихъ! и пошла катать.

ФЕДОРЪ.

Тò грѣхъ великій, дѣдушка!

КУРЮКОВЪ.

А вотъ,

Какъ въ возрастъ сталъ твой батюшка входить,
Утихло все.

КЛЕШНИНЪ.

Чтò? Видно, не шутиль?

КУРЮКОВЪ.

Избави Богъ! Былъ грозный государы!
При немъ и всѣ бояре пріутихли!
При немъ бѣда! Глядишь, столбовъ наставятъ

На площади; а казней-то, и мукъ,
И пытокъ ужъ какихъ мы насмотрѣлись!
Бывало, вдругъ...

ӨЕДОРЪ.

Я, дѣдушка, позвалъ васъ,
Чтобъ вамъ сказать...

КУРЮКОВЪ.

Бывало, грянуть бубны,
Чтобы народъ на площадь шель...

ӨЕДОРЪ.

Я васъ

Велѣлъ позвать...

КУРЮКОВЪ.

Тутъ, хочешь аль не хочешь—
Неволею идешь...

МОЛОДОЙ КУПЕЦЪ—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ!

Царь говоритъ съ тобой!

КУРЮКОВЪ.

Постой, племянникъ,
Дай досказать. Вотъ мы придемъ на площадь,
Анъ тамъ стоять...

ӨЕДОРЪ—къ молодому.

Такъ ты—ему племянникъ?

МОЛОДОЙ.

Да, государь, я внучатный ему
Племянникъ есть!

КУРЮКОВЪ.

Анъ тамъ ужъ палачи
Стоять и ждутъ...

МОЛОДОЙ—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ! Что ты?

ӨЕДОРЪ—къ молодому.

Твое лицо мнѣ кажется знакомо.

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами...

ФЕДОРЪ—къ молодому.

Гдѣ видѣлъ я тебя?

МОЛОДОЙ.

А о Миколѣ мы, великій царь,
Твое здоровье тѣшили: медвѣжій
Тогда былъ бой, а я медвѣды принялъ,
И милость мнѣ твоя поднести велѣла
Стопу вина!

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами стоятъ...

ФЕДОРЪ.

Да что ты, дѣдушка, одно наладилъ!
Что, въ самомъ дѣлѣ? Что тутъ вспоминать?
Съ сѣкирами! Съ сѣкирами! Не дашь
Мнѣ слова вымолвить!

Къ молодому.

Такъ ты тотъ самый,
Что запоролъ медвѣды? Помню, помню!
Аринушка! Вотъ это тотъ купецъ,
О комъ тебѣ рассказывалъ я, знаешь?
Синельниковъ—вѣдь такъ тебя зовутъ?

МОЛОДОЙ.

Красильниковъ, великій государь,
Иванъ Артемовъ!

ФЕДОРЪ.

Да! да-да, да-да!
Красильниковъ! Аринушка, представь:
Медвѣдь къ нему такъ близко подошелъ,
Такъ близко—вотъ какъ ты теперь, владыко,
Ко мнѣ стоишь, а онъ шагнулъ вотъ этакъ,
Да изловчилъ рогатину, да разомъ
Вотъ такъ ее всадилъ ему въ животъ!
Медвѣдь-то претъ, да все реветъ: уу!
Да загребаешь лапами его,

Вотъ такъ его, владыко, загребаешь,
Пока совсѣмъ не выбился изъ силъ
И на бокъ не свалился!

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Ты этимъ людямъ повѣстить хотѣлъ
О нашемъ примиреньи.

ФЕДОРЪ—къ Красильникову.

У тебя
Былъ братъ еще, который Шаховского
Въ бою кулачною одолѣлъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Онъ мнѣ
Двоюродный есть братъ, царь-государь,
Микитой Голубемъ зовутъ.

Оборачивается къ своимъ.

Микита!

Слышь, выходи къ царю!

Голубъ выступаетъ впередъ и кланяется.

ФЕДОРЪ.

Здорово, Голубь!
Что, какъ живешь? Что сила-то? Что сила?
Не голубиная въ тебѣ, чай, сила?
Не по прозванью?

ГОЛУБЪ.

Жаловаться грѣхъ,
Царь-государь, Господь насъ не обидѣлъ,
Мы силою своей довольны!

ФЕДОРЪ—къ Шаховскому.

Князы!

Узналъ его?

ШАХОВСКОЙ.

Какъ друга не узнать!
Вѣдь ты ребро сломилъ мнѣ, Голубь, гладко!
По милости твоей недѣли три
Я пролежалъ!

ГОЛУБЬ—КЛАНЯСЯ.

Усердно, князь Григорій
Петровичъ, здравствуемъ тебѣ! Дастъ Богъ,
Въ Великій постъ мы на Москвѣ-рѣкѣ
Еще съ тобою встрѣтимся на славу—
Авось твоя удача будетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Что-жь,
Я встрѣтятся всегда съ тобою радъ—
Теперь держись!

ГОЛУБЬ.

А что поставишь, князь?

ШАХОВСКОЙ.

Чеканный ковшъ! А ты?

ГОЛУБЬ.

Соболью шапку!

ИРИНА—къ Ѳеодору.

Свѣтъ-государь, не позволяй имъ биться;
Часъ неровень, недолго до бѣды!

ѲЕДОРЪ.

Ты думаешь, Аринушка?

Къ Шаховскому и Голубю.

Смотрите-жь,
Не крѣпко бейтесь! Паче же всего—
Подъ ложку берегитесь бить другъ друга:
Тѣ самое смертельное есть мѣсто!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь—дозволь, я повѣщу имъ,
Зачѣмъ ты ихъ позвать велѣлъ!

ѲЕДОРЪ.

Ну, ну,

Добро, скажи имъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Выборные люди!

Вамъ вѣдомо да будетъ, что бояринъ
Борисъ Феодоровичъ Годуновъ
И я, князь Шуйскій, съ братьями моими,
Мы учинились въ мирѣ и въ ладу,
И обѣщали клятвою другъ другу,
Чтобы ни намъ, ни нашимъ межъ собою
Сторонникамъ не враждовать отнынѣ,
А быть въ согласьѣ!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Да какъ же это? Мы съ тобою шли,
А ты насъ бросилъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я не бросилъ васъ!

Мнѣ обѣщаль бояринъ—безъ меня
Не начинать отнынѣ ничего,
А я всегда за васъ стою!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Эй, князь,

Остерегись!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Эй, не мирися, князь!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Не выдавай насъ, князь Иванъ Петровичъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не бойтесь, люди! Мнѣ бояринъ клятву
Святую далъ, что никого изъ насъ
Не тронетъ онъ ни пальцемъ!

ГОЛОСЪ—позади другихъ.

Дать-то клятву

Онъ дастъ ее, но сдержать ли?

Позволь

Худое слово, князь Иванъ Петровичъ,
 Мнѣ, старику, по-старому сказать!
 Когда твои насъ дѣды подымали
 На Телепня-Овчину, при Олѣнѣ
 Васильевнѣ, при бабкѣ государя,
 Они за насъ, а мы за нихъ тогда
 Держались крѣпко; тѣмъ-то и силенъ
 Твой дѣдушка Василій былъ Васильичъ!
 А если-бъ онъ на миръ пошелъ съ Овчиной,
 Пропалъ бы онъ, и мы пропали-бъ съ нимъ!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Когда ты, князь, съ врагомъ своимъ исконнымъ
 Хотѣлъ мириться, не зачѣмъ насъ было
 И подымать!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Эхъ, князь Иванъ Петровичъ!
 Вы нашими миритесь головами!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—гнѣвно.

Молчи, ценокъ! Знай, бейся на кулачкахъ,
 О дѣлѣ-жъ дай старѣйшимъ говорить!
 Какъ смѣете не вѣрить вы ему,
 Когда онъ крестъ—вы слышите ли?—крестъ
 Въ томъ цѣловалъ?

ГОДУНОВЪ—тихо къ Клешнину.

Замѣть ихъ имена

И запиши.

Выборные между тѣмъ совѣщались между
 собой и всѣ разомъ подходятъ къ Федору.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь! Помилуй!
 Не дай погибнуть нашимъ головамъ!
 Царь-государь! Помилуй! Защити!
 Помилуй, государь! Не оставляй насъ!
 Теперь пропали мы!

ӨЕДОРЬ.

Да что вы? Что вы?
Съ чего вы взяли? Отъ кого мнѣ, люди,
Васъ защищать?

ГОЛУБЬ—ОТЕЦЬ.

Отъ шурина твоего!
Отъ Годунова, государы!

ГОЛУБЬ—СЫНЬ.

Твой шуринъ
Вѣдь насъ теперь совсѣмъ заѣстъ!

ӨЕДОРЬ.

Какъ можно!
Кто вамъ сказалъ? Мой шуринъ любить васъ!
Ты имъ скажи, Борисъ, что ты ихъ любишь!
Вотъ онъ сейчасъ вамъ скажетъ! Онъ вамъ все,
Все растолкуетъ! Мнѣ же самому,
Мнѣ некогда теперь!

Хочеть уйти; выборные обступаютъ его.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государы!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дѣрна не чинили! Мы за Шуйскихъ,
За слугъ твоихъ, стояли! Прикажи,
Чтобъ насъ Борисъ Феодорычъ не трогалъ!
Вели ему!

ӨЕДОРЬ.

Да, хорошо! Пустите!
Мнѣ некогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

ВЫБОРНЫЕ.

Какъ же, государь,
Ему же мы да про него же скажемъ?

Яви намъ милость! Выслушай насъ, царь!
Дозволь тебѣ...

ФЕДОРЪ—затыкая уши.

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите все Борису! Все Борису!
Мнѣ некогда! Скажите все Борису!

Уходить, держа пальцы въ ухахъ.—Вы-
борные съ недоумѣніемъ смотрятъ другъ
на друга.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ночь. Садъ Ивана Петровича Шуйскаго.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА—выходить изъ дома.

Ну темь такъ темь! Ни звѣздочки не видно!
Пора-бъ ему придти! Ужъ онъ не тамъ ли,
Не за оградой ли стоитъ?

Подходить къ калиткѣ и говорить шопотомъ.

Князь! Князь!

Нѣтъ никого! Прислушарься, нейдетъ ли?
Эхъ, соловьи проклятые мѣшаютъ!
Расщелкались! Не слышно ничего!
Вотъ что-то хрустнуло: идетъ, должно-быть!

Оборачивается назадъ и говорить шопотомъ.

Княжна! Пожалуй!

КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ—шопотомъ.

Гдѣ ты, Василиса

Панкратьевна?

ВОЛОХОВА.

Здѣсь, матушка!

КНЯЖНА.

Не вижу

ВОЛОХОВА.

Сюда, сюда пожалуй! Дай мнѣ ручку!
Да какъ же ты, голубушка, дрожишь!

КНЯЖНА.

Свѣжо какъ будто!

ВОЛОХОВА.

Нонѣ-то? Помилуй!
Теплынь какая! Ажъ травкою пахнетъ!
А вонъ, оттоль, изъ монастырской рощи,
Березой и черемухой несетъ!
Ужъ подлинно весенняя-то ночка!
А ручка у тебя какъ ледъ!

КНЯЖНА.

Я лучше

Уйду домой!

ВОЛОХОВА.

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Развѣ онъ
Тебѣ чужой? Вѣдь, слава Богу, я
Сама тебѣ присватала его!

КНЯЖНА.

У дядюшки гостей полна палата—
Что, если вдругъ кому придетъ на мысль
Въ садъ заглянуть?

ВОЛОХОВА.

Великая бѣда,
Что съ женихомъ застали бы невѣсту!
Вотъ если ты захочешь послѣ свадьбы
Съ какимъ-нибудь молодчикомъ сойтись,
Вотъ тутъ такъ надо дѣлать осторожно!
А, впрочемъ, не диковина и то!
За добрую пригоршню золотыхъ
Все можно сдѣлать!

КНЯЖНА.

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

ВОЛОХОВА.

А что стыдиться,
Голубушка! Все вертится на деньгахъ!
Для нихъ и замужъ отдають, для нихъ

И женятся; для нихъ братъ губить брата,
А сынъ отца! Ужъ противъ нихъ никто
Не устоитъ!

КНЯЖНА.

Панкратьевна—постой!—

Ты не слыхала ничего?

ВОЛОХОВА—прислушивается.

Позволь-ка!

Никакъ плеснула рыбица въ пруду...
Ужъ эти соловьи мнѣ! Пши, пши, пши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли въ травѣ кузнечики трещать!

КНЯЖНА.

Ты ничего не слышишь?

ВОЛОХОВА.

На Неглинной

Какъ будто мельница шумить...

ШАХОВСКОЙ—за оградой вполголоса.

Ау!

ВОЛОХОВА.

Ну, наконецъ!

Бѣжить къ калиткѣ и отворить ее.

Войди же, князь!

Показывается на оградѣ Шаховской и
спрыгиваетъ въ садъ.

Пострѣль!

Вѣдь я-жъ тебѣ калитку отворила!

ШАХОВСКОЙ.

На что она? Жаль, что низка ограда!
Съ кремлевской я бы соскочилъ стѣны,
Чтобъ поскорѣй мою увидѣть радость!
Насилу-то мнѣ удалось!

Хочетъ обнять княжну.

ВОЛОХОВА.

Вотъ такъ!

Цѣлуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки поддержи!

ШАХОВСКОЙ—отступая.

Княжна, не бойся!

Не подойду, доколѣ не поволишь!

ВОЛОХОВА.

Ну, соколь-князь! Вѣдь я сдержала слово,
А ты принесъ ли мнѣ гостинчикъ?

ШАХОВСКОЙ—подавая ей кошелекъ.

На!

ВОЛОХОВА—потряхивая деньгами.

Сердечныя! Звенять! Эхъ, жаль, темно!

ШАХОВСКОЙ—къ княжнѣ.

Да что-жь ты отвернулась отъ меня!
Иль нелюбъ я тебѣ?

КНЯЖНА.

Вишь, ждать заставилъ!

ШАХОВСКОЙ.

А страшно было ждать?

КНЯЖНА.

Вѣстимо страшно!

Въ такую ночь!

ШАХОВСКОЙ.

Чай, бурная?

КНЯЖНА.

А лѣшій?

А мало-ль что? Вишь, онъ еще смѣется!

ШАХОВСКОЙ.

Да какъ же не смѣяться мнѣ тебѣ?
Въ саду-то лѣшій!

КНЯЖНА.

Да, тебѣ смѣшно,
А мнѣ-то каково? А невзначай
Вдругъ выйдетъ братъ? Иль дядя? Что тогда?
Постылый ты!

ШАХОВСКОЙ.

А что же дѣлать мнѣ,
Когда тебя мнѣ видѣть не дадутъ?
Кой-разъ увидишь, а поговорить
И думать нечего.

КНЯЖНА.

Вишь ты какой!
А ты о чемъ хотѣлъ бы говорить?

ШАХОВСКОЙ.

О томъ, что нѣтъ тебя на свѣтѣ краше!
Что безъ тебя мнѣ стала жизнь не въ жизни!
Что невтерпѣжъ мнѣ ждать, пока сыграемъ
Мы нашу свадьбу!

КНЯЖНА.

Вишь ты! Ну, а если-бъ
Братъ отказалъ тебѣ?

ШАХОВСКОЙ.

Тогда бы я
Тебя увезъ!

КНЯЖНА.

А если-бъ не пошла я?

ШАХОВСКОЙ.

Насильно-бъ взять!

КНЯЖНА.

А я бы убѣжала?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ догналъ!

КНЯЖНА.

А я въ Москву-рѣку
Прыгнула бы?

ШАХОВСКОЙ.

А я бы за тобой!

КНЯЖНА.

А водяной бы за меня вступился?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ его за бороду схватилъ
Да за усы моржовые!

КНЯЖНА.

Ха-ха!

Моржовые!

Оба смѣются.

ШАХОВСКОЙ.

А вотъ вѣдь разсмѣялась!
И смѣхъ-то твой—что рокоть соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмѣешься,
Весь темный садъ какъ будто просіялъ.
Смотри, вонъ тамъ и звѣздочка явилась!
А вонъ другая! третья! Вонъ еще!
Вишь, выглянули всѣ тебя послушать!
Вонъ и въ пруду зажглися! Берегись;
Разскажутъ водяному, какъ надъ нимъ
Смѣешься ты!

КНЯЖНА.

Ха-ха!

ВОЛОХОВА.

Ну, вотъ, пошла!

Слышенъ стукъ въ калитку.

КНЯЖНА.

Ай, что это?

ВОЛОХОВА.

Стучать никакъ въ калитку!

Прячется съ княжной за дерево.

ШАХОВСКОЙ—подходить къ калиткѣ.

Кто тамъ стучить?

ГОЛОСЪ—извнѣ.

Впустите ради Бога!

ШАХОВСКОЙ.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Тѣ я! Красильниковъ, купецъ!
Бѣда случилась! Поскорѣй впустите!

Шаховской отворяетъ калитку.—Красильниковъ
вбѣгаетъ. Одежда его изорвана.

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Гдѣ Шуйскій князь? Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ШАХОВСКОЙ.

На что тебѣ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь! Князь Иванъ Петровичъ!

Въ окнахъ дома показываются огни. Кн. Иванъ
Петровичъ и гости его сходятъ съ крыльца.—
Шаховской скрывается межъ деревь.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что тутъ за шумъ? Кто звалъ меня?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

То я!

Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчасъ стрѣльцы вломились къ намъ въ подворье!
Къ Ногаевымъ и къ Голубю, ко всѣмъ,
Кто въ выборныхъ вчера былъ у царя!
Схватили всѣхъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Кто ихъ схватилъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Клешнинъ,

По приказанью Годунова!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ?!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Я самъ насилу вырвался отъ нихъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

По приказанью Годунова?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты говоришь, что Годуновъ велѣлъ
Всѣхъ выборныхъ схватить?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Такъ намъ Клешнинъ

Самъ повѣстилъ:—Впередъ-де вамъ наука
Царю челомъ на Годунова бить!

ГОЛОВИНЪ.

Что, князь, тебѣ я говорилъ? Ты видишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты видишь, дядя! Не хотѣлъ ты вѣрится!
Больнымъ сказаться не хотѣлъ, когда
Пришли тебя къ царю звать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Быть не можетъ!

Не можетъ быть!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь-батюшка, пошли

Къ намъ во дворы узнать, какъ было дѣло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ дорого заплатитъ мнѣ за то!

ГОЛОВИНЪ.

Сперва купцовъ, а тамъ, смотри, и насъ
Начнутъ хватать!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКИЙ.

Безсовѣстный!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Безбожникъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клялся на крестъ! На честный крестъ клялся

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКИЙ.

Вѣдь это онъ не даромъ учинилъ:
Онъ раздѣлить хотѣлъ съ народомъ насъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКИЙ.

Онъ всей Москвѣ тѣмъ показать хотѣлъ,
Что мыслить къ намъ и вѣрить намъ нельзя,
Что выдаемъ сторонниковъ мы нашихъ!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКИЙ.

Чай, и теперъ ужъ ропшутъ всѣ на насъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да! Не во гнѣвъ сказать вамъ, государи,
Какъ нашихъ-то на тройкахъ повезли,
На шумъ людей сбѣжалось немало,
Не слишкомъ васъ честили!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКИЙ.

Что тутъ думать!

Пока еще не всѣ отъ насъ отпали,
Поднять Москву!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКИЙ.

Всѣ слободы поднять!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКИЙ.

Раздать купцамъ оружіе!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКИЙ.

Къ Борису

Идти во дворъ—убить его!

ГОЛОВИНЪ.

А въ Угличъ

Послать къ Нагимъ, чтобъ Дмитрія сейчасъ же
Поставили царемъ! Чтобъ на Москву
Шли съ угличанами Нагя!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—строго.

Тише!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Головину.

Такъ, зря, нельзя.

ГОЛОВИНЪ.

Съ Нагими я списался,

Они лишь знака ждуть!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты смѣлъ писать къ нимъ?

Ты на царя смѣлъ Угличъ подымать?

Ты головой за то заплатишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дядя!

Въ чемъ онъ виной, за то на немъ одномъ

Лежитъ отвѣтъ; но ссориться теперъ

Не время намъ!

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь, виновенъ

Я предъ тобой; однако-жь пригодилась

Моя вина. Вѣдь поневолѣ звать

Царевича придется!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Никогда!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Головину.

Накличешь ты бѣду на насъ, бояринъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Поднять Москву!

кн. василій шуйскій.

Ужъ и Москву поднять!
Зачѣмъ? Пойдемъ, какъ мы вчера хотѣли,
Просить о царскомъ о разводѣ!

кн. дмитрій шуйскій.

Поздно!
Вчера владыка былъ за насъ; сегодня-жъ
Съ Борисомъ онъ въ миру; вчера купцы
Намъ вѣрили; сегодня ужъ не вѣрятъ!

кн. андрей шуйскій.

Убить его!

кн. василій шуйскій.

Да, такъ вотъ и убьешь!
Онъ карауль тсперь, небось, удвоилъ

Вынимаетъ изъ кармана челобитню.

Вотъ подписи владыки и властей;
А вотъ дворянъ и всѣхъ людей торговыхъ;
Всѣ выдали себя—отстать не могутъ,
Хоть и хотѣли-бъ!

кн. дмитрій шуйскій.

Тѣмъ ли угрожать
Ты будешь имъ, что этотъ листъ Борису
Покажешь ты?

кн. василій шуйскій.

Показывать его
Намъ и не слѣдъ. Онъ—что зарядъ въ пищахъ:
Страшонъ, пока не выпущенъ! Заставить,
Коль захотимъ, всѣхъ на Бориса встать!

кн. андрей шуйскій.

Убить вѣрнѣй!

кн. иванъ петровичъ.

Вы словно всѣ въ бреду!
Къ чему царя намъ разводить съ царицей?
Къ чему еще Бориса убивать?
Онъ самъ себя позорнымъ дѣломъ выдалъ!

Избавиль насъ отыскивать средь тьмы
Кривыхъ путей! И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

кн. дмитрій шуйскій.

Что хочешь сдѣлать ты?

кн. иванъ петровичъ.

Идти къ царю

И уличить обманщика!

кн. василій шуйскій.

Напрасный

То, дядя, трудъ. Что скажетъ Годуновъ,
Тому повѣритъ царь.

кн. иванъ петровичъ.

Царь слышалъ клятву!

Всѣ слышали ее! Себя очистить
Ничѣмъ не можетъ Годуновъ!

Къ Красильникову.

Иди,

Скажи купцамъ, что государь велить
Ихъ выборныхъ вернуть, а что Бориса
Онъ отрѣшить сегодня же!

Звонъ къ заутренѣ.

Свѣтаеть!

Иду къ царю! Не нужно много словъ—
Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ,
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ, засіяетъ!

Уходить.—Красильниковъ также. Молчаніе.

кн. дмитрій шуйскій.

Ну, что, князья?

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Да что-жь? Признаться, я

Добра не жду!

кн. василій шуйскій.

Какое тутъ добро!

Съ чѣмъ онъ пошелъ, съ тѣмъ и назадъ вернется,
Лишь время мы напрасно потеряемъ.

кн. андрей шуйскій—къ кн. Василю.
Зачѣмъ его не удержалъ ты?

кн. василій шуйскій.

Дядю?

Да нешто вы не знаете его?
Когда что разъ онъ въ голову втемяпилъ—
Не вышибешь. Знай, думаетъ, я правъ,
Такъ съѣмъ неправяго—младенецъ сущій!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Что-жь дѣлать намъ?

кн. василій шуйскій.

Да быть, къ его приходу,
Готовымъ всѣмъ, попржнему, идти
Вотъ съ этой челобитней; прискаты бы
Царицу намъ да имя-рекъ вписать!

мстиславскій.

Съ владыкой онъ объ этомъ самъ хотѣлъ
Держать совѣтъ.

кн. василій шуйскій.

Да не успѣлъ. Позвали
Его къ царю, мириться, вишь. Намъ надо
Найти царицу до его прихода,
Чтобъ не ломалъ онъ даромъ головы.

мстиславскій.

Она-бъ должна царю придтись по нраву
И быть изъ нашихъ. А такихъ немного.

кн. василій шуйскій.

Есть на примѣтъ у меня одна.

мстиславскій.

Кто? говори!

кн. василій шуйскій.

Да хоть твоя сестра.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Наташа? что ты? Развѣ ты забылъ?
Она посватана за Шаховского!

кн. василій шуйскій.

Посватана—не выдана еще.
Послушай, князь: не шуточное дѣло
Мы затѣваемъ. Отъ родни царицы
Зависитъ все. Увѣрены ли мы,
Что новая родня захочетъ быть
У насъ въ рукахъ? Сестра-жъ твоя изъ нашихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Оно-то такъ. Пригоднѣй нѣтъ ея.
Мнѣ самому на умъ ужъ приходило—
И если-бъ не дали мы слова...

кн. василій шуйскій.

Князь!

Иль я не знаю, какъ ты слово далъ?
Не по-сердцу тебѣ былъ Шаховской,
Боецъ кулачный, вѣтромъ голова
Наполнена! Врасплохъ тебя засталъ
Онъ съ дядею, бухъ въ ноги, такъ и такъ,
Другъ друга любимъ! Князь Иванъ растаялъ,
А ты смолчалъ.

кн. андрей шуйскій.

Я тоже говорилъ:

Зачѣмъ спѣшить? Наташа, слава Богу,
Могла пождать.

кн. дмитрій шуйскій.

Скоръ больно князь Иванъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, поспѣшилъ. Наташа бы могла
Царицей быть!

кн. василій шуйскій.

А будь она царицей—
Ты царскій шуринъ, тотъ же Годуновъ,
Почище только.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, кажись, почище.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Надъ чѣмъ же думать?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Если бы не слово..

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ вотъ помѣха? Слово далъ ему!
А развѣ намъ ты также не далъ слова,
Во чтѣ-бъ ни стало, вырвать у Бориса
И раздѣлить его межъ нами власть!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ отказать ему?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Затѣй съ нимъ ссору!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Чтѣ скажетъ дядя?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Онъ вернется въ гнѣвъ
За то, что царь не дастъ ему суда,
Онъ будетъ радъ племянницу свою
Царицей сдѣлать.

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Такъ! Назадъ онъ слово
Самъ не возьметъ, а ссора приключись—
Не время будетъ разбирать, кто правъ,
Кто виноватъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

И если быть Наташѣ
Щею—такъ надо поспѣшить!

ГОЛОВИНЪ—къ Василю Шуйскому.

Позволь взглянуть мнѣ, князь Василь Иванычъ.

Береть челобитню и, пока другіе разговариваютъ, достаетъ съ пояса перо и чернильницу и вписываетъ что-то въ бумагу.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Мстиславскому.

Рѣшайся, князь!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Когда-бъ на немъ какую

Вину найти!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Тогда-бъ ты былъ согласенъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Еще бы!

ШАХОВСКОЙ — является между ними.

Князь! Спроси сперва меня,

Согласенъ ли невѣсту уступить

Другому я?

В С ъ.

Откуда онъ? Какъ смѣлъ онъ

Здѣсь тайно быть?

Слышенъ крикъ княжны.

МСТИСЛАВСКІЙ.

То вскрикнула сестра!

Они здѣсь вмѣстѣ были!

Идетъ въ глубину сада и выводитъ княжну за руку. Показывается Волохова.

Вотъ и сваха!

Ты помогала имъ?

ВОЛОХОВА.

Помилуй! Чтò ты?

Мы прогуляться только-что сошли—

А онъ—скажи черезъ заборъ! Ей-Богу!

Ей-Богу-ну!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ вотъ какъ бережешь
Ты нашу честь, сестрица!—Князь Григорій—
Твое негоже дѣло—я тебѣ
Даю отказъ!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколѣ живъ я—не бывать тому!

ВОЛОХОВА—наступая на Шаховского.

А почему-жъ и не бывать? Смотри,
Какъ расходился! Невидаль какая,
Что онъ женихъ! Царь Федоръ-то Иванычъ,
Небось, тебя почище! Негодяй!
Безсовѣстный! Срамникъ! Безбожникъ! Воръ!

ШАХОВСКОЙ.

Прочь, вѣдьма, прочь! Посторонитесь всѣ!
Ко мнѣ, княжна! Она моя предъ Богомъ—
Ее сейчасъ веду я подъ вѣнецъ—
И первый, кто изъ васъ...

Вынимаетъ кинжалъ.

В С ъ.

Въ ножны кинжалъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Мстиславскому.

Хорошъ женихъ! На брата замахнулся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Сестра, ко мнѣ! Князь—слышалъ ты меня?
Ступай отсель! Разорванъ нашъ союзъ!

В С ъ.

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышалъ!
Братъ надъ сестрой волѣнъ!

ШАХОВСКОЙ.

Еще посмотримъ!

Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчи, сестра!

КНЯЖНА.

О, Господи!

ШАХОВСКОЙ.

Княжна!

Ты хочешь ли, чтобъ за царя тебя
Посватали?

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я быть твоею,
Твоей хочу!

ШАХОВСКОЙ.

Иди-жь со мной!

МСТИСЛАВСКІЙ—къ сестрѣ.

Ни съ мѣста!

ШАХОВСКОЙ.

Иди со мной!

КНЯЖНА.

Я не вольна, ты видишь!

ГОЛОВИНЪ—къ Шаховскому.

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено межъ ними и тобой!
Иль думаешь, тебѣ Иванъ Петровичъ
Простить, что ты сегодня учинилъ?
Все кончено.

Показываетъ ему челобитню.

Смотри: княжны Мстиславской
Здѣсь имя вписано!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—про себя.

Ай да бояринъ!

ГОЛОВИНЪ.

Подъ грамотой ты этой съ нами руку
Самъ приложилъ—назадъ не можешь!

ШАХОВСКОЙ—выхватывая у него грамоту.

Дай!

ГОЛОВИНЪ.

Стой! Что ты? Стой!

ШАХОВСКОЙ.

Въ моихъ она рукахъ!

В С ъ.

Держи его!

ШАХОВСКОЙ—грозя кинжаломъ.

Назадъ! Тотъ ляжетъ въ прахъ,
Кто подойдет! Иду на судъ великій
Къ царицѣ я—вотъ съ этою уликой!

Убѣгаетъ съ грамотой.

Покой царя Федора.

Входитъ Годуновъ, въ сопровожденіи дьяка, который кладетъ на столъ связку бумагъ и двѣ государственныя печати, большую и малую.—
Изъ другой двери входитъ Клешнинъ.

ГОДУНОВЪ—къ Клешнину.

Ты все-ль исполнилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Сладилъ все, бояринъ;

Ихъ до зари схватили на домахъ;
Эхъ, кабы намъ изъ Углича прислали
Ту грамоту!

ГОДУНОВЪ.

Ты мнѣ ее немедля

Тогда подашь.

Клешнинъ уходитъ. Входитъ царица Ирина.

Сестра-царица, здравствуй!

Еще не вышелъ государь?

ПРИНА.

Недавно

Съ иконой духовникъ въ опочивальню
Къ нему вошелъ.

Входить изъ другой двери царь Ѳеодоръ.
За нимъ духовникъ съ иконой.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка, здорово!

Здорово, шурины! А вѣдь я проспалъ
Заутреню! Такой противный сонъ
Пригрезился: казалось мнѣ, я снова
Тебя, Борисъ, мирую съ Иваномъ Шуйскимъ,
Онъ руку подаетъ тебѣ, а ты—
Ты также руку протянулъ, но, вмѣсто
Чтобъ за руку, схватилъ его за горло
И сталъ душить—тутъ чепуха пошла:
Татары вдругъ напали, и медвѣди
Такіе страшные пришли и стали
Насъ драть и грызть; меня же преподобный
Іона спасъ. Чтò, отче духовникъ,
Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

ДУХОВНИКЪ.

Нѣтъ, не то

Чтобъ грѣшенъ былъ, а все-жъ недобрый сонъ.

ѲЕДОРЪ.

Братъ Дмитрій также снился мнѣ и плакалъ,
И что-то съ нимъ ужасное случилось,
Но чтò—не помню.

ДУХОВНИКЪ.

Ты, ложася спать,

Усерднѣе молился, государи!

ѲЕДОРЪ.

Брр! Скверный сонъ!

Увидя бумаги

А это чтò такое?

Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шурины?
Надоѣдать?

ГОДУНОВЪ.

Недолго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

ФЕДОРЪ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

ГОДУНОВЪ.

Два слова только.

ФЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть. Ты, отче духовникъ,
Угодника на подлицу поставь,
Вчерашняго-жъ угодника прими
До будущаго года. А какого
У насъ святого завтра?

ДУХОВНИКЪ.

Иоанна.

Ветхопещерника.

ФЕДОРЪ.

Я житіе

Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпустить; а теперь
Благослови меня заняться дѣломъ.

Духовникъ благословляетъ его
и уходитъ. Федоръ садится.
Годуновъ развязываетъ бумаги.

Ну, что тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

ГОДУНОВЪ—вынимая изъ связки
нѣсколько листовъ.

Намъ пишутъ

Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ опять орду на сѣверъ двинулъ.

ФЕДОРЪ.

Да это сонъ мой въ руку! Недостало
Еще, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

ГОДУНОВЪ—кладеть передь нимъ
бумаги.

Вотъ, государь, наказы воеводамъ.

ФЕДОРЪ.

Прихлопни ихъ!

Годуновъ передаетъ бумаги
дьяку, который прикладываетъ
къ нимъ печать.

ГОДУНОВЪ—подавая другую бу-
магу.

А это, государь,
Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ и просить у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

ФЕДОРЪ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

ГОДУНОВЪ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ,
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими, кровными конями.

ФЕДОРЪ.

Гакъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринашка? Ты слышишь? Вотъ чудаки!
Что вздумалось ему?

ГОДУНОВЪ.

Его тѣснять
Персидскій царь съ султаномъ турецкимъ.

ФЕДОРЪ.

Бѣдный!

Онъ православной вѣры?

ГОДУНОВЪ.

Православной.

ФЕДОРЪ.

Ну, что-жъ! Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шурина, надо бы ему

Подарокъ приготовить. Что бы намъ,
Аринушка, послать ему?

ГОДУНОВЪ.

Сперва

Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

ФЕДОРЪ.

Ну, хорошо, привѣшивай печать,
Привѣшивай!

Дьякъ привѣшиваетъ печать.

А это что такое?

ГОДУНОВЪ.

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на польскомъ сеймѣ,
Когда начнется выборъ короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднести уже готовы
Тебѣ корону.

ФЕДОРЪ.

Мнѣ? Помилуй, шуринъ!
Что я съ ней дѣлать буду? Мнѣ и такъ
Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
И что ихъ всѣхъ подмыло? Тамъ какой-то
Царь Иверскій свою даритъ мнѣ землю,
А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
Добро тотъ царь; а эти что? Латинцы!
Враги Руси!

ГОДУНОВЪ.

Затѣмъ-то, государь,
Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ,
Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

ФЕДОРЪ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
Что, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Еще двѣ челобитни
Отъ двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
Теперь вернуться просятъ позволенья.

ФЕДОРЪ.

Кто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
Да ихъ, я чай, туда бѣжало много?
Мое такое разумѣнье, шуринъ:
Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси, у насъ,
Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
Такъ не зачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ!
Ты знаешь что? Ты написалъ бы къ нимъ
Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
Земли и денегъ, если пожелаютъ
Вернуться къ намъ.

ГОДУНОВЪ.

Я такъ и думалъ, царь,
И грамоту о томъ ужъ изготовилъ.

ФЕДОРЪ.

Ну, хорошо, прихлопни-жъ и ея!
Что, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Все, государь.

Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги и уходитъ.

ФЕДОРЪ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долъ не держу. А ты,
Аринушка, Миней-бъ разогнула
Да житіе святого Іоанна
Ветхонещерника прочла бы мнѣ!

ИРИНА.

Дозволь сперва мнѣ, Федоръ, челобитье
Тебѣ подать. Письмо я получила
Изъ Углича отъ вдовой отъ царицы,
Отъ Марьи Федоровны. Слезно

Тебя она о милости великой,
О позволеньи просить на Москву
Вернуться съ сыномъ, съ Дмитріемъ, своимъ.

ӨЕДОРЪ.

Аринушка, да какъ же? Ты вѣдь знаешь,
Вѣдь я давно прошу о томъ Бориса,
Вѣдь я бы радъ!..

ИРИНА.

А какъ сегодня ты
Опальниковъ простилъ своихъ литовскихъ,
То я подумала, что ты вернуть
И мачеху и брата согласишься.

ӨЕДОРЪ.

Аринушка, помилуй! Развѣ я
Не радъ вернуть ихъ?

Показывал на Годунова.

Вотъ кому скажи!

ИРИНА.

Я знаю, Өедоръ, что правленье царствомъ
Ты справедливо брату поручилъ;
Никто, какъ онъ, имъ править не сумѣлъ бы;
Но здѣсь не государственное дѣло;
Оно твое, семейное, и ты,
Одинъ лишь ты, судьбою быть въ немъ долженъ!

ӨЕДОРЪ.

Борисъ, ты слышишь, что она сказала?
Вѣдь это правда! Ты вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,
И шагу мнѣ ни въ чемъ не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрія! Ты знаешь,
Когда я такъ сказалъ, ужъ я отъ слова
Не отступлю!

ГОДУНОВЪ—къ Иринѣ.

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася, во что не разумѣешь.

Къ Өедору.

Царевича вернуть нельзя.

ФЕДОРЪ.

Какъ? Какъ?

Когда ужъ я сказалъ, что я хочу?

ГОДУНОВЪ.

Дозволь мнѣ, государь...

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, это слишкомъ!

Я не ребенокъ! Это...

Начинаетъ ходить по комнатѣ.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій!

ГОДУНОВЪ—къ столънику.

Царь его сегодня

Принять не можетъ!

ФЕДОРЪ.

Кто тебѣ сказалъ?

Впустить его!

Продолжаетъ ходить по комнатѣ.

Я скоро у себя

Не властенъ въ домѣ стану!

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ
Шуйскій.

Здравствуй, князь!

Спасибо, что пожаловалъ! Съ тобою

Я буду говорить, съ тобою, князь,

О Дмитріи, о братѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,

Я самъ давно хотѣлъ тебѣ повѣдать

О Дмитріи царевичѣ, но прежде—

На шурина на твоего тебѣ

Я бью челомъ!

ФЕДОРЪ.

Какъ? На Бориса?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да!

ФЕДОРЪ.

Что сдѣлалъ онъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Свою солживилъ клятву!

ФЕДОРЪ.

Что? Что ты, князь?!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слышалъ, государь,
Какъ онъ клялся, что ни единымъ пальцемъ
Не тронетъ онъ сторонниковъ моихъ?

ФЕДОРЪ.

Конечно, слышалъ! Ну?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Сегодня-жъ ночью
Онъ тѣхъ купцовъ, съ которыми вчера
Ты говорилъ, велѣлъ схватить насильно
И отвезти невѣдомо куда!

ФЕДОРЪ.

Позволь, позволь—тутъ что-нибудь не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Спроси его!

ФЕДОРЪ.

То правда-ль, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Правда.

ИРИНА.

Помилуй, братья!

ӨЕДОРЪ.

Побойся Бога, шуринь!

Какъ могъ ты это сдѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я нашель,

Что ихъ въ Москвѣ оставить не годится.

ӨЕДОРЪ.

А клятва? Клятва?

ГОДУНОВЪ.

Я клялся не мстить имъ

За прежнія вины—и я не мстилъ.

Они за то увезены сегодня,

Что, послѣ примиренія, меня

Хотѣли снова съ Шуйскими поссорить,

Чему ты былъ свидѣтель, государь.

ӨЕДОРЪ.

Да, развѣ такъ! Но все же надо было...

ГОДУНОВЪ.

Дивлюся я, что князь Иванъ Петровичъ

Стоитъ за тѣхъ, которые такъ дерзко

Пыталися межъ насъ разстроить миръ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А я дивлюсь, какъ, ты бояринь, смѣешь

Безсовѣстнымъ, негоднымъ двоязычьемъ

Оправдывать себя! Великій царь!

Онъ не въ глаза-ль смѣялся намъ вчера,

Тебѣ и мнѣ, когда, въ рукахъ владыки,

Онъ честный крестъ на кривѣ цѣловаль?

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, шуринь, нѣтъ, ты учинилъ не такъ!

Твои слова мы поняли не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что будетъ думать о тебѣ земля,

Великій царь, когда свою онъ клятву

Тобою освященную, дерзнулъ
Попрять ногами?

ӨЕДОРЪ.

Этого не будетъ!
Купцовъ вернуть сегодня-жъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Только, царь?

А онъ, который обманулъ тебя,
Меня-жъ безчестнымъ сдѣлалъ предъ народомъ—
Попрежнему землю будетъ править?

ӨЕДОРЪ.

Но, князь, позволь... тутъ не было обмана...
Вы только вѣдь не поняли другъ друга...
Да и къ тому-жъ вѣдь вы ужъ сговорились,
Чтобъ вмѣстѣ вамъ обсуживать дѣла?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ такъ клялся; ему на этомъ словѣ
Я подаль руку—но ты видишь самъ,
Какъ цѣлованье держать онъ свое!
Великій царь, остерегись его!
Не довѣрай ему ни государства,
Ни собственной семьи не довѣрай!
Ты говорить со мной хотѣлъ о братѣ?
Ты знаешь ли, кто тотъ, кого приставилъ
Онъ въ Угличѣ ко брату твоему?
Тотъ Битяговскій? Знаешь ли, кто онъ?
Измѣнникъ онъ! И воръ! И лжесвидѣтель.
Избавленный отъ висѣлицы имъ!
Не оставляй наслѣдника престола
Въ такихъ рукахъ!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, на этомъ, князь,
Спокоенъ буды! Ужъ я сказалъ Борису,
Что Дмитрія хочу я взять къ себѣ!

ГОДУНОВЪ.

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

ФЕДОРЪ.

Какъ? Ты опять? Ты споришь?

ГОДУНОВЪ.

Государь,

Дозволь тебѣ сказать...

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, не дозволю!

Я царь, или не царь?

ГОДУНОВЪ.

Дай объяснить мнѣ...

Лишь выслушай...

ФЕДОРЪ.

И слушать не хочу!

Я царь, или не царь? Царь, или не царь?

ГОДУНОВЪ.

Ты царь...

ФЕДОРЪ.

Довольно! Больше и не надо!

Ты слышала, Арина? Князь, ты слышалъ?
Онъ согласился, что я царь! Теперь ужъ
Не можетъ спорить онъ! Теперь онъ цыцъ!

Къ Годунову.

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты—
Князь, будь спокоенъ! Дмитрія къ себѣ
Изъ Углича я выпишу сюда!
И мачеху, и мачехиныхъ братьевъ,
Всѣхъ выпишу! Что это въ самомъ дѣлѣ?
На что это похоже? Даже въ потъ
Меня онъ бросилъ! Посмотри, Арина!

Ходить по комнатамъ и потомъ останавливается
передъ Шуйскимъ и Годуновымъ.

Ну, а теперь, какъ я васъ помирилъ,
Такъ полно вамъ сердиться другъ на друга!
Ну, полно, шурины! Полно, князы! Довольно!
Ну, поцѣлуйте! Ну!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видѣлъ,
Изъ собственныхъ его ты слышалъ усть,
Что клятвой онъ двусмысленно играетъ,
Его насилье самъ ты отмѣнилъ;
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя въ рукахъ наемника его—
А между тѣмъ ты оставляешь царство
Въ его рукахъ? Великій государь—
Одно изъ двухъ! Иль я теперь обманщикъ,
И ты меня суди за клевету—
Или его за вѣроломство долженъ
Ты отрѣшитель!

ФЕДОРЪ.

Да я вѣдь ужъ исправилъ
Его вину передъ тобой! Чего же
Тебѣ еще? Ничѣмъ онъ не доволенъ!
Арина, слышишь?

ИРИНА.

Князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ кажется...

ГОДУНОВЪ.

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я отъ затрудненья
Межъ насъ рѣшать. Великій государь!
Доколѣ ты мнѣ вѣрилъ, я тебѣ
Могъ годенъ быть; какъ скоро-жъ ты не вѣришь,
Я не гожусь. Князь Шуйскій молвилъ правду:
Одинъ изъ насъ другому долженъ мѣсто
Здѣсь уступить. Свой выборъ, государь,
Ты учинилъ, когда такъ благосклонно
Ты обвиненья выслушалъ его,
Мою же рѣчь отвергнулъ наотрѣзъ.
Дозволь мнѣ удалиться

ФЕДОРЪ.

Что ты? Что ты?

ГОДУНОВЪ.

Кому прикажешь, государь, дѣла
Мнѣ передать?

ӨВДОРЪ.

Да ты меня не понялъ!
Ахъ, Боже мой! Чтò ты надѣлалъ, князы!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, твою я волю понялъ:
Тебѣ угодно тѣхъ людей, которыхъ
Я удалилъ, чтобъ городъ успокоить—
Вернуть назадъ. Тебѣ Нагихъ угодно,
Съ царевичемъ, въ Москву перевести,
Хоть есть причины важныя оставить
Ихъ въ Угличѣ. Когда, великій царь,
Ты такъ рѣшилъ—твоя святая воля
Исполнится, но на себя отвѣта
Я не беру!

ӨВДОРЪ.

Да я не зналъ, Борисъ,
Что есть такія важныя причины!
Ужъ если ты...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Прости, великій царь!

ӨВДОРЪ.

Князь! Князь! Куда?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Куда-нибудь подалѣ,
Чтобъ не видать, какъ царь себя срамить!

ӨВДОРЪ.

Князь, погоди, мы все уладимъ...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царь

Вся Русь, ѐводоръ Іоанннычъ!
Мнѣ стыдно за тебя—прости!

Уходить.
14*

ОЕДОРЪ.

Князы! Князы!

Ахъ, Боже мой—ушелъ! И этотъ вотъ
Меня оставить хочеть! Шуринъ, ты...
Ты пошутилъ! А что-жь съ землею будетъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, могу-ль тебѣ служить я,
Когда ты руки связываешь мнѣ?

ОЕДОРЪ.

Да нѣту, шуринъ, нѣту! Будеть все
По-твоему. Ну, что-жь? Согласенъ ты?
Да, шуринъ? Да?

ГОДУНОВЪ.

На этомъ уговорѣ,
Великій царь, согласенъ я, но помни,
Что только такъ могу я продолжать
Тебѣ служить.

ОЕДОРЪ.

Спасибо же тебѣ!

Спасибо, шуринъ. Знаешь ли, теперь
Намъ Шуйскаго бы надо успокоить!
Вѣдь онъ тебя не понялъ; я вѣдь тоже
Тебя вчера не понялъ!

Входитъ Клешнинъ, подаетъ Годунову бу-
маги и уходитъ.—Годуновъ пробѣгаетъ ихъ
и передаетъ Оедору.

ГОДУНОВЪ

Государь,

Сперва прочти вотъ это донесенье
Изъ Углича и тайное письмо,
Которое Михайло Головинъ,
Сторонникъ Шуйскихъ, написалъ къ Нагимъ;
Его прислалъ съ нарочнымъ Битяговскій.

ОЕДОРЪ—смотреть въ бумаги.

Ну, что же тутъ? «И въ пьяномъ видѣ часто
«Ругаются негодными словами...»

Да кто же словъ не говоритъ негодныхъ,
Когда онъ пьянъ? «И деньги вымогаютъ
«Съ угрозами...» Да ты ужъ имъ не мало-ль
Назначилъ, шуринъ? Вѣдь они привыкли
Жить широко при батюшкѣ! Ты имъ бы
Поболѣ даль! Ну, что же тутъ еще?
«И хвалятся, что съ помощію Шуйскихъ
«Они царя...» Помилуй, быть не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты грамоту прочти Головина.

ФЕДОРЪ—читаетъ про себя, остано-
вливается и качаетъ головой.

Меня согнать съ престола? Боже мой!
Зачѣмъ бы имъ не подождать немного?
Всѣмъ вѣдомо, что я недолговѣченъ:
Не даромъ тутъ, подъ ложечкой, болить.
Не то хотъ Митѣ подрасти бы дали!
Ужъ какъ бы я охотно уступилъ
Ему престолъ! А то теперь насильно
Меня согнать, а малаго ребенка
Вдругъ посадить, а тамъ еще опека,
Разрухи, смуты, разоренье царству—
Не хорошо!

ГОДУНОВЪ.

Теперь ты видишь, царь,
Зачѣмъ Нагимъ нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

ФЕДОРЪ.

Не хорошо!

ГОДУНОВЪ.

Ты благодушно, царь, объ этомъ судишь,
А между тѣмъ великая опасность
Грозитъ землѣ. Не терпитъ время. Намъ
Рѣшительное надо сдѣлать дѣло!

ФЕДОРЪ

Какое дѣло шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Государы!

Изъ грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйскіе съ Нагими въ заговорѣ.
Ты долженъ приказать немедля Шуйскихъ
Подъ стражу взять.

ӨЕДОРЪ.

Подъ стражу? Какъ? Ивана
Петровича подъ стражу? А потомъ?

ГОДУНОВЪ.

Потомъ—когда себя онъ не очиститъ—
Онъ долженъ быть...

ӨЕДОРЪ.

Что долженъ быть?

ГОДУНОВЪ.

Казнень.

ӨЕДОРЪ.

Какъ? Князь Иванъ Петровичъ? Тотъ, который
Былъ здѣсь сейчасъ? Котораго сейчасъ я
Бралъ за руку?

ГОДУНОВЪ.

Да, государь.

ӨЕДОРЪ.

Съ которымъ
Тебя вчера я помирилъ?

ГОДУНОВЪ.

Тотъ самый.

ӨЕДОРЪ.

Онъ? Съ братьями казнень?

ГОДУНОВЪ.

Со всѣми, кто
Причастень къ ихъ измѣнѣ.

ЕЕДОРЪ.

И съ Нагими?

ГОДУНОВЪ.

Безъ Шуйскихъ эти не опасны, царь.

ЕЕДОРЪ.

Того казнить собираешься ты, шурина,
Кто землю спасъ?

ГОДУНОВЪ.

Того, кто посягаетъ

На твой престоль.

ЕЕДОРЪ.

И это все затѣмъ,

Что въ пьяномъ видѣ на меня Наги
Грозилися? Что вѣдунулось кому-то
Къ нимъ написать, безъ вѣдома, должно -быть,
И самыхъ Шуйскихъ? Шурина, ты скажи мнѣ,
Ты съ тѣмъ лишь мнѣ служить еще согласенъ,
Чтобъ я тебѣ ихъ выдалъ головой?

ГОДУНОВЪ.

Лишь только такъ могу я, государь,
Тебѣ за цѣлость царства отвѣчать!
Когда тебѣ мнѣ вѣрить не угодно,
Разъ навсегда—дозволь мнѣ удалиться,
А на себя за все возьми отвѣтъ!

ЕЕДОРЪ—послѣ долгой борьбы.

Да, шурина, да! Я въ этомъ на себя
Возьму отвѣтъ! Вотъ видишь ли, я знаю,
Что не умѣю править государствомъ.
Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло иль черно,
Избрать я долженъ—я не обманусь.
Тутъ мудрости не нужно, шурина, тутъ
По совѣсти приходится лишь дѣлать.
Ступай себѣ, я не держу тебя:

Мнѣ Богъ поможетъ. Я измѣнѣ Шуйскихъ
Не вѣрю, шуринъ; если-жъ бы и вѣрилъ,
И тутъ бы ихъ на казнь я не послалъ:
Довольно крови на Руси лилося
При батюшкѣ, Господь ему прости!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь...

ФЕДОРЪ.

Я знаю, что ты скажешь:
Что черезъ это царство замутится?
Не правда ли? На то Господня воля!
Я не хотѣлъ престола. Видно, Богу
Угодно было, чтобъ не мудрый царь
Сѣлъ на Руси. Каковъ я есть, такимъ
Я долженъ оставаться; я не въ правѣ
Хитро впередъ разсчитывать, что будетъ!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь, подумай..

ФЕДОРЪ.

Что тутъ думать?
Что думать, шуринъ? Дѣло рѣшено.
Мнѣ твоего не надо уговора!
Свободенъ ты; оставь меня теперь;
Мнѣ одному остаться надо, шуринъ.

ГОДУНОВЪ.

Я уйду, великій государь!..

Направляется медленно къ двери, но прежде,
чѣмъ отворить ее, оборачивается на Федора. —
Федоръ даетъ ему уйти и кидается на шею
Иранѣ.

ФЕДОРЪ.

Аринушка! Родимая моя!
Ты, можетъ-быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержалъ?

ИРИНА.

Нѣтъ, Федоръ, нѣтъ! Ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

ФЕДОРЪ.

Да, я тоже
Такъ думаю, Аринушка. Что-жъ дѣлать,
Что не рожденъ я государемъ бытъ!

ИРИНА.

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Такъ сильно бьется!

ФЕДОРЪ.

Бокъ болитъ немного;
Аринушка, я не пойду къ обѣднѣ.
Вѣдь тутъ грѣха большого нѣтъ, не правда-ль
Одну обѣдню пропустить? Я лучше
Пойду къ себѣ въ опочивальню; тамъ
Прилягу я и отдохну часочекъ.
Дай на руку твою мнѣ опереться;
Вотъ такъ! Пойдемъ, Аринушка; на Бога
Надѣюсь я, Онъ не оставитъ насъ!

Уходить, опираясь на руку Ирины.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

Князь Иванъ Петровичъ и княжна Мстиславская. Въ сторонѣ столъ съ кубками, за которымъ стоитъ Старковъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не плачь, Наташа, я вѣдь не серчаю;
Тебѣ простилъ я; баба та тебя
Попутала, а Богъ и наказаль.

КНЯЖНА.

Князь-дядюшка, а съ нимъ-то что же будетъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Съ Григорьемъ-то? Да въ гору, чай, пойдетъ,
Когда захочетъ выдать насъ. Два раза
Я посылалъ за нимъ, чтобы его
Усовѣститъ, да не могли найти.
Вотъ голова! Когда-бъ меня дождался,
Такъ не дошло-бъ до этого.

КНЯЖНА.

Ты, дядя,

Его простилъ бы? Ты бы за царя
Меня не сталъ неволить?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

За такимъ

Тебя мнѣ жаль бы видѣть было мужемъ!
Я пожурилъ бы васъ обоихъ, слова-жъ
Назадъ не взялъ бы. Ошалѣли братья.

КНЯЖНА

Онъ не пойдетъ къ царицѣ! Не захочетъ
Онъ выдать васъ!

кн. иванъ петровичъ.

* И самому мнѣ что-то
Не вѣрится, но, выдасть или не выдасть,
Мы ждать не будемъ; прежде, чѣмъ вернуся
Я отъ царя, все было рѣшено.

княжна.

Не мучь меня—скажи мнѣ, Бога ради,
Что ты рѣшилъ?

кн. иванъ петровичъ.

Не дѣвичье то дѣло,
Наташенька,—узнаешь послѣ.

княжна.

Дядя,
Твой мраченъ видъ—ты смотришь такъ сурово—
Со мной одной попрежнему ты ласковъ,
Ты добръ со мной; но страшно мнѣ смотреть
Тебѣ въ глаза—хотѣлось бы по нимъ
Мнѣ отгадать, что ты задумалъ?

кн. иванъ петровичъ.

Тотчасъ

Князья придуть; мнѣ дѣло съ ними есть;
Поди къ себѣ, Наташа.

княжна.

Дай остаться
Съ тобою мнѣ! Дай потчевать гостей!

кн. иванъ петровичъ.

Нельзя, Наташа.

княжна—про себя.

Господи! ужели
Не даромъ сердцу чуется бѣда!

Уходить.—Входятъ: братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубъ и Красильниковъ съ другими сторонниками Шуйскихъ. — Всѣ останавливаются передъ нимъ въ почти-тельномъ молчаніи.—Кн. Иванъ Петровичъ смотреть на нихъ нѣкоторое время, не говоря ни слова.

кн. иванъ петровичъ—сидя.

Вамъ вѣдомо, какъ дѣло повернулось:
Схватить насъ могутъ каждый мигъ. Хотите-ль
Погибнуть всѣ, или со мной идти?

всѣ.

Князь-государь, приказывай что хочешь—
Мы всѣ съ тобой!

кн. иванъ петровичъ.

Такъ слушайте-жь меня!

Князь Дмитрій—ты сейчасъ поѣдешь въ Шую,
Сберешь народъ, дворянъ и духовенство
И съ лобнаго объявишь мѣста имъ,
Что Ѳеодоръ царь во скудоумье впалъ
И государить долѣе не можетъ;
Царемъ же намъ законнымъ учинился
Его наслѣдникъ Дмитрій Іоаннычъ.
Пусть крестъ ему цѣлуютъ.—Князь Андрей!
Тебя я шлю въ Рязань. Сбери войска
И на Москву веди ихъ.—Князь Ѳеодоръ!
Ты ѣдешь въ Нижній!—Князь Иванъ—ты въ Суздаль.
— Бояринъ Головинъ! Тебя избралъ
Я въ Угличъ ѣхать. Тамъ съ Нагими вы
Дмитрія объявите царемъ
И двинетесь, при звонѣ колокольномъ,
Съ нимъ на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславскимъ и со князь-Васильемъ
Останусь здѣсь, чтобъ Годунова взять
Подъ карауль.

Къ дворецкому.

Ѳедюкъ, подай братину!
Во здравье каждому и въ добрый путь,
И да живетъ царь Дмитрій Іоаннычъ!

всѣ —кромѣ Василя Шуйскаго.

Да здравствуетъ царь Дмитрій Іоаннычъ!

кн. василій шуйскій.

Князь-дядюшка—не въ гнѣвъ тебѣ сказать—
Не скоро-ль ты рѣшился? Вспомни только,
Сего утра еще ты не хотѣлъ
Дойти до этого!

кн. иванъ петровичъ.

Я былъ дуракъ!
Предъ кѣмъ хотѣлъ я уличить Бориса?
Передъ царемъ? Нѣтъ на Руси царя!

кн. василій шуйскій.

Обдумай, князь!

кн. иванъ петровичъ.

Я все обдумалъ.—Голубы!
Я виноватъ передъ тобой—ты правъ!
Какъ малаго мальчишку тотъ татаринъ
Меня провелъ—онъ лучше зналъ царя!
Какъ удалось тебѣ уйти?

голубь.

Дорогой,
Князь-батюшка, веревки перетѣръ,
А на плоту, на Красной переправѣ,
Сшибъ двухъ стрѣльцовъ, съ повозки прыгнулъ въ воду
И вплавь утекъ!

кн. иванъ петровичъ.

Ты въ-время вернулся!
Сегодня же съ Красильниковымъ ты
И съ этими другими молодцами—
Торговыхъ вы подымете людей!

красильниковъ.

Ужъ положишься на насъ, князь государы!
Всѣ поголовно встанемъ на Бориса!

кн. иванъ петровичъ.

Лишь смеркнется, готовы будьте всѣ;
Когда-жъ раздастся выстрѣлъ изъ царь-пушки—
Входите въ Кремль!

къ дворецкому.

Оедюкъ, подай стопу!

Во здравье всѣмъ!

Отпиваетъ и передаетъ купцамъ.

КУЩЦЫ.

Князь-батюшка! Ты намъ
Родной отецъ! Тобою лишь стоимъ!
Дай Господи тебѣ сломить Бориса—
И да живеть Димитрій царь!

кн. иванъ петровичъ.

Аминь!

Кушцы уходятъ.

кн. иванъ петровичъ—къ Мстиславскому.

Ты, князь, сейчасъ же выбери надежныхъ
Пятьсотъ жильцовъ. Пусть крестъ они цѣлуютъ
Царю Димитрію; когда-жъ стемнѣтъ,
Веди ихъ въ Кремль. Я съ князь-Васильемъ вмѣстѣ
Межъ тѣмъ схвачу Бориса на дому.

кн. василій шуйскій.

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трусь,
Опаснаго я не боюсь дѣла—
Но все-жъ подумай лучше!

кн. иванъ петровичъ.

Много думать—

Отъ дѣла отказаться. Намъ теперь
Ужъ нечего раскидывать умами—
И ясенъ путь открылся передъ нами!

Домъ Годунова.

Годуновъ, въ волненіи, ходитъ взадъ и впередъ. Клешнинъ стоитъ,
прислонясь къ печи.

ГОДУНОВЪ.

Я отрѣшенъ! Самъ Ѳедоръ словно нудитъ
Меня свершить—чего-бъ я не хотѣлъ!
Нагіе ждуть давно моей опалы,
И вѣсть о ней имъ дерзости придастъ.
Они теперь на все рѣшатся. Димитрій
Имъ словно стягъ, вокругъ коего собираютъ
Они враговъ и царскихъ и моихъ.
Того и жди: изъ Углича пожаромъ

Мятежъ и смуты вспыхнуть. Битяговскій—
Мнѣ на него разсчитывать нельзя—
Меня продать онъ, если не приставлю .
За нимъ смотрѣть еще кого-нибудь.
Я принужденъ... я не могу иначе...
Меня тѣснить.

Къ Клешнину.

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

КЛЕШНИНЪ.

На всѣ пригодна руки!
Гадальщица, лѣкарка, сваха, сводня,
Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ—
Единымъ словомъ: баба хоть куда!
Она ужъ здѣсь. Звать, что-ль, къ тебѣ?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно.

Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примѣчала-бъ,
Что говорятъ Нагіе.—Какъ царя
Оставилъ ты?

КЛЕШНИНЪ.

Надъ кипой тѣхъ бумагъ,
Которыя отнестъ ему велѣлъ ты;
То лобъ потреть, то за ухомъ почешеть,
И ничего, сердечный, не пойметъ!

ГОДУНОВЪ.

Не выдержать.

Задумывается.

Мнѣ все на умъ приходитъ,
Что въ оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мнѣ было.
Оно теперь свершается: помѣха
Моя во всемъ, вредитель мой и врагъ—
Онъ въ Угличѣ...

Опомнившись.

Скажи ей, чтобы она
Блюла царевича!

КЛЕШНИНЪ.

А посмотришь
Ее не хочешь, батюшка?

ГОДУНОВЪ

Не нужно!

Про себя.

«Слабъ, но могучъ... безвиненъ, но виновенъ...
«Самъ и не самъ... потомъ—убить!»

Къ флешнину.

Скажи ей,

Чтобы она царевича блюла!

Уходить.

КЛЕШНИНЪ—одинъ.

Чтобы блюла! Гмъ? Нешто я не знаю,
Чего-бъ хотѣлось милости твоей!
Пожалуй, что-жъ! Грѣхъ на душу возьму!
Я не брезгливъ—не бѣлоручка я!
Пока онъ живъ, отъ Шуйскихъ и Нагихъ
Не будетъ намъ покоя. Вишь, какъ крылья
Подрѣзали! Не ждалъ я этой рыси
Отъ Ѳедора Иваныча! Конечно,
Не выдержать... а если между тѣмъ
Случится что?

Отворяетъ дверь.

Сударыня, войди!

ВОЛОХОВА—входитъ съ просвирой въ
рукахъ.

Благослови, Владычица святая!
Поклонъ тебѣ, бояринъ, принесла
Отъ Трехъ-Святителей, просвиру вотъ
Тамъ вынула во здравіе твое!

КЛЕШНИНЪ—ласково.

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебѣ сказали, для чего послалъ
Я за тобой?

ВОЛОХОВА—садясь.

Сказали, государь,
Сказали, свѣтъ: бояринъ Годуновъ

Смѣняеть, моль, царевичеву мамку,
Меня-жь къ нему приставить указаль.
Ужь будь спокоенъ! Пуще ока стану
Его беречь, и ночи не досплю
И куса не доѣмъ, а ужъ дитятю
Я соблюду!

КЛЕШНИНЪ.

Бывала въ мамкахъ ты?

ВОЛОХОВА.

Лгать не хочу, бояринъ, не бывала,
А ужъ куда охоча до дѣтей!
Ребеночекъ вѣдь тотъ же ангель Божій!
Сама сына вскормила своего,
Двадцатый вотъ пошелъ ему годокъ,
Все при себѣ, подъ крылышкомъ, держала,
До морового года; лишь въ тотъ годъ
Поопасалась вмѣстѣ жить.

КЛЕШНИНЪ.

Что такъ,

Голубушка?

ВОЛОХОВА.

А въ такую пору
Не долго до грѣха: какъ разъ подсыплетъ
Чего-нибудь, отпѣлъ, похоронилъ,
Наслѣдство взялъ—и поминай какъ звали!
Кому въ такое время разбирать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты свахою, голубушка, теперь?

ВОЛОХОВА.

Бываю въ свахахъ, батюшка-бояринъ;
Хвалиться грѣхъ, а безъ меня немного
Играется и свадьбъ на Москвѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Какую же послѣднюю ты свадьбу
Устроила?

ВОЛОХОВА.

А Шаховского князя
Съ Мстиславскою княжною, государь.

КЛЕШНИНЪ.

Не съ тою ли, которую вчера
Ты, при живой царицѣ, за царя
Хотѣла сватать?

ВОЛОХОВА.

Боже упаси!
Какой тебѣ разбойникъ то сказалъ?
Какой собака, воръ и клеветникъ?
Чтобъ у него языкъ распухъ! Чтобъ очи
Полопались!

КЛЕШНИНЪ—грозно.

Молчи, старуха! цыцъ!
Мы знаемъ все! Покойный государь,
Блаженной памяти Иванъ Васильичъ,
На медленномъ огнѣ тебя бы, вѣдьму,
Изволилъ сжечь! Но жалостливъ бояринъ
Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ:
Онъ, вмѣсто казни, дастъ тебѣ награду,
Когда свою исполнить службу ты
Сумѣешь при царевичѣ.

ВОЛОХОВА.

Сумѣю!

Сумѣю, батюшка! Сумѣю, свѣтъ!
Ужъ положися на меня! И мухъ
Я на дитятю сѣсть не дамъ! Ужъ будетъ
И здравъ, и сытъ, и цѣль, и невредимъ!

КЛЕШНИНЪ.

Но если-бъ что не по твоей винѣ
Случилось съ нимъ...

ВОЛОХОВА.

Помилуй, ужъ чему
При мнѣ случиться!

КЛЕШНИНЪ—значительно.

Онъ тебѣ того

Въ вину бы не поставилъ!

Волохова смотреть въ удивленіи.

Слушай, баба:

Никто не властенъ въ животѣ и смерти—

А у него падучая болѣзнь!

ВОЛОХОВА.

Такъ какъ же это, батюшка?—Такъ что же?

Въ толкъ не возьму...

КЛЕШНИНЪ.

Бери, старуха, въ толкъ!

ВОЛОХОВА.

Да, да, да, да! Такъ, такъ, бояринъ, такъ;

Все въ Божьей волѣ! Безъ моей вины

Случиться можетъ всякое, конечно!

Мы всё подъ Богомъ ходимъ, государь!

КЛЕШНИНЪ.

Ступай, карга! Съ тобой передъ отъѣздомъ

Увижусь я—но помни: денегъ вдоволь—

Или тюрьма!

ВОЛОХОВА.

Помилуй, государь!

Зачѣмъ тюрьма! Ужъ ты не поскупись,

Вѣдь наше дѣло вдовье. Да дозвожь ужъ

Сынка забрать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты въ томъ вольна; ступай!

ВОЛОХОВА.

Прости же, государь; ужъ будешь нами

Доволенъ! Такъ! Конечно такъ, конечно!

Чась не ровень, случиться можетъ всяко!

Одинъ лишь Богъ силенъ и всемогущъ,

Одинъ Господь, а наше дѣло вдовье!

Уходить.

СЛУГА—докладываетъ.

Өедюкъ Старковъ!

КЛЕШНИНЪ.

Зови его сюда!

Старковъ входитъ. Занавѣсъ опускается.

Царскій теремъ. Половина царицы.

Өедоръ сидитъ за кипюю бумагъ и обтираетъ потъ съ лица.—Передъ нимъ стоятъ государственныя печати, большая и малая.—Ирина подходитъ и кладетъ ему руку на плечо.

ИРИНА.

Ты отдохнулъ бы, Өедоръ.

ӨЕДОРЪ.

Ничего

Понять нельзя! Борисъ нарочно мнѣ
Дѣла такія подобралъ! Одинъ лишь
Толковый листъ попался: нашъ гонецъ
Изъ Вѣны пишетъ: цесарь-де готовить
Подарокъ мнѣ: шесть обезьянъ мнѣ шлетъ.
Аринушка, я ихъ отправлю къ Митѣ!

ИРИНА.

Такъ ты его не выпишешь?

ӨЕДОРЪ.

Вотъ видишь.

Аринушка, когда бы согласился
Борисъ остаться...

ИРИНА.

На его ты мѣсто

Еще не выбралъ никого?

ӨЕДОРЪ.

Вѣдь ты же,

Ты-жь говорила: лучше подождать.

Ты думала, онъ самъ придетъ мириться.

А онъ прислалъ мнѣ этотъ ворохъ дѣлъ!

Ужь я надъ нимъ измучился и вотъ

Еще бѣда: за Шуйскимъ я послалъ,
За князь-Иваномъ, чтобъ помочь онъ мнѣ
Все разобрать, а онъ велѣлъ отвѣтить,
Что нездоровъ; упрямится, должно-быть.
Я вновь послалъ: челомъ-де бью ему,
Такое-де есть дѣло, о которомъ
Не знаетъ онъ!

Входить Клешнинъ.

А, это ты, Петровичъ!

Откуда ты?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго.

ӨЕДОРЪ.

Откуда?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго отъ твоего слуги,
Отъ Годунова.

ӨЕДОРЪ.

Развѣ онъ хвораеть?

КЛЕШНИНЪ.

А какъ же не хворать ему, когда
Его, за всѣ заслуги, словно пса,
Ты выгналъ вонъ! Здорово, молъ, живешь!

ӨЕДОРЪ.

Помилуй, я...

КЛЕШНИНЪ.

Да чтò тутъ говорить!
Ты, батюшка, былъ отъ молодыхъ ногтей
Суровъ и крутъ, и сердцемъ непреклоненъ.
Когда себѣ чтò положилъ на мысль,
Такъ ужъ поставишь на своемъ, хоть тамъ
Весь свѣтъ трещи!

ӨЕДОРЪ.

Я знаю самъ, Петровичъ,

Что я суровъ...

КЛЕШНИНЪ.

Весь въ батюшку пошелъ!

ӨЕДОРЪ.

Я знаю самъ—но неужель Борисъ
Не помирится, если я скажу,
Что виновать?

КЛЕШНИНЪ.

Онъ столького не просить.
Лишь прикажи мнѣ приложить печать
Вотъ къ этому листу о взятъѣ Шуйскихъ
Немедленно подъ стражу—и онъ снова
Тебѣ слуга!

ӨЕДОРЪ.

Какъ? Онъ не пересталъ
Подозрѣвать?

КЛЕШНИНЪ.

Царь! Тутъ не подозрѣнье,
Тутъ полная улика налицо!
Старковъ, дворецкій князь-Ивана, намъ
Сейчасъ донесъ, что князь Иванъ сегодня
Рѣшилъ признать царенка государемъ,
Тебя-жь рѣшилъ съ престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть самъ спроси!

ӨЕДОРЪ.

Ужъ эти мнѣ доносы!
Я въ первый разъ Старкова имя слышу,
А Шуйскаго звучить повсюду имя,
Какъ колоколь! Ужели хочешь ты,
Чтобъ я какому-то Старкову болѣ,
Чѣмъ Шуйскому повѣрилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Вѣрь, не вѣрь,
Я говорю тебѣ: когда ихъ всѣхъ
Ты не велишь сейчасъ же...

СТОЛЬНИКЪ—докладываетъ.

Князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій!

Клешнинъ.

Какъ? онъ самъ?

Федоръ—радостно.

Пришелъ!

Пришелъ, Аринушка!

Клешнинъ.

Вели его

Подъ стражу взять!

Федоръ.

Стыдись, стыдись, Петровичъ!

Къ стольнику.

Пускай войдетъ!

Къ Клешнину.

Я при тебѣ его

Сейчасъ спрошу.

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ.

Здорово, князь Иванъ!

Вообрази: есть на тебя доносъ—

Кн. Иванъ Петровичъ смущается.

Но я ему не вѣрю. Я хочу,

Чтобъ ты мнѣ самъ сказалъ, что предо мною

Ты чистъ теперь, какъ ты предъ цѣлымъ свѣтомъ

Всегда былъ чистъ, и слова твоего

Съ меня довольно.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь...

Федоръ.

Ты, князь,

Меня пойми: вѣдь я не сомнѣваюсь,

Я лишь хочу...

Клешнинъ.

Нѣтъ, батюшка, позволь!

Ужъ коль на то пошло, дай лучше мнѣ

Его спросить: князь-государь! Ты можешь
Поцѣловать царю вонъ ту икону,
Что измѣнить не думалъ ты ему?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

ӨЕДОРЪ.

Князь, то не онъ,—
То я прошу тебя!

КЛЕШНИНЪ.

Вотъ я икону
Сейчасъ сыму...

ӨЕДОРЪ.

Не нужно тутъ иконы!
Скажи по чести мнѣ, по чести только!
Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ИРИНА—которая не спускала
глазъ съ Шуйскаго.

Свѣтъ-государь,
Зачѣмъ такимъ вопросомъ оскорблять
Того, чья доблесть всѣмъ давно извѣстна?
Не спрашивай его—потребуй только,
Чтобъ онъ тебѣ святое слово далъ
И впредь остаться вѣрнымъ, какъ онъ вѣренъ
Доселѣ былъ!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, я хочу, Арина,
Вотъ этого порядкомъ пристыдить.
Скажи мнѣ, князь, по чести мнѣ скажи:
Задумалъ ты что-либо надо мною?
Да говори-жь!

КЛЕШНИНЪ.

По чести! Слышишь, князь?

Про себя.

А по иконѣ было бы вѣрнѣе!

ИРИНА—къ Ѳедору.

Вѣтъ-государь...

ѲЕДОРЪ.

Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ѲЕДОРЪ.

Вѣтъ, не уволю!

КЛЕШНИНЪ.

Ты, чай, трусишь, князь?

ѲЕДОРЪ.

Какое трусить! Онъ упрямя и крутъ,
Да я его и круче и упрямяй!
Нашла коса на камень, и доколѣ
Онъ мнѣ не дастъ отвѣта, я его
Не выпущу отсель!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ знай же все!

ѲЕДОРЪ—съ испугомъ.

Что? Что ты хочешь?..

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! Ты слышалъ правду—

Я на тебя всталъ мятежомъ!

ѲЕДОРЪ.

Помилуй...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слабостью своею истоцилъ
Терпѣнье наше! Царство отдалъ ты
Въ чужія руки—ты давно не царь—
И вырвать Русь изъ рукъ у Годунова
Рѣшилъся я!

ӨЕДОРЪ—вполголоса.

Тсъ! Тише!

Указывая на Клешина.

Не при немъ!

Не говори при немъ—Борису онъ
Разскажетъ все!

КЛЕШНИНЪ.

Да продолжай же, князь!

ӨЕДОРЪ.

Молчи, молчи! Глазь-на-глазь скажешь мнѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Царь ждетъ отвѣта!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! сегодня брата.

Я твоего призналъ царемъ!

ӨЕДОРЪ.

Петровичъ—

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Арина!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Теперь тебя о милости единой
За прежнія заслуги я прошу:
Одинъ лишь я виновенъ! Не вели
Сторонниковъ моихъ казнить—не будутъ
Они тебѣ опасны безъ меня!

ӨЕДОРЪ.

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты
Не знаешь самъ, какую небылицу
Ты путаешь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошелъ. Царить не можешь ты—
А подь рукою Годунова быть
Я не могу!

КЛЕШНИНЪ—про себя.

Вишь княжеская честь!

И подгонять не надо!

ӨЕДОРЪ—береть Шуйскаго въ сторону.

Князь, послушай:

Лишь потерпи немного—Митѣ только
Дай подрасти—и я съ престола самъ.
Тогда сойду, съ охотою сойду,
Вотъ-те Христось!

КЛЕШНИНЪ—подходить къ столу и беретъ печать.

Прихлопнуть, что-ль, приказъ?

ӨЕДОРЪ.

Какой приказъ? Ты ничего не понялъ!
Я Митю самъ велѣлъ царемъ поставить!
Я такъ велѣлъ—я царь! Но я раздумалъ;
Не надо болѣ; я раздумалъ, князь!

КЛЕШНИНЪ.

Да ты въ умѣ-ль?

ӨЕДОРЪ—на ухо Шуйскому.

Ступай! Да ну, ступай же!

Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди-жь, иди!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него—
Богъ не велитъ!—Я вижу, простота
Твоя отъ Бога, Ѳедоръ Іоаннычъ—
Я не могу подняться на тебя!

ӨЕДОРЪ.

Иди, иди! Раздѣлай, что ты сдѣлалъ!

Вытѣсняетъ его изъ комнаты.

К Л Е Ш Н И Н Ъ—подымая печать надъ
приказомъ.

Царь-батюшка, вели скрѣпить приказъ!
Не дай ему собрать войска! Царица—
Скажи ему, что участь государства
Въ приказѣ семъ!

И Р И Н А.

Въ немъ нѣтъ уже нужды!
Гроза прошла: не врагъ намъ болѣ Шуйскій!

Ө Е Д О Р Ъ.

Петровичъ, слышишь? Слышалъ ты, Петровичъ?
Аринушка, ты ангелы! Отъ тебя
Ничто не скроется, ты все замѣтишь
И все поймешь! Да, Шуйскій намъ не врагъ!

Шумъ за дверью.— Сѣнная дѣвушка
вбѣгаетъ въ испугѣ.

С Ѣ Н Н А Я Д Ѣ В У Ш К А.

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился въ теремъ сумасшедшій!

Г О Л О С Ъ Ш А Х О В С К О Г О—за сценой.

Прочь!

Прочь! не держите! Я хочу къ царицѣ!

Въ дверяхъ показывается Шаховской,
удерживаемый нѣсколькими слугами.
Онъ ихъ отталкиваетъ и бросается
Иринѣ въ ноги.

Ш А Х О В С К О Й.

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я отъ самага утра
Къ тебѣ прошусь!

Ө Е Д О Р Ъ.

Да это Шаховской!

С Л У Г И—вбѣгаютъ со стрѣльцами.

Хватайте вора!

ФЕДОРЪ,

Тише, тише, люди!

Здѣсь вора нѣтъ!

Къ Шаховскому.

Скажи мнѣ, растолкуй,

Чего ты хочешь?

ШАХОВСКОЙ.

Царь! Казни меня...

Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотятъ съ твоей царицей развести!

ФЕДОРЪ.

Ты бредишь, князь!

КЛЕШНИНЪ—про себя.

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло!

Къ Федору.

Царь, выслушай его!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту

Они хотятъ посватать за тебя!

ФЕДОРЪ.

Кто? Кто они?

ШАХОВСКОЙ.

Дядя моей невѣсты,

Княжны Мстиславской, Шуйскіе князья!

ФЕДОРЪ.

Да ты и впрямь помѣшанъ, князь!

ШАХОВСКОЙ—встаетъ и подаетъ бумагу.

Вотъ, вотъ

Ихъ челобитня! Матушка-царица!
Вели невѣсту мнѣ отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же—сейчасъ же
Насъ обвѣнчать!

КЛЕШНИНЪ.

Объ этой челобитнѣ
Слышали мы. Позволь-ка поглядѣть!

Береть бумагу въ руки и, просмотрѣвъ,
обращается къ Ѳедору.

Вотъ, батюшка, ты говорилъ сейчасъ,—
Твоя царица знаетъ князь-Ивана,
А на повѣрку вышло, что не знаетъ!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчасъ, какъ ангель,
Стояла за него—ее онъ хочетъ,
Какъ грѣшную, преступную жену,
Какъ блудницу, съ тобою развести,
Тебѣ-жъ свою племянницу посватать!
Не вѣришь, батюшка? Смотри, читай!

Подаетъ Ѳедору бумагу.

ѲЕДОРЪ—читаетъ.

«Ты новый бракъ прими, великій царь,
«Мстиславскую возьми себѣ въ царицы...
«Ирину-жъ Годунову отпусти
«Во иноческій чинъ...»

КЛЕШНИНЪ.

Ты руку знаешь
Иванъ-Петровича? Читай же подпись!

ѲЕДОРЪ—читаетъ.

«И въ томъ тебѣ соборнѣ бьемъ челомъ
«И руки прилагаемъ: Діонисій
«Митрополитъ всея Руси... Крутицкій
«Архіепископъ Варлаамъ... Князь...» Что?

Дрожащимъ голосомъ.

«Князь... Князь Иванъ... Петровичъ Шуйскій!»
Его рука! Онъ также подписался!
Аринушка, онъ подписался!

Падаетъ въ кресло и закрываетъ лицо
руками.

ИРИНА.

Ѳедоръ...

ӨЕДОРЪ.

Онъ! Онъ! Пускай бы кто другой, но онъ!
Насъ разлучить съ тобой!

Плачетъ.

ИРИНА.

Опомнись, Ѳедоръ!

ӨЕДОРЪ.

Тебя сослать!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ!
Не вѣдаю сама, что это значить,
Но ты подумай: если князь Иванъ
Сейчасъ хотѣлъ свести тебя съ престола,
Онъ могъ ли мыслить выдать за тебя
Истиславскую?

ӨЕДОРЪ.

Тебя—мою Ирину—
Тебя постричь!

ИРИНА.

Вѣдь этого не будетъ!

ӨЕДОРЪ—вскакивая.

Не будетъ! Нѣтъ! Не дамъ тебя въ обиду!
Пускай придутъ! Пусть съ пушками придутъ!
Пусть попытаются!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь.

Напрасно ты тревожишься. Кто можетъ
Насъ разлучить? Ты царь вѣдь!

ӨЕДОРЪ.

Да, я царь!

Они забыли, что я царь! Петровичъ,
Гдѣ тотъ приказъ?

Бѣжить къ столу и прикладываетъ печать
къ приказу.

На! На! Отдай Борису!

ИРИНА.

Что сдѣлалъ ты!

ѲЕДОРЪ.

Подъ стражу ихъ! Въ тюрьму!

ИРИНА.

Мой господинъ! Мой царь! Не торопись!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

ШАХОВСКОЙ—выходя изъ оцѣпенѣнія.

Царь-государь, помилуй!

Я не того просилъ! Я о невѣстѣ
Тебя просилъ!

ѲЕДОРЪ.

Борисъ васъ разберетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Онъ изведетъ ихъ! Онъ погубитъ Шуйскихъ!

ѲЕДОРЪ.

Всѣхъ разберетъ онъ!

ШАХОВСКОЙ.

Я палачъ имъ буду!

Царь, смилуйся!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму ихъ!

ШАХОВСКОЙ.

Что сдѣлалъ я!

Боже!

Убѣгаетъ.

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, послушай,—
Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйскихъ

Теперь въ тюрьму, теперь, когда они
Обвинены въ измѣнѣ!

ЕДОРЪ.

Ни, ни, нѣ,

Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумѣешь! Если
Я подожду, я ихъ прощу, пожалуй—
Я ихъ прощу—а имъ нужна наука!
Пусть посидятъ! Пусть вѣдаютъ, что значить
Насъ различать! Пусть посидятъ въ тюрьмѣ!

Уходить.

Берегъ Яузы.

Черезъ рѣку живой мостъ.—За рѣкой уголь укрѣпленія съ воротами.—
Въ сторонѣ—рощи, мельницы и монастыри.— По мосту проходятъ
люди разныхъ сословій.—Курюковъ идетъ съ бердышомъ въ ру-
кахъ.—За нимъ гусярь.

КУРЮКОВЪ.

— Стой здѣсь, парень, налаживай гусли, а какъ собе-
рется народъ, зачинай пѣсню про князь-Иванъ-Петровича!
Господи, благослови! Господи, помоги! Вотъ до чего дожить
довелось!

Гусярь строить гусли; Курюковъ осматри-
ваетъ бердышъ.

— Ишь, старый пріятель! Отъ самаго отъ блаженной
памяти отъ Василь-Иваныча не сымалъ тебя со стѣны,
ажъ всего ржавчина съѣла. А вотъ сегодня еще послу-
жишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народъ под-
ходить!

ПОСАДСКІЙ—подходить къ Курюкову.

— Добраго здоровья дѣдушкѣ Богдану Семенычу! Что
это у тебя за бердышъ?

КУРЮКОВЪ

— Внучій бердышъ, батюшка, внучій бердышъ! Татары,
слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, такъ я-то
вотъ и взялся его бердышъ на справку снести, да вотъ
парня послушать остановился.

ПОСАДСКІЙ.

— А близко нешто татары?

КУРЮКОВЪ.

— Близко, слышно.

ДРУГОЙ ПОСАДСКІЙ.

— А кого навстрѣчу пошлютъ?

ТРЕТІЙ ПОСАДСКІЙ.

— Чай, опять князь-Иванъ-Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годунова пошлютъ!

ПЕРВЫЙ.

— Что ты, помилуй, Богданъ Семенычъ!

КУРЮКОВЪ—злбно.

— А что? Чѣмъ Годуновъ вамъ не воевода?

ТРЕТІЙ.

— Гдѣ-жъ ему супротивъ Иванъ-Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Ой ли? (*Къ гуслиру*). Ну, что-жъ пѣсня-то? Пѣсня?

ГУСЛЯРЬ—поеть.

«Копилъ король, копилъ силушку,
«Подходилъ онъ подъ Опсковъ-городъ;
«Подошедши, похваляется:
«—Ужь собью городъ, собью турами,
«Воеводу, князя Шуйскаго,
«По рукамъ и по ногамъ скую,
«Царство русское насквозь пройду!»

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— Царство русское насквозь пройду! Ха-ха! Малаго захотѣлъ!

ДРУГОЙ.

— Иванъ-Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

КУРЮКОВЪ—къ гусляру.

— Ну, парень!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«То не Божій громъ надъ Опсковомъ гремитъ,
«Бьютъ о стѣны тѣ дома желѣзные,
«Ядра тѣ калѣны сыплются!»

ЖЕНЩИНА.

— Пресвятая Богородица, какіе страхи!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«А не младъ то свѣтель мѣсяцъ зарождается,
«Государь тѣ Иванъ Петровичъ князь
«На стѣнѣ городской проявляется.
«Онъ идетъ по стѣнѣ, не сторонится,
«Ядрамъ сустрѣчь глядитъ, не морщится!»

ОДИНЪ.

— Да, этотъ не морщился!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«Цѣловали мы крестъ сидѣть до-смерти—
«Не сдадимъ по смерть Опскова-города!»

ОДИНЪ.

— И не сдали Пскова, не сдали!

ДРУГОЙ.

— Святые угодники боронили его!

ЖЕНЩИНА.

— Матерь Божія покрывала!

КУРЮКОВЪ.

— А кто сидѣль-то въ немъ, православные? Кто сидѣль-то въ немъ?

ОДИНЪ.

— Одно слово: Иванъ Петровичъ!

КУРЮКОВЪ.

— То-то!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«И пять мѣсяцовъ король облегаетъ Псковъ,
«На шестой повѣсилъ голову.
«А тѣмъ часомъ князь сдѣлалъ вылазку
«И побилъ всю силу литовскую,
«Насилу король самъ-третей убѣжалъ.
«Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
«—Не дай, Боже, мнѣ на Руси бывать,
«Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
«Ни внучатамъ, ни правнучатамъ!»

Одинъ.

— И по-дѣломъ ему! Знай нашихъ! Знай князь-Иванъ-Петровича!

ГУСЛЯРЪ—заканчиваетъ.

«Слава на небѣ солнцу высокому!
«Слава на землѣ Иванъ-Петровичу!
«Слава всему народу христіанскому!»

Одинъ.

— Слава, воистину слава! Вотъ утѣшилъ, добрый человекъ!

Другой.

— Воздалъ честь, кому честь подобаешь! (*Кладетъ ему деньги въ шапку*). На тебѣ, добрый человекъ!

Всѣ.

— Прими-жь и отъ насъ! И отъ меня! И отъ меня!
Всѣ бросаютъ деньги въ шапку гусляра.

Одинъ.

— Братцы, смотри, кто это сюда скачетъ?

Другой

— Ишь какъ плетью жарить коня! Должно-быть, гонецъ!

Гонецъ—верхомъ.

— Мѣсто! Мѣсто! Раздайтесь на мосту!

ПОСАДСКІЙ.

— Эй, другъ, откуда? Съ чѣмъ ѣдешь?

ГОНЕЦЪ.

— Отъ Тѣшлова! Татары Оку перешли, на Москву идутъ! Мѣсто! Мѣсто!

Всѣ раздаются.—Гонецъ скачетъ по-мосту въ городъ.

ОДИНЪ.

— Ишь, притча какая! Чай, скоро подступятъ!

ЖЕНЩИНА — ГОЛОСИТЬ.

— Ой, Господи-свѣты! Ой, батюшки мой! Опять выжгутъ наши слободы!

ТРЕТІЙ.

— Ну, расхныкалась! Нешто мы не видывали ихъ! А князь-то Иванъ Петровичъ на что?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Король-то, небось, почище татаръ, а и тотъ отъ Иванъ-Петровича, поджамши хвостъ, убѣжалъ!

ТРЕТІЙ.

— Неродился еще тотъ, кто бы сломилъ Иванъ-Петровича!

КУРЮКОВЪ — выступаетъ впередъ.

— Родился, православные, родился! Родился онъ, окаянный! Сломилъ онъ Иванъ-Петровича! Сковаль его, свѣта нашего! По рукамъ и ногамъ сковаль!

НАРОДЪ.

— Что ты, дѣдушка, Господь съ тобой! Кто смѣловаль обидѣть Иванъ-Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годуновъ, православные, Годуновъ! Годуновъ хочетъ извести его! Сейчасъ его, отца нашего, въ слободскую тюрьму поведутъ, здѣсь по мосту поведутъ! (*Шумъ и говоръ въ народѣ*). Вспомяните, дѣтушки, кто всегда стоялъ за васъ! Кто васъ отъ лихихъ людей боронилъ? Отъ старость и

воеводъ? Отъ приставовъ и отъ цѣловальниковъ? Кто не пустилъ короля на Москву? Кто татаръ столько разъ отгонялъ? Шуйскіе стояли за насъ, православные! Да есть ли кто на цѣломъ свѣтѣ супротивъ Шуйскихъ? А къ кому нонѣ примкнулись князья и бояре нашему врагу, Годунову, отпоръ дать? Пропадемъ мы безъ Шуйскихъ, дѣтущки.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

— Не дадимъ въ обиду Шуйскихъ! Не дадимъ въ обиду отца нашего, князь-Иванъ-Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Такъ отобьемъ же его у Годунова, православные, да на рукахъ домой понесемъ!

НАРОДЪ.

— Отобьемъ!

КУРЮКОВЪ.

— Постоимъ за Шуйскихъ, какъ при Олѣнѣ Васильевнѣ стояли! Вотъ онъ, православные! Вотъ онъ, отецъ нашъ, Иванъ Петровичъ! Вотъ онъ, съ братьями, въ кандалахъ идетъ!

Изъ городскихъ воротъ выѣзжаютъ бубенщики. За ними ѣдетъ кн. Туренинъ. За Туренинымъ стрѣльцы ведутъ кн. Ивана Петровича и другихъ Шуйскихъ (кромѣ Василья) въ кандалахъ.

ТУРЕНИНЪ—къ народу.

— Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

КУРЮКОВЪ.

— Батюшка, князь Иванъ Петровичъ! Говорилъ я тебѣ— не мирись! Говорилъ, родимый, не мирись съ Годуновымъ!

НАРОДЪ.

— Правое твое дѣло, Иванъ Петровичъ, а мы за тебя!

ТУРЕНИНЪ.

— Раздайтесь, смерды! По царскому указу, Шуйскихъ въ тюрьму ведемъ!

НАРОДЪ.

— По царскому? Неправда! По Годунову указу!

ТУРЕНИНЪ—къ стрѣльцамъ.

— Разогнать народъ!

КУРЮКОВЪ.

— Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе живутъ! Выручимъ отца нашего!

КУРЮКОВЪ.

— Ну, теперь за мной, какъ при Оленѣ Васильевнѣ! Шуйскіе! Шуйскіе!

Бросается съ бердышомъ на стрѣльцовъ.

НАРОДЪ—бросаясь за нимъ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

ТУРЕНИНЪ—къ стрѣльцамъ.

— Руби воровъ! Кидай ихъ въ воду!

Свалка.

КУРЮКОВЪ—падая съ моста.

— Шуйскіе!—Господи, прими мою душу!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Смирно, дѣтушки! Слушайте меня!

НАРОДЪ.

— Отецъ ты нашъ! Не дадимъ тебя въ обиду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Слушайте меня, дѣтушки, разойдитесь! То воистину царская воля! Не губите головъ вашихъ!

ТУРЕНИНЪ.

— Впереды!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Погоди, князь, дай послѣднее слово къ народу сказать. Простите, московскіе люди, не поминайте лихомъ!

Стояли мы за васъ до конца, да не далъ Богъ удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же волѣ Божіей, слушайте царскихъ указовъ, не подымайтесь на Годунова. Теперь не съ кѣмъ вамъ идти на него, и некому будетъ отстаивать васъ. А терплю я за вину мою, въ чемъ грѣшонъ, за то и терплю. Не въ томъ грѣшонъ, что съ Годуновымъ спорилъ, а въ томъ, что кривымъ путемъ пошелъ, хотѣлъ царицу съ царемъ развести. А потомъ и хуже того учинилъ: на самого царя поднялся! Онъ—святой царь, дѣтушки, онъ—отъ Бога царь, и царица его святая. Дай имъ, Господи, много лѣтъ здравствовать!

Къ Туренину.

— Ну, теперь, князь, идемъ. Простите, московскіе люди!

НАРОДЪ.

— Батюшка! Отецъ нашъ! На кого ты насъ, сиротъ покидаешь!

ТУРЕНИНЪ.

— Бейте въ бубны!

Бубенщики бьютъ въ бубны.— Народъ разступается.— Шуйскихъ проводятъ черезъ сцену.— Изъ городскихъ воротъ выбѣгаетъ Шаховской, безъ шапки, въ одной рукѣ сабля, въ другой пистолеть.— За нимъ Красильниковъ и Голубъ съ рогатинами.

ШАХОВСКОЙ—внѣ себя.

— Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— А на чтò тебѣ? Выручать, что ли? Опоздалъ, бояринъ!

ДРУГОЙ—указывая за сцену.

— Эвотъ, сейчасъ тюремныя ворота за нимъ захлопнулись!

ШАХОВСКОЙ.

— Такъ за мной, люди! Раскидаемъ тюрьму по бревнамъ!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

— Чего, ребята, задумались? Аль не знаете насъ?

ГОЛУВЬ.

— Это князь Шаховской, а насъ вы знаете!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДЪ.

— А что-жь, братцы! И въ самомъ дѣлѣ! Насъ-то много, какъ не выручить! Идемъ, что ли, за княземъ?

ШАХОВСКОЙ.

— Къ тюрьмѣ, ребята! Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

Всѣ бѣгутъ за Шаховскимъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ и Клешнинъ.

ГОДУНОВЪ.

Сторонники захвачены ли Шуйскихъ?

КЛЕШНИНЪ.

Быкасовы, Урусовы князя,
И Татевы и Колычевы всѣ
Уже сидятъ. Не удалось накрыть лишь
Головина—пропаль, какъ не бывало!
Мстиславскаго-жь ты трогать не велѣлъ.

СЛУГА—докладываетъ Годунову.

По твоему боярскому указу,
Василь-Иванычъ Шуйскій приведенъ.

ГОДУНОВЪ.

Впустить его.

Къ Клешнину.

Ты насъ однихъ оставишь.

Клешнинъ и слуга уходятъ. — Василий
Шуйскій входитъ.

ГОДУНОВЪ.

Здорово, князь. Мнѣ вѣдомо, что дядю
Отъ заговора воровскаго ты
Удерживалъ. Хвалю тебя за это.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царю быть вѣрнымъ крестъ я цѣловалъ...

ГОДУНОВЪ.

И доводить на вороговъ на царскихъ;
Но ты на князь-Ивана не довелъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я зналъ, бояринъ, что черезъ Старкова
Все вѣдомо тебѣ.

ГОДУНОВЪ.

А зналъ ли ты,
Что этотъ листъ мнѣ также вѣдомъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Зналь.

ГОДУНОВЪ—показывая ему бумагу.

Ты сознаешься въ подписи своей?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не въ ней одной. Я сознаюсь, бояринъ,
Что челобитня эта мной самимъ
Затѣяна. Зачѣмъ мнѣ заpirаться?
Тебѣ хотѣлъ я службу сослужить:
Когда дядя въ союзъ вошли съ владыкой,
А къ нимъ Москва пристала, каждый свой
Давалъ совѣтъ; нашлись и такіе,
Что въ Угличѣ признать царемъ хотѣли
Димитрія. Чтобъ отвратить бѣду,
Я предложилъ имъ эту челобитню.
Зачѣмъ ее ты не далъ намъ подать?!
Ты зналъ о ней! Царя-бъ ты подготовилъ,
Онъ насъ бы выслушалъ, намъ отказалъ бы,
И все бы кончилось тихо.

ГОДУНОВЪ.

Гладко

Ты рѣчь ведешь. Я вѣрю ли тебѣ,
Или не вѣрю—въ этомъ нѣтъ нужды.
Ты человѣкъ смысленный; ты ужъ понялъ,
Что провести меня не такъ легко,
И что со мной довольно трудно спорить.
Въ моихъ рукахъ ты. Но не буду трогать

За прошлое тебя, и обѣщаній
Не требую на будущее время.
Какъ прибыльнѣй тебѣ: со мной ли быть,
Иль на меня идти—объ этомъ ты
Разсудишь самъ. Подумай на досугѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Борись Θεодорычъ! О чемъ мнѣ думать?
Я твой слуга!

ГОДУНОВЪ.

Мы поняли другъ друга.
Прости-жь теперь, на дѣлѣ я увижу,
Ты искренно ли говорилъ.

Василій Шуйскій уходитъ.

СЛУГА—докладываетъ.

Бояринъ,

Царица къ милости твоей идетъ!

Входитъ Ирина, въ сопровожденіи нѣ-
сколькихъ боярынъ. Годуновъ опускается
передъ ней на колѣни.

ГОДУНОВЪ.

Великая царица—я не ждалъ
Прихода твоего...

ИРИНА—къ боярынямъ.

Оставьте насъ.

Боярыни уходятъ.

Братъ, не тебѣ—мнѣ на колѣняхъ быть
Передъ тобой приходится!

ГОДУНОВЪ—вставая.

Сестра,

Зачѣмъ ко мнѣ пришла ты безъ доклада?

ИРИНА.

Прости меня—мнѣ дорогъ каждый мигъ—
Тебя просить пришла я, братъ!

ГОДУНОВЪ.

О чемъ?

ИРИНА.

Ужели ты погубишь князь-Ивана?

ГОДУНОВЪ.

Въ своей измѣнѣ самъ сознался онъ.

ИРИНА.

Онъ въ ней раскаялся! Его мы слову
Повѣрить можемъ. Благостью царевой
Онъ побѣжденъ. Чего боишься ты?
Ужель опять ко днямъ царя Ивана,
Къ днямъ ужаса, вернуться ты-бъ хотѣлъ?
Имъ срокъ прошелъ! Не благостью ли Ѳеодоръ
Одной силѣнъ? Не за нее ли любить
Его народъ? А Ѳеодорова сила—
Она твоя! Для-самого себя
Ее беречь ты долженъ! Ею нынѣ,
Лишь ей одной, мы съ Шуйскими достигли,
Чего достичь не смогъ бы страхомъ казни
Самъ царь Иванъ!

ГОДУНОВЪ.

Высокая гора

Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, снопъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Ѳеодоръ не таковъ! Его бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ:
Разсѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но—
Вблизи отъ нихъ бродя неосторожно—
Скользятъ въ обрывъ и стадо и пастухъ.

Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
Что церковь въ землю нѣкогда ушла,
На мѣстѣ-жъ томъ образовалась яма;
Церковищемъ народъ ее зоветъ,
И ходитъ слухъ, что, въ тихую погоду,
Во глубинѣ звонять колокола
И клирное въ ней пѣнье раздается.
Такимъ святымъ, но ненадежнымъ мѣстомъ
Мнѣ Ѳеодоръ представляется. Въ дѣлѣ.

Всегда открытой недругу и другу,
Живеть любовь, и благость, и молитва,
И словно тихій слышится въ ней звонъ.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нѣтъ на нихъ опоры никакой!

Семь лѣтъ прошло, что надъ землею русской,
Какъ Божій гнѣвъ, пронесся царь Иванъ.
Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камень камень,
Съ трудомъ великимъ зданіе я строю,
Тотъ свѣтлый храмъ, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,—
Русь, о которой мысля непрестанно,
Бессонныя я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю надъ проваломъ!
Въ единый мигъ все можетъ обратиться
Въ развалины. Лишь стѣитъ захотѣть
Послѣднему, ничтожному врагу—
И онъ къ себѣ царево склонить сердце,
И мной въ него вложенное хотѣнье
Онъ измѣнить. Враговъ же у меня
Не мало есть—не всѣ они ничтожны—
Ты наглость знаешь дерзкую Нагихъ,
Ты знаешь Шуйскихъ нравъ неукротимый—
Не прерывай меня—я Шуйскихъ чту—
Но доблесть ихъ тупа и близорука;
Избитою тропой они идутъ,
Со стариной сковало ихъ преданье—
И при такомъ царѣ, каковъ царь Ѳеодоръ,
Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

И Р И Н А.

Ты правъ, Борисъ, тебѣ помѣхой долго
Былъ князь Иванъ; но ты ужъ торжествуешь;
Его вина, которой нынѣ самъ
Стыдится онъ, порукой намъ, что нѣтъ
У Ѳеодора слуги вѣрнѣе!

Г О Д У Н О В Ъ.

Вѣрю;

Онъ вновь уже не встанетъ мятежомъ,
Измѣной болѣ царскаго престола
Не потрясетъ; нс, думаешь ли ты,
Перечить мнѣ онъ также отказался?

ИРИНА.

Ты поборошь его, тобой онъ сломанъ;
Въ темницѣ онъ; ужели мщенья ты
Послушаешь?

ГОДУНОВЪ.

Я мщенія не знаю;
Не слушаю ни дружбы ни вражды;
Передъ собой мое лишь вижу дѣло,
И не своихъ, но дѣла моего,
Гублю враговъ.

ИРИНА.

Подумай о его
Заслугахъ, братъ!

ГОДУНОВЪ.

За нихъ пріялъ онъ честь.

ИРИНА.

Къ стѣнамъ Москвы съ ордою подступаетъ
Ногайскій ханъ. Кто дастъ ему отпоръ?

ГОДУНОВЪ.

Не въ первый разъ Москва увидитъ хана.

ИРИНА.

Отъ Шуйскаго отъ одного она
Спасенья ждетъ.

ГОДУНОВЪ.

Она слѣпа сегодня,
Какъ и всегда. Опаснѣе, чѣмъ ханъ,
Кто въ самомъ сердцѣ царства подрываетъ
Его покой; кто шевеломъ стариннымъ
Не устаетъ упорно заглушать
Величья новаго посѣвъ. Ирина!
Въ тебѣ привыкъ я умъ высокій чтить
И свѣтлый взглядъ, которому доступны
Дѣла правленья. Не давай его
Ты жалости не дѣльной помрачать!
Я на тебя рассчитывалъ, Ирина!

Доселъ ты противницей моею
 Скорѣе, чѣмъ опорю была;
 Ты думала, что Ѳедоръ государить
 Самъ по себѣ научится; тебѣ
 Внутри души казалось обиднымъ,
 Что мною онъ руководимъ; но ты
 Его безсилъ видишь. Будь же нынѣ
 Помощницей, а не помѣхой мнѣ.
 Не даромъ ты приставлена отъ Бога
 Ко слабому царю. Отвѣтъ тяжелый
 Есть на тебѣ. Ты быть должна царицей—
 Не женщиной! Ты Ѳедора должна |
 Склонить теперь, чтобъ отказался онъ
 Отъ всякаго вступательства за Шуйскихъ!

ИРИНА.

Когда-бъ могла я думать, что нужна
 Погибель ихъ для блага государства,
 Быть-можетъ, я въ себѣ нашла бы силу
 Рыданье сердца подавить; но я
 Не вѣрю, братъ, не вѣрю, чтобы дѣло
 Кровавое пошло для царства въ прокъ;
 Не вѣрю я, чтобъ самъ ты этимъ дѣломъ
 Сильнѣе сталъ. Нѣтъ, тяжкимъ на тебя
 Оно укоромъ ляжетъ! Помогать
 Избави Богъ тебѣ! Нѣтъ, я надѣюсь
 На Ѳедора!

ГОДУНОВЪ.

Со мною хочешь снова
 Ты врозь идти?

ИРИНА.

Пути различны наши.

ГОДУНОВЪ.

Придетъ пора, и ты поймешь, Ирина,
 Что намъ одинъ съ тобою путь.

Отворяетъ дверь и говоритъ за кулисы.

Царица

Зоветъ своихъ боярынь!

Боярыни входятъ.

ИРИНА.

Братъ, прости!

ГОДУНОВЪ--СЪ НИЗКИМЪ ПОКЛОНОМЪ.

Прости меня, великая царица!

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Нищіе толпятся у входа.—Въ глубинѣ сцены виденъ народъ.

ОДИНЪ НИЩІЙ.

— Скоро-ль выйдетъ царь?

СЛѢПОЙ.

— Слышишь, панихиду служатъ по покойномъ государѣ; ужь вѣчную память пропѣли; должно-быть, сейчасъ выйдетъ.

ДРУГОЙ НИЩІЙ.

— А`кто служитъ панихиду-то?

СЛѢПОЙ.

— Говь служитъ Ростовскій. Его, слышно, и въ митрополиты поставятъ, а владыку сведутъ.

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

— Діонисія-то сведутъ?

СЛѢПОЙ.

— Да, сведутъ. И Діонисія и Варлаама Крутицкаго сведутъ: Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйскихъ вступались!

ЧЕТВЕРТЫЙ—на костыляхъ, протѣсняется впередъ.

— Братіе! Слышали, что на Красной площади дѣется?

СЛѢПОЙ.

— А чему тамъ дѣются?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Купцамъ головы сѣкутъ!

ПЕРВЫЙ.

— Какимъ купцамъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Ногаевымъ! Красильникову! Голубю, отцу съ сыномъ!
Еще другихъ повели!

В СЪ.

— Господи, Твоя воля! Да за что-жь это?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— За то, что за Шуйскихъ стояли. Сами-то Шуйскіе
ужь въ тюрьмѣ сидятъ!

ПЕРВЫЙ.

— Боже ихъ помилуй! А царь-то что же?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Годуновъ обошелъ царя!

В СЪ.

— Мѣсто! Мѣсто! Царица идетъ!

Нищіе сторонятся. — Ирина подходитъ съ Мстиславской; за ней боярыни. — Стольникъ идетъ впереди и раздаетъ милостыню.

ИРИНА.

— Стой здѣсь, княжна. Выйдетъ царь, поклонись ему въ
ноги и проси за дядю.

КНЯЖНА.

— Государыня-царица, награди тебя Господь, что при-
вела ты меня!

ИРИНА.

— Не бойся, дитятко, царь милостивъ. Что же ты такъ
дрожишь? Дай я тебѣ поднизи поправлю; и косу-то растре
пала ты свою!

КНЯЖНА.

— Царица-матушка, сердце замираетъ; научи меня, какъ
царю сказать?

ИРИНА.

— Какъ у тебя на сердцѣ, такъ и скажи, дитятко. Гдѣ женихъ твой? Ему бы теперь съ тобою быть!

КНЯЖНА.

— Не видала я его, царица, съ той самой ночи, съ того часа, какъ...

Закрываетъ лицо и рыдаетъ.

ИРИНА.

— Бѣдная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы радъ, чтобы свое дѣло поправить!

КНЯЖНА.

— Воздай тебѣ Матерь Божія, что жалѣешь ты насъ!

Трезвонъ во всѣ колокола. Бояре выходятъ изъ собора. Двое изъ нихъ раздають милостыню. За ними идетъ Ѳедоръ.

КНЯЖНА—вполголоса.

— Теперь, царица?

ИРИНА.

— Нѣтъ еще, подождемъ, дитятко; видишь, онъ помолиться хочетъ.

ѲЕДОРЪ—становится на колѣни, лицомъ къ собору.

Царь-батюшка! Ты, столькимъ покаяньемъ,
Раскаяньемъ и мѣрой искупившій
Свои грѣхи! Ты, съ Богомъ нынѣ сущій!
Ты царствовать умѣлъ! Наставь меня!
Вдохни въ меня твоей частицу силы
И быть царемъ меня ты научи!

Встаетъ и хочетъ идти.

ИРИНА—ко Мстиславской.

Княжна, теперь!

КНЯЖНА—бросается въ ноги Ѳедору.

Царь-государь, помилуй!

ӨЕДОРЪ.

Чего тебѣ, боярышня? Встань, встань!

КНЯЖНА.

Помилуй дядю моего!

ӨЕДОРЪ.

Кто ты?

Кто дядя твой?

КНЯЖНА.

Иванъ Петровичъ Шуйскій!

ӨЕДОРЪ.

Такъ ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

ИРИНА—становится на колѣни.

Свѣтъ-государы!

Она тебя со мною вмѣстѣ молить
За князь-Иванъ-Петровича!

ӨЕДОРЪ.

Арина,

Чтò ты? Арина! Встань! Вставайте обѣ!
Я князь-Иванъ-Петровича прощу,
Но надобно, чтобы въ тюрьмѣ немного
Онъ посидѣлъ!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, прости

Его теперь! Пошли за нимъ сейчасъ же!
Вели ему оборонять Москву,
Какъ нѣкогда онъ Псковъ оборонялъ!

ӨЕДОРЪ.

Ну, хорошо, Арина, я и самъ
Хотѣлъ послать за нимъ—немного позже
Хотѣлъ послать—но для тебя, Арина,
Пошлю сейчасъ.

Къ Годунову.

Борисъ, пошли за нимъ!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, ты самъ же намъ дозволилъ
Начать сперва надъ Шуйскими допросъ.
Онъ начался...

ӨЕДОРЪ.

Онъ долженъ прекратиться.

ГОДУНОВЪ.

Но, государь...

ӨЕДОРЪ.

Ты слышалъ мой приказъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь!..

ӨЕДОРЪ.

Не въ-время ты вздумалъ
Перечить мнѣ. Отъ нынѣшняго дня
Я буду царь. Совѣты всѣ и думы
Я слушать радъ, но только слушать ихъ,—
Не слушаться! Гдѣ приставъ князь-Ивана?
Гдѣ князь Туренинъ?

КЛЕШНИНЪ.

Эвотъ, онъ идетъ!

Подходить Туренинъ.

ӨЕДОРЪ—къ Туренину.

Сейчасъ всѣхъ Шуйскихъ свободить! Ивана-жъ
Петровича ко мнѣ прислать!

Туренинъ не трогается съ мѣста.

ӨЕДОРЪ.

Ты слышишь?

Чего ты ждешь?

ТУРЕНИНЪ.

Великій царь!..

ФЕДОРЪ.

Какъ смѣешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

ТУРЕНИНЪ.

Великій государь—
Не властенъ я твою исполнить волю...
Иванъ Петровичъ...

ФЕДОРЪ.

Ну?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью...

ФЕДОРЪ.

Что — сею ночью? Говори! Ну, что?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью пѣтлей удавился!

КНЯЖНА.

Святая Матерь Божья!

ТУРЕНИНЪ.

Государь,
Въ томъ виноваты; что не досмотрѣли;
Мы береглися, какъ народъ его бы
Не свободилъ; вчера толпу отбили;
Привелъ ее съ купцами Шаховской,
Да кабы я не застрѣлилъ его—
Вломились бы!

Княжна падаетъ въ обморокъ.

ФЕДОРЪ—смотреть страшно на
Туренина.

Князь Шуйскій удавился?
Иванъ Петровичъ? Лжешь! Не удавился—
Удавленъ онъ!

Хватаетъ Туренина обѣими руками
за воротъ.

Ты удавилъ его!

Убійца! Звѣрь!

Къ Годунову.

Ты вѣдалъ это?

ГОДУНОВЪ.

Богъ

Свидѣтель мнѣ—не вѣдалъ.

ФЕДОРЪ.

Палачей!

Поставить плаху здѣсь, передъ крыльцомъ!
Здѣсь, предо мной! Сейчасъ! Я слишкомъ долго
Мирволилъ вамъ! Пришла пора мнѣ вспомнить,
Чья кровь во мнѣ! Не вдругъ отецъ покойный
Сталъ грознымъ государемъ! Черезъ окольныхъ
Онъ грозенъ сталъ—вы вспомните его!

Гонецъ, весь запыленный, съ грамотой въ рукахъ, поспѣшно подходитъ къ Годунову.

ГОНЕЦЪ.

Изъ Углича—боярину Борису
Феодорычу Годунову!

ФЕДОРЪ — вырывая грамоту у гонца.

Дай!

Когда самъ царь стоитъ передъ тобой,
Такъ нѣту здѣсь боярина Бориса!

Глядитъ въ грамоту и начинастъ дрожать.

Аринушка—мое неясно зрѣнье—
Не вижу я—мнѣ кажется, я что-то
Не такъ прочель—въ глазахъ моихъ рябить—
Прочти ты лучше!

ИРИНА—взглянувъ въ грамоту.

Боже милосердый!

ФЕДОРЪ.

Что тамъ, Арина? Что?

ИРИНА.
Царевичъ Дмитрій...

ӨЕДОРЪ.
Упалъ на ножъ? И закололся? Такъ ли?

ИРИНА.
Такъ, Өедоръ, такъ!

ӨЕДОРЪ.
Въ падучемъ онъ недугъ
Упалъ на ножъ? Да точно-ль такъ, Арина?
Ты, можетъ-быть, не такъ прочла—дай листъ!
Смотрять въ грамоту и роняетъ ее
изъ рукъ.

До смерти—да, до смерти закололся!
Не вѣрится! Не сонъ ли это все?
Братъ Дмитрій мнѣ замѣсто сына былъ—
У насъ съ тобой вѣдь нѣтъ дѣтей, Арина!

ИРИНА.
Всю Русь Господь бѣдою посѣтилъ!

ӨЕДОРЪ.
Его любилъ какъ сына я, его—
Хотѣлъ къ себѣ я взять, но тамъ оставилъ—
Тамъ, въ Угличѣ... Иванъ Петровичъ Шуйскій
Мнѣ говорилъ не оставлять его!
Что скажетъ онъ теперь? Ахъ, да-бишь! Онъ
Ужъ ничего не скажетъ—онъ давленъ!

ГОДУНОВЪ—который между тѣмъ под-
нялъ и прочелъ грамоту.
Великій царь...

ӨЕДОРЪ.
Ты, кажется, сказалъ:
Онъ давился? Митя-жь закололся?
Арина—а? Что, если...

ГОДУНОВЪ.
Государь,
Тебѣ сейчасъ отправить въ Угличъ надо
Кого-нибудь...

ЕДОРЪ.

Зачѣмъ? Я самъ отправлюсь!
Я самъ хочу увидѣть Митю! Самъ!
Я никому не вѣрю!

Ратникъ подходитъ къ Годунову.

РАТНИКЪ.

По дорогѣ
Серпуховской маячные дымы
Виднѣются!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
То ханъ идетъ. Черезъ нѣсколько часовъ
Его полки Москву обложатъ. Вхатъ
Не можешь ты теперь.

КЛЕШНИНЪ.

Царь-государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть простъ, а что увижу,
Тѣ и скажу!

ГОДУНОВЪ.

А розыскъ учинить
Объ этомъ дѣлѣ могъ бы князь Василій
Иванычъ Шуйскій! Пусть поѣдутъ оба
И разберутъ, чьей въ Угличѣ виной
Бѣда случилась!

ЕДОРЪ—съ недоумѣніемъ.

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты въ Угличъ Шуйскаго, Василья?
Послать племянника того, кого ты...
Кого они сегодня ночью...

Бросается Годунову на шею.

Шурины!

Прости меня! Я грѣшенъ предъ тобой!
Прости меня... мои смѣшались мысли...
Я путаюсь... я правду отъ неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мнѣ! Петровичъ, поѣзжай
Со князь-Васильемъ. Князь Василій... что-бишь

Тебѣ хотѣлъ сказать я? Позабылъ!
Да, вотъ что: я послалъ на той недѣлѣ
Игрушекъ Митѣ...

Рыдаетъ.

Я хотѣлъ бы знать...
Хотѣлъ бы знать, успѣлъ ли онъ... успѣлъ ли...

КНЯЖНА—которую подводятъ боярыни.

Все кончено! женихъ застрѣленъ мой...
Удавленъ дядя...

ИРИНА.

Дитятко, тебя
Къ себѣ возьму я, будешь ты отнынѣ
Мнѣ вмѣсто дочери!

КНЯЖНА.

Царица, я
Постричься бы хотѣла...

ФЕДОРЪ.

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди отъ міра!
Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ бы
Хотѣлъ уйти... мнѣ страшно въ немъ... Арина...
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводятъ княжну.

ИРИНА.

Свѣтъ мой, Федоръ!
Въ молитвѣ мы у Бога утѣшенья
Должны просить!

ФЕДОРЪ.

Въ молитвѣ? Да, Арина!
Я въ монастырь пойду, молиться буду...
Посхимлюсь тамъ...

ИРИНА.

Нельзя тебѣ, свѣтъ-Федоръ!
Вѣнецъ наслѣдный некому тебѣ
Твой передать.

ФЕДОРЪ.

Да, я послѣдній въ родѣ—
Послѣдній я. Что-жъ дѣлать мнѣ, Арина?

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, нѣтъ выбора тебѣ;
Одинъ Борисъ лишь царствомъ править можетъ,
Лишь онъ одинъ. Оставь на немъ одномъ
Правленія всю тягость и отвѣты!

ФЕДОРЪ.

Такъ, такъ, Арина! не вмѣщаюсь болѣ
Я ни во что!

ГОДУНОВЪ—тихо къ Иринѣ.

Пути сошлись наши!

ИРИНА.

О, если-бъ имъ сойтись не довелось!

Звонъ трубъ. Входитъ Мстиславскій въ
броню и въ шлемъ. Оружничій Годунова
приноситъ ему вооруженіе.

МСТИСЛАВСКІЙ—къ Годунову.

Полки тебя, бояринъ, въ полѣ ждуть!

ГОДУНОВЪ—вооружаясь.

Всѣ по мѣстамъ!

Бояре уходятъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты самъ ли встрѣтити хана

Насъ поведешь?

ГОДУНОВЪ.

Бояринъ князь Мстиславскій!

Я мужъ совѣта, ты же мужъ войны!

Отнынѣ будь верховнымъ воеводой—

За честь Руси, какъ вождь, веди насъ въ бой—

Я-жъ слѣдую, какъ ратникъ, за тобой!

Уходитъ со Мстиславскимъ. Народъ бѣжитъ
за ними. На сценѣ остаются только Федоръ,
Ирина и нищія.

ЕЕДОРЪ.

Бездѣтны мы съ тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжскихъ царствующей вѣтви
Послѣдній я потомокъ. Родъ мой вмѣстѣ
Со мной умретъ. Когда бы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій живъ былъ, я-бъ ему
Мой завѣщаль престолъ; теперь же онъ
Богъ-вѣсть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я—
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить—Боже, Боже!
За что меня поставилъ Ты царемъ!

КОНЕЦЪ.

Ш.

ЦАРЬ БОРИСЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

[1870].

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- ЦАРЬ БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.
 ЦАРИЦА МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА, его жена, дочь Малюты Скуратова.
 ЦАРЕВИЧЪ ѲЕДОРЪ } ихъ дѣти.
 ЦАРЕВНА КСЕНІЯ }
 ЦАРИЦА ИРИНА ѲЕДОРОВНА, во иночествѣ Александра, сестра
 царя Бориса, вдова царя Ѳедора Іоанновича.
 ЦАРИЦА МАРІЯ ѲЕДОРОВНА НАГАЯ, во иночествѣ Марѳа, вдова
 Іоанна Грознаго.
 ХРИСТИАНЪ, герцогъ Датскій, женихъ царевны Ксеніи.
 ГОЛЬКЪ } его совѣтники.
 БРАГЕ }
 СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ, ближній бояринь.
 КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.
 ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАСМАНОВЪ, бояринь и воевода.
 ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
 АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
 КНЯЗЬ РЕПНИНЪ
 КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ
 КНЯЗЬ СИЦКІЙ
 КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ
 САЛТЫКОВЪ } бояре.
 АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛУПЬ-КЛЕШНИНЪ, во схимѣ братъ Левкій.
 ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА, боярыня.
 АѦНАСИЙ ВЛАСЬЕВЪ, думный дьякъ.
 ВОЕЙКОВЪ, воевода тарскій.
 ДЕМЕНТЬЕВНА, барская барыня.
 РИЧАРДЪ ЛИ, посоль англійскій.
 МИРАНДА, папскій нунцій.
 БАРОНЪ ЛОГАУ, посоль австрійскій.
 ЛЕВЪ САПЪГА, посоль литовскій.
 ЭРИКЪ ГЕНДРИХСОНЪ, посоль шведскій.
 АВРААМІЙ ЛЮСЪ, посоль флорентійскій.
 ГЕРМЕРСЪ, любскій бургомистръ, присланный отъ ганзейскихъ городовъ.
 АРХИМАНДРИТЪ КИРИЛЛЪ, посоль иверскій.
 ЛАЧИНЪ-БЕКЪ, посоль персидскій.
 ЧЕЛИБЕЙ, посоль турецкій.
 ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ, атаманъ разбойниковъ.

РѢШЕТО }
НАКОВАЛНЯ } его есаулы.
МИТЬКА, разбойникъ.
ПОСАДСКІЙ.
МИСАИЛЪ ПОВАДИНЪ }
ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ } бѣгле монахи.
1-й }
2-й } часовые.
1-й }
2-й } сыщики.
1-я }
2-я } бабы.
3-я }
4-я }
ВРАЧЪ.
СТРѢЛЦКІЙ ГОЛОВА.
СПАЛЬНИКЪ.
СТОЛЬНИКЪ.
КЛИРОШАНКА.
ПРИСТАВЪ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи,
бѣгле крестьяне, разбойники, нищие, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ и ея окрестностяхъ въ концѣ XVI-го
и началѣ XVII-го столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Престольная палата.

САЛТЫКОВЪ и Воейковъ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты въ-время, бояринъ, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири: угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!

Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земской думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шоломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечомъ замѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татаръ. Но ханъ, имъ уstraшенный,
Бѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ вышло тысячъ въ поле. Безъ удара
Казы-Гирей рассыпанъ—и ни капли
Не пролилося русской крови!

ВОЕЙКОВЪ.

Слава

Царю Борису!

САЛТЫКОВЪ.

Слава и хвала!

Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ
Оставилъ Русь Θεодору царю!
Война и моръ—въ предѣлахъ русскихъ ляхи—
Ханъ подь Москвой—на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба—
Исправлены пути—въ приказахъ правда—
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ или нѣмецъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Что и говоритъ!

Воскресла вся земля! Царю недаромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
Насилу я проѣхалъ черезъ толпу!
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валить къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинъ,
Стоять въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ—
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряжень.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англии, отъ Свей,

Отъ Персіи, отъ Польши, отъ Ганзы-
Не перечтешь!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да,

Смиренію такому нѣтъ примѣра.
До насъ дошло, какъ вашимъ онъ моленьямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И если бы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ—быть-можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:

Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Дмитрія царевича извелъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Дмитрія Борисъ,
Онъ сталъ ли бы отъ царства отрекаться!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо, нѣтъ! Когда скончался Федоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь къ усопшаго рукѣ
Съ другими приложиться. Говорятъ,
Былъ чудно-свѣтелъ ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха

Была его и благостна кончина.
Онъ никому не позабылъ сказать
Прощальное привѣтливое слово;
Когда-жъ своей царицы скорбь увидѣлъ:
«Аринушка,—сказалъ онъ:—ты не плачь,
«Меня Господь простить, что государить
«Я не умѣлъ!» И, руку взявъ ея,
Держалъ въ своей и, кротко улыбаясь,
Такъ погрузился словно въ тихій сонъ—
И отошелъ. И на его лицѣ
Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ
Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда же
Съ ней залерся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ же день,
Моленямъ боярскимъ не внимая,
Онъ говорилъ: «Со смертію царя
«Постыли мнѣ волненіе и пышность,

«И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
«Останусь я; молиться съ ней хочу я.
«И здѣсь умру!»

Звонъ во всѣ кремлевскіе колокола.

ВОЕЙКОВЪ—подходя къ окну.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ иконами, съ крестами!
Вотъ патриархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царицы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни...
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу... остановился,
Столпились всѣ... онъ говоритъ къ народу...

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ... вотъ на крыльцо вступаетъ...
Какъ свѣтелъ онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величіи подобномъ не являлся—
Воистину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входятъ и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ стряпчіе съ царской стряпней; потомъ ближніе бояре; потомъ самъ царь Борисъ въ полномъ облаченіи, съ державой и скипетромъ. За нимъ царевичъ Ѳеодоръ. Борисъ всходитъ на подножіе престола.

БОРИСЪ—стоя на подножьѣ.

Соизволенъемъ Божиимъ и волей.
Соборной думы—не моимъ хотѣньемъ—
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесъ. Всевышній
Да укрѣпите мой умъ и дасть мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,
Чтобы царилъ я праведно и мудро,

На тишину Руси, какъ царь Феодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Иоаннъ!

Садится на престоль. Царевичъ Феодоръ
садится по его правую руку.

ВОЙЕКОВЪ—опускаясь на колѣни.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ.
Войековъ я, твой тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣбный царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувшій мятежомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногайскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державъ,
Тебѣ навѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на
Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Феодоръ,
Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Феодоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!
Живетъ царевичъ!

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы
Ждутъ позволенья милости твоей
На царствіи здороваты!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный тушь и литавры. Входитъ посоль
англійскій, предшествуемый двумя стольни-
ками; за нимъ идетъ его свита и остано-
вливается, не доходя престола. Посоль под-
ходитъ къ престолу; стольники раздаются
направо и налево. При входѣ слѣдующихъ
пословъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британіи Великой королева
Царю Борису дружескій поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровнаго возлюбленнаго брата.
Великій царь! Ей дорого несказанно
Съ тобой союзъ, и если бы избрать
Для сына ты межъ юными князьями
Британіи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство вмѣнила-бъ королева
Себѣ въ любовь и видѣла бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенье мысли Іоанна,
Который былъ ей другомъ... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевской кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Ея союзомъ болѣ дорожу,
Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
Писавшихъ къ намъ о томъ же. Но мой сынъ
Теодоръ младъ еще о бракѣ думать.
Мы подождемъ.

Ричардъ Ли отходитъ, предшествуемый
стольниками. Трубы и литавры. Входитъ
папскій нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
Апостольское плеть благословенье
И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
Особенной своей къ тебѣ любви,
Онъ утвердить твой титуль предлагаетъ,
Какъ титулы богемскихъ королей
И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жъ ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
Какъ онъ, о, царь, скорбишь о раздѣленьи
Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
И будетъ вновь единый пастыръ стаду
Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента

Благодарю. Мы чтимъ вѣнчаныхъ римскихъ
Епископовъ и воздаемъ усердно
Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы
Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жъ
Ни отъ кого не просимъ утвержденья.
Когда святой отецъ ревнуетъ къ вѣрѣ,
Да согласить владыкъ онъ христіанскихъ
Идти обща на турскаго султана,
О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
То сблизить насъ усердіемъ единымъ
Къ единому кресту. О съединеньи-жъ
Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни,
Когда святыю слышимъ литургію.

Миранда отходить. Трубы и литавры. Вхо-
дитъ посоль австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Логану, цесарскій посоль!

ЛОГАУ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,
Тебѣ на царствѣ братскій шлетъ поклонъ,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпоръ, безбожному Махмету,
Грозящему изъ Венгрии идти
На Австрію!

БОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану
Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
При Ѳеодорѣ, покойномъ государѣ,
Мы учинили съ вами договоръ:
Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, подъ рукой, съ Литвою сговорились—
И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руси, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы нѣ были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимильянъ, Замоискимъ
Въ Силезіи былъ полоненъ.

БОРИСЪ.

И вмѣсто,
Чтобы его оружіемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о, царь! Султанъ твой давній врагъ
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ злодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый
Я на него Европѣ предлагаю.

Онъ врагъ намъ всѣмъ, не мой одинъ. Испаньѣ
Сицили и рыцарямъ Мальтійскимъ,
Венеци и Генуѣ онъ врагъ,
Досадчикъ всѣмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай же всѣ подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидятъ насъ. Но до того мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь.
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,
Мы учинимъ вамъ снова вспоможенье,
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Логау отходить. Трубы и литавры. Входитъ
посоль литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль литовскій, канцлеръ Левъ Салъга!

САПЪГА.

Великій царь! Твой братъ, король на Польшѣ,
Король на Свей и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Салъгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ и мы, паны, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ прѣлись—
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ:
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Признаешь ты и титуль обѣщаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаеть,
Эстонію-жъ земель признаешь польской—
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамоту согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Панъ Сапѣга!

Ты шесть недѣль въ Москвѣ, кажися, ждалъ,
Пока тебѣ передъ собой явиться
Дозволилъ я. Ты времени довольно
Имѣлъ узнать войска и силы наши.
Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
Съ Эстоніей есть вотчина Руси
Отъ Ярослава Перваго, отъ сына
Владимира Святого. Родъ мой новъ,
Но я съ державой русскою пріялъ
Права ея древнѣйшихъ государей.
Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
Владѣетъ Свеей. Титуловъ пустыхъ
Я не даю.

САПѢГА.

Тогда, великій царь,
Осталось мнѣ, всѣвъ на коня, до дому
Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПѢГА.

Но, царь великій, я-жъ не за войною —
За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженья

Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга отходить. Трубы и литавры. Входитъ
посоль шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посоль отъ Сvei, Эрикъ Гендрихсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ и просить, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ
Ты свейскую корону поддержалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь...

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо...

БОРИСЪ.

Я знаю все.

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ

Чиnamъ отвѣта нѣ далъ и короны
Еще не принялъ...

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.

Къ престолу Карлусъ призванъ всей землей.

Онъ отказаться отъ него не можетъ.

Привѣтствую отнынѣ королемъ.

Его я свейскимъ, Карлусомъ Девятымъ!

И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ

Пребыть въ любви—пусть продолжаетъ онъ

Вести войну съ Литвою неуклонно,

Ливонію-жъ съ Эстоніей признаетъ

Землю русской. Мы ему на томъ

Нашъ вѣчный миръ и дружбу обѣщаемъ!

Гендрихсонъ отходитъ. Трубы и литавры.
Входитъ посольство флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсь, Флоренці посоль!

ЛЮСЬ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медичеевъ,
Привѣтствіе и дружескій поклонъ.
Быль дѣдъ его любовію народной,
Равно какъ ты, къ правленію призванъ;
Достоинства сроднили оба рода:
Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
То вѣдая, тебѣ великій вождь
Флоренці услуги предлагаетъ
И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
Ваятелей прислать и живописцевъ,
Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтетъ
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества вовѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суровъ нашъ русскій край;
Намъ нѣ даль Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ
Красой искусства очи веселить;
Но что надъ плотью высить человѣка,
Что радуеть его безсмертный духъ,
Отъ Бога то ведеть свое начало,
И вѣрю я, оно на пользу будетъ
И радость намъ!

ЛЮСЬ.

Прими жъ, государь,
Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,
Сей небольшой фіаль. Изсѣченъ онъ
Изъ горнаго кристалла и оправленъ
Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
Ему Челлини имя.

БОРИСЪ.

Будеть мнѣ

Двойко дорогъ этотъ даръ. Повѣдай
Великому Флоренці вождю,
Что если есть въ землѣ моей русійской
Что-бъ ни было пригодное ему—
Оно его!

Люсь отходить. Трубы и литавры. Входятъ ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратсгерра, и подходят вмѣстѣ къ престолу. За ними идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городовъ!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
И славный царь! Любчанскіе купцы,
Отъ имени Ганзы высокохвальной,
На государствѣ здравствуютъ тебѣ!
Усердье наше вѣдомо Руси:
Когда еще голландцы и французы,
И англичанъ пронырливый народъ,
Въ твой славный край не знали и дороги.
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево всѣ лучшіе ему
Товары доставляла; и за то
Она была русійскими князьями
Избавлена отъ пошлинъ. Государь!
Вели-жъ и ты, чтобъ неприличныхъ пошлинъ
Не брали съ насъ! А мы, въ усердѣѣ нашемъ,
Тебѣ дары посильные несемъ.
Изъ серебра литого вотъ фигуры:
Фортуна вотъ—въ ней двадцать фунтовъ слишкомъ—
А это вотъ богиня Венусъ—въ ней
Есть тридцать фунтовъ—это птица страусъ—
А вотъ павлинъ—вотъ левъ—вотъ два еленя—
Вотъ два коня—пѣтухъ и славный богъ
Меркуріусъ—всего сто десять фунтовъ
И двадцать три золотника!

БОРИСЪ.

Издавна

Намъ другомъ былъ почтенный городъ Любскъ.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперскихъ городовъ
Избавить мы отъ пошрины не можемъ,
Зане у насъ купцы иныхъ земель
Ее несутъ. Но, въ уваженъе древней
Съ любчанами пріязни, мы велимъ
Съ нихъ пошринъ брать отнынѣ половину,
Товары-жъ ихъ избавимъ отъ осмотра,
Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявляли.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ—махая шапками.

Вивать царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушь дру-
гого характера. Изъ другихъ дверей вхо-
дитъ посоль персидскій, передъ нимъ идетъ
Семень Годуновъ, которому Салтыковъ
уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его не-
сутъ драгоцѣнный престоль.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посоль персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и пресвѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка перскій,
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукою!
Простри, о, царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ-Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованый изъ золота престоль,
Въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ,
Наслѣдье древнихъ шаховъ—изо всѣхъ
Цѣннѣйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣнню,
Что слышалъ я, быть-можетъ, ложно, будто
Онъ хочетъ міръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жь, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея царя, тѣснить.

ЛАЧИНЪ-ВЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ сказалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружить султану,
Какъ твоему, такъ нашему врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!

Трубы и литавры. Входятъ посоль турецкій
и становится рядомъ съ персидскимъ. Слуги
его несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посоль султанскій Челибей!

ЧЕЛИВЕЙ.

Всея Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на воцареньи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и златомъ кованую сбрую
Въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ! Государь!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велитъ, [что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходить!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ
Отъ Александра присланный посоль!

Входитъ архимандритъ Кирилль и падаетъ
на колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,
Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
Не попусти, о, царь всея Руси,
Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію! Султанъ Махметъ турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
Ограблены жилища наши—жены
Поруганы—семейства избіенны—
Монастыри въ развалинахъ—и церкви
Христовыя пылаютъ!

ЧЕЛИВЕЙ.

Славный царь,
Не вѣрь тому—не мы, а персы грабятъ
Иверію!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій государь,
Не вѣрь послу сунитскаго султана!
На языкѣ сунитовъ—клевета,
Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
Иверію—они лишь турокъ гонятъ
Вонъ изъ нея и только лишь твоихъ
Измѣнниковъ караютъ!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Боже правый!

Иверія моя!

ЧЕЛИВЕЙ—къ Лачинъ-Беку.

Шитъ невѣрный!
Султанъ тебѣ покажетъ въ Испгани,
Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Сунитскій песъ!
Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О, государь, отъ злобы ихъ обоихъ
Будь намъ защитой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ
Подвластной намъ Иверіи тѣснитель—
Шахъ, иль султанъ—клянусь, не попущу
Ничьей рукѣ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аванасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекы!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать,
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ персскихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турецкаго посоль—
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ къ намъ поднять, шель
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей уходитъ. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входятъ боярыни, въ большомъ нарядѣ, по двѣ въ рядъ. За ними царица Марія Григорьевна и царевна Ксенія. Всѣ кланяются имъ въ поясъ. Онѣ садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царевною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ

Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчаньи! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА—СЪ ПОКЛОНОМЪ.

Государи,

Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царевною!

БОЯРЕ.

Господь благослови

Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!

КСЕНИЯ—СЪ ПОКЛОНОМЪ.

Не заслужила

Великой вашей ласки я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Касатка наша!

Кто за царя не радъ бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобой!

Шумъ за дверьми. Входитъ стрѣлецкій голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государи!

Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голосятъ:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣты!»

БОРИСЪ.

Настежь двери!

Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Позволь
Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксеня,
Зови мірянъ къ почетному столу!

КСЕНІЯ—КЛАНЯСЯ.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ на-хлѣбъ на-солъ!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА—У ДВЕРЕЙ.

Назадъ! не будетъ мѣста!
И нищѣ полѣзли!

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступить въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входитъ новая толпа.

НИЩІЕ.

— Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ Хри-
стось Богъ съ Богородицей! Святая Троица со Варварой
мученицей! Кузьма со Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, Божьи люди! Вы-жь, бояре,
Ведите всѣхъ къ почетному столу!

Сходя съ престола.

Царица и царевна, ты, Феодоръ,
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медь чтобы лились рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами,
идетъ во внутренніе покои. Царевичъ Фе-
доръ, царица, Ксеня и боярыни слѣдуютъ
за ними. Палата остается пуста.

БОРИСЪ—одинъ.

вершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
со слѣпотою, со слабостью, съ упорствомъ—
и побѣдилъ! Кто можетъ осудить
меня теперь, что не прямой дорогой
къ цѣли шель? Кто упрекнетъ меня,
что чистотою души не усомнился
и за Руси величье заплатитъ?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
проклятiе за то бы мнѣ изрекъ,
что для ея защиты и спасенья
не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единнаго? Мнѣ на душу не разъ
ложилось камнемъ темное то дѣло,
и думалъ я: что если не достигну,
чего хочу? Что если грѣхъ тотъ даромъ
я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
не выдала! Я съ совѣстію счеты
сегодня свель—и не боюсь поставить
моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Черезъ пропасти и смрадные болота
къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
ломаю я! Разорвана отнынѣ
съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова—
и держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Клирошанка вводитъ Бориса. За нимъ входитъ Семень Годуновъ.

БОРИСЪ—къ клирошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельѣ
мы подождемъ.

Клирошанка уходитъ.

Давно ли здѣсь, въ печали,
Съ сестрою я бесѣдовалъ вдвоемъ!

Смотрить въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провести
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясы, плечи багряницей
Мнѣ облекла. Чу! Радостные кригѣ
Сюда насъ провожавшіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Что молвятъ? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государь?
На перекресткахъ медъ и брага льются.
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опалы
Не наложилъ, и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Федорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

БОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ
Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ изливаться
Должна на всѣхъ царя Руси милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ
Ты всѣмъ даешь. Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

БОРИСЪ.

Что говорить они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да то же, что и прежде говорили:
Не дѣльно-моль, при Ѳеодорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

БОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду
Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Вѣгутъ крестьяне.

БОРИСЪ.

Сами виноваты;
Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они.
Крестьяне не рабы, не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На-дняхъ указъ объявятъ:
Что за какой надѣлъ кому нести.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть ропщутъ!

Всѣмъ угодить не властенъ человекъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ прилася сторонѣ единой,
Ту сторону не въ правѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ
Ихъ больно родъ; Ѳеодоръ вотъ Никитичъ
Ведеть такія рѣчи...

БОРИСЪ.

Онъ въ отца:

Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ,
Что думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ cadaго слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаньямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ Орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова:
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ
Недаромъ мною датскій королевичъ
Уже избранъ. Съ державами Европы
Земля должна, попрежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,

Ты смотришь вдаль и царственной высоко
Ты мыслію паришь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

БОРИСЪ.

Не мнишь ли ты, усердію его
Я вѣру даль? Онъ служить мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;
Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать

Окольныхъ слугъ и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершить, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ и слѣпо никому
Не довѣрять.

КЛИРОШАНКА—докладываетъ.

Бояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій!

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхалъ, князь Василій?
Что новаго?

ШУЙСКІЙ.

Да что, царь-государь,
Не знаю, какъ тебѣ и доложить!
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣдилися поносить.

БОРИСЪ.

За что?

ШУЙСКІЙ.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Что сдѣлала толпа?

ШУЙСКІЙ.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на ключья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

ШУЙСКІЙ.

Вкинута пока

Обои въ яму.

БОРИСЪ.

Выпустить обоихъ!
Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, затѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне и скудѣла
Черезъ то земля. Когда же приобыкнутъ
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, царь!

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытатъ ихъ, государь! Должно-быть,
Подучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

БОРИСЪ.

Не трогать никого!
Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтитъ Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена иныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

ШУЙСКІЙ.

Царь-государь, дозволю по правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

БОРИСЪ.

Надѣюся, не будетъ.
Не страхомъ я—любовію хочу
Держать людей. Прослыть боится слабымъ
Лишь тотъ, кто слабъ; а я силенъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
Вернитесь къ народу, повѣстите
Прощенье всѣмъ—не только кто словами
Меня язвилъ, но кто виновенъ дѣломъ

Передо мной, хотя-бъ онъ умышлялъ
На жизнь мою или мое здорově!

Семень Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь
отворяется. Двѣ инокини становятся по обѣ
ея стороны. За ними входитъ царица Ирина,
во иночествѣ Александра.

ИРИНА.

Прости меня, великій государь,
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!

По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую и царскій
Пріять вѣнецъ. Но, разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя недаромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него—и ими подѣлиться.
Оно съ тобою хочеть!

ИРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всѣхъ;
Мой свѣтель путь, и какъ ночной туманъ
Лежить за мной пережитое время.
Отраднo мнѣ сознанье это, но
Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,

Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,

Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ бы царскій
Достойно несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смуть,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за то
Меня винила. Но, передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я пелъ впередъ и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной
Въ сомнѣнїи остановился я...
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ... Преграда
Та рушилась... Не произнесено
До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
Но съ той поры какъ будто бездны зѣвъ
Насъ раздѣлили. Въ то время, можетъ-быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величїи, невиданномъ понынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ бы
Услышать оправданіе мое
И отъ тебя, Ирина!

ИРИНА.

Оправданья

Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,
Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собою.
Но здѣсь, Борисъ, неожиданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала; твои

Я поняла страданья. Не холодность—
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны
Меня вдали держала отъ тебя.
Когда-бъ ты мнѣ открылся—утѣшьемъ,
Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчалъ тогда... теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днемъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искушеньемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,
Неправды той, черезъ нее же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

БОРИСЪ.

Отвори свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, мѣнѣ-ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть-можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Чтò въ совѣсти моей
Схоронено, чтò для другихъ незримо—
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ИРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей—
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя, но духъ бессмертный
Пусть будетъ чистъ—не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, бьеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь
Подъ бременемъ тяжелымъ—въ эту келью
Тогда приди.

БОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ

Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
Всегда борьбу, кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ, хоть какое
Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ,
Оно мое затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ! Неправъ передъ другими
Всякъ, кто живетъ! Вся разница межъ насъ—
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тьмы людей счастливыми содѣлать,
Я бдѣшную неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принесъ—кто-жъ: онъ, иль я, виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Мое принять пришелъ я оправданье—
Я жду его—тебѣ до дна я душу
Мою открылъ—еще ли не оправданъ
Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ
Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошелъ ты,
Вездѣ, всегда—зловѣщая—она
Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ,
Кто мыслить такъ! Отъ дѣла отказаться!
Отшельникомъ въ пустыню отойти!
То не мое призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мнѣ некогда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ поднятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси
Путь расчищать! Прости, сестра. Кто правъ—
Ты, или я—то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я—
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворцѣ.

Царевичъ Ѳедоръ, царевна Ксенія и герцогъ Христіанъ Датскій.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ, какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ,
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты досель о родинѣ намъ только
Разсказывалъ своей...

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ,

Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ѲЕДОРЪ.

Все,

Все разскажи намъ, Христіанъ. Мы стали
Теперь съ тобой родные; вмѣстѣ намъ
Пришлось жить, такъ надо знать другъ друга!

КСЕНІЯ.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТІАНЪ.

Не сложная то повѣсть,
Царевна, будетъ: мой отецъ, король,

Со мной простясь, услабь меня ребенкомъ
 Изъ города въ норвежскій дальній замокъ
 И указаль тамъ жить—зачѣмъ? не знаю.
 Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
 Среди тумановъ сѣверной природы,
 Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ,
 Прошли мои младенческіе годы.
 Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
 Громады горъ, что къ небу вознеслись,
 Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды
 И крутизна, гдѣ замокъ нашъ повисъ.

Ребенкомъ тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,
 Прибоку моря часто я внималъ
 Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
 Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ
 И, разбиваясь о крутыя стѣны,
 Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
 И съ раннихъ поръ сказанья старинны,
 Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
 Отважные мнѣ навѣвали сны,
 И вдаль меня манили приключенья.
 Въ одинъ покой случайно я проникъ;
 Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
 А на столѣ лежало много книгъ—
 Норвежскія то лѣтописи были.
 Я сталъ читать—и ими, какъ огнемъ,
 Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днемъ!
 И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
 Богатыри, и схватки, и сраженья.

Такъ время шло. Четырнадцати лѣтъ
 Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
 Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
 Предался жизни суетной и свѣтской,
 Но ненадолго. Праздности моей
 Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
 Воскресли сны и прежнія видѣнья:
 Все тѣ же сѣчи, схватки и сраженья.

И думалъ я: настанетъ ли тотъ день,
 Когда мечта, которую съ любовью
 Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
 Одѣнется и плотію и кровью?
 И онъ насталь. Вскипѣлъ великій бой,
 Священный бой за вѣру и свободу:

Испаніи владыка всталъ войной,
Грозя цѣпями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати—
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ОЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
Какъ ты съ испанцемъ бился подъ Остендомъ
Счастливъ же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
Ты могъ уже свои извѣлчь силы,
Ты самъ себя на дѣлѣ испыталъ—
А я!

ХРИСТІАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Близъ своего отца, чтобъ у него
Державою учиться управлять,
Какъ тѣ князья, которые отвсюду
Съѣзжались въ испанскій станъ, учиться
У Спинолы, у пармскаго вождя,
Какъ управлять осадою.

ОЕДОРЪ.

Ты правъ;
Отца примѣръ передъ собою видѣть—
Тѣ счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука,
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, нищелей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра...

ХРИСТІАНЪ.

Да,
И я узналъ, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы,
Какъ въ славныя былыя времена,

И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНІЯ.

И за это мнѣ
Ты, королевичъ...

ФЕДОРЪ.

Сразу полюбился?
Такъ, Ксеня?

КСЕНІЯ.

Такъ. Но я бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ онъ
Чужую могъ заочно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтить весь міръ. Далѣко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его вблизи случилось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь же
Величіе правителя Русіи,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ ни былъ то, посланникъ, или плѣнный,
Или купецъ ганзейскій—ни одинъ
Не забывалъ царевну Ксению славить,
Ея красу и умъ превозносить
И неземную, ангельскую кротость.
Разказы тѣ въ мою запали душу;
А дальній твой, несхожій съ нашимъ край,
Все, что молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбережныя степи,
Снѣга и льды, обычай, столь отличный
Отъ нашего, державы христіанской
Азіійскій блескъ, съ преданьями отцовъ
Намъ общими,—все это, какъ нарочно,
Набросило волшебный нѣкій свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...

Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольнo взоры—
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

ЕЕДОРЪ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
Мнѣ рѣчь твоя звучить! Не думалъ я,
Чтобъ можно было полюбить кого,
Не знаячи иль не видавъ. Но правда
Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
Въ нихъ будто что-то чуется родное;
И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксеня вотъ задумалась, смотри!

КСЕНІЯ.

Задумалась я вправду. Новый міръ
Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
Посватають, не спрашивая ихъ,
И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

ЕЕДОРЪ.

Обычай этотъ

Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ
Вольна была невѣста жениха
Сама избрать.

ХРИСТІАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ
Дочь Ярослава русскаго посваталъ.
Но не былъ онъ въ ту пору знаменитъ
И получилъ отказъ отъ Ярославны.
Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
Въ Сициліи рубился много лѣтъ.
И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ

И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

ФЕДОРЪ.

Да, въ то время
Стекалось въ Кіевъ много жениховъ;
Другая Ярославна за Индрика
Французскаго пошла, а третья дочь
За короля венгерскаго Андрея.
Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
И лучше было. Въ тѣ поры у нѣмцевъ
Былъ мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
Ужъ сорокъ школь. Татары все сгубили.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ твой то, царевичъ, воскресить,
Вознаградить потерянное время!

КСЕНІЯ.

Да, Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
Его дѣла; но если-бъ видѣть могъ ты
Его любовь къ землѣ, его заботу,
Его печаль о томъ, чего свершить
Онъ не успѣлъ, его негодованье
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по-старому, и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ и милость безъ конца,—
Тогда бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя бы

Его не зналъ я вовсе—и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ!
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслить о себѣ!

ФЕДОРЪ.

То правда!

Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывести хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло.
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТИАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ

Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ФЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!

И врядъ ли бы нашелся на Руси,
Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ.

ХРИСТИАНЪ.

Они наврядъ ли также

Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Федорѣ, ихъ силу!

ФЕДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксеня и доселѣ
Ты не видалъ, что ты се увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя—того обычай,
Вишь, не велить! Хотѣлось бы мнѣ знать:
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться?

КСЕНІЯ.

Нельзя,—сказалъ отецъ,—

Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустилъ у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ӨЕДОРЪ.

Къ прискорбю!

И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нѣлюбо, что видѣться дозволилъ
Вамъ двумъ отецъ. Она бы подъ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ.

Не вини

Ты нашу мать за это, королевичъ!
Не всякому дано такъ ясно видѣть,
Какъ батюшкѣ.

ӨЕДОРЪ.

Не то одно. Чтò грѣхъ
Ужъ намъ таять! Еще за то косится
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи

Меня, царевна. Въ этомъ Богъ волѣнъ.
Учителей я вашихъ обѣщаль
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моихъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.

Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ӨЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!

Дадимъ же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить врозь и вмѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ѲЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ и душою!

ѲЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты насъ учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ

Ей вмѣстѣ съ вами послужить!

ѲЕДОРЪ.

Втроемъ

Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читалъ, когда
Такъ близки были наши дѣды. Боже!
Продли отцу его надолго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь

Услышь тебя, Ѳеодоръ!

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Царь идетъ!

БОРИСЪ—входя.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Что, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ФЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!

И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себѣ въ забаву,
Смирялъ неѣзженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власевъ

И Салтыковъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ:
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладьею править въ бурю?

ХРИСТИАНЪ.

Государь,

Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубить бранная труба,
Извѣдывать умѣнье или силу—
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксенія моей

Твоя отвага даровая можетъ
Не по сердцу придтись.

ХРИСТИАНЪ.

Царевна Ксенья!

Скажи сама, по правдѣ: жениха
Ты робкаго могла ли-бѣ полюбить?

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Если бы у насъ
Была война, тогда бы, Христіанъ,
Ты удалъ могъ свою намъ показать!

ХРИСТИАНЪ.

О, помяни-жъ ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявитъ,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь

Я побѣдить враговъ твоихъ сумѣю
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ОЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволь идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь надолго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія наперерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ стоитъ престолъ—
И мирными придется вамъ дѣламъ
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—ВХОДИТЬ.

Великій государь—
Бояринъ Годуновъ, Семень Никитичъ!

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ОЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра! У батюшки дѣла!

Всѣ трое уходятъ. Входитъ Семень Годуновъ.

БОРИСЪ—СМОТРИТЬ НА НЕГО СЪ УДИВЛЕНІЕМЪ.

Что сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

БОРИСЪ.

Живъ—кто?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

И самъ бы радъ
Такъ думать, царь; но съ разныхъ къ намъ сторонъ
Все та же вѣсть приходитъ: живъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,
Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два или три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчуть
Они о томъ промежь себя.

БОРИСЪ.

И что-жъ
По-ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Все та же басня, царь!

БОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь—
Когда, падучимъ схваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ—
Ты помнишь...

БОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Наріе оболгали
Тебя, что будто...

БОРИСЪ.

Помню басню ихъ.

Ну, что-жь? Когда-бъ и вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Убийцы, молъ,

Ошиблися—зарѣзали другого.

БОРИСЪ—вставая.

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибитесь
Не могъ никто! Клешнинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой; разсѣется онъ скоро,
Какъ вѣтромъ дымъ. Но злостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винять. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Руси подорвать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадилъ?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ,
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Давно бы

Такъ, государь!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться—
Ихъ чтить народъ...

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

БОРИСЪ—про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобы въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!

Къ Семену Годунову.

Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться—
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И къмъ тотъ слухъ посѣянъ на Москвѣ!
До корня докопайся—и о всемъ.
Мнѣ донеси!

Семень Годуновъ уходитъ.

БОРИСЪ—одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Ѳеодоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, что съ дороги
Отклонить насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ея—
Имъ гнѣвъ явить и кару я сумѣю!

Покой царицы Маріи Григорьевны.

Царица и дьякъ Власьевъ.

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду,
Твои слова не выйдутъ изъ покоя
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посланъ землю сватомъ,
Что ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти

О немъ я, матушка-царица, прямо,

Какъ слышалъ, такъ и отписалъ къ царю,
Не утаилъ ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри
Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписалъ. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,

О томъ не знаю.

ЦАРИЦА.

Аеанасій Власичъ,
Тебѣ со мной ломаться не рассчетъ.
Ты думный дякъ, да только вѣдь и мы
Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
Тебѣ не слѣдъ бы брезгать. Въ гору можетъ
Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
Ну, говори-жь, да не утай, дружокъ:
Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна
Въ совѣтъ быть король ужъ пересталъ
Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толки.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,
Гдѣ-жь толковъ не бываетъ? Мало-ль что
Болтаетъ людъ! По смерти королевы
Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ же

Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
Какъ королевскій сынъ!

ЦАРИЦА.

Не заурядъ ли?

И старшій братъ, теперешній король,
Кажись, не больно жаловаль его.
Такъ, что ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всяко люди говорятъ,
Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю,
Какъ было прежде; нонѣ же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любезнымъ братомъ.

ЦАРИЦА.

А когда

Захочетъ царь, какъ онъ уже задумаль,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксенья-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Эхъ, царица!

Боятся волка—не ходитъ и въ лѣсъ!
Что толковать, когда царевна Ксенья
Помолвлена!

ЦАРИЦА.

Помолвка—не вѣнецъ.

Когда бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю, что мнѣ ты повѣстилъ...

ВЛАСЬЕВЪ.

Побойся Бога, матушка-царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, что знаемъ;
Ступай, дружокъ, не бойся ничего!

Власевъ уходитъ.

ЦАРИЦА—обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА—входя.

Здѣсь, матушка-царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали

Ранѣхонько; на Воробьевы горы
Побѣхали; съ царевичемъ женихъ
Все бѣхаль рядомъ; много говорили
Промежъ собой, смѣялися; потомъ
Скакались вмѣстѣ; обскакали женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не часть зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ
Его ужъ сбиль.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулись къ закускѣ;
Откушавши съ царевною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались,
Какъ царь позволилъ!

ЦАРИЦА.

Новые порядки
Заводить царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣль?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семень Никитичъ,

Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ
Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдаютъ за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Чтѣ слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василиса
Изъ Кіева. Твои повидѣтъ очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,
Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ Волохова и
кланяется въ землю.

Здорово, Василиса!
Вернулась съ богомодья своего?
Ну чтѣ, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпитъ
Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Что-жъ? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка-царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!
Просвирку вотъ тамъ вынула во здравье
Твое, царица; а вотъ эту вотъ
За упокой родителя твоего,
Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,
Голубушка. Ну, чтѣ путемъ-дорогой
Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,

Царица, время. Знаменье являетъ
Вездѣ Господы! всходили три луны
Намедни въ разъ; теленкомъ двухголовымъ
Корова отелилась; колокольни
Отъ вѣтра падаютъ. И все то мнѣ
Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
Великія настанутъ перемѣны,
И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
Узнать Руси!

ЦАРИЦА.

Да. И теперь ее,

Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

ВОЛОХОВА.

Какъ не слышаты!

Отъ радости, повѣришь ли, царица,
И ноги подкосились!

ЦАРИЦА.

Ну, немного

Туть радости.

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка?

ЦАРИЦА.

Да развѣ

Своихъ князей-то нѣ было? Не то
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай, каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посвататы!

ВОЛОХОВА.

А еще бы!

Еще-бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ нѣмчина Богъ вѣсть

Отколь выписывать.

ВОЛОХОВА.

Ахъ, свѣтъ-царица!
Сказать ли правду? Какъ узнала я,
Что нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце.
Ей-Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно что не спроста, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ, должно-быть, обошелъ.
Я Ѳедора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Москву женихъ пріѣхалъ. Смотрить
Ему въ глаза—и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица-матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услышала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ привороты!

ЦАРИЦА.

А какъ по-твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка-царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жь теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы.

Волохова уходитъ.

ЦАРИЦА—одна.

Спесивъ ужъ больно сталь со мной Борисъ
Феодорычъ. Дочь вздумаль, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ. Разбойничій станъ.

Атаманъ Хлопко-Косолапъ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ есауль
Рѣшето. Другіе разбойники стоятъ или сидятъ отдѣльными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на ка-
лужской засѣкѣ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперь съ Поддубнымъ. Митька сидитъ коло мо-
сковской дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ стбитъ!

Подходить есауль Наковальня.

НАКОВАЛЬНЯ.

Атаманы! Обходчики еще пять человекъ крестьянъ привели; къ тебѣ просятъся. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

хлопко.

Экъ ихъ подваливаетъ! Кажинный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

хлопко—къ Рѣшету.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что къ намъ воевода вчера подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вздернули.

хлопко.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку въ поясъ.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне кланяются въ ноги.

хлопко.

Зачѣмъ пришли?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

хлопко.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной. Отъ вотчинниковъ своихъ утекли. Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

хлопко.

Что, солоно, чай, на привязи пришлось?

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Невозмогу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй. Напредь того, бывало, нелюбо тебѣ у него—иди куда хошь! Который вотчинникъ будетъ пощедливѣй, къ тому и иди! А нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя указъ тотъ засталъ, тамъ и сиди; хошь волкомъ вой, а сиди.

хлопко.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

всѣ крестьяне.

Защити, отецъ! Прими къ себѣ!

хлопко.

Много васъ приходитъ; да такъ ужь быть, приму. А уговоръ такой: что прикажу—то, не разговаривая, дѣлать. А кто что не такъ—одна расправа, петля на шею. Согласны?

крестьяне.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

хлопко.

Ну, ступайте въ курень!

Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

посадскій.

Кто здѣсь Хлопко?

разбойники.

Этотъ откуда выскочилъ?—Кто онъ такой? Съ неба свалился?—Да ты знаешь ли, куда попалъ? Смотри, и шапки не ломаетъ!

посадскій.

Глухи вы, что ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

одинъ разбойникъ.

Вишь, какой шустрый! Да развѣ ты о двухъ головахъ?

посадскій.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его!

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапы!

хлопко.

Косолапъ и есть. Неладно скроены, да крѣпко спитъ.
Побываешь въ моихъ лапахъ—узнаешь меня!

посадскій.

Хаживали па медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропоть.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За полверсты
отсель меня съ двумя товарищи остановилъ тюлень какой-
то, здоровѣ тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ; а онъ,
увалень, не говоря ни слова, сгрѣбъ ихъ двухъ да и по-
тащилъ.

разбойники.

Ха-ха-ха! Да это они на Митьку наткнулись!

посадскій.

Я бы разбилъ ему черепъ, да съ тобой ссориться не
хотѣлъ.

хлопко.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу, безъ чиновъ!

посадскій.

Не въ моемъ обычаѣ.

хлопко.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сукъ вздерну, а
потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

посадскій.

Ну, нѣтъ, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

хлопко.

Да кто-жъ ты такой?

посадскій.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло
промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! вина!

Садится рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ по-
твоему, кто у насъ царь на Руси?

хлопко.

Да ты и вправду не шутишь ли со мной?

посадскій.

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на
Руси?

хлопко.

Какъ кто? Борисъ Ѳедорычъ!

посадскій.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Иванычъ!

хлопко.

Какой, шутъ, Дмитрій Иванычъ?

посадскій.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана!
Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ!
Тотъ, кто собираетъ рать удальцовъ, на Москву вернуться,
свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него
къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ, зоветъ тебя, со всѣми
людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокругъ посадскаго.

говоръ.

Слышь, слыши! Царевичъ зоветъ! Недаромъ пла молва,
что живъ царевичъ!

хлопко.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ
къ намъ не подосланъ?

посадскій.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два,
услышишь о Дмитріи. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ
воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями.
становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ
тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ—воръ Годуновъ!

— 520 —
ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй, и правда!

Шумъ за сценой. Является Митька, таща за шиворотъ одной рукой Мисаила Повадина, другой Григорія Отрепьева.

РАЗБОЙНИКИ.

Вотъ опъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда! Посмотримъ, что они за люди!

МИТЬКА — подтащивъ обонхъ къ Хлопгу.

Пуцать, что ли?

ХЛОПКО.

Погоди пуцать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе? Ты кто?

МИСАИЛЬ.

Смиранный инокъ Мисаиль.

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиранный инокъ Григорій.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЬ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода! Влекомы есмы силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ.

Отъ немощи челоувѣческаія плотскими боримые похоти, изъ монастыря пречестнаго Чуда, что на Москвѣ-оубѣ, бѣ-жахомъ!

МИСАИЛЬ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дубинами умѣете?

МИСАИЛЬ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЬ.

Прими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче же утоли жажду нашу сокомъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣннику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣннику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай: кого къ себѣ примаю, тотъ сперва долженъ свою удалъ показать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ побьете его, будетъ вамъ и пристанище.

Хохоть между разбойниками.

МИТЬКА.

Пущать, что ли?

ХЛОПКО.

Пущай!

МИСАИЛЬ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокрушенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подѣ силу?

МИСАИЛЪ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ—вставал.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ кулачиться! Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ же еще?

ХЛОПКО.

Да ты знаешь ли Митьку? Вѣдь коли ты подослалъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

хлопко.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

митька.

Чаво становиться-то?

хлопко.

Ну, собачій пошъ, не разговаривай, становись!

посадскій.

Помѣряемся, тѣзка! Побей меня!

митька.

А что ты мнѣ сдѣлалъ?

посадскій

Такъ тебѣ надо что сдѣлать сперва? Изволь!

Сшибаетъ съ него шапку.

митька.

Что-жъ ты это?

посадскій.

Мало съ тебя?

Толкаетъ его въ бокъ.

митька.

Не замай—тресну!

посадскій.

А я тебя!

митька.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой начинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, ходятъ кругомъ, лѣвая рука на тычку, правая на маху. Мисаиль и Григорій садятся на землю и смотрять.

посадскій.

Что-жъ не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ постой!

Хочеть ударить посадскаго; тотъ увертывается и бьетъ его въ плечо.

МИСАИЛЬ.

Эхъ!

ГРИГОРИЙ.

Разъ!

Разбойники хохочуть.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тѣзка. Изловчись, я подожду.

МИТЬКА—размахнувшись.

Такъ на-жъ тебѣ!

Бьетъ сплеча. Посадскій сторонится. Митька съ размаху падаетъ оземь.

ПОСАДСКІЙ—притиснувъ его колѣномъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗВОЙНИКИ.

Ай да молодецъ!—Вотъ лихо было!—Невиданное дѣло!—Митьку осѣдлалъ!

ПОСАДСКІЙ—отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тѣзка, помиримся! Приходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ Дмитрій пожалуетъ тебя!

ХЛОПКО.

Такъ ты, что ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Какъ Богъ святъ! Самъ Дмитрій зоветъ васъ! Много-ль у тебя бѣглыхъ крестьянь, дядя Косолапъ?

ХЛОПКО.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится...

ПОСАДСКІЙ—къ толпѣ.

Православные! Когда съедеть Дмитрій на свой отцовскій столъ, всѣмъ Юрьевъ день отдасть, всѣ кабалы порѣшить, всѣмъ свобода по-старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борису междь васъ раздѣлить!

КРИКИ.

Живеть Дмитрій Иванычъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велить про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Косолапъ угощаетъ!

Общее смятеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно скрывается.

ХЛОПКО.

Эй ты, пострѣль! Да гдѣ-жь это онъ?

ОДИНЪ РАЗВОЙНИКЪ.

Кто?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Тотъ, что взбудоражилъ насъ!

РАЗВОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жь онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Эй вы, отцы святые, кто это былъ?

МИСАНДЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказался ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказался? Вѣдь вы съ нимъ пришли, на-
плѣшники?

МИСАИЛЪ.

На исходищѣ путей стеклися, повелитель! Сладкорѣчіемъ
мужа сего прельщены есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса пред-
стата твоя, имени же своего не объяви!

ХЛОПКО.

Ну, диковина!

КРИКИ.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву
хочетъ вести!—Намъ Борисову казну отдастъ!—Къ царе-
вичу! Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ!—Когда къ царе-
вичу поведешь?

ХЛОПКО.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть—
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасъ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ—
Молвой Москва встревожена—его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ,
Когда къ нему я темной шель стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣе
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семень Годуновъ.

Ну, что?
Что ты узналъ? Кто этот человек?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добраться.
Подъ стражу мы людей довольно взяли,
Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба
Намъ показаній нѣ даль ни одинъ.

БОРИСЪ.

Мы знать должны, кто онъ! Во что-бъ ни стало
Его назвать,—хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.
Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ и, пьяный, похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Зачѣмъ

Меня не извѣстили?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Государы!
То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и вралъ! Монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялися.

БОРИСЪ.

Но, можетъ-быть,
Тѣ онъ и есть?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не онъ.
Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣеть,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

БОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

БОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттоль

Ушелъ въ Литву.

БОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ

Того пока мы вора назовемъ.

Лишь то, что намъ является въ туманѣ,

Смущаетъ насъ; что осязать мы можемъ

Или назвать—свою теряетъ силу.

Гонца въ Литву отправить къ королю,

Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;

Что стыдно-де пособіе чинить

Негодному, безпутному бродягѣ;

Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,

Морочитъ ихъ; что если въ мирѣ быть

Со мной хотять—чтобъ выдали его!

Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,

Что говорятъ, что думаютъ бояре—

Имъ на-руку пришлася эта вѣсть!

Романовымъ избраніе мое

Досель какъ ножъ; ближайшею роднею

Они себя Θεодору считаютъ;

А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить

За князь-Иванъ-Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ

Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!

Что слышно въ городѣ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ

Къ Романовымъ съѣзжаются бояре

И шепчуть много, но отъ слугъ они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнниче гнѣздо!
Я знаю чью! Награду обѣщать
Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

БОРИСЪ.

Голодь между тѣмъ
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ—
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщаль: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто-либо нищъ иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнить,
Что обѣщаль. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ—но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести!

Входитъ царевичъ Федоръ.

Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками пріялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все,
Какъ я велѣлъ.

Семень Годуновъ уходитъ.

ФЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозитъ опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украины? Могъ рubeжъ

Пререступить, и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Недолго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улицы
У насъ въ рукахъ.

ӨЕДОРЪ.

Но между тѣмъ ч насъ
Онъ городъ беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вели, чтобъ подъ начало
Онъ взялъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ, если-бъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть-можетъ, я
Послалъ бы васъ; но съ этимъ темнымъ воромъ
Царевичу всяя Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахъ обреченъ—
Не царскими тотъ имется руками.

ӨЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало-быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто произноситъ имя
Покойнаго царевича... Отецъ,
Намъ правосудье вѣдомо твое—
Ты могъ ли бы то сдѣлать, если-бъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалось и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла караяю,
Но ни во чью не вмѣшиваюсь мысль»—
Что началъ ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казны! Но мы рѣшили такъ:
Насилуешь свое, отецъ, ты сердце
Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если

Оно такъ есть—и если въ самомъ дѣлѣ
Опасность ей грозитъ—кому-жъ, отецъ,
Встрѣчать ее, кому, коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипить въ насъ быстро молодости кровь;
Хотѣлъ бы ты во что-бъ ни стало доблестъ
Свою скорѣе показать; но разумъ
Иного требуетъ. Ты призванъ, сынъ,
Русійскимъ царствомъ править. Намъ недаромъ
Величiе дается. Отказаться
Отъ многого должны мы. Обо мнѣ
Со Ксеніей вы вмѣстѣ толковали—
Въ одномъ вы не ошиблись: неохотно
Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
Меня склоняетъ милостивымъ быть.
Но если злая мнѣ необходимость
Велитъ карать—я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестокимъ.

ӨЕДОРЪ.

Видишь!

Ты говоришь: необходимость—стало,
Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ—
И, чтобъ се предупредить, я долженъ
Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,
Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенья? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Өедоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда
Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Цареня моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу обѣщала!
Ее не можетъ призракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Чтò свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣетъ прахъ? Земля меня вѣнчала,

А хочеть тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ спорить долженъ!

Еодоръ возвращается съ Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись—
Но что съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отець...

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду—понесла утрату
Я страшную! Не я одна—мы всѣ—
Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ—ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благодѣть? Ты ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался—радость
Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію-смотрѣли и съ довѣрьемъ—
Теперь же—о, какая перемѣна!
Теперь со страхомъ смотрять на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепеть—
Ужъ были казни—о доносахъ шепчуть,
Которые ты награждать велишь—
Москва дрожить—такъ было, говорятъ,
Во времена царя Ивана...

БОРИСЪ.

Ксенья...

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ...

БОРИСЪ.

Опомнись, Ксенья. Ты

Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать—

То, стало-быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Такъ на нее доселѣ отвѣчалъ я.
Но, Ксенія, презрѣніе мое
Почли за страхъ. Ты слышала, какую
Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню—
Невѣдомый воспользовался воръ
Молвою той, и нынѣ...

ХРИСТИАНЪ—отворяя дверь.

Государь,

Могу ли я?..

БОРИСЪ.

Войди.

ХРИСТИАНЪ.

Великій царь—
Дозволишь ли мнѣ молвить?

БОРИСЪ.

Говори.

ХРИСТИАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ ли ты въ томъ,
Что человѣкъ, который на тебя
Идетъ войной—не истинный Димитрій?

БОРИСЪ.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
Вселилъ ту мысль?

ХРИСТИАНЪ.

Молва такая ходитъ—
За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
Мнѣ повѣстилъ, что слышалъ гдѣ-то онъ:
Не самъ царевичъ Дмитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Одинъ противорѣчитъ
Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
Не скрыто-ль что въ семь дѣлъ отъ тебя?
И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
Димитріевой смерти? Можетъ-быть,
Въ тѣ дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся онъ? Я тотчасъ
Подумалъ, царь, что если въ самомъ дѣлѣ
Димитрій живъ—ты первый поспѣшишь
Его признать!

БОРИСЪ.

И ты не обманулся.

Когда-бъ неожиданно истинный Дмитрій
Явился намъ—я первый бы навстрѣчу
Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ бы
Я власть мою и царскій мой вѣнецъ.
Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣній нѣтъ!
И лишь одни враги Руси, одни
Измѣнники тотъ распускаютъ слухъ!
Забудь о немъ. Въ Димитріевой смерти
Увѣренъ я.

ОЕДОРЪ.

Но такъ ли онъ погибъ.

Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухѣ
Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
Мнѣ чуялась. Со дня-жъ, какъ мамку ту
Увидѣлъ я...

БОРИСЪ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ОЕДОРЪ.

У матушки.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто.
За клевету Нагихъ ее въ ту пору
Я щедро наградилъ; съ нея доволенъ—
Ей здѣсь не мѣсто!

ӨЕДОРЪ.

Стало-быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!

Нѣтъ, никого подозрѣть не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугѣ онъ!

СТОЛЬНИКЪ—входя.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Чтò надо ей? Мнѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она

Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Өедоръ, Ксенія и Христіанъ уходятъ. Входятъ
боярыни, а за ними царица.

ЦАРИЦА—съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Өеодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы за доuku!

Къ боярынямъ.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Боярыни уходятъ.

БОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводить спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ, свѣтъ мой, государь,
Мы всѣ спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ послѣшилъ, а королевичъ твой
Спѣшить провѣдать, какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

БОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; всѣ-жъ рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Всѣ-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

БОРИСЪ.

Не мнишь ли ты, онъ слухамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнить мнѣ, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать
Что про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотецкій сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума—твоя святая воля!
Такъ, значить, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья—
Куда ты гнешь? Коли что знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшки мои!

Что-жь я скажу? Ты развѣ самъ не видишь?
Женихъ съ людьми толкуеть цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужь онъ навелъ. Пожди еще немного,
И скоро все они узнають.

БОРИСЪ.

Марья!

Я запретилъ тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала.
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчинъ твой
Дошцется улики на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жь ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣтъ,
Свѣтъ-государы! Свое я мѣсто знаю.
Мнѣ, безтолковой бабѣ, и негоже
Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
Безъ моего совѣта; безъ меня же
Ты самъ найдешь что сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ

Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.
По моему-жь, по бабьему уму,
Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
Опасность есть, а въ теремѣ твоємъ.
Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ—
Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!

Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по сердцу женихъ, избранный имъ.
Не твоему то племени понять,
Что для Руси величія пригодно!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
Родитель мой служилъ царю Ивану
По простотѣ. Усердіе его
Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ,
Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
Что-жь? Удалось! Ты царскимъ своякомъ,
Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
Правителемъ, а нынѣ государемъ.
Гдѣ-жь дочери Скуратова Малюты
Указывать тебѣ! Передъ тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходить. Входитъ Семень Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взяли!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣники связали

Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ
Ему сдались—Елецъ и Кромь также.
Одинъ лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
Засѣлъ въ немъ на-смерть. Лаской и угрозой
Старался воръ склонить его, но онъ

На увѣщанья отвѣчалъ ему
Картецію.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы съ тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Что еще принесъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, къ врагу они перебѣгаютъ,
Судьбу рать...

БОРИСЪ.

О чемъ же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслить къ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то—я самъ явлюся между нихъ!

СТОЛЬНИКЪ—входя.

Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

ТЫ слышалъ вѣсти?

ШУЙСКІЙ.

Слышалъ,

Царь-государь.

БОРИСЪ.

Что скажешь ты на это?

ШУЙСКІЙ.

Неладно, царь.

БОРИСЪ.

Неладно—вижу я!

А кто виной? Бояре продаютъ—
Да, продаютъ меня!

ШУЙСКІЙ.

Суди ихъ Богъ!

БОРИСЪ.

Имъ Божьяго суда не миновать.
Но до того я въ скорыхъ числахъ буду
Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ
Я къ рати шлю.

ШУЙСКІЙ.

Ему и книги въ руки.

Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.
Не прогнѣвись, великій государь,
За простоту, дозволю мнѣ слово молвить.

БОРИСЪ.

Скажи.

ШУЙСКІЙ.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда
Поѣхать самъ—все снялъ бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще

Вотъ что, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать, теперь на Выксѣ

Пострижена сидить. Ее бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуеть крестно, что Димитрій
Во гробѣ спить.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но долго
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показаль. Чтò? Утихають толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь, право,
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та же пѣсня: царь Борисъ хотѣль-де
Димитрія царевича извести,
Но Божиимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро...

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль утратить тѣмъ думаютъ меня,
Что много ихъ? Но если-бъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли—
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жъ его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винять упорно—
Такъ я-жъ упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ, кто изъ насъ устанеть прежде!

Домъ Ѳедора Никитича Романова.

Ѳедоръ Никитичъ, Александръ Никитичъ, князь Сидкій,
князь Репнинъ и князь Черкасскій за столомъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ—наливая имъ вина.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ—
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ЕВДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринь,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А коли такъ—
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Нуте-жь:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозѣ покорить!

СИЦКІЙ.

А ужъ не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что ли?

РЕПНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ
Еще крѣпѣкъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взяли.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

всѣ.

Про государя!

Входитъ Шуйскій.

шуйскій.

Челомъ, бояре, вамъ Чью пьете чару?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Царя и государя, князь Василий
Ивановичъ. На, выпей!

шуйскій.

Эхъ, Ѳеодоръ

Никитичъ! Чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Подымаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныя страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сущіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасенье и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу,
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до конецъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,
«На честь ему, а рускимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленью; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ
«И всѣ бы трепетали посвѣченья
«Его меча; на насъ же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урыву
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины

«И разума!» — Ухъ, утомился! Вотъ,
Бояре, какъ указано намъ пить.

Не пьеть, а ставить чару на столъ.

ЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,

Кажись, трепещуть.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ

Его щедроты льются.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпаль

Пучину милосердія.

ЕДОРЪ НИКИТИЧЪ — къ Шуйскому.

Ты съ Верху?

ШУЙСКІЙ.

Былъ на Верху.

ЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что-жь?

ШУЙСКІЙ.

Все слава Богу.

Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Что ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ, кто скажетъ,

Что Дмитрія извель онъ, аль что Дмитрій

Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жь надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то, что было

При Ѳедорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужь онъ чиниться пересталъ. Да развѣ.
Онъ казнями кого переувѣрить?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнить; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что, когда къ Москвѣ
Подступить *тотъ*, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жь мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты, князь Василій

Ивановичъ, ты въ Угличѣ былъ посланъ
На розыскъ тотъ. Скажи хоть разъ, по правдѣ,
По совѣсти: убить аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Убитаго ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКІЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКІЙ.

А гдѣ-жь его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жь мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКІЙ.

А то же, что и вы.
Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Феодорычъ, должно-быть, это знаетъ:
Насъ отъ врага онъ избавлять велить.

РЕПНИНЪ—къ Феодору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да такъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.

Что скажетъ онъ? Романовы признали
Димитрія царемъ? Да вся Москва
Того лишь ждетъ, чтобъ мы его признали.
Аль что его убійцей мы зовемъ?
Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народѣ—
Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы

Пока молчимъ. Народъ же говоритъ:
Романовы поближе Годунова
Къ Феодору царю стояли. Если-бъ
Романовъ сѣлъ на царство—Юрьевъ день
Намъ отдалъ бы!

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
Заискивать у мѣньшихъ у дворянъ;
Народъ боярство любитъ родовое
За то, что выгоды у нихъ однѣ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкихъ онъ не терпѣть. Нѣтъ, до насъ
Добраться трудно.

Входить Семень Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
Вы, государи, Ѳедоръ съ Александромъ
Никитичи, по царскому указу
Подъ стражу взяты!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?

За что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли:
Царя и государя колдовствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бартенева.
Коренья тѣ, что вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патриарха вамъ
Допросъ немедля учинять. Вы также,
Князя Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ же?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Заодно
Съ Романовыми были. Васъ подъ стражу
Беру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Ивановичъ!
Тебѣ велитъ великій государь
Вести допросъ надъ ними.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видитъ Богъ—

Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?

По одному извѣту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

СИЦКІЙ.

А царь ему, должно-быть? Боже правый!
Да это въ-точь, какъ при царѣ Иванѣ!

ШУЙСКІЙ.

Негоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель—
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣтъ на батюшку царя!
Ахъ, грѣхъ какой! Пойдемъ, Семень Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!

Уводятъ бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ—однявъ.

«Убить, но живъ!» Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможные всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодь,
И мятежи--и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый—
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.
Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ... Не время разбирать,
Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ:—

Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозить—рубить я долженъ снасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И, первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подѣмлется къ ударамъ!

Входитъ Шуйскій.

шуйскій.

По твоему, великій государь,
Являюся указу.

борись.

Князь Василій,
Ты избранъ мной быть старшимъ у допроса
Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
Даю тебѣ я случай.

шуйскій.

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Довѣріе!

борись.

Издавна злоба ихъ
Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
Они-жъ бояръ съ собою на меня
Замыслили поднять, а мнѣ погибель
Готовили.

шуйскій.

Недаромъ отъ меня
Таилися они!

борись.

Твой розыскъ нынѣ
Явить: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

шуйскій.

Помилуй,
Царь-государы! Ужъ на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться...

БОРИСЪ.

Прежде-жъ

Чѣмъ Дмитріева мать, царица Марѳа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти закололся
И погребенъ, ты выйдешь на площадь
И съ Лобнаго объявишь мѣста: самъ-де,
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія—и крестнымъ цѣлованьемъ
Тѣ утвердишь. Межъ тѣмъ я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анаѳему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ амвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть-можетъ, вразумится
Черезъ то народъ.

шуйскій.

Наврядъ ли, государь.

Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся,
Какъ мало страху на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Досель?

шуйскій.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все же...

БОРИСЪ.

Ну?

шуйскій.

Да что, царь-государь!

Хоть бы теперь: Романовыхъ подъ стражу
Ты взять велѣлъ. И по-дѣломъ. Да развѣ
Одни они?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

шуйскій.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?
Да Сицкій князь? Всего три человекъ!

А мало-ль ихъ? И думаютъ они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жь: что сдѣлано досель—
Одно лишь вамъ остереженье было,
Острастка то лишь малая была—
Гнѣвъ впереди!

Уходить.

ШУЙСКІЙ—одинъ.

Святая простота!

Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты заодно съ другими!» А межъ тѣмъ,
Что ни скажу, за правду все примаешь.
Бойся насъ, а намъ грозить. Борисъ
Феодорычъ, ты-ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда дѣвалась ловкость
Твоя, отецъ? И нравомъ сталъ не тотъ,
Ей-Богу! То ужъ черезчуръ опасливъ,
То вдругъ вспылишь и ломишь напрямикъ—
Ни дать ни взять, какъ мой покойный дядя,
Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
Когда кто такъ становится неровень,
То знакъ плохой!

Уходить. Входитъ Христіанъ; за нимъ
Голькъ и Браге.

ГОЛЬКЪ.

Высочество! Подумай:

Сомнѣннй нѣтъ, исходъ въ семь дѣлѣ ясенъ:
Царемъ Димитрій будетъ, а Борису
Погибели не миновать. Что нужды,
Что ложный то Димитрій? Онъ побѣдно
Идетъ къ Москвѣ—и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
Достаточно теперь ты убѣжденъ;
Намъ присланная тайно показанья
Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
Все, что мы здѣсь узнали стороною,

Чего не могъ ты не замѣтить самъ—
А сверхъ всего народный громкій голосъ
И казни тѣ жестокия—все, все
Его винить, ему уликой служить!

ГОЛЬКЪ.

До короля-жъ дошла молва, что царь
Эстонию, короны датской лену,
Не Даніи намѣренъ возвратить,
Но дать тебѣ. Король за это гнѣвнень.
Слѣши его умилоствитъ, принцъ!
Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ—
Его звѣзда зашла!

БРАТѢ.

Земли русійской

Царевну ты, высочество, посваталъ—
Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
Взошедшаго. Когда законный царь,
Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
Съ него вѣнецъ срываетъ—обѣщаньемъ
Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТИАНЪ.

Довольно! Все, что вы
О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я...
Но я не въ силахъ слушать васъ... моя
Кружится голова...

ГОЛЬКЪ.

Ты блѣденъ, принцъ...

Ты нездоровъ...

ХРИСТИАНЪ.

Да, да, я нездоровъ...
Вы совершенно правы—точно такъ—
Убийца онъ... мнѣ холодно сегодня...
Она не знаетъ ни о чемъ!

БРАТѢ.

Дозволь

Позвать врача, высочество!

ХРИСТІАНЪ.

Не надо.

Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,

Ты вправду боленъ...

ХРИСТІАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь—я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Голькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТІАНЪ—одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится... я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ... Я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено!

Входитъ Ксенія и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?

Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенія, постой...

Не уходи... тебѣ сказать мнѣ надо...
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксенья!

КСЕНІЯ.

Что съ тобой? Зачѣмъ

Разстаться намъ?

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, зачѣмъ разстаться?

Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?

Ты не моя-ль? Кто говоритъ, чтобъ душу

Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ

Опомнись, Христіанъ!
Твои слова безъ смысла. Что случилось?

ХРИСТІАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божья!
Ужель я отгадала? Христіанъ—
Кто видѣлся съ тобой? Чьей клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТІАНЪ.

Ксеня, Ксеня!
И жизнь и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту злую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ—
Нельзя—ты видишь!

КСЕНІЯ.

Выброси скорѣй
Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернить, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей?

ХРИСТІАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить
Я самъ не могъ! Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНІЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!
Я не хочу... я не могу его

Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодоваьемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ не былъ прежде!
Ты зналъ его! Ужели ты забылъ,
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда! Какъ могъ... какъ могъ... какъ могъ
Повѣрить ты! О, Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ!

Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоею
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася—когда бы это небо
Обрушилось на насъ—не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!

Да, Христіанъ! Иль мнишь ты—не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснять враги,
Друзья-жъ бѣгутъ—ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ Федоръ, ими не замѣчаемый.

Но если-бъ отъ него

И всѣ ушли—и если-бъ цѣлый міръ
Его винилъ—одна бы я сказала:
Неправда тѣ! Одна бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!

Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престоль! Быть-можетъ,
Я осужденъ къ лишеньямъ и къ нуждѣ—
Быть-можетъ, я скитаться буду—но,
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксенья...

ӨЕДОРЪ—выступаетъ впередь.

Королевичь!

ХРИСТІАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя—ты долженъ
Меня понять!

ӨЕДОРЪ.

Тебя я понялъ. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно—
Ты наглый лжець!

ХРИСТІАНЪ.

Братъ Ѳедорь...

ӨЕДОРЪ.

Гнусный ты,
Безстыдный лжець и клеветникъ!

ХРИСТІАНЪ.

Царевичь!

Войди въ себя!

ӨЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!

Иуда ты!

ХРИСТІАНЪ.

Войди въ себя, царевичь!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ—
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ӨЕДОРЪ.

Ты правъ—

Спасибо, что напомнилъ...

Срываетъ со стѣны двѣ сабли и подаетъ
одну Христіану.

Бейся на смерть!

ЕСЕНІЯ.

Побойтесь Бога! Что вы, что вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТІАНЪ—бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!

Ты братъ ея!

КСЕНІЯ.

О, до чего дошли мы!
Давно ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,
Такъ мирно говорили, такъ хотѣли
Служить Руси—а нынѣ!

ХРИСТІАНЪ.

Что со мной?

Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ...
Меня не держать ноги...

Садится.

ЕДОРЪ—бросая саблю.

Христіанъ,

Ты нездоровъ?

ХРИСТІАНЪ—озираясь.

Вы оба здѣсь? Со мною?
Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, что
Случилось?

КСЕНІЯ.

Онъ боленъ!

ЕДОРЪ.

Слава Богу,
То былъ лишь бредъ! Сестра, останься съ нимъ!
Я за врачомъ пойду.

ХРИСТІАНЪ.

Не уходи...

Мнѣ хорошо. Но что-то надо мною
Какъ облако внезапно пронеслось...
Былъ шумъ въ ушахъ... такъ, говорятъ, бываетъ,
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... самъ не знаю что...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вскакивал.

Вспомнилъ...

Бѣжимъ отсель!

Падаеть въ кресло.

У пристани корабль
Норвежскій ждётъ... ужъ якорь поднимають...
Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредить!

ХРИСТІАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
Всѣхъ, кто дерзнетъ подумать, что царевна—
Убийцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мнѣ... не бойся, Ксенья, этихъ
Зеленыхъ волнъ!... Я слушать васъ усталъ...
Я знаю самъ... прибавьте парусовъ!
Какое дѣло намъ, что на Руси
Убийца царь! Вотъ берегъ, берегъ! Ксенья—
Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, что случилось съ нимъ?

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредилъ?
Мнѣ очень дурно... Голова моя
Такъ кружится, а сердце то забьется,
То вдругъ замреть...

КСЕНІЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!

Встань, обоприся на руку мою...

ФЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТІАНЪ.

Спасибо, братъ...

Спасибо, Ксенья... это все пройдетъ...
Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходитъ, поддерживаемый. Федоромъ и Ксеніей.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ—наряженный дьячкомъ.

Сейчасъ народъ повалитъ изъ церквей!
Вмѣшайтесь въ толпу: глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрію идетъ,
Отрепьева-жъ клянуть; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ—въ одеждѣ купца.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что? Зачѣмъ
Двойную намъ награду обѣщаль
Семень Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подсланы; когда-жъ кто проболтнется—
Хвать за воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога—свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

ОДИНЪ ПОСАДСКІЙ.

Великій грѣхъ служить
Живому человѣку панихиду!

ДРУГОЙ.

Тяжелый грѣхъ!

ТРЕТІЙ.

А кто же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анаѣму гласили?

ПЕРВЫЙ.

Монахъ какой-то подвернулся.

ВТОРОЙ.

Что-жь,

Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

ПЕРВЫЙ.

Молчи!

Насъ слушаютъ.

СЫЩИКЪ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

ПЕРВЫЙ.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что Димитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣй!

СЫЩИКЪ—про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ!

Подходятъ нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Вишь, изворотъ затѣяли какой!
Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,
Губителямъ!

ТРЕТІЙ.

Романовы въ тюрьму
Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за что?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Подходятъ бабы.

ОДНА БАБА—догоняетъ другую.

— Да постой, голубушка, куда-жь ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

— Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафиду, вишь, служить и большую анаѣему поютъ!

ПЕРВАЯ.

— Да кто-жь это скончался?

ВТОРАЯ.

— Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь опоздать.

ТРЕТЬЯ БАБА—пристаетъ къ нимъ.

— Не Гришка, не Гришка, матушка! царевича Димитриемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

— Такъ ему, стало, анаѣему служить? А панафида по комъ же?

ВТОРАЯ.

— По Гришкѣ, должно-быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА—догоняетъ ихъ.

— Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служить?

ВСѢ ЧЕТВЕРО ВМѢСТѢ.

— Да пойми ты, мать—я въ толкъ не возьму! — Ахти, опоздаемъ! — Да побойтесь Бога—кто же скончался-то? — Пойдемъ, пойдемъ! Анаѣема скончался, Гришка-царевичъ служить панафиду!

Уходятъ.

СЫЩИКЪ—глядя нмъ вслѣдъ.

Проваливай, бабье! отъ васъ ни шерсти
Ни молока!

Подходятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ—указывая на сыщика.

Өедюха! А Өедюха!

Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается! Чай, изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно-быть, человекъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нешто, покажемъ!

Къ сыщику.

Отець родной, позволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобиль.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаетъ.

«Мы, Божіею милостью, Димитрій
«Ивановичъ, царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ нѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены»... Гмъ, гмъ!

Читаетъ про себя, потомъ громко.

«И первыхъ тѣхъ, которые навстрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придуть, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ?

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,
Ей-Богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А кто подкинулъ?

ПЕРВЫЙ.

Видить Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свистить. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!

Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной! За что?

ВТОРОЙ.

За что? Помилуй!

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мужиковъ уводятъ среди общаго ропота.
Подходить купецъ въ разговорѣ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что, почтенный, что за торгъ у насъ?
Себѣ въ накладъ вѣдь продаемъ сегодня.
А съ нѣмцевъ пошлинь половину снялъ!
Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами
Концовъ свести не можемъ. Разоренье
Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ—таинственно.

Одна надежда нонѣ—

Царь Дмитрій Іоанновичъ. Не терпитъ
Ни нѣмцевъ онъ ни англичанъ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ

Попался мнѣ: всѣхъ, говоритъ, купцовъ
Отъ пошлинъ освобожу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ—хватаетъ его за воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что вы, бойтесь Бога!

За что его?

1-й СЫЩИКЪ.

А вы чего вступились?

Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

— Нѣтъ, всѣхъ-то не перехватаешь! Бей ихъ, ребята!
Довольно намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ
ними приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Раздайтесь! Мѣсто! Мѣсто!

Бояринъ князь Василь Ивановичъ Шуйскій!

шуйскій — въ сопровожденіи двухъ
дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ?
Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

— Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступись, отецъ родной!
Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а нонѣ намъ отъ
сыщиковъ житья нѣтъ! Вступись, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне, царь Борисъ
Ѳеодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ,
Кого хватать! А вы пройти мнѣ дайте
До Лобнаго до мѣста; по указу,
По царскому, я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ

Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чета Иванъ
Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКІЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!

Вамъ всѣмъ: гостямъ и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ, и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Ивановичъ Шуйскій, бью
Напередъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій
Ерѣтикъ злой, разстрига, чернокнижникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Димитріемъ Ивановичемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ немало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

Одинъ.

Слышь, съ нимъ и наши!

шуйскій.

Измѣнниковъ. И хочеть онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Федорыча свергнуть,
И церковь православную попать
И вовлести въ латинскую насъ ересь.
Что вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстить сегодня
Все, что своими видѣлъ я очами,
Когда, при Федорѣ царѣ, посланъ
Я въ Угличъ былъ, чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоаннычъ
Упалъ на ножъ и закололся.

другой.

Знаемъ!

третій.

Слыхали то!

шуйскій.

И по приѣздѣ мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешнинымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

третій—вполголоса.

Да кто же

Младенецъ былъ?

шуйскій.

Что Гришка же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый—

Въ томъ я клянусь и крестъ на томъ цѣлую.
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божиємъ судѣ
Мнѣ прокляту, и въ огонь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуетъ свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Что Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТИЙ.

Безъ него

Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И вѣдомый ерѣтикъ тотъ и воръ.
Великаго, почтеннаго отъ Бога
И милосердаго царя Бориса
Кусательно язвить, а отъ себя
Вамъ милостей немало обѣщаетъ,
И Юрьевъ день обратно вамъ сулить.
И вамъ велитъ великій государь
Гому разстригѣ вѣры не давать;
А кто повѣритъ, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Дмитрій—
Великій царь тому, немедля, вырвать
Велитъ языкъ. Я все сказалъ—простите!

Кланяется и сходить съ Лобнаго мѣста.
Молчаніе въ народѣ.

ОДИНЪ.

Вотъ-те и рѣчи!

ДРУГОЙ.

Къ чему онъ вель ее?

ТРЕТИЙ.

Знать, близко тотъ.

ПЕРВЫЙ.

И нашихъ съ нимъ довольно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И милости, слышь, общаетъ намъ.

ВТОРОЙ.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдаетъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ что же?

ПЕРВЫЙ.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Побережемъ.

ПЯТЫЙ.

А не иди-ль туда?

ВТОРОЙ.

Куда—туда?

ПЯТЫЙ.

Навстрѣчу-то?

ТРЕТІЙ.

Ну, ну,

Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то

Спужались, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;

Вѣдь тотъ-то прироженный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ окномъ.

Вдова-царица Марія Нагая, во иночествѣ Марѳа, одна.

МАРФА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня, какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ Божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою
Я предъ народомъ русскимъ утвердила—
Но кто-бъ ни былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса—да хранить
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ—онъ врагъ тебѣ, убійца—
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы!
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь, во прахъ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги—

Идутъ! Меня забила дрожь—и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей—тѣ онъ!—
Убийца тутъ—онъ близко—Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердце
Исполни мнѣ—изгладь печаль съ лица—
Перероди меня—содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить сумѣла бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входить Борисъ со свѣчой, которую ставитъ
на столъ.

БОРИСЪ—съ поклономъ.

Царица Марья Федоровна, бью
Тебѣ челомъ!

МАРѢА.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня МарѢа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ

Не умаляетъ званья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ,
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРѢА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла...

МАРѢА.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господы!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица!
Въ умѣ ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь.

Четырнадцать ужь лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножь...

МАРѢА.

Зарѣзанъ былъ. Ты то ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ,
Когда та вѣсть достигла до меня
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но
Онъ мертвъ, царица—онъ убился—въ томъ
Сомнѣній нѣтъ...

МАРѢА.

Такъ мнила я сама...

БОРИСЪ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ...

МАРѢА.

Я

Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа...

МАРѢА.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны—онъ живъ, онъ живъ, мой Димитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль! Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клешнинымъ и Шуйскимъ
Обмануть я?

Входитъ царица Марія Григорьевна.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвись, Борисъ
Ѳеодорычъ. Твой разговоръ съ царицей
Я слышала за дверью. Невтерпѣжь,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Марѣѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно

Тебѣ я, матушка-царица Марѣа
Ѳеодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало! тотъ, кто въ Угличѣ убилися,
Тебѣ не сынъ?

МАРѢА.

Не знаю, кто убилися—
Димитрій живъ! Отъ вашихъ рукъ онъ Божьимъ
Невѣдомо былъ Промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери Пречистой!
Мой сынъ спасенъ!

БОРИСЪ.

Царица—если вѣришь
Ты истинно тому, что говоришь—
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

МАРѢА.

Какое дѣло мнѣ—ты вѣришь, нѣтъ ли?
Вѣрь, или нѣтъ—довольно: живъ мой сынъ—
Не удалось твое злодѣйство!

БОРИСЪ.

Нѣтъ!

Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спасся онъ?

МАРѢА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися—
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Теодорычъ, быть-можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРФА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно, такъ ли, матушка? Подумай.

МАРФА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убить онъ не былъ?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ.

Отворяя дверь.

Войди, голубка!

Входитъ Волохова.

ЦАРИЦА—къ Марѣѣ.

Знаешь ты ее?

МАРФА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

ЦАРИЦА.

Что, матушка, съ тобой?
Что взволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводитъ въ ужасъ Василиса?

МАРФА.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята вовѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА—къ Волоховой.

Довольно, Василиса,

Ступай себѣ.

Волохова уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Оеодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царенка? То-то!
Ужъ ты за пытку-было! Ты умень,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть инья
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забылъ ли,
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марѳу за руки.

Опомнися, царица!

Оправься, мать! Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,

Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшаго назваться
Димитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ,—
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли,—
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мнѣ на душу твое ложится горе.
Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть—
Но прошлое не въ нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящемъ думать.
Великую, царица, можешь ты
Бѣду отъ царства отвратить: лишь стѣить
Передъ народомъ клятву дать тебѣ,
Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
На это ты?

МАРФА.

Я выдала себя —

Мой сынъ убить. Но какъ о томъ народу
Я повѣщу? Ты въ томъ ли мнѣ велишь
Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ

Тобю купленная мамка сына
Убийцамъ въ руки предала?

БОРИСЪ.

Клянусь,

Я не приказывалъ того!

МАРѢА.

Мой сынъ

Тобой убитъ. Судьба другого сына
Послала мнѣ—его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко... вижу,
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги...
Онъ подъ Москвой... предъ именемъ его
Отверзлися кремлевскія ворота...
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой...
Народный плескъ я слышу... льются слезы—
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутого тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчить гибель намъ

Твоя гортань!

Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается
съ нею на Марѣу.

Такъ подавись же, сука!

БОРИСЪ—удерживая ее, къ Марѣѣ.

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течъ и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ
Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣе-ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ

Усобицѣ откроешь ты затворы;
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падеть на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
Даю тебѣ... прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходитъ съ царицей.

МАРѢА—одна.

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ! Я ранила ихъ на смерть,
Я Дмитриева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падеть на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ долженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и жемчугъ...
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ
Въ сырой землѣ ждатель будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ ницаго на Божьемъ солнцѣ
Волѣнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тѣмѣ и въ холодѣ! Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ бы жить!
Ты выросъ бы! На славу всей землѣ
Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убить!
Убить мой сынъ! Убить, убить мой Дмитрій!

Падаетъ на землю и рыдаетъ.

~~~~~
Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,

Великій царь, припадки стали чаще!

БОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

БОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ
Насъ съ толку, царь.

БОРИСЪ.

Послушай. Жизнь его
Мнѣ собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Котораго-бъ не отдалъ за него!
Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ—
И помни самъ—нѣтъ почестей такихъ,
Какими бы я щедро не осыпалъ
Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,
Не почести намъ знанья придадутъ.
По долгу мы служить тебѣ готовы;
Награда намъ не деньги, а успѣхъ.
Но случая подобнаго ни разу
Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

БОРИСЪ.

Воротись
Къ нему скорѣй. Блуди его; науку
Всю истоци свою! Во что-бъ ни стало
Спаси его! Скажи другимъ: предѣловъ
Не будетъ благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врачъ уходитъ.

БОРИСЪ—одинъ.

Ужели насъ Господь
Еще накажетъ этою потерей!

Онъ—то звено, которымъ вновь связаль бы
Я древнюю расторгнутую цѣпь
Межъ Западомъ и русскою державой!
Черезъ него ей возвратилъ бы море
Варяжское! Что Ярославъ стяжалъ,
Что подъ чужимъ мы игомъ потеряли—
Безъ боя то, безъ спора возвратилъ бы
Я вновь Руси! Со смертію его
Все рушится. А Ксенія моя!
Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ? Ты, бѣдная! Легко
Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
Ужели ихъ на дѣлѣ испытать
Такъ рано ты осуждена? Ужели
Всѣ бѣды соединятся, чтобы разомъ
На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый—
Моя вина, которой утвердить
Навѣки я хотѣлъ работу жизни;
Она-жъ тяжелой рушится скалою
На зданіе мое!

Входитъ Семень Годуновъ со сверткомъ въ рукахъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Великій царь...

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесешь?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость,
Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ...

БОРИСЪ.

Подай сюда!

Видь царской грамоты имѣетъ свертокъ,
И царская привѣшена печать...
Искусно все поддѣлано. Прочти!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ—читаетъ.

«Великій князь и царь всея Руси
«Димитрій Иоанновичъ—тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престолъ
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать,
«Когда примемъ наши государства.
«Но если ты, свою познавши мерзость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя со своея, самъ сложишь
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Во монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься—мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путивль, осьмого марта».

Борисъ закрываетъ лицо руками.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинить этотъ дерзкій листъ?

БОРИСЪ.

Не оттого, что, послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжело
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Разсчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть-можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно
Меня взойти молили на престолъ,
Они-жъ теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А что я сдѣлалъ для земли, что я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Государь, что можетъ
Тотъ наглый воръ?..

БОРИСЬ.

Такимъ его считалъ я,
Такимъ считать велить его разсудокъ—
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, невольно
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Но царица
Созналася...

БОРИСЬ.

Сознаніе ея
Могло испугомъ вынуждено быть.
Я вѣдаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Его
Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ.

БОРИСЬ.

Шуйскій!

Могу ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЬ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяетъ дверь.

Великій государь,
Врачи тебѣ прислали повѣстить:
Отходить королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!
Уходитъ съ Годуновымъ. Царевичъ Ѳедоръ
отворяетъ дверь, осматривается и говоритъ
за кулисы.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ никого—войди, сестра!

КСЕНІЯ—входя.

Какъ мнѣ
Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!
Что ты узналъ о немъ?

ѲЕДОРЪ.

Не допустили
Меня къ нему; но я у двери слушалъ:
Тебя зоветъ съ собою громко онъ
Въ Норвегію и то же обвиненье
Твердить о нашемъ обѣ отцѣ...

КСЕНІЯ.

Ужасный,
Ужасный бредъ!

ѲЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНІЯ.

Какъ?
Ты думаешь—онъ вправду вѣрить?

ѲЕДОРЪ.

Ксенья—
Когда-бъ одно лишь это могъ я думать!

КСЕНІЯ.

Но что-жъ еще?

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ—взявъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ӨЕДОРЪ.

Что?

КСЕНІЯ.

На половинѣ той

Забѣгали!..

ӨЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда...

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, ѐдоръ!

БОРИСЪ—входя.

Ксенія моя...

КСЕНІЯ.

Отецъ, что тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда—

Крѣпись, Ксенья!

ӨЕДОРЪ—къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНІЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать—
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксенія шатается и падаетъ.

БОРИСЪ—поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксенья!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Престольная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

Двое часовыхъ.

ПЕРВЫЙ.

Что, долго ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,
Не по сердцу въ палатѣ этой. Все
Какъ будто ходить кто-то. Поглядишь—
Нѣтъ никого!

ПЕРВЫЙ.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

ВТОРОЙ.

Часокъ еще, пожалуй,
Стоять придется.

ПЕРВЫЙ.

То-то. А, ей-Богу,
Двойную смѣну на дворѣ бы лучше
Я простоялъ!

ВТОРОЙ.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмуренъ былъ царь?

ВТОРОЙ.

И впрямь, онъ былъ
Еще мрачнѣй, чѣмъ эти дни.

ПЕРВЫЙ.

Кручина...

ВТОРОЙ.

Да, есть о чемъ. А, говорятъ, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

ПЕРВЫЙ.

Что же
Все мраченъ царь? Не вѣрить, что ли?

ВТОРОЙ.

Ликъ-то
Какъ страшень сталь!

ПЕРВЫЙ.

Глядить и не глядить...

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой—ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Что?

ВТОРОЙ.

Дверь скрипнула!..

ПЕРВЫЙ.

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!..

ПЕРВЫЙ.

И впрямь шаги...

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ
Сюда идутъ... все ближе...

ПЕРВЫЙ—съ испугомъ.

Кто идетъ?

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

Борись, въ рубахѣ, поверхъ которой накинута
опахень, входить, ихъ не замѣчая.

БОРИСЪ—про себя.

«Убить, но живь!»

Меня съ одра все тотъ же призракъ гонить.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находить,
Въ росѣ купая пыльные листы! —
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убить, но живь!»
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятыя даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обмануть я—
Когда онъ живъ—зачѣмъ же я, какъ Каннъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть—душою

Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату
Такъ пусть же мой противникъ вправду сгинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ!
Онъ мой еще! Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходить и отступаетъ въ ужасѣ.
Престолъ мой занятъ!
Приходить въ себя.

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!..
Безумный бредъ! Все та же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
Сгущается—и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю, чѣмъ ты хочешь стать—
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говорить?

Увидѣвъ часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь—
Наряжены мы теремъ караулить!..

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ же ваши очи?
Смотри туда! Что на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь... я ничего не вижу!..

БОРИСЪ.

Такъ подойди-жь и бердышемъ своимъ
Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Иди—
Ударь въ престолъ!

Часовой подходитъ къ престолу.

Стой! Воротись—не надо!

Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
Не видишь, трусь, что это мѣсяць свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и невѣсть что
Почудилось?.. Смотрите же вы оба:
О томъ, что здѣсь вы слышали сейчасъ,
Иль видѣли—молчать подь смертной казнью!
Вы знаете меня!

Вздрыгнувъ

Кто тамъ?

Входитъ Семень Годуновъ

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

То я,

Великій государь! Тебя ищутъ я...

БОРИСЪ.

Кто право даль тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ—тихо.

Андрей Клешнинъ, по твоему велѣнью,
Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ—къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешнина?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Никто.

По тайному крыльцу его я въ теремъ
Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семень Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой

Онъ отъ мірскихъ укрылся тревоженій,
А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
Безъ отдыха мятусь. Какъ онъ, средь ночи
Иду схимника, чтобы сомнѣнье мнѣ
Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
При мнѣ грозитъ Русіи распаденье!
Ужель судьба минувшіе тѣ дни
Надъ нею повторяетъ? Иль въ двадцать
Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
И что я прожилъ—былъ пустой лишь сонъ?
Сдается мнѣ, я шель, все шель впередъ,
И мнилъ пройти великое пространство,
Но только кругъ огромный очертилъ
И, утомленъ, на то-жъ вернулся мѣсто,
Откуда шель. Лишь имена смѣнились,
Преграда та-жъ осталась предо мной—
Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
А истина—злодѣйство есть мое—
И за него проклятья!

Входитъ Клешнинъ въ схимѣ и въ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я самъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
Спокойно не далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать

Задумалъ ты?

БОРИСЪ.

Твоя не въ пору дерзость,
Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я

Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ
Того, что я выдаю по ночамъ,
Ты страшенъ мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.

Дай мнѣ отвѣтъ по правдѣ: въ Угличь ты
На розыскъ тотъ посланъ съ Шуйскимъ былъ;
Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ
Мнѣ поклянись: убить иль нѣтъ Димитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убить ли онъ? Дивлюся я тебѣ.
Или мою не разглядѣлъ ты схиму?
Такъ посмотри же на мое лицо!
Зачѣмъ бы я постился столько лѣтъ?
Зачѣмъ бы я носилъ вериги эти?
Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,
Когда-бъ убить онъ не былъ?

БОРИСЪ.

Ты его

Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы
Его убійць названье не украли—
Оно, по праву, наше: на гортани
Зіяетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И не было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда бы
Его черты забыть я могъ—мнѣ ихъ
Мои бы сны напомнили...

БОРИСЪ.

Кто-жь тотъ,
Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

Почемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ-быть, иль хуже;
Но говорить съ тобой объ этомъ ночью
Я не хочу. Объ эту пору чутокъ
Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей...

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!
Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти
Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

БОРИСЪ.

Постригся ты, но схи́ма не смирила
Твой злобный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя звучить...

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.
Ты мягко стлалъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, какъ я; прими такую-жь схиму;
Сложи вѣнецъ, молися и постись;
Заприся въ кельѣ...

БОРИСЪ.

Русскою землю—

Блюсти ее—на царство я избранъ!
Въ невзгоды часъ съ престола моего
Я не сойду, какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками, я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянеть!
А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружью
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь, только павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

БОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,
Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что вѣдомо въ семь дѣлъ,
Снажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказала.
Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ царенья предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости—я уйду.
Отъ инока отъ Левкія прими
Благословенье днесъ.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюся я схимой—
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобзай же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что-жь? Ты развѣ чище?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песъ!

Уходить.

Утро. Покой передъ царской опочивальной.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ Семень Годуновъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Что государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
Попрежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговаривалъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Басмановъ
Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамоту къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жь велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Черезъ краткій часъ всталъ снова и велѣлъ
Царевича позвать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Къ нимъ не пускать.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Они доселѣ вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель... но вотъ, кажись, идуть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходятъ. Борисъ входитъ въ разговоръ съ царевичемъ Ѳеодоромъ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба приметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престолъ мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперь была бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положилъ: торжественною клятвой
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?

Въ тотъ самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную побѣду
Готовишься?

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба.

Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ намъ людей
Съ ней заодно. Сегодня прежнимъ блескомъ
Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
Повѣрили. Сегодня уклониться
Отъ царской воли никому не можетъ
И въ мысль войти. Но знаемъ ли мы, что
Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдѣ царскомъ
Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
Потребовать.

ѲЕДОРЪ.

Прошу тебя, отецъ,
Уволь меня!

БОРИСЪ.

Пріять вѣнецъ русійскій

Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
На царство я взведенъ былъ земскою думой.
Себѣ и роду своему престолъ
Упрочить ты обязанъ.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, отецъ!

Я не могу—уволь меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ—

Что значить это?

ӨЕДОРЪ.

Не гнѣвись, отецъ—

Вѣнчаться не могу я! На престолъ—
Я не имѣю права!

БОРИСЪ.

Какъ?

ӨЕДОРЪ.

Отецъ,

Прости меня! Ты борешься упорно—
Я-жъ не увѣренъ, что противникъ твой—
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?

Ты, Ѳедоръ—ты?

ӨЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло

Читалъ, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ бы долженъ правду,
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее узнать!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ӨЕДОРЪ.

Ты могъ

Обмануть быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не былъ я обмануть!

ӨЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

Я прежде зналъ его!

ӨЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ӨЕДОРЪ.

Отець! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Дмитрій мертвъ...

ӨЕДОРЪ.

Какъ? У тебя инья
Улики есть, чѣмъ тѣ, что сбралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Инья—да!

ӨЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявилъ?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ на слово повѣрить долженъ ты!
Дмитрій мертвъ!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Иѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

Ты—

Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Ѳедоръ?
Какъ знай же все!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова—
Повѣрилъ я!

Молчаніе.

БОРИСЪ.

Недолго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава—
Свидѣтель Богъ—была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ!

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикасанья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословить.

ӨЕДОРЪ.

О, если-бъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Неизлѣчимъ недугъ
Душевный мой. Онъ разрушаетъ тѣло...
И быстро я, усильямъ вопреки,
Иду къ концу. Въ страданьи челоуѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,

Что всё меня клянуть... Услышать слово
Привѣтное я былъ бы радъ...

Молчаніе

Федоръ.

Прости!

Уходитъ.

Столовая палата.

Великолѣпно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ просцениума царскій столъ съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на просцениумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою
Мы празднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Неволей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно, такъ ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмановъ;
Не будь его—Димитрій смялъ бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смялъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Басманова принесъ.
Окрысился, упёрся—а къ нему
Какъ разъ на помощь нѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животь!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, небось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей фла кормъ!

ШУЙСКІЙ—подходить.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ же, князь Василь Иванычъ,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ бы только

Не горевать пришлось намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свои дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣёвымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ тожь!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

ШУЙСКІЙ.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

ШУЙСКІЙ.

Зачѣмъ его тревожить?

Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь бы
Басманова царь не послалъ опять!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій
Вѣдь это ты царя-то надоумилъ
Басманова призвать?

шуйскій—смѣясь.

А кто-жъ еще?
Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

голицынъ.

Хитѣрь же ты!

шуйскій.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитрить!

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ Басмановъ—всѣ раздаются.

шуйскій—идеть ему навстрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ.
Теодорычъ, тебѣ отъ всей отъ думы!
Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то
И батюшкѣ-царю кручинно стало:
Какъ съ воромъ, моль, не справится-то съ тѣмъ,
Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

Наврядъ ли онъ разстрига.

шуйскій.

Разстрига, нѣтъ ли—тотъ же воръ. Теперь,
Чай, не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Иванычъ,
Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удалъ
Намъ показалъ свою. И любо видѣть,
Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
Когда его войска погнали мы,
Послѣдній онъ, и шагъ за шагомъ только,
Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
Осиленный ловцами, покидаетъ
Добычу левъ!

шуйскій—смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
Не въ шутку хвалишь вора!

ВАСМАНОВЪ.

Не таюсь,
Мнѣ по сердцу и вражая отвага!

шуйскій.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздасть почетъ!

ВАСМАНОВЪ.

Храни его Господь!
Но лучше бы меня теперь у войска
Оставиль онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

шуйскій.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

САЛТЫКОВЪ.

Недаромъ государь
Пожаловаль тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

ГОЛИЦЫНЪ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

ВАСМАНОВЪ.

Боюся, не сумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой
А ты умомъ!

ВАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!

Входитъ Семень Годуновъ. Всѣ ему кла-
няются. За нимъ два стольника несутъ бо-
гатую шубу.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ—къ Басманову.

Бояринь

Петръ Ѳедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

в сѣ—кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Тò лишь починь. Угодно государю
Тебѣ такія почести воздать,
Какихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

шуйскій.

Мое выиграло сердце!
Кому-жь и честь, когда не воеводѣ,
Что отъ врага лютейшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семень Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ. царь?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловалъ Господь,
Одна была усталость.

шуйскій.

Богу слава!

И то сказать: ни день ни ночь покоя
Нѣтъ милости его. Зато теперь
Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ Бо-
рисъ въ царскомъ облаченіи; за нимъ ца-
ревичъ Ѳедоръ, царца и Ксенія.

САЛТЫКОВЪ—къ Голицыну.

Какъ блѣдень онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецы!

БОРИСЪ—къ Басманову.

Бояринъ Петръ

Феодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни; Борисъ его подымаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь—
Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ.
И отъ земли русійской челобитье!

Береть у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подаетъ Басманову.

БАСМАНОВЪ—принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу
Черезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!
Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,
Быть-можетъ, мнѣ твою удастся милость
И вправду заслужить!

Передаеть блюдо стольнику.

БОРИСЪ.

Пожди еще,
Тяжелое принудило насъ время,
Быть строгими. Москва всѣ эти дни
Опаль довольно видѣла и казней.
Она должна увидѣть на тебѣ,
Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ
Царь награждать. Садись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку па-рица, Фодоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги разносятъ блюда.

ОДИНЪ БОЯРИНЪ—за крайнимъ столомъ налѣво.

Мнѣ на царевну Ксенью жаль смотрѣть:
Вошла въ палату—на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихѣ тоскуеть.
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерть!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также невесель.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

БОРИСЪ—къ Басманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ,
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подѣ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ—за другимъ столомъ налѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть-можетъ,
Невозмогу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Что съ братомъ и съ сестрой

Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксенья, встань

И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

КСЕНІЯ—обходить столъ и подносить
стопу Басманову, съ поклономъ.

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ—принимая стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСЪ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ—вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСЪ.

Во здравіе его

И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится вовѣки
Святая Русь, и да погибнуть всѣ
Ея враги!

ВСЪ.

Анаемя врагамъ!

БОРИСЪ—сажаясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русійской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать
Была надъ ней—доколь, подобно язвѣ

Египетской, тотъ не явился врагъ,
Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
Часъ недалекъ, когда, проклятый Богомъ,
Онъ на землѣ достойную себѣ
Приметь мзду. Господь дѣла караетъ
Неправыя; въ сердцахъ читаетъ Онъ.
И судъ Его, какъ громовая туча,
Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
Что злое въ сердцахъ держатъ умышлене.
Бояре всѣ! Что заслужили-бъ тѣ,
Что, сидя здѣсь за царскою трапезой,
Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

БОРИСЪ.

Моей бы ждали смерти,
Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
Ему предать?

ГОЛОСА—съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
Возможно ли!—И въ мысль то не вмѣстится!—
Нѣтъ между насъ предателей!

БОРИСЪ.

Пусть встанетъ,
Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ—вставая.

Мы всѣ тебѣ вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ—къ Салтыкову.

Что, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

Поневолѣ
Подымешься. Не выдать же себя!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что будете служить
Феодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСЪ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станеть!

ВСЪ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держитъ злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочетъ
Перенести!

ВСЪ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

ШУЙСКІЙ.

Ужь положиися на своихъ рабовъ,
Царь-батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы цѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны—
Я Феодора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государственной.
Господь ему превыше лѣтъ его.
Даль свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ, и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ. Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!

Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства—
То онъ свершить...

Выступаетъ впередъ.

И за него теперь
Заздравный сей я кубокъ подымаю!

В С ъ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Теодору!

ОДИНЪ БОЯРИНЪ—указывая на Бориса.
Что съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ...

БАСМАНОВЪ—подхватывая его.

Государь!

Смятеніе между боярами.

КСЕНИЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно...

ТЕОДОРЪ.

За врачомъ

Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ
Мой настаеть...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ, Господи! Не просто
Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава.

Нѣсколько голосовъ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ—не было отравы!

Иль, мните вы, бессильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ӨЕДОРЪ.

О, велика твоя

Предъ Богомъ скорбы!

БОРИСЪ.

Сынъ өедоръ... Ксения... дѣти!

Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій—подойди!
Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
Въ мой смертный часъ я Господа молю:
Какъ ты мнѣ клятву соблюдешъ, пусть такъ
И Онъ тебя помилуетъ!.. Басмановъ—
Слѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
Престоль спасти! О, Господи, тяжель,
Тяжелъ Твой гнѣвъ! Грѣхи мои Ты не даль
Мнѣ заслужить!

ӨЕДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ;

Не забывать, что искупить я долженъ
Ихъ жизнью всей!

БОРИСЪ—къ боярамъ.

Блюдите вашу клятву!

Вамъ ясенъ долгъ—Господь караетъ ложь—
Отъ зла лишь зло родится—все едино:
Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству—
Оно ни намъ ни царству впрокъ нейдетъ!

ЦАРИЦА—кланяясь въ ноги.

Свѣтъ-государы! Прости меня, въ чемъ я
Грѣшна передъ тобой!

БОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ...

КСЕНИЯ.

О, Господи! Будь милостивъ къ нему!

БОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу... сынъ Ѳедоръ...

Встаетъ.

Дай руку мнѣ!—Бояре! вотъ ваиъ царь!

Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ.

ПОСАДНИКЪ.

Три первыя дѣйствія драмы.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бояринъ Глѣбъ Миронъчъ, степенный посадникъ новгородскій.

Посадница, жена его.

Вѣра, дочь ихъ.

Боярыня Мамелфа Дмитревна, вдова прежняго посадника.

Вышата
Роговичъ
Жирохъ
Кривцѣвичъ } новгородскіе бояре.

Василько, женихъ Вѣры, дочери посадника.

Ставръ
Головня } товарищи его.

Радько

Бояринъ Ѡома Григорьячъ, бывшій новгородскій воевода.

Бояринъ Андрей Юрьичъ Чермный, новый новгородскій воевода.

Наталья, полюбовница Чермнаго.

Рагуйло, братъ ея, изъ непріятельскаго стана.

Кондратьевна, няня ея.

Дѣвушка, прислужница ея.

Мечникъ.

Гридень.

Подвойскій.

Одинъ изъ бояръ.

Другой >

Третій >

Четвертый >

Одинъ изъ народа.

Другой >

Третій >

Четвертый >

Пятый >

Шестой >

Седьмой >

Восьмой >

Граждане. Бояре. Гридни. Огнищане.

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ, въ XIII столѣтіи.

Posadnik - I
Boyarin - II

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

У л и ц а.

Толпа народа возвращается съ площади.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Конецъ вѣчу! Договорились до дѣла!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

По шеймъ боярина Оому! — *he wants surrender (make peace)*

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Давно бы такъ! Чтò онъ былъ за воевода! Суздальцамъ хотѣлъ ворота отпереть! Не можемъ-де долъ держаться!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Къ чорту его! Бояринъ Чермный не отпереть!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не таковскій!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А и у Оомы сильна сторона! Я какъ увидѣлъ, что Плотницкіе одинъ за другимъ въ доспѣхахъ подсѣдаютъ, ну, думаю, въ топоры пойдутъ.

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

И пошли бы въ топоры, когда-бъ не посадникъ! Дай Богъ ему здоровья, Глѣбу Мироничу! Не рѣчисть, да мѣтко

его слово: «Не о томъ, говорить, споръ, кому воеводой быть, а о томъ, вольнымъ ли намъ городомъ оставаться? Хотите ли послушаться **Омы**? Хотите ли суздальскимъ пригородкомъ учиниться?» — Тутъ мы первые закричали: «Не хотимъ! Долой **Ому**!»

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А Плотниціе-то свое несутъ; какъ **Ома** ихъ училъ, такъ и долбятъ: «Не можемъ держаться! Приступошь насъ возьмутъ!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

А какъ осерчалъ-это на нихъ **Глѣбъ** Мирончъ!—«Не правда!—говорить:—три дня еще продержимся, пока псковичи на выручку подойдутъ! Кто смѣлуеъ мнѣ, посаднику **Глѣбу**, не вѣрить?»—Такъ и сказалъ: «кто смѣлуеъ мнѣ, **Глѣбу**, не вѣрить?»

ТРЕТИЙ ИЗЪ НАРОДА.

Великъ его почетъ въ Новѣгородѣ! Какъ сказалъ: «кто смѣлуеъ мнѣ не вѣрить?»—такъ вся Добрынина улица въ одинъ голосъ: «Вѣримъ тебѣ, вѣримъ! Долой **Ому**! Тебѣ, **Глѣбу**, воеводой быть!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, то не Добрынина, а наша Люгоша улица напредъ всѣхъ закричала: «Тебѣ воеводой быть!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Обѣ улицы закричали. Да спасиба-то онъ никому не сказалъ.—«Не мнѣ, говорить, а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всѣхъ дѣло знаетъ, нѣтъ супротивъ Чермнаго во всемъ въ Новѣгородѣ!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всѣхъ концахъ заголосили: «Чермнаго! Чермнаго!» Они-то и перекричали Плотницкихъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не они одни, всѣ мы ихъ перекричали. Заставили языкъ прикусить!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Куда одному концу противъ всѣхъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А въ кольчугахъ было-подсѣли! Думали Новгородъ на-двое раздѣлить. Тутъ бы они и ударили за Оому, да не удалось, когда посадникъ сказалъ: «кто смѣлуеъ мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Даромъ ихъ, значить, Оома угощаль!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ни про что исхарчился!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, не простить же онъ посаднику!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не простить!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А тому—какое горе! Когда Глѣбъ смотрѣлъ на кого?

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Тѣмъ-то себѣ и недруговъ нажилъ!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Правда, шеи гнуть не умѣеть! А ужъ что до порядковъ, не приведи Богъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Спуску никому не дасть. Говорить: «Я не просился въ посадники, а выбрали меня, такъ ужъ знайте, кого выбрали!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Зато ему, видно, и Чермный по нраву. Этотъ также не гнется.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, Чермный посаднику рознь. Въ ратномъ-то дѣлѣ нѣтъ супротивъ его, а дома ужь больно до женскаго пола охочь; отъ своей отъ Натальи души не чаешь!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Кому до того нужда, коли онъ въ строю не бабится!

ЯВЛЕНІЕ II.

Другая толпа (иные въ кольчугахъ).

ПЯТЫЙ—въ кольчугѣ.

Что за оторопь на васъ нашла? Дали смѣнить Оому Григорыча, теперъ напляшемся съ Чермнымъ! До осени миру не будетъ, до весны кораблей своихъ не увидимъ.

ШЕСТОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Чего-жъ вы, кольчужники, сложа руки сидѣли?

ПЯТЫЙ.

Какой сложа руки! Мы кричавши животы надсадили! А какъ побожился тотъ чортовъ посадникъ, что Чермный городъ отстоять, туть всѣ, какъ шальные, начали ревѣть: «Чермнаго! Чермнаго!» Не со всѣмъ же Новымъ-городомъ на драку лѣзть!

СЕДЬМОЙ.

И подлинно шальные. Эка бѣда, что Оома за князя говорилъ! Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли волѣ? Безъ торгу-то, небось, лучше?

ВОСЬМОЙ.

А сталъ бы князь опять власть забирать, опять бы ему и путь указали! Важно было время выиграть.

ПЯТЫЙ.

Разорить насъ этотъ Чермный!.. Не отстоимъ города. Суздальцы на щить возьмутъ!

Первая толпа.

ПЕРВЫЙ.

Какъ города не отстоимъ?

ВТОРОЙ.

Да развѣ намъ низовыхъ впервой бить?

Вторая толпа.

СЕДЬМОЙ.

Вамъ-то, чай, отъ войны не накладно, такъ вы и горланили за Чермнаго!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

А вамъ бы мощну набивать, а Новгородъ пропадай!

Вторая толпа.

ПЯТЫЙ.

Глѣбъ-то вамъ передъ вѣчемъ, чай, изъ своего погреба по стопѣ поднесъ?

Первая толпа.

ТРЕТІЙ.

А много вамъ князь заплатилъ за Оому стоять?

Вторая толпа.

ШЕСТОЙ.

Крысы подпольныя!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

Суздальскія собаки!

Обѣ толпы бросаются одна на другую. —
Является Чермный въ сопровожденіи бояръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Чермный, Василько, бояре, Ставрѣ, Головня, Радько и
войны, потомъ посадникъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Что тутъ за шумъ? Кто смѣлъ затѣять ссору?
Забыли вы, что Новгородъ мнѣ далъ
На время облежанія расправу
На жизнь и смерть?

Говоръ въ народъ.

ВТОРОЙ.

Вишь, этотъ не Ѡмѣ чета!

ТРЕТИЙ.

Съ нимъ не сдобровать!

ПЕРВЫЙ—увидѣвъ посадника.

А вотъ и посадникъ идетъ.

ВТОРОЙ.

Отъ этого еще хуже будетъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Что тутъ опять горланили они?

ЧЕРМНЫЙ.

Повздорили маленько, Глѣбъ Мироничъ,
Да ничего, ужъ я имъ погрозилъ;
Самъ вѣдаешь, народъ вѣдь вольный!

ПОСАДНИКЪ.

ВОЛЬНЫЙ!

Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда постановили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святы!
Ты не грози тому, кто спорить станеть,
А съ жерновомъ на шеѣ кинуть въ Волховъ
Его вели!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ имъ и будетъ, если
Опять начнутъ!

Народъ расходится по сценѣ.

ЧЕРМНЫЙ—къ боярамъ.

Великую отъ васъ
Я честь пріялъ сегодня, государи,
А съ ней отвѣтъ великій. Не должны
Мы забывать, какая угрожаетъ
Опасность намъ: Князь не съ одной своей

Дружиною для мщенья къ намъ вернулся;
Его дядевъ дружины съ нимъ пришли,
Не пошлиной, на древлихъ Ярославлихъ
На грамотахъ, обратно столъ княжой
Онъ требуетъ, но вотчиной своею
Ужъ насъ зоветъ. Всѣ пригородки взялъ,
Посады сжегъ. Ужъ турами бьетъ стѣны.
Отъ приступовъ его все болѣ наша
Рѣдѣтъ рать—и если псковичи
На помощь къ намъ не подойдутъ, придется
И впрямъ княжой намъ вотчиною стать,
Или, за вольность нашу, безъ остатка
Всѣмъ лечь костью!

КРИКИ.

Всѣ, всѣ за вольность ляжемъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псковъ имъ въ тылъ ударить,
Мы-жъ выльземъ—и правому тогда
Поможетъ Богъ!

Изъ толпы.

ТРЕТИЙ.

Съ тобой намъ Богъ поможетъ!

ВТОРОЙ.

Ты наша броня!

Всѣ.

Живетъ бояринъ Чермный!

ЧЕРМНЫЙ.

А чтобы дать ихъ множеству отпоръ,
Всѣ за-одинъ теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сидѣнье
Держали мы, какъ было при Оомѣ!
На сонныхъ мухъ подъ нимъ мы походили!
Теперь не такъ! Теперь не оставайся
Никто въ дому! На стѣны старъ и младъ!

Кто годенъ въ строй, тотъ надѣвай кольчугу,
Кто нѣтъ, таскай тотъ землю и песокъ
На новый валъ! Передніе ли люди
Иль младшіе—бояре или чадь—
Всякъ топоромъ, мечомъ или лопатой
Теперь служи—и если-бъ даже кто
И дьякомъ былъ, и было-бъ ужъ гуменцо
Пострижено, всѣ винны за святую
Софію стати!

В С ъ .

Всѣ станемъ за Софію!

В Т О Р О Й .

Измремъ съ тобой!

П Е Р В Ы Й .

За Новгородъ Великій!

Ч Е Т В Е Р Т Ы Й .

За грамоты!

Т Р Е Т Ы Й .

За волю!

В С ъ .

Станемъ всѣ

Живой стѣной!

Ч Е Р М Н Ы Й .

Ступайте-жь, государи,
Къ своимъ мѣстамъ—вамъ вѣдомы они.
Всякъ знай свое, въ чужое не мѣшайся,
Перебѣгать не смѣй отъ мѣста къ мѣсту,
Какъ при Өомѣ. Не ваша то печаль,
Коль на какой обломъ, иль вежу, приступь
Услышите. Отвѣтъ за все на мнѣ.
Простите же; сейчасъ приду на валъ
Осматривать работы.

Бояре уходятъ, чародъ расходится также.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Чермный и посадникъ.

Чермный—къ посаднику.

Глѣбъ Мироновичъ!

Посадникъ.

Что, государь?

Чермный.

- he gets elected

Сей ночью изъ тюрьмы
Одинъ изъ плѣнныхъ суздальцевъ ушелъ.
Вели его сыскать во что-бъ ни стало,
Теперь опасность велика. Нельзя
Врага оставить въ городъ. Поджогъ
Онъ учинить, или маякъ, пожалуй,
Своимъ подасть. Сыскать его вели.

Посадникъ.

Велю сыскать. Еще что мнѣ прикажешь?

Чермный.

Ни въ ворота ни изъ воротъ чтобъ стража
Не пропускала никого. Обѣзды
По улицамъ чините день и ночь.
Неслушливыхъ хватайте. Только, Глѣбъ
Мироновичъ, тебѣ не въ укоризну:
Пожалуй, ты ужъ черезъ мѣру крутъ,
Остерегись, теперь такое время,
Другъ за друга держаться всѣ должны.
Не возбудилъ бы строгостью излишней
Ты ропота. Ино—кто дѣломъ воръ,
Ино—кто только словомъ провинился:
Не всяко лыко въ строку!

Посадникъ.

Всяко въ строку!

Когда нашъ врагъ подъ городомъ стоитъ,
Когда его прихлѣбники безстыдно
Мутятъ народъ, когда Гома чуть-чуть
Уже воротъ ему не растворилъ—
Отъ слова тутъ до дѣла недалѣко,
И никому мирволить намъ нельзя!

ЧЕРМНЫЙ.

Чини-жь, какъ знаешь; вечеромъ тебѣ
Прошу къ совѣту; вмѣстѣ потолкуемъ
И подкрѣпимъ себя, чѣмъ Богъ послалъ.
Три дня съ тобой очей мы не смыкали,
И голова кружиться начала.
Пусть также зять придетъ твой нареченный,
Ему работу на ночь я задамъ.

ПОСАДНИКЪ.

Придемъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Постой, я было-повабылъ!

Въ монастырѣ, во Спасскомъ, со двора
Есть тайный ходъ, ведетъ онъ подъ землю
За городскую стѣну и выводитъ
Въ Свенельдовъ врагъ. Ключъ отъ дверцы желѣзной
Тамъ въ ризницѣ. Пожалуй, у игумна
Его возьми и принеси ко мнѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Не слыхивалъ про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Да врядъ ли

Кто и слыхалъ. Случайно прошлымъ лѣтомъ,
Охотясь, я на устѣ набрелъ.
Игумень говорить, что при варягахъ
Онъ вырыть былъ.

ПОСАДНИКЪ.

Засыпать бы его.

ЧЕРМНЫЙ.

Напротивъ, онъ теперь намъ пригодится,
Черезъ него лазутчика пошлю,
Иль самъ пойду, переодѣтый, ночью
Во вражій станъ.

ПОСАДНИКЪ.

Какъ знаешь. Принесу

Тебѣ тотъ ключъ. Еще чего сказать
Не вспомнишь ли?

ЧЕРМНЫЙ.

Одно сказать осталось:
Поклонъ тебѣ, бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
Что, о себѣ не мысля, за меня
Стоялъ на вѣчѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣ на чемъ поклонъ.
Не за тебя, за Новгородъ стоялъ я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоялъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не въ гнѣвъ тебѣ я молвилъ,
Но отъ души. Въ твоихъ рукахъ, бояринъ,
Пусть будетъ городъ. Ты-жъ его блюди
По своему по разумѣнью.

ПОСАДНИКЪ.

Буду
Блюсти, какъ знаю, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жъ,
Къ вечери до свиданья!

ПОСАДНИКЪ.

До свиданья.

Посадникъ уходитъ. Чермный хочетъ уйти.
Наталя бросается ему навстрѣчу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧЕРМНЫЙ И НАТАЛЯ.

НАТАЛЯ.

Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времечко
вылучила!

ЧЕРМНЫЙ.

Наташа! Ты зачѣмъ здѣсь, сумасшедшая?

НАТАЛЬЯ.

Невтерпѣжь стало, свѣтъ Андрей Юрьичъ! Двое сутокъ домой не приходишь! Какъ ударили къ вѣчу, я выбѣжала на площадь; все время позади народу съ бабами стояла. Слышала, какъ тебя въ воеводы поставили. Думаю: Господи! Теперь и того меньше придется видѣть его! Хоть на улицѣ на свѣта моего посмотрю!

ЧЕРМНЫЙ—ласково.

Сумаспешдая, право, сумаспешдая!

НАТАЛЬЯ.

Издали все шла за тобой, а тутъ къ воротамъ прижалась, покуда ты съ посадникомъ говорилъ. Насилу-то онъ ушелъ! И что это ты затѣялъ! Одинъ во вражій станъ идти! Я все слышала.

ЧЕРМНЫЙ.

А тебѣ нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будутъ.

НАТАЛЬЯ.

Да не гони же меня, успѣю приготовить!

ЧЕРМНЫЙ.

Непригоже намъ на улицѣ вмѣстѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

Иду, иду. Да вѣдь уже и нѣтъ никого, всѣ разошлись; а мнѣ бы только еще посмотрѣть на тебя; вѣдь двое сутокъ не видѣла!

ЧЕРМНЫЙ.

Увидимся вечеромъ, а теперь ступай; мнѣ самому идти надо.

НАТАЛЬЯ.

Да скажи мнѣ хоть словечко-то ласковое!

ЧЕРМНЫЙ.

Вѣдь знаешь, что люблю тебя. Чего-жь тебѣ еще?

НАТАЛЬЯ.

Тяжело уходитъ-то мнѣ нонѣ: вѣдь ты цѣлый день все подь стрѣлами! Долго ли до бѣды, до вѣчной разлуки съ тобой. Охъ, ты, болѣзнь мой! Дай же мнѣ хоть обнять тебя—вѣдь кто знаетъ?—можетъ-быть, въ послѣдній разъ! Свѣтъ ты мой! Голубчикъ ты мой!

Бросается ему на шею и уходитъ. Черный идетъ въ другую сторону. Является бояринъ Оома съ Кривцевичемъ и Жирохъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оома, Жирохъ и Кривцевичъ.

О О М А.

Вы видѣли?

Ж И Р О Х Ъ.

Какъ не видать!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Каковы!

Ж И Р О Х Ъ.

Ай-да бояринъ! Ай-да воевода!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Знай, времени не тратить!

Ж И Р О Х Ъ.

Цѣловаться

Нашель съ своей Наталкой мѣсто!

О О М А.

Что-жь?

Такого, видно, надо воеводу!
Чай, государь-то Новгородъ Великій
На то его и выбралъ. Исполать!
Мы съ бабами не знали; о томъ лишь
Заботились, какъ городъ бы сберечь,
До грабежа-бъ не довести; хотѣли,

Чѣмъ суздальцамъ на щить себя отдать,
Добромъ отдаться князю; такъ вотъ нѣтъ!
Посаднику, вишь, стали неуютны!
А что велить посадникъ, то у насъ
И дѣется, и свято!

Ж И Р О Х Ъ.

Эхъ, Оома

Григорьевичъ! Эхъ, если бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмутъ
Насъ приступомъ. Вѣдь силы-то такой
Не видано доселѣ.

О О М А.

Ничего!

Бояринъ Чермный справится.

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Хорошъ!

Еще принять и гридѣбы не успѣлъ,
А съ нимъ ужъ и Наталка!

О О М А.

Человѣкъ,

Вишь, молодой. Отголь и порубиться,
И показать хотѣлось бы себя.
Мы на своемъ рубилися вѣку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему въ диковинку.

Ж И Р О Х Ъ.

Ужъ будутъ

Ему рубцы! И Новгороду будутъ!
Не скоро мы залѣчимъ ихъ.

О О М А.

Поди ты!

А вотъ посадникъ говорить, что Чермный
Все отстоятъ! Оома-де не умѣлъ,
А мы сумѣемъ съ Чермнымъ; ото Пскова,
Вишь, рать придетъ, осаду смететъ! Знаемъ
Мы псковичей! Чай, пьяны напилися
Отъ радости, что плохо намъ пришлось.

Ну, да посадникъ общаетъ—значить,
Оно и такъ. И Новгородъ за нимъ
Твердить: побьемъ, побьемъ низовыхъ! Нутка!
Посмотримъ, какъ побьете ихъ!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Хорошъ
И Новгородъ! Баранье стадо, право!
Давно ли былъ имъ хуже горькой рѣдки
Посадникъ Глѣбъ! Боярамъ не давалъ
Созванивать народъ, помимо вѣча;
А безземельныхъ съ площади гонялъ:
«Не вѣчники вы, дескаты!» И стоялъ
Всѣмъ поперекъ. А стоило сказать,
Что грамоты похерять—и пошли
Кричать за нимъ. Вотъ приступомъ возьмутъ,
Тогда увидятъ грамоты!

Ж И Р О Х Ъ.

Смотри,
Когда и тутъ не выйдетъ правъ оны!

Ө О М А.

Выйдетъ,
Коли молчать мы будемъ. Смирны очень
Ужъ стали мы.

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Да мы, Өома Григорычъ,
На вѣчѣ не молчали-то!

Ө О М А.

Эхъ, вы!
Богатыри! Да развѣ въ крикѣ дѣло?
Иное, такъ, словечко, мимоходомъ,
Какъ невзначай, проронишь, а оно
И во сто кратъ сильнѣй, чѣмъ если-бъ горло
Ватага цѣлая драла. А вы
Наладили себѣ одно: не можно
Держаться намъ! Не можно да не можно!

Ж И Р О Х Ъ.

А что-жъ намъ было говорить?

Ө О М А.

Про Глѣба

Про самого сказать вамъ было, вотъ что!
Свою-де онъ, Глѣбъ, выгоду блюдетъ!
Догадливъ, чай; онъ знаетъ, что не правятъ
Долговъ въ войну. Вѣдь отъ войны кому
Живеть накладъ? Тѣмъ, у кого въ подвалахъ
Товаръ лежитъ! А много у него
Товару есть? А? много ли товару?

Ж И Р О Х Ъ.

Такъ, такъ, Ома Григорьичъ, всѣ его
Разбило въ морѣ корабли!

Ө О М А.

Вотъ то-то!

Одной святой Софїи тысячь тридцать
Стоить должонъ. А съ любскими купцами
И до ста наберется.

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Будеть до ста.

Ө О М А.

Такъ мира-то зачѣмъ ему хотѣтъ?
Онъ не дуракъ. Теперь, небось, не правятъ
Съ него долговъ; а Новгородъ возьмутъ—
Такъ что ему? Съ него-то взятки гладки!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Вѣстимо такъ.

Ө О М А.

Вотъ мы—другое дѣло.
Что день, то намъ убытокъ отъ войны.
Ты, напимѣрь: на сколько у тебя
Лежитъ парчи?

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

На сорокъ будетъ тысячь.

Ө О М А—къ Жироху.

А у тебя скатного жемчугу?

ЖИРОХЪ.

На столько же, пожалуй.

О О М А.

Такъ смотрите-жь:

По малому вамъ счету, по сту въ мѣсяць
На каждаго червонцевъ изъ мощны!
А приступомъ коль Новгородъ возьмутъ,
Такъ ты и вовсе безъ парчи, а ты
Безъ жемчугу! Въ Софійскіе подвалы,
Чай, суздальцы найдутъ дорогу! Какъ
По-вашему?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Что тутъ и говорить!

По-нашему, такъ поскорѣй бы дѣло
Помимо тѣхъ двоихъ поладить. Князь бы
За то спасибо намъ сказалъ.

О О М А.

Смекнули?

ЖИРОХЪ.

Оно бы можно, если-бъ этотъ Чермный
Тутъ былъ одинъ, да стараго-то пса
Не проведешь, глазасть ужъ больно!

О О М А.

Гмъ!

Большой тебѣ пріятель онъ?

ЖИРОХЪ.

Пріятель?

Кто? Глѣбъ? Да я-бъ туда его послалъ,
Куда крятунъ костей не заносилъ!

О О М А.

Ахъ да, бишь, помню! То никакъ вѣдь онъ
Въ голодный годъ тебѣ нажитья не даль,
Скупилъ весь хлѣбъ?

ЖИРОХЪ.

Когда-бъ одно лишь это!

Ужъ перехватъ ему бы я простилъ;

Бери себѣ да подавися—дѣло
Торговое. Но онъ не для себя,
А на зло мнѣ! Скупилъ запасъ да тотчасъ
За полъ-цѣны спустилъ его въ народъ.
Смотрите, молю: Жирохъ хотѣлъ нажитья!
А я, молю, вамъ задаромъ отдаю!

Ѡ О М А.

Вишь, старый чортъ!

Ж И Р О Х Ъ.

И вѣче созвонилъ:
Тяжелый-де насталь для смердовъ годъ,
Отъ глада мрутъ. Велите, государь
Великій Новгородъ, чтобы по прошлымъ
У насъ запасъ по цѣнамъ продавался,
А то ужъ вотъ хотѣлъ-было Жирохъ
Повысить хлѣбъ!

Ѡ О М А.

Эхъ, удружилъ тебѣ!

Ж И Р О Х Ъ.

Проклятый воронъ! Такъ меня ославилъ,
Хоть выходи изъ сотни. Ужъ ему бы
Припомнилъ я!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Да что, не одного
Тебя онъ, чай, ославилъ. Ужъ кому
Досадчикомъ онъ не былъ!

Ѡ О М А.

Такъ зачѣмъ же

Его жалѣть?

Ж И Р О Х Ъ.

Да кто-жь его жалѣеть?

Ѡ О М А.

А коли такъ, то слушайте вы оба:
Покуда Глѣбъ посадникомъ, а Чермный
Дѣтинецъ держитъ, нечего о сдать!

И думать намъ. А можно это дѣло
Такъ повести, что Новгородъ и самъ
Ихъ отрѣшить. Вѣдь если правду молвить,
Не сразу князь насъ приступомъ возьметъ;
А до того могли бы мы проруху
На нихъ найти. Старикъ ужъ больно крутъ,
Онъ и своихъ не милуетъ; какъ разъ
Обидитъ городъ; ну, а молодой—
Вы видѣли каковъ: опричь сидѣнья,
Бабыѣ на мысли у него; такъ вотъ
Подвесьте бы ихъ; когда-жъ одинъ слетитъ,
Такъ и другой удержится недолго.

ЖИРОХЪ.

Пусть только Глѣбъ слетитъ, а съ Чернымъ намъ
Полегче сладить будетъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Все едино:

Пусть только промахъ Черный дастъ, сейчасъ
Начнемъ кричать: кто посадилъ его?
Не кто какъ Глѣбъ! Тащить къ отвѣту Глѣба!
На вѣчѣ-то расправа недолга—
Не усидитъ!

ЖИРОХЪ.

А коль обоихъ ссадимъ,
Кому-жъ тогда и воеводой быть,
Коль не тебѣ-жъ опять, Ома Григорычъ!

ОМА.

Ты думаешь? Гмъ! Дай хоть на часокъ
Дѣтинаецъ мнѣ, теперь ужъ не на вѣчѣ
Я толковать о мирѣ буду. Настежь
Всѣ ворота! Князь-батюшка, пожалуй!
Челомъ тебѣ на вотчинѣ твоей!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Держись тогда и Глѣбъ и Черный! Праздникъ
На нашей будетъ улицѣ! Услугъ
Князь не забудетъ нашихъ!

ЖИРОХЪ.

И тогда
Съ тобою, Глѣбъ Миронычъ, мы свои
Покончимъ счеты!

Е О М А.

Такъ-то, государи.

Ну, а теперь поклонную пока
Намъ голову приходится держать.
Пойдемъ приказъ принять отъ воеводы
Отъ новаго; авось еще удастся
И на его Наталку поглядѣть!

Уходить.

~~~~~
Домъ посадника.

Посадница и боярыня Мамелфа Дмитревна.

БОЯРЫНЯ.

Что-жь это значить, матушка? Чай, вѣче
Ужь отошло, а Глѣба твоего
Мироныча доселѣ нѣту? Полно,
Ужь вѣдомо-ль ему, что у тебя
Сижу я?

ПОСАДНИЦА.

Какъ же, матушка Мамелфа
Дмитревна! Передъ его уходомъ
Твой посланный намъ повѣстилъ, что ты
Пожаловать изволишь.

БОЯРЫНЯ.

Дивно мнѣ,
Что онъ не поторопится; чай, знаетъ—
О вѣчевомъ услышать приговорѣ
И мы хотимъ! Ну, а невѣста гдѣ-жь?

ПОСАДНИЦА.

Вишь, у ея кормилицы вчера
Убили мужа; утѣшать вдову
Она пошла, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

Да; много
Теперь есть въ Новгородѣ вдовъ,
Да и сиротъ немало. И затѣмъ-то
Совѣтоваль Ѳома Григорычъ миръ
Намъ учинить. Онъ дѣло говорилъ.
Его же вздумали смѣнять. Пустое
Затѣяли!

ПОСАДНИЦА.

Да, говорятъ, онъ городъ
Сбирался сдать?

БОЯРЫНЯ.

Кто это говорить?
Не вѣрь тому! На всей новгородской
На волѣ онъ хотѣлъ мириться съ княземъ!
Отъ самого слыхала.

ПОСАДНИЦА.

Статься можетъ.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

БОЯРЫНЯ.

Знаю,
Сударыня! благочестивъ и вѣжливъ,
Почтителенъ и скромнень; вхожъ ко мнѣ
Не первый годъ; а я вѣдь не со всякимъ
Вожу хлѣбъ-соль.

ПОСАДНИЦА.

Кто-жъ этого не знаетъ!
Кого къ себѣ примаешь ты, того
Весь городъ чтить.

БОЯРЫНЯ.

Да, матушка; на денѣги
Да на породу не смотрю. Кто прямъ,
Бойся Бога да живеть по правдѣ,
Хоть черныи будь онъ—милости прошу!
Кто-жъ въ чемъ не чистъ, такъ будь онъ хоть самъ князь—
Не прогнѣвись, ворота на запорѣ!

Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

ПОСАДНИЦА.

Право? А за что?

БОЯРЫНЯ.

Провѣдалъ, вишь, что корабли разбило
Путятинны, да съ долговымъ листомъ
Присталъ къ нему; притиснулъ такъ Путятю,
Что тотъ ему за полцѣны товары.
Свои отдалъ; а Аввакумъ возьми ихъ,
Перепродай, да ссуду ровно вдвое
И выручи!

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, стыдъ какой!

БОЯРЫНЯ.

И послѣ

Безсовѣстнаго дѣла своего
Онъ, скаредный, еще не побоялся
Ко мнѣ придти; да я ему при всѣхъ:
Пей, батюшка, свою сегодня чару
И помни вкусъ—впередъ не поднесутъ!

ПОСАДНИЦА.

Что-жь? И ушелъ?

БОЯРЫНЯ.

Небось, не засидѣлся.

ПОСАДНИЦА.

Жена-то бѣдная!

БОЯРЫНЯ.

Та не при чемъ;
Я въ тотъ же день сказать велѣла ей:
Попрежнему ко мнѣ пускай-де ходить,
Ей рада-де!

ПОСАДНИЦА.

Да какъ же ей теперь-то
Ходить къ тебѣ?

БОЯРЫНЯ.

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но если-бъ онъ, Господь меня прости,
Что студное бы учинилъ, я съ нимъ бы
Не стала жить, пошла бы въ монастырь!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка; но вѣдь сама же ты
Пускать къ себѣ, кажися, перестала...
Какъ бишь ее?.. Что съ мужемъ-то не ходить?

БОЯРЫНЯ.

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыдъ и обыкъ позабыла:
Пока Якунъ въ Новѣгородѣ былъ,
Они ни разу съ Чермнымъ не видались,
А только лишь уѣхалъ мужъ въ Торжокъ,
Что день, то къ ней таскаться началъ Чермный!
По-моему, жена, по разумѣнью,
Должна предъ мужемъ голову держать
Поклонную: хранить не только вѣрность,
Но такъ вести себя, чтобъ про нее
Никто не смѣлъ худого и подумать.
Но если мужъ безчестный—брось его,
Вернись къ роднымъ, не то—вселися въ пустынь,
Иль постригись!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка, вѣстимо...

БОЯРЫНЯ.

И матерямъ твержу, для дочерей
Чтобъ жениховъ богатыхъ не искали;
Напредъ всегда, чтобъ зять боялся Бога
И правду блюлъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо...

БОЯРЫНЯ.

А не то

Пусть лучше въ дѣвкахъ дочери сидятъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо такъ; да гдѣ-жъ найти такого,
Чтобъ не было на немъ укору?

БОЯРЫНЯ.

Значить,

Есть и на вашемъ?

ПОСАДНИЦА.

Грѣхъ его винить,

А помирнѣй, конечно бы, хотѣлось
Для нашей Вѣры.

БОЯРЫНЯ.

Значить, сорванецъ?

Зачѣмъ же ты дала согласье?

ПОСАДНИЦА.

Я-то?

И, матушка! Да мнѣ-ль со Глѣбомъ спорить
Съ Миронычемъ? Согласья моего
Не спросить онъ. Къ тому-жъ и полюбились
Другъ другу молодые...

БОЯРЫНЯ.

Не причина!

Опричь тебя тутъ некому рѣшать:
Коль матери не по-сердцу женихъ,
Такъ прочь его! Тебѣ, чай, лучше вѣдать,
Что дочери пригодно. Не хочу—
И кончено!

ПОСАДНИЦА.

Да нѣ за что его

Корить-то, матушка.

БОЯРЫНЯ.

Благочестивъ?

ПОСАДНИЦА.

Благочестивъ, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

И вѣжливъ?

Почтителенъ, какъ слѣдуетъ, къ тебѣ?

ПОСАДНИЦА.

Ужъ какъ же зятю къ тебѣ нареченной
Почтителену не быть!

БОЯРЫНЯ.

Одно мнѣ въ немъ

Не нравится: въ повольникахъ бывалъ.

ПОСАДНИЦА.

Что-жъ дѣлать, матушка! Мужъ говоритъ:
Не удержать боярамъ молодежи;
Коль нѣтъ войны, гдѣ-жъ удалъ показать?

БОЯРЫНЯ.

Да удалъ-то безбожная. На Волгу
Твой, что-ль, ходилъ?

ПОСАДНИЦА.

На Чудскую, кажись,
Ходилъ на Емь, аль на Студено море.

БОЯРЫНЯ.

А то походъ затѣяли на Волгу
Повольники при мужѣ. Въ Костромѣ
Урвали дѣвокъ, отвезли въ Сарай
Да тамъ и продали татарамъ. Чтò?
Чай, добрая повольница?

ПОСАДНИЦА.

Помилуй,

Какіе же повольники тò были!
Тò воры, матушка!

БОЯРЫНЯ.

Не велика

Межь ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Черный вотъ, чтò нонѣ
Толкается по женамъ по чужимъ,

Онъ также былъ въ повольникахъ: на Пермь
Никакъ ходилъ.

Вѣра вбѣгаетъ, испуганная, и бросается на лавку.

ПОСАДНИЦА.

Что, Вѣрушка, съ тобой?

Чего дрожишь ты?

БОЯРЫНЯ.

Что те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что-ль, меня?

ВѢРА—вставая.

Прости, прости, боярыня Мамелѣ
Димитревна! съ испугу я... прости!
На улицахъ такая давка, крикъ,
Бѣгутъ, шумять, толкаются, чуть съ ногъ
Не сшибли...

БОЯРЫНЯ.

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бываетъ такъ,
Когда народъ отъ вѣча по домамъ
Расходится.

ПОСАДНИЦА.

Хлѣбни водицы, Вѣра,
Да Расскажи, не слышала-ль чего?
Чѣмъ кончилось?

ВѢРА.

Поставленъ воеводой
Бояринъ Чермный.

БОЯРЫНЯ.

Чермный? Воевода?
На Омино на мѣсто?

ВѢРА.

Межъ собой
Такъ говорили встрѣчные; о томъ-то
У нихъ и споръ.

БОЯРЫНЯ.

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще-бъ кого другого—пусть бы такъ!
Но Чернаго!

ПОСАДНИЦА.

Я, матушка, слыхала,
И Глѣбъ Миронычъ также говоритъ,
Что доблестнѣй нѣтъ Чернаго во всей
Землѣ Новгородской.

БОЯРЫНЯ.

Сорванецъ!
Прихвостникъ бабій! Человѣкъ безъ страху
Безъ Божьяго!

ПОСАДНИЦА.

Но, кажется, его
И рать и городъ любить...

БОЯРЫНЯ.

А за что?
За то, что лихъ вертѣтся на конѣ,
Да каждый день на площадьъ въ новомъ корзнѣ
Выходить къ нимъ! Да медомъ угощаетъ
Всѣ пять концовъ! Да уличанъ своихъ,
Знай, кормить до отвалу! Вотъ за что
Ему любовь! А чтобъ онъ смогъ сидѣть,
Когда Ѡма не можетъ—нѣтъ, не вѣрю!
Онъ сгубить насъ! То Глѣбъ Миронычъ кашу
Твой заварилъ! Ужъ не взыщи, а я
Въ глаза ему скажу!

ПОСАДНИЦА.

Но, можетъ статья,
Оно не такъ, сударыня; быть-можетъ,
Ослышалася Вѣра...

БОЯРЫНЯ.

Черный! Вотъ ужъ
Сокровище нашли! И водить имъ

Всегда не та, другая баба. Нонѣ
Какая-то Наталья завелась;
Итѣ вздумаетъ, то и чинить; казну
Его, пѣвка, высосала всю!
Прогнать ее, безстыжую, велѣла-бѣ
Я метлами изъ города!

ВѢРА.

Наталью?

Нѣтъ, матушка-боярыня, должно-быть,
Тебѣ не такъ сказали: не такая
Она совсѣмъ! Неправду про нее
Тебѣ сказали!

БОЯРЫНЯ.

Чтѣ ты, чтѣ ты, мать!

Отколѣ знать тебѣ? Да про нее
И говорить тебѣ не слѣдѣ, ни даже
Упомянуть! Не дѣвичье то дѣло,
Сударыня!

ВѢРА.

Я видѣла ее...

БОЯРЫНЯ.

Чтѣ-о? Ее? Ослышалась никакъ я?

ПОСАДНИЦА.

Гдѣ видѣла ее ты, Вѣра?

ВѢРА.

Въ церкви,

На той недѣлѣ, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись въ уголку,
Молилась такъ усердно, и на ней
Была одѣжа бѣдная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко такъ къ иконѣ подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повѣсила на вѣничикъ, и скорѣй
Изъ церкви вонъ. Отца Захарья кто-то
О ней спросилъ; вздохнулъ отецъ Захарій
И говорить: «Наталья это, та,

Которую бояринъ Чермный любить;
Все, что-бъ онъ ей ни подарилъ, на церковь
Она несетъ; газну-жь, какая есть,
Межь нищихъ дѣлать; духомъ, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!»

ПОСАДНИЦА.

Пусть такъ, но все-жь тебѣ
Знать про нее негоже...

БОЯРЫНЯ.

Что подарки

Она свои на церковь отдаетъ
И нищю жалветъ братью—это
Зачтется ей, на томъ свѣту зачтется;
Ты-жь неразумна, дитяtko, еще;
Не вѣдаешь, о чемъ бываетъ вмѣстнo
Боярышнѣ, о чемъ невмѣстнo знать.
Коль при тебѣ впередъ о той Натальѣ
Заговорять, ты, дитяtko, молчи.

Звонъ струнъ и пѣсня за сценой.

ГОЛОСЪ.

Какъ ушкуйники по морю
Славить Новгородъ попли,
Они, слава, проходили
Ажь до Мурманской земли!

ХОРЪ.

Ай, люли, люли, люли,
Ажь до Мурманской земли!

БОЯРЫНЯ—къ посадницѣ.

Кто это тамъ въ сѣняхъ твоихъ горланить?

ВАСИЛЬКО—входитъ съ товарищами.

Опускайте стягъ, Мурмане!
Выдавайте корабли!..

Увидя боярыню, прерываетъ пѣсню.

Боярыня, прости! Не чаялъ я,
Что здѣся ты...

БОЯРЫНЯ.

А если бы меня

И не было, все-жь, государь, не входить
Такъ въ честный домъ. На приступъ, что-ль, ты лѣзешь?
Аль думаешь, что съ вражьемъ кораблемъ
Ты сбѣгнулся?

ВАСИЛЬКО.

Боярыня, прости!

Съ разбѣгу мы, на радости, вопли,
Что по-боку спровадили Оому,
А Чермный сталъ надъ нами воеводой!

Къ товарищамъ.

Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчасъ къ вамъ!

РАДЬКО.

Смотри-жь, не заживайся!

ГОЛОВНЯ.

Заклада не забудь!

ВАСИЛЬКО.

Небось!

СТАВРЪ.

Простите,

Боярыни!

РАДЬКО.

Обычай нашъ веселый

Въ вино намъ не поставьте!

ГОЛОВНЯ.

Бьемъ челомъ!

Всѣ трое уходятъ. За сценой слышна
удаляющаяся пѣсня.

Мы, ушкуйники, съ баграми
Славить Новгородъ пришли, и пр.

БОЯРЫНЯ.

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка.

ВАСИЛЬКО.

Виноваты,

Сударыня!

Подходить къ Вѣрѣ.

Дай на тебя скорѣй
Полюбоваться, радость ты моя,
Безцѣнная!..

БОЯРЫНЯ.

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! Съ тобой, кажись,
Я говорю, такъ ты сперва стой,
Да выслушай меня, а ужъ потомъ,
Когда я кончу, да скажу: ступай!
Тогда иди къ невѣстѣ.

ВАСИЛЬКО.

Виноваты!

Что, матушка, прикажешь?

БОЯРЫНЯ.

А чтобъ ты
Обычай помнилъ, батюшка. Съ чего
У васъ сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Сталъ воеводой новгородскимъ! Шутъ онъ
Гороховый, твой Чермный!

ВАСИЛЬКО.

Ужъ на этомъ

Насъ извини, боярыня! Позволь,
Тебѣ не въ гнѣвъ...

БОЯРЫНЯ.

Да ты меня, отецъ,
Перебивать-то не мочи! Тебя
Я разуму учу, такъ стой да слушай;
Авось умнѣ будешь. И не только
Тебѣ скажу, безумному повѣсь,
А всѣмъ скажу, и наперво твоему
Скажу я тестю...

Входитъ посадникъ.

Лёгокъ на поминѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Поклонъ тебѣ, боярыня Мамелфа
Димитревна! Какъ, матушка, живешь?

БОЯРЫНЯ.

Съ находкой поздравляю, Глѣбъ Миронычъ!
Ну, батюшка, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
Убилъ бобра!

ПОСАДНИКЪ.

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чермнаго? Онъ вѣчемъ
Поставленъ есть. Объ этомъ толковать
Ужъ нѣчего.

БОЯРЫНЯ.

А кто мнѣ запретить?
Я съ той поры, какъ помню лишь себя,
Всѣмъ въ очи правду рѣзала; и нонѣ
Скажу тебѣ: гдѣ былъ у васъ разсудокъ
Ѳому смѣнить?

ПОСАДНИКЪ.

Про то тебѣ отвѣтъ
Я послѣ дамъ, сударыня. Теперь
Дозволь мнѣ дѣло кончить.

Къ Васильку.

Тамъ подвойскій
Ждетъ у дверей. Проси его войти.

Василько уходитъ.

БОЯРЫНЯ.

Смотри, пожалуй! Вѣчемъ, вишь, поставленъ!
Да развѣ все апостолы сидятъ
На вѣчѣ-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тѣхъ, кто былъ разумнѣй!
Да, слава Богу, Новгородъ не весь
По дудкѣ пляшетъ по твоей! Доселѣ,
Слышь, спорятъ какъ! Опомнятся, дастъ Богъ,
Еще до завтра!

Входитъ подвойскій.

ПОСАДНИКЪ.

Государь подвойскій!

Дай знать кончанскимъ старостамъ, что я
Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, приказъ
По городу услышать, да вели,
Чтобъ бирючи по улицамъ кричали:
Боярину-де Чермному дана
Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушить послушанье.
Коль дѣломъ кто иль словомъ провинится—
Хватать строптивыхъ!

БОЯРЫНЯ.

Отъ-часу не легче!

Съ которыхъ поръ въ Новѣгородѣ слово
Ужъ не вольно? Не въ Ироды-ль цари
Вы Чермнаго поставили?

ПОСАДНИКЪ—къ подвойскому.

Сей ночью

Бѣжалъ одинъ изъ плѣнныхъ. Повѣстить
По всѣмъ концамъ, чтобы во что-бъ ни стало
Его нашли.

БОЯРЫНЯ.

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ же—словно
Меня и нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ—отпустивъ подвойскаго.

Что, матушка, тебѣ
Угодно отъ меня?

БОЯРЫНЯ.

Ушамъ не вѣрю!

На жизнь и смерть судить насъ будетъ Чермный!
Приказано на улицахъ хватать,
Кто Чермнаго не хвалить! Да вѣдь этакъ
Ты, государь, пожалуй, и меня
Схватить велишь?

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ, матушка, мы бабъ

Не трогаемъ. Кричи себѣ, коль хочешь,
Во здравіе!

БОЯРЫНЯ.

И буду, государы!

Кому вы городъ отдали-то въ руки?
Безпутному, шальному сорванцу!
Да не ему—его Натальѣ городъ
Вы отдали! Не знаемъ развѣ мы,
Кто держитъ верхъ надъ кѣмъ? Не воеводу,
А воеводшу, Господи прости,
Вы надъ собой поставили!

ПОСАДНИКЪ.

Ты все ли,

Сударыня, сказала?

БОЯРЫНЯ.

Нѣтъ, не все!

За что Ѳому смѣнили вы? За то ли,
Что миръ хотѣлъ онъ учинить? Чай, лучше,
Чтобъ приступомъ насъ взяли? Изъ церковей
Иконы потащили-бъ? Да на щитъ
Дружиннику-бъ досталась дочь твоя?
Вотъ до чего не допустить хотѣлъ
Ѳома, а вы его же очернили,
Іудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока языкъ мой
Еще къ гортани не присохъ, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставленъ онъ! Ужъ не взыщи, а кто
Безвинно терпитъ, да къ тому-жъ мнѣ другъ,
Ужъ за того до самой смерти буду
Горой стоять!

ПОСАДНИКЪ.

Ты кончила-ль теперь,

Сударыня?

БОЯРЫНЯ.

Могу еще и болѣ

Тебѣ сказать, отецъ мой...

ПОСАДНИКЪ.

Не трудися.

Хотя Великій Новгородъ тебѣ
Отвѣта и не держить, но за то,
Что вдовью честь твою онъ уважаетъ
И по-дѣломъ тебя за правду чтить,
Я, такъ и быть, тебѣ отвѣчу. Слушай,
Боярыня: Оуму смѣнили мы
За то, что сдать совѣтовалъ онъ городъ,
Когда еще держаться можно намъ.
Который же верховный воевода
Не вѣрить самъ, что онъ побьетъ врага—
Ужъ тотъ побить заранѣ. Чермный вѣрить
Въ себя и въ насъ, въ него же вѣрить рать.
Неправда то, что имъ Наталья водить,
Никто еще досель имъ не водилъ.
А что живетъ онъ въ Новгородѣ весель—
То до поры, пока отвѣта нѣ взялъ
Онъ на себя. Ты, матушка, пойми:
Онъ словно шелкъ блестящій, шамаханскій,
Что и цвѣтистъ и гибокъ; поглядѣть—
Ужъ ничего нѣтъ мягче; а попробуй
Его порвать—лишь руки натрудишь!

БОЯРЫНЯ.

Хвали, хвали его, отецъ, а я
Скажу тебѣ: нѣтъ Божьяго на томъ
Благословенья, кто не вѣрить въ Бога!
Не ходитъ въ церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его въ соборѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Некогда ему
Въ соборѣ быть. Ужъ двѣ недѣли съ валу
Онъ не сходилъ. Подъ прыскомъ вражнихъ стрѣлъ
Отъ приступовъ спасая городъ, служить
Онъ Господу!

БОЯРЫНЯ.

Что? Некогда быть въ церкви?
Нѣтъ времени молиться? Стало-быть,
Намъ не нужна молитва?

ПОСАДНИКЪ.

Не криви

Гоихъ рѣчей, боярыня. Молитва
всегда нужна. Но если волѣ нашей
розить бѣда, ее одной молитвой
не изживешь. Защитникъ нуженъ намъ!
И не о томъ мы спрашивать должны:
Онъ часто ли, не часто-ль ходитъ въ церковь,
А какъ онъ въ бой полки свои ведетъ!

БОЯРЫНЯ.

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О тѣлѣ онъ велитъ лишь помышлять,
А душу ставить ни во что! Ступай
Въ свою свѣтлицу, Вѣра, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчасъ!
Безбожницей тебя онъ сдѣлать хочетъ!
Сударыня-посадница, скорѣй
Дочь уведи!

ПОСАДНИКЪ.

Боярыня! Тебѣ

Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь далъ. Но при себѣ учить
Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогнѣвись, а въ домѣ я своемъ
Самъ господинъ!

БОЯРЫНЯ—вставая.

Здѣсь долѣ оставаться
Невмѣстно мнѣ. Другимъ давать уроки,
А не себѣ ихъ слышать отъ другихъ
Привыкла я. Учиться благочестью
И вѣжеству собирается ко мнѣ
Весь Новгородъ. Самой же научаться,
Какъ мнѣ вестись—на это я стара,
И отвыкать молиться Богу также!
Я, матушка-посадница, тебя
За мужнины за рѣчи не виню,
Одно тебѣ на память только слово
Еще скажу: дочь отъ него держи

Подаль, матушка, подаль—слышишь?
Теперь прости—прошу не провожать!

Уходить.

ПОСАДНИКЪ—слѣдить за ней глазами.

Тьфу, взбалмошная баба!

ПОСАДНИЦА.

Глѣбъ Миронычъ!
Свѣтъ мой, голубчикъ! Что-бъ тебѣ пойти
Догнать ее, предъ ней бы извиниться?
Намъ, право, съ нею ссориться не слѣдъ,
Она въ великомъ гнѣвѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ? Еще
Предъ ней мнѣ извиняться?

ПОСАДНИЦА.

Свѣтъ, подумай:
Всѣ на тебя подымутся теперь!

ПОСАДНИКЪ.

А мнѣ какое дѣло?

ПОСАДНИЦА.

И слова
Твои перетолкуютъ!

ПОСАДНИКЪ.

Мнѣ-то что-жь?
Иль въ самомъ дѣлѣ я безбожникъ?

ПОСАДНИЦА.

Сила
Святая съ нами! Но тебя, мой свѣтъ,
Осудятъ всѣ! Отъ недруговъ твоихъ
Богъ-вѣсть теперь пойдутъ какіе толки!

ПОСАДНИКЪ.

Бояться толковъ—шагу не ступить!

ПОСАДНИЦА.

Вѣдь чтить же ты и самъ ее доселѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Я чту ее, но гнуться передъ ней—
Ужъ не взыщи! Нашла коса на камень!

ВАСИЛЬКО.

И подлинно! Такого не встрѣчала
Она отпора!

ПОСАДНИКЪ.

Новгородъ старуху
Избаловалъ!

ВАСИЛЬКО.

А выплыла какимъ
Въ дверь кораблемъ!

ПОСАДНИКЪ.

Шабашъ о ней—довольно!
О чемъ вы тутъ шептались межъ собой?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь...

ВЪРА.

Они хотятъ...

ПОСАДНИКЪ.

Въ чемъ дѣло?

ВЪРА.

Вишь, вылазку затѣяли они!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ вылазку? Кто вылазку затѣялъ?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь, Словенскіе ребята,
Съ Гончарскими побились объ закладъ.
Тѣ говорятъ: не пустить воевода!
Мы-жъ говоримъ: зачѣмъ его спрощать?
Мы вылѣземъ въ полночь о себѣ,
А послѣ скажемъ воеводѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Кто

Вамъ отопретъ ворѳта?

ВАСИЛЬКО.

Не въ ворѳта—

Мы по веревкамъ, государь. За нами
Ихъ приберутъ, когда-жъ вернемся, снова
Намъ выкинуть!

ПОСАДНИКЪ.

Изрядно! И могли

Подумать вы, что я, и съ воеводой,
Позволимъ тѳ?

ВАСИЛЬКО.

Пожалуй, государь,
Намъ не мѳшай; у насъ уже все дѳло
Улажено.

ПОСАДНИКЪ.

Съ ума вы, что-ль, сошли?

Когда намъ князь готовитъ новый приступъ—
Тутъ каждый дорогъ человѳкъ, а вы
Ребачиться затѳяли? Брось дурь!

ВАСИЛЬКО.

Не можемъ, Глѳбъ Миронычъ! Объ закладъ
Побились мы!

ПОСАДНИКЪ.

Такъ я перевязать

Васъ прикажу.

ВАСИЛЬКО.

Не въ гнѳвъ тебѳ, а насъ
Вязать не слѳдъ. Въ Новѳгородѳ было
Такъ искони, что молодежь могла
Всегда какъ хочетъ тѳшиться, и воля
У насъ на то отъ правѳдовъ идетъ!

ПОСАДНИКЪ.

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь ли, какой его есть толкъ?

Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше-жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого-жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.
И за нее съ Низовыми мы нонѣ
Ведемъ войну, и за нее, коль надо,
Поляжемъ всѣ! И чтобы воля эта
Была крѣпка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться—
Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.
Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Волѣнъ былъ то, что въ голову взбредетъ—
Нѣтъ, то была-бъ не воля—неурядье
То было бы! Когда-бъ такую волю
Терпѣли мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной, иль раздѣлили-бъ насъ
Между собой сосѣди! Выкинь дурь
Изъ головы!

В А С И Л Ь К О .

Самъ вижу, Глѣбъ Мироничъ,
Что виновать, и если только прежде
Подумаль бы, заклада-бъ не держаль.
Но посуди: Словенскіе меня
Начнутъ корить; Гончарскіе же на смѣхъ
Меня подымут!

П О С А Д Н И К Ъ .

Что тебѣ за дѣло?

В А С И Л Ь К О .

Какъ что за дѣло? Трусомъ обзовутъ!
Стыдъ будетъ мнѣ, безчестье понесу я!

ПОСАДНИКЪ.

Ты развѣ трусь?

ВАСИЛЬКО.

Ты знаешь самъ, что нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ.

А коль не трусь, о чемъ твоя забота?
Не предъ людьми—передъ собой будь чистъ!

ВАСИЛЬКО.

Такъ, государь, да не легко же...

ПОСАДНИКЪ.

Чтѣ?

Чужіе толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья—
Чужое вздоръ!

ВАСИЛЬКО.

Тебѣ-то благо, Глѣбъ
Мироновичъ, такъ говорить! Высоко.
У каждаго стоишь ты въ мысли. Твой
Великъ почетъ. Но что бы сдѣлалъ ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

ПОСАДНИКЪ.

Плюнулъ бы на нихъ!
Вотъ что бы сдѣлалъ. Иль ужъ самъ себѣ
Невѣдомъ я? Себя я, благо, знаю,
Самъ чту себя. Довольно мнѣ того.

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, свѣтъ мой Глѣбъ! Вотъ этимъ-то и нажилъ
Ты недруговъ! Ни за что никому
Не сдѣлаешь уступки! Ни другихъ
Ни самого себя, вишь, не жалѣешь!
А такъ нельзя! Живемъ вѣдь не одни,
Съ людьми живемъ. Ужели-жъ на людей
И не смотрѣть? Когда-бъ ты захотѣлъ,
Иной бы разъ друзей себѣ словечкомъ
Нажить бы могъ!

ПОСАДНИКЪ.

Не въ норовѣ моемъ
За дружбою гоняться. Если-бъ я

Пошелъ на то, чтобъ людямъ угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало-бъ имъ казалось. Людей
По шерсти-ль гладь, иль противъ шерсти—то же
Тебѣ отъ нихъ спасибо! Я-жъ хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совѣсти и самъ
Свое себѣ спасибо говорить.
А что болтать они про это будутъ,
То для меня равно, какъ если дождь
По крышѣ бьетъ!

Къ Васильку.

Поди къ своимъ, скажи:
Посадникъ Глѣбъ вамъ запретилъ и думать
О вылазкѣ. А къ вечеру вернись;
Съ тобой пойдемъ мы вмѣстѣ къ воеводѣ,
Укажетъ онъ, какъ удалъ показать!

Идетъ къ двери.

В А С И Л Ъ К О—топнувъ ногой.

Хоть утопиться—право, въ ту же пору!

П О С А Д Н И К Ъ—улышавъ его, оборачивается.

Топись, когда враговъ отъ нашихъ стѣнъ
Прогонимъ мы,—теперь же и топиться
Ты не волѣнь! Ты Новгороду держишь
Теперь отвѣты! Какъ смѣешь ты имѣть
Хотѣние свое, когда я самъ,
Я, Глѣбъ, себя другому подчинилъ,
Изъ рукъ Ѡомы мной вырванную власть
Тому вручилъ, кто лучше всѣхъ защиту
Умѣетъ вестъ? Какъ смѣешь о стыдѣ
Ты помышлять, когда у насъ свобода
Шатается? Что значить честь твоя
Предъ Новгородской честью? Двадцать лѣтъ
Посадничью мою храню я честь—
Но если-бъ только ей спасенье наше
Я могъ купить—какъ святъ Господь, я-бъ отдалъ
Ее сейчасъ! Все нынѣ позабудь—
Одну бѣду грозящую намъ помни!
А стыдъ тому, чья подлая душа
Иное-бъ что, чѣмъ Новгородъ, вмѣщала,
Пока бѣда надъ нимъ не миновала!

Уходи.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ боярина Чернаго.

НАТАЛЬЯ прибираетъ горницу и ставитъ посуду на столъ.

НАТАЛЬЯ.

Ужъ эти мнѣ гости! Не дадутъ и часочка съ нимъ посидѣть. Вернется усталый: чѣмъ бы отдохнуть, а тутъ разговоры пойдутъ, а тамъ, глядишь, опять приспѣло время на валъ идти.

ДѢВУШКА.

А много-ль будетъ гостей?

НАТАЛЬЯ.

И сама не знаю.

ДѢВУШКА.

Ты что-жъ не спросила?

НАТАЛЬЯ.

До того ли мнѣ было, какъ послѣ двухъ сутокъ его увидала.

КОНДРАТЬЕВНА.

Что-жъ ты, государыня, сама-то на столъ ставишь? Дай, мы и безъ тебя соберемъ!

ДѢВУШКА.

Кто же сегодня прислуживать будетъ? Челядь вѣдь вся брони надѣла, на завалы ушла, а намъ съ Кондратьевной въ кухнѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

А я развѣ не сумѣю?

ДѢВУШКА.

Сама, нешто, будешь посуду носить?

НАТАЛЬЯ.

А почему же не сама? Чтò я за боярыня такая?

ДѢВУШКА.

Вѣстимо—боярыня! Не сегодня, такъ завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу въ законъ вступить.

НАТАЛЬЯ.

Просила я тебя не говорить мнѣ о томъ. Сколько разъ просила. Коли опять начнешь, ей Богу, осерчаю.

ДѢВУШКА.

Ну, да! Таковская!

КОНДРАТЬЕВНА.

Молчи ты, пострѣленокъ! Ей слово, а она тебѣ два! Пошла въ кухню, смотри, пирогъ—не пригорѣлъ бы.

ДѢВУШКА уходитъ.

Охъ, охъ, дитятко! Избаловала ты насъ, страху-то нѣтъ къ тебѣ, къ государынѣ къ нашей.

НАТАЛЬЯ.

И ты туда же! Этакія вы, право.

КОНДРАТЬЕВНА.

По душѣ говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Всѣ мы любимъ тебя за милость твою.

НАТАЛЬЯ.

А я-то и въ глаза смотрѣть вамъ не смѣю. Сама вѣдь кружевницей въ Новгородъ пришла, думала черезъ годъ домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу-себѣ въ золотѣ, а какъ подумаю, что и мать и отецъ плачутъ теперь по мнѣ, такъ иной разъ сама себѣ противна стану, что руки бы на себя наложила. Всѣхъ я васъ хуже, а вы ж меня государыней величаете.

КОНДРАТЬЕВНА.

Родимая ты наша! Служить-то тебѣ не въ трудъ, а въ радость. Ужъ кротче тебя и не видывали.

НАТАЛЬЯ.

А иной разъ какъ вспомню, что вѣдь это для него я своихъ бросила, просвѣтлѣетъ у меня снова на сердцѣ, и опять все кажется тринь-трава!

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто Богу не грѣшенъ, дитятко! Господь помилуетъ тебя за простоту за твою.

НАТАЛЬЯ.

Вишь какъ я нарядилась сегодня. Вѣдь это онъ такъ велить, а мнѣ и самой совѣстно.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ гораздо ты наряжаться, нечего сказать! Лучшія окруты по церквамъ пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надѣла. Надѣнь, дитятко, повязку,—краше будетъ, а я въ кухню сбѣгаю, не то эта егоза, пожалуй, пирогъ про-смотреть.

Уходитъ. Наталья садится къ окну, задумывается и напѣваетъ пѣсню.

ГОЛОСЪ—ПОДЪ ОКНОМЪ.

Подайте, Христа ради! Подайте убогому! Подайте каликъ перехожему, Христа ради!

НАТАЛЬЯ—ВЪ ОКНО.

Войди, божій человѣкъ! Вотъ тутъ направо, по-крылечку!

Береть со стола хлѣбъ и наливаетъ кружку.
Входитъ нищій.

НАТАЛЬЯ.

На тебѣ, дядюшка, присядь на лавку, отдохни-себѣ...

Вглядывается въ него.

Господи! Чтò это?

НИЩІЙ.

Узнаешь меня Наталья?

НАТАЛЬЯ—бросаясь къ нему.

Рагуйло! Братъ!

РАГУЙЛО—отталкивая ее.

Прочь, негодная! Развѣ ты сестра мнѣ? Развѣ ты не от-
реклась отъ родни? Развѣ ты не полюбовница воеводы
новгородскаго?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ—дай въ себя придти! Послѣ кори меня—
скажи скорѣй про отца, про мать... Живы ли они?

РАГУЙЛО.

Такъ вотъ гдѣ ты, безстыдная, отыскалась! Что-жъ, хо-
рошо тебѣ жить у боярина?

НАТАЛЬЯ.

Ругай меня, бей меня, но скажи мнѣ про отца, про мать!
Скажи, какъ ты самъ попалъ сюда?

РАГУЙЛО.

Какъ попалъ? На той недѣлѣ въ полонъ твои новгородцы
взяли меня; сею ночью изъ тюрьмы вылѣзъ, ницимъ на-
рядился, пришелъ на сестрицу свою посмотрѣть, на честь
ея великую порадоваться.

НАТАЛЬЯ.

Господи, если увидятъ тебя!

РАГУЙЛО.

Что-жъ, выдай меня своему любовнику.

НАТАЛЬЯ.

Спрячься, спрячься скорѣй! Пойдемъ со мной!

РАГУЙЛО.

Куда?

НАТАЛЬЯ.

Сама не знаю — на сѣноваль, въ кладовую, въ амбары!

РАГУЙЛО.

А потомъ?

НАТАЛЬЯ.

Потомъ? Ты ночью изъ города выйдешь.

РАГУЙЛО.

Ай да бабій умъ! Какъ я выйду, когда всѣ ворота заняты?

НАТАЛЬЯ.

Нищаго, можетъ, пропустить...

РАГУЙЛО.

Ай да сестрица! При Омѣ еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхаль, каковъ онъ, твой полюбовникъ, есть! И поставленъ въ воеводы за то, что не дремлетъ. Въ тюрьмѣ, чай, спохватилися меня, ищутъ теперъ по городу.

НАТАЛЬЯ.

Пресвятая Богородица! Какъ же быть намъ?

РАГУЙЛО.

Выдумай! Найди! Ты стала теперъ новгородкой, — чай, знаешь свой городъ. Можно ли гдѣ черезъ стѣну перелѣзть? Нѣтъ ли гдѣ выхода какого мимо сторожей?

НАТАЛЬЯ.

Выхода? Постой—да! есть выходъ! Въ Спасскомъ монастырѣ, со двора, ходъ подземный.

РАГУЙЛО.

Куда ходъ?

НАТАЛЬЯ.

За стѣну, въ оврагъ какой-то...

РАГУЙЛО.

Что-жъ тамъ? Дверь? Рѣшетка? Какъ мнѣ найти этотъ ходъ?

НАТАЛЬЯ.

Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а ключъ сегодня посадникъ принесетъ...

РАГУЙЛО.

Кому принесетъ?

*she tells of
cannot know!*

НАТАЛЬЯ.

Боярину Чермному...

РАГУЙЛО.

Полюбовнику-то?.. Достань мнѣ ключь.

НАТАЛЬЯ.

Какъ я его достану?

РАГУЙЛО.

Украдь!

НАТАЛЬЯ.

Да я не видала его, не знаю, какой онъ.

РАГУЙЛО.

Узнай! Провѣдай! Напой своего любовника. Задуши его. Зарѣжь его, а ключь достань.

НАТАЛЬЯ.

Да если-бъ и достала я, какъ же тотъ выходъ найдешь?

РАГУЙЛО.

Въ монастырь пустятъ нищаго. На погостѣ ночевать останусь, тамъ какъ-нибудь провѣдаю.

НАТАЛЬЯ.

Ну, а онъ-то?

РАГУЙЛО.

Что онъ?

НАТАЛЬЯ.

Коли на него отвѣтъ падеть? Коли неравно... черезъ тотъ ходъ вороги ворвутся?

РАГУЙЛО.

А и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ надоумила! Да кого-жь ты это ворогами зовешь? Нашихъ, что ли?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, я не могу дать тебѣ ключа.

РАГУЙЛО.

Такъ ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

НАТАЛЬЯ.

Я тебя иначе спасу—иначе; а этого я не могу—не проси, пожалѣй меня!

РАГУЙЛО.

А развѣ сама ты жалѣла насъ, негодная? Мать свою ты уморила! Съ горя она померла!

НАТАЛЬЯ.

Господи!

РАГУЙЛО.

Проклинаючи тебя, померла. Отецъ твой помѣшанный ходить, сестры твои безъ пристанища, а ты съ новгородскимъ воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, отъ тебя, плюютъ на тебя люди. Да тебѣ все равно, миловаль бы тебя воевода новгородскій.

НАТАЛЬЯ.

Что же мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

А какъ надоѣшь ты ему, да прогонить онъ тебя изъ дому, соромъ одинъ на тебѣ останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

НАТАЛЬЯ.

Да скажи же самъ, что дѣлать мнѣ? Научи самъ меня. Что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

Какъ что дѣлать? Ключъ достать! Брата спасти! Грѣхъ свой искупить передъ Богомъ!

НАТАЛЬЯ.

Не могу, видить Богъ, не могу! Приказывай, что хочешь, но этого не могу!

РАГУЙЛО.

Такъ будь же ты проклята и въ этомъ свѣтѣ и въ бу-

душемъ! Погуби еще брата, какъ ты мать и отца погубила! Живи-себѣ въ срамѣ и стыдѣ на землѣ, а по смерти ступай на муки вѣчныя, гдѣ блудницы и убійцы въ адовомъ огнѣ горять!

НАТАЛЬЯ.

Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай духъ перевести...

РАГУЙЛО.

Полюбуйся завтра на мою голову, какъ она будетъ надъ городскими зубцами на коньѣ торчать!

НАТАЛЬЯ.

Да пожалѣй же меня... дай опомниться... голова кругомъ идетъ...

РАГУЙЛО.

Зови свою челядь! Выдай меня, и будь надъ тобой ана-ема божья!

НАТАЛЬЯ

Братъ, братъ,—не кляни! Все, что хочешь, сдѣлаю, все сдѣлаю—достану тебѣ ключь!

РАГУЙЛО.

Побожись!

НАТАЛЬЯ.

Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцевъ не вступишь—побожись и ты!

РАГУЙЛО.

Добро, побожусь!

НАТАЛЬЯ.

Постой!—слышишь?

РАГУЙЛО.

Что?

НАТАЛЬЯ.

Конскій топъ на улицѣ—это оны!

РАГУЙЛО.

Куда спрятаться?

НАТАЛЬЯ.

Иди за мной!

Подходить къ двери и останавливается, прислушиваясь.

НАТАЛЬЯ.

Нельзя! Онъ ужъ на крыльцѣ!

РАГУЙЛО.

Куда же?

НАТАЛЬЯ.

Сюда! Скорѣй сюда! Отсюда лѣсенка на вышку.

Толкаетъ его въ боковую дверь. Входитъ Черный.

ЧЕРНЫЙ.

Здравствуй, Наташа! Вотъ теперь подѣлуемся! Да что съ тобой? Что ты такъ дрожишь? Ты на ногахъ еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается къ нему на шею.

ЧЕРНЫЙ.

Что съ тобой? Съ безпокойства ты это, что ли? Али съ радости, что я не убить?

НАТАЛЬЯ.

Съ радости, съ радости, дорогой мой!

ЧЕРНЫЙ.

Экая ты неразумная! Съ радости плачешь! Да пусти же меня, я изъ силъ выбился; дай мнѣ вина, Наташа, горло засохло.

Садится. Наталья подаетъ ему стопу.

ЧЕРНЫЙ—выпивъ.

Ну, что? Успокоилась?

НАТАЛЬЯ—рыдая.

Не могу! Прости меня, не могу, силы нѣтъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Экій же ты ребенокъ! Да быть не можетъ, чтобъ ты съ радости такъ плакала. Тутъ что-нибудь другое. Обидѣлъ тебя кто, что ли?

НАТАЛЯ.

Свѣтъ ты мой, развѣ можно меня обидѣть?

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ, стало, горе у тебя?

НАТАЛЯ.

Да! Горе, горе! Да чтò я сказала! Сама не знаю, чтò говорю. Неправда, нѣтъ у меня горя! Такъ, по глупости плачу.

ЧЕРМНЫЙ.

Не вѣрю, Наташа, ты проговорилась. Чтò у тебя на душѣ? Скажи мнѣ, авось помочь можно.

НАТАЛЯ.

Нѣтъ, мой родимый, нѣтъ! Никто, никто мнѣ не поможетъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю.

НАТАЛЯ.

Ни въ чемъ, ни въ чемъ, свѣтъ мой, никогда не отказывалъ ты мнѣ! Ты ужъ такъ добръ, такъ жалостливъ ко мнѣ,—а я-то, я-то!

ЧЕРМНЫЙ.

Не о родныхъ же ты плачешь? Вѣдь ты сказала, нѣтъ у тебя родныхъ? Да говори же, Наташа, боленъ ли кто? Убить ли кто? Есть у тебя кто близкій въ городѣ?

НАТАЛЯ.

Да, свѣтъ мой, прости меня,—я солгала тебѣ—я не одна на свѣтѣ: есть у меня...

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, говори же! Кто у тебя? Отецъ? Мать? Братъ?

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай, нѣтъ! Тетка есть — только тетка одна—при смерти больна!

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, выговорила наконецъ! Въ бѣдности она, твоя тетка?

НАТАЛЬЯ.

Въ бѣдности, государь, да, въ бѣдности!

ЧЕРМНЫЙ.

Что-жъ ты сразу не сказала? Глупая-жъ ты, глупая! Или не знаешь меня?

Отворяетъ поставецъ.

На, возьми, отнеси своей теткѣ, купи для нея все, что надо. Что хочешь въ домѣ возьми, отнеси больной, да и сама останься съ ней на ночь, тебѣ спокойнѣе на душѣ будетъ!.. Ну, что опять съ тобою?

НАТАЛЬЯ.

Государь ты мой! Дорогой мой! Ты какъ Господь Богъ—какъ Господь Богъ ко мнѣ,—а я-то, я-то, негодная, окаянная! Да какъ ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

ЧЕРМНЫЙ.

Съ ума ты сошла, право! Ужъ черезчуръ ты совѣстлива! Перестань же плакать; у меня и безъ того голова кругомъ идетъ. Дай-ка еще вина, надо быть пободрѣе, сейчасъ гости придуть.

Выпиваетъ стопу. Входитъ посадникъ.

А, вотъ ужъ и одинъ! Оправься, Наташа!

Къ посаднику.

Здорово, Глѣбъ Миронычъ! Милости просимъ!

ПОСАДНИКЪ.

Здравствуй, Андрей Юрьичъ!

Наталья подаетъ ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравіе твое, Андрей Юрьичъ. А самъ-то что же ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Дай мнѣ чарку, Наташа. Во твое, Глѣбъ Миронычъ! Все сагополучно въ городѣ?

ПОСАДНИКЪ.

Слава Богу. Бѣглаго того только не отыскали, словно съвозъ землю провалился.

ЧЕРМНЫЙ.

Вели еще искать. Такъ оставить нельзя. Надо надъ нимъ римѣръ показать.

ПОСАДНИКЪ.

Ужъ велѣлъ. По всѣмъ домамъ ищутъ. Вотъ тебѣ ключъ ть монастыря, отъ тайнаго хода.

ЧЕРМНЫЙ.

Спасибо.

Вздѣваетъ ключъ на поясъ.

Такъ будетъ вѣрнѣе. Ступай же, Наташа, ступай къ своей больной, завтра увидимся.

Наташа уходитъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что съ ней?

ЧЕРМНЫЙ.

Тетка у нея захворала, такъ вотъ и кручинится. А иной разъ и такъ-себѣ плачетъ. Чудная такая! То словно пташка поеть, заливаается, то вдругъ плакать начнетъ.

ПОСАДНИКЪ.

Дурь бабья. Избаловалъ ты ее.

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, она не то, что другая; и не просить никогда ни о чемъ, скромная такая.

ПОСАДНИКЪ.

А все-жъ не слѣдъ тебѣ нянчиться съ ней. Поискалъ бы себѣ ровни, въ законъ бы вступилъ.

ЧЕРМНЫЙ.

И самъ иной разъ такъ думаю и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее—жалость беретъ, языкъ не поворотится.

ПОСАДНИКЪ.

Ну, это твое дѣло.

ЧЕРМНЫЙ.

А гдѣ-жъ Василько?

ПОСАДНИКЪ.

Сейчасъ придетъ. Чуть-было бѣды не накурилъ, вылазку съ своими затѣялъ. Я пригрозилъ имъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Хорошо сдѣлалъ, Глѣбъ Миронычъ, а то пришлось бы ихъ смертью казнить.

Входитъ Василько и кланяется молча.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Василько! Съ повинной пришелъ? Благодарю тестя, что блажить не пустилъ, а то бы я васъ въ Волховъ кинуть велѣлъ. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. Ты знаешь, я съ дѣломъ не шучу.

ВАСИЛЬКО.

Прости нашу дурость, Андрей Юрьичъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Жаль было бы тебя, а не пощадилъ бы. На, выпей чару, не кручинься, безъ дѣла не останешься.

Входятъ Вышата и Роговичъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояре, вамъ! Что видно съ валу? Поклонъ,

ВЫШАТА.

Смирно

Покажѣсть все; съ моей лишь стороны
Огней у нихъ прибавилось какъ будто.

РОГОВИЧЪ.

Съ моей убавилось огней.

ПОСАДНИКЪ.

Должно-быть,
Къ Словенскому концу хотять стянуться,
Подъ Городище.

ЧЕРМНЫЙ.

Тамъ у нихъ стоятъ
Владимірцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

ВЫШАТА.

По всему
Должно смекать: они готовятъ приступъ.
Входитъ Жирохъ.

ЖИРОХЪ.

Боярину Андрею бью челомъ!
Всѣмъ по поклону! Я никакъ послѣдній?
Не осудите—пусть мнѣ далѣ всѣхъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Какія вѣсти?

ЖИРОХЪ.

Все благополучно.

ЧЕРМНЫЙ.

Движенья нѣтъ?

ЖИРОХЪ.

Не видно ничего;
Костры зажгли на старыхъ на мѣстахъ,
Попрежнему.

ЧЕРМНЫЙ.

Садитесь, государи!
Во здравье вамъ!

Всѣ садятся за столъ.

всѣ.

Во здравіе тебѣ!

Пьютъ

жирохъ.

Тобой, Андрей, мы, Юрьевичъ, изъ мертвыхъ
Воскрешены.

Кондратьевна съ дѣвушкой ставятъ блюда
на столъ и уходятъ.

чермный.

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

жирохъ.

Да чья же
Теперь въ дому? Вѣдь мы ужъ, слава Богу,
Не при Ѳомѣ! Кишитъ какъ муравейникъ
Весь Новгородъ!

посадникъ.

Кажися, ты на вѣчѣ
Быль за Ѳому? Такъ отчего-жъ теперь
Не то ты говоришь?

жирохъ.

Быль—не таюсъ;
Да, вижу, обманулся. Видитъ то
И самъ Ѳома. Когда при немъ бы гридьба
Держалась такъ, какъ держится теперь,
Не говорилъ бы онъ о мирѣ.

посадникъ.

Гридьбу
Винить грѣшно. То не она, а онъ
Отходную намъ затынулъ.

роговичъ.

На комъ
Прорухи не бываетъ, Глѣбъ Миронычъ!
А благо то, что подняли вы насъ
Съ Андреемъ Юрьичемъ.

ВЫШАТА.

До псковичей
Продержимся, дастъ Богъ!

ЖИРОХЪ.

Я-жъ говорю:
Мы и безъ нихъ продержимся. Вѣдь каждый.
Десятерыхъ сталъ стоять, словно рубль,
Въ ростъ пущенный.

ПОСАДНИКЪ.

Ты въ ростѣ знаешь толкъ.

ЖИРОХЪ.

Куда ужъ мнѣ! Лишь не нажить долговъ бы!
Ни у кого въ долгу мнѣ оставаться
Не по сердцу.

ЧЕРМНЫЙ.

Откуда, государи,
По-вашему, ждать приступа?

ВЫШАТА.

Послѣдній
Отъ Прусскихъ мы воротъ отбили. Вновь
Тамъ не начнутъ. Чай, кинутся къ Торговой;
Затѣмъ они, должно-быть, къ Городищу
Стянулись.

РОГОВИЧЪ.

Глаза хотятъ отвесть.
Тамъ топъ кругомъ; не провезти имъ туровъ.

ВЫШАТА.

Настелютъ путь. За Волховомъ весь день
Владимірцы рубили лѣсъ. Намъ слышенъ
Стукъ топоровъ былъ и деревъ паденье.

РОГОВИЧЪ.

По-мнѣ, скорѣй къ Баянимъ воротамъ
Ихъ надо ждать.

ЖИРОХЪ.

По мнѣ-жъ не будетъ вовсе
И приступа. Чай, колоколь былъ слышенъ
Имъ вѣчевой! Чай, видѣли они,
Какъ закипѣлъ Дѣтинецъ, и смекнули,
Что новый воевода нонѣ въ руки
Сидѣнье взялъ. Теперь одна осада
Отъ нихъ пойдетъ, морить насъ будутъ гладомъ,
А приступа не будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ посаднику.

Глѣбъ Мирончъ,
Какъ мыслишь ты?

ПОСАДНИКЪ.

Спроси-ка Василька;
Пусть скажетъ онъ, а я отвѣчу послѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ, Василько, по-твоему?

ВАСИЛЬКО.

Когда
Ты, государь, мнѣ говорить велишь,
То мнѣ сдается: вѣдомо имъ вправду,
Что новый избранъ воевода, онъ же
Не кто, какъ ты, котораго нѣтъ лучше;
Но вѣдомо имъ также, что идетъ
На выручку намъ Псковъ; когда-жъ dospѣетъ,
Плохая имъ останется надежда
Взять Новгородъ. Теперь, иль никогда!
Затѣмъ они, не дожидаясь Пскова,
На приступъ завтра же полѣзутъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Жироху.

Слышалъ?

Не старый то и не бывалый молвить,
А молодой. То ясно есть какъ день,
То всякая понять сумѣетъ баба.
Зачѣмъ же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будетъ?

ВЫШАТА.

Нѣтъ, теперь-то

Намъ ихъ и ждать

РОГОВИЧЪ.

Еперь-то и начнуть.

ЧЕРМНЫЙ.

О томъ и рѣчи нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Пусть, государи,

По-вашему. Я что же? Я сказалъ:

Коль при Ѳомѣ нахрапомъ насъ не взяли,

То при Андреѣ Юрьичѣ подавно

Насъ не возьмутъ. Они, чай, сами знаютъ.

А захотятъ попробовать—пожалуй,

Пусть сунутся!

ВЫШАТА.

Вопросъ: откуда намъ

Ихъ ожидать? Урону слишкомъ много

Мы понесли. Не хватитъ нашей рати

Всѣ стороны успѣшно оборонить.

РОГОВИЧЪ.

Великая была-бъ намъ льгота, если-бъ

Развѣдчика послать.

ЖИРОХЪ.

Ужъ сколько было

Послано! Перехватали всѣхъ.

Небось, они не дремлютъ: днемъ и ночью

Объѣзды ихъ кругъ города кружатъ:

Что ни увидятъ, все хватаютъ; пса бы

Не пропустили. Гдѣ-жъ тутъ посылать

Развѣдчика.

ЧЕРМНЫЙ.

Авось намъ Богъ поможетъ

Объѣзды ихъ сей ночью миновать.

ВЫШАТА.

Какъ такъ, бояринъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Есть подземный ходъ

Ко самому ихъ стану...

Прислужницы вносить блюда

ПОСАДНИКЪ—къ Черному.

Отошли-ка

Ты лучше бабъ: чтò слушать имъ!

ЧЕРМНЫЙ.

И то!

Къ прислужницамъ.

Возьмите по корзинѣ, отнесите
Вина и хлѣба челяди. Безъ васъ
Мы справимся.

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто-жъ, батюшка-то, въ домѣ
Останется? Окромѣ насъ двоихъ,
Всѣ на валу; и бабы наши землю
Таскаютъ, вишь!

ЧЕРМНЫЙ.

Не бойтесь, не украдутъ
Меня безъ васъ. Ступайте!

Прислужницы уходятъ.

ГОГОВИЧЪ.

О какомъ

Ты это ходѣ говорилъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Въ оврагъ
Свельдовъ опъ, подъ городской стѣною,
Изъ Спасскаго ведетъ монастыря,
Кустарникомъ густымъ обросъ вокругъ устья
И непримѣтенъ даже днемъ. А станъ ихъ
Стоитъ къ оврагу тыломъ.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Не слышали

Про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Я самъ узналъ случайно.

ВЫШАТА.

Его-бъ засыпать лучше. Неравно
Провѣдаютъ они.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ имъ провѣдать?

Искать его нарочно—и тогда
Дня три оврагъ обшаривать бы надо;
А если-бъ кто случайно и набрелъ,
То все-жъ ему пройти не можно въ городъ:
Ключъ у меня—вотъ онъ!

ЖИРОХЪ.

Позволь спросить:
Давно-ль тебѣ тотъ ходъ, бояринъ, вѣдомъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Съ той осени. А что?

ЖИРОХЪ.

Да такъ; я только
Подумалъ: жаль, что прежде не сказалъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Изъ головы онъ вышелъ у меня:
То было до войны.

ЖИРОХЪ.

Оно и лучше,
Что ты въ свое лишь вспомнилъ воеводство,
А то Оома, пожалуй, только дѣло
Испортилъ бы.

РОГОВИЧЪ.

Кого-жъ послать ты хочешь
Развѣдчикомъ сей ночью?

ЧЕРМНЫЙ.

Самъ пойду,
Дождуся только, чтобъ темнѣе стало.

ВЫШАТА.

Часъ неровѣнъ; пошли другого лучше.

ЧЕРМНЫЙ.

Нельзя! Себѣ могу лишь одному
Довѣриться.

РОГОВИЧЪ.

Но вотъ ужъ третьи сутки
Ты на ногахъ; ты отдохнуть бы долженъ;
Хоть на часокъ прилягъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Избави Богъ!

Когда теперь прилягу, то мертвецки
Сейчасъ засну; а надо до зари
Навѣрно знать, откуда будетъ приступъ,
Чтобъ силы всѣ въ ту сторону собрать;
У насъ и впрямь осталось мало рати.

ВЫШАТА.

Самъ о себѣ пойдешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, одного бы

Товарища взять надо.

Къ Васильку.

Василько!

Что дѣлаетъ твоя сей ночью сотня?

ВАСИЛЬКО.

Наряжены къ дозору, государь.

ЧЕРМНЫЙ

Поставь надъ ней другого; напередъ же
Всѣмъ сдѣлай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потомъ
Ко Спасскому ступай монастырю.
Тамъ жди меня. Тебя беру съ собой
Ко вражьему я стану.

ВАСИЛЬКО.

Государь,
Воздай Господь тебѣ за эту честь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ.

Послѣднюю теперь, бояре, чару—
И по мѣстамъ! За Новгородъ Великій!

Всѣ встаютъ и пьютъ.

ЖИРОХЪ.

За Новгородъ—и добраго успѣха
Тебѣ, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотрѣть, какъ все кипитъ въ твоихъ рукахъ!
Вездѣ ты самъ, на все тебя хватаетъ!

ВЫШАТА И РОГОВИЧЪ.

Прости, бояринъ,—добраго успѣха!

ЧЕРМНЫЙ.

Простите всѣ—и помните приказъ:
Очередной никто чтобъ не помыслилъ
Очей сомкнуть; чтобы глядѣли въ оба,
О каждомъ бы движеніи во станѣ
Сказали мнѣ, какъ только я вернусь—
Мы на валу увидимся зарею.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Спокоенъ будь, мы знаемъ наше дѣло!

Направляются къ дверп.

ВЫШАТА—уходя, къ посаднику.

Ты что же, Глѣбъ Мироновичъ?

ПОСАДНИКЪ.

Идите,

Я догоню васъ.

Вышата, Роговичъ и Жирохъ уходятъ.

ПОСАДНИКЪ—проводивъ ихъ глазами.

Надо бы Жироха

Смѣнить.

ЧЕРМНЫЙ.

А что?

ПОСАДНИКЪ.

Сдается, ненадеженъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Мнѣ самому сдается.

ПОСАДНИКЪ.

Злобы онъ

Не можетъ скрыть—съ Ѳомою заодно.

ЧЕРМНЫЙ.

Перемѣстить его могу я завтра.

ПОСАДНИКЪ.

Перемѣсти; поставь его туда,
Гдѣ приступа не будетъ; ты замѣтилъ,
Какъ онъ искалъ, какую-бъ на тебѣ
Найти вину? Они съ Ѳомой бы рады
Тебя подвести.

ЧЕРМНЫЙ.

Беречься буду ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

Еще одинъ совѣтъ: бояринъ Чермный!
На волоскѣ повисла воля наша,
Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ:
Когда тебя убьютъ или захватятъ—
Вразбродъ какъ разъ сидѣніе пойдетъ,
И легкая добыча будетъ князю!
Не забывай, что ты святой Софїи
И щить и стягъ, и что друзья княжіе
Въ самихъ стѣнахъ новгородскихъ ищутъ
Тебя избыть. Въ опасность не ходи
Соваться даромъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Милостивъ Господь!
Но не идти въ развѣдку не могу я:
Отъ этого отпоръ успѣшный завтра
Зависитъ нашъ.

посадникъ.

Не лучше-ль Василька

Отправить одного?

черный.

Нѣтъ. Молодъ слишкомъ;

Удерживать приходится его;

Мнѣ-жъ не впервые: суздальцемъ одѣнусь

И, отъ костра переходя къ костру,

Узнаю все.

посадникъ.

Блюди-жь тебя Господь!

черный.

Ты самъ куда?

посадникъ.

Прилягу до разсвѣта,

А то совѣмъ не чую ногъ.

черный.

Прости-жь,

Чѣмъ свѣтъ съ тобою свидимся.

посадникъ.

Блюди

Тебя Господь!

Уходитъ.

черный—однѣ.

Да, надобно Жироха

Перемѣстить. Предвидѣть надо все!

Ему съ Ѡмой я какъ бѣльмо на око.

Правъ старый Глѣбъ! Проклятая дремота!

Вино, и то сегодня не бодрить.

Сейчасъ пойду...

Задумывается, потомъ подходитъ къ столу
и выпиваетъ чару.

Что, бишь, ему сказалъ я?

Да! суздальцемъ одѣнусь... а Жироха

Перемѣщу... не надо позабыть

Перемѣстить Жироха... надо помнить...
Двѣ вещи помнить... суздальцемъ одѣться.
И что еще? Вотъ такъ ко сну и клонить...
Смѣнить Жироха... суздальцемъ одѣться...
Сейчасъ пойду... На мигъ присяду только...
Сейчасъ пойду...

Садится за столъ; голова его опускается на руки, онъ засыпаетъ. Двѣ двери медленно отворяются: изъ одной показывается Наталья, изъ другой Рагуило. Разговоръ ихъ идетъ шопотомъ.

РАГУИЛО.

Ну, что-жъ ты?

НАТАЛЬЯ.

Не могу!..

РАГУИЛО.

Бери же ключъ. Отвязывай!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, руки

Мои дрожать!..

РАГУИЛО—вынимая ножъ и дѣлая шагъ впередъ.

Иль мнѣ ужъ самому?

НАТАЛЬЯ.

Сейчасъ, сейчасъ!

Подходить осторожно къ Черному и снимаетъ съ его пояса ключъ.

РАГУИЛО.

Давай!

Наталья подаетъ ему ключъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ лицо руками.

РАГУИЛО.

Нѣтъ, шутишь! встань!

Остаться съ нимъ тебѣ не дамъ—разбудишь.

Пускай онъ спитъ! Ты проводи меня—

Поднимаетъ ее насильно.

Иди со мной!

Къ Черному.

А ты—спокойной ночи!

Уходитъ, уводя съ собой сестру.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Домъ боярина Ѳома.

Ночь. Ѳома, Жирохъ и Кривцевичъ разговариваютъ.

ѲОМА—ходить по комнатѣ.

Подземный ходъ! И этого не зналъ я!
Какъ онъ его провѣдалъ?

ЖИРОХЪ.

Говорить,

Случайно будто.

ѲОМА

А съ которыхъ поръ?

ЖИРОХЪ.

Съ той осени; и будто онъ о немъ
Совсѣмъ забылъ, сегодня только вспомнилъ!

ѲОМА.

Повѣрю я!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хитеръ! Молчалъ, небось,
Да про свое припасъ про воеводство.

ѲОМА.

Хотя-бъ однимъ денькомъ мнѣ ранѣ знать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хоть утромъ бы намъ знать, Ѳома Григорьичъ,
Успѣли-бъ князю вѣсточку подать,
Какъ приступъ вѣсть.

О О М А — къ Жироху.

И на развѣдку хочеть
Опъ самъ иди?

Ж И Р О Х Ъ.

Такъ намъ сказалъ.

О О М А.

Одинъ?

Ж И Р О Х Ъ.

Нѣтъ, съ Василькомъ.

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ.

Кабы на той развѣдкѣ
Ухлопали его!

Ж И Р О Х Ъ.

Не уповаю:
Вернется здравъ!

О О М А.

О чемъ еще шла рѣчь?

Ж И Р О Х Ъ.

Все объ одномъ: откуда князя ждять?
Кто говоритъ: поидеть на Городище,
Кто—къ воротамъ Баянимъ. Я пытался
Ихъ съ толку сбить, да срѣзалъ старый чортъ!
Я, правда, тожъ ввернулъ ему загвоздку:
Его долгами здорово кольнулъ.

О О М А.

Съ ума сошелъ? Какія тутъ загвоздки!
Ты долженъ былъ поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче шелка съ нимъ,
Кадить ему!

Ж И Р О Х Ъ.

Что-жъ дѣлать—сорвалось,
Не вытерпѣлъ. Когда-бъ ты только видѣлъ,
Какъ на меня смотрѣлъ онъ! Вспомнишь—сердце .
Такъ и вскипитъ!

ѠОМА.

А ты его разсудкомъ
Придерживай. Взгляни хоть на меня:
Ко Глѣбу развѣ менѣ сердце влобой
Во мнѣ кипить? А развѣ волю я
Даю ему? Нѣтъ, злѡбу приглушать
Умѣю я! Боярыня Мамелфа
Сегодня вотъ мнѣ говоритъ про Глѣба:
Онъ то и то! И въ Бога-то не вѣритъ,
И въ церковь-то заказывалъ ходить,
И даромъ-то безвиннаго меня
Оклеветалъ! Я что-жь? Небось, помогъ ей
Чернить его? Нѣтъ, я не такъ-то простъ!
Горою всталъ за Глѣба! Онъ-де мнѣ
Хотя и врагъ, хотъ вправду благочестья
Немного въ немъ, а все-жь его я чту
За то, что онъ душою не кривить,
По-своему, вишь, Новгородъ онъ любитъ,
Невѣдѣнъемъ меня лишъ оскорбилъ,
И прочее, и прочее. Старуху
Такъ умилилъ—чуть-чуть не прослезилась,
А Глѣбъ чрезъ то и вдвое сталъ чернѣй!
Вотъ надо какъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ тобой кому тягаться,
Ѡома Григорьичъ! Богъ тебя сподобилъ,
А мы себѣ по простотѣ!

ѠОМА.

Вотъ то-то,

По простотѣ!

Къ Жироху.

Ругалъ ли ты меня,
Какъ я тебѣ наказывалъ?

ЖИРОХЪ.

Ругать-то
Неловко было; за тебя на вѣчѣ
Вѣдь я стоялъ; а я сказалъ: Ѡома, молъ,
И самъ смекнулъ, что былъ неправъ.

ѲОМА.

Не то!

Ругать меня ты долженъ былъ; звать бабой,
Звать дуракомъ, звать воромъ, трусомъ звать!
Ѳома, мошь, трусы! Ѳома—княжой прихлѣбникы!
Ѳома, мошь, воры! Ѳома—хриstopродавецъ!
Онъ и меня лукавствомъ обошелъ!

ЖИРОХЪ.

Пересолилъ бы такъ, Ѳома Григорычъ,
Замѣтили-бъ расчетъ!

ѲОМА.

Эхъ, простота!

Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно намъ? Чтобъ мнили бы они,
Что сторону мою ты бросилъ. Такъ ли?
А изъ чего ты имъ передался—
Вопроса нѣтъ—вѣстимо изъ расчета!
Своимъ ты ихъ усердемъ не обманешь,
Ни у кого святымъ не прослывешь;
Не чистотой ты въ Новгородѣ вѣдомъ,
Такъ чистаго не корчи изъ себя.
Всякъ долженъ знать, о немъ что мыслятъ люди,
Въ чемъ можно ихъ увѣрить, въ чемъ нельзя.
А съ Чермнымъ Глѣбъ тебѣ лишь въ томъ повѣрять,
Что ты меня изъ выгоды продаешь.
Такъ продавай! И чѣмъ наглѣй, тѣмъ лучше!
Не очищай—черни меня предъ ними,
Черни сплеча.

ЖИРОХЪ.

Я думалъ понемногъ,
Въ ихъ мнѣнїи отречься отъ тебя.

ѲОМА.

Нѣтъ времени намъ дѣлать понемногу—
Желѣзо куй, пока красно! У насъ
Псковъ на носу! Мы пень черезъ колоду
Валить должны! Мы Чермнаго подсычь

Должны теперь, покуда псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Намъ за-одинъ работать, а наружно
Врозь надо быть

Къ Кривцевичу.

Такъ иль не такъ.

КРИВЦЕВИЧЪ

Өома

Григорьевичъ! царь Соломонъ глаголетъ
Изъ устъ твоихъ; придай же намъ ума:
Какъ Чермнаго подсъчь?

ӨОМА.

Рыбакъ, закинувъ

Свою уду, глядитъ на поплавокъ;
А не клюетъ его наживы щука—
За лодкою волочить онъ лесу,
Иль съ берега нахлесткой дразнить рыбу,
Такъ, или такъ—подъ промахъ подведемъ
Мы Чермнаго; иль улучу я случаѣ
Иль самъ рожу. Вы-жъ помните одно:
Наружно врозь, на дѣлѣ-жъ тѣсно вмѣстѣ:
Что ни скажу, навстрѣчу говорить;
А между тѣмъ смекать изъ полуслова,
Куда я гну, и спорить такъ, чтобъ я
Всегда былъ правъ....

Звонъ въ колоколь.

ЖИРОХЪ.

Позволь—никакъ набаты!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Набаты и есты!

ЖИРОХЪ—отворяя окно.

И зарево пожара!

Крики на улицѣ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ оружіемъ по улицѣ бѣгутъ!
Не ворвались ли суздальцы?

жирохъ.

Безъ боя?

Не можетъ быть!

оооа.

Пойдемте посмотрѣть!

Нежданнос намъ что-то приключилось—
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Всѣ трое поспѣшно уходить.

Площадь съ лобнымъ мѣстомъ.

Почь. Зарево пожара. Набать и стукъ сѣчи. Граждане съ оружіемъ
бѣгутъ черезъ сцену.

КРИКИ.

Суздальцы! Суздальцы! Измѣна! Новгородъ взяли! Рѣжутъ!
Гдѣ суздальцы? Бей ихъ!

Пробѣгаютъ. Изъ боковой улицы
выходитъ Василько, въ схваткѣ съ
Рагуйломъ, одѣтымъ въ кольчугу. На-
бать умолкаетъ, зарево гаснетъ.

ВАСИЛЬКО—наступая на Рагуйло.

Сдайся! Всѣ твои перебиты!

РАГУЙЛО.

Не таковскій, чтобъ сдаться! Кому Богъ поможетъ!

Дерутся. Рагуйло падаетъ. Изъ
той же улицы выбѣгаютъ Ставръ и
Головня.

СТАВРЪ.

Ай да Василько! Послѣдняго растянулъ!

ВАСИЛЬКО.

Гдѣ наши?

ГОЛОВНЯ.

Пожаръ гасятъ.

РАДЬКО—подходя.

Уже погасили.

Указывает на нѣсколькихъ людей,
выходящихъ изъ той же улицы.

Вотъ эти намъ помогли!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да чтò это за притча была? Откуда они взялись?

ДРУГОЙ.

Словно съ неба упали!

ГОЛОВНЯ.

Изъ земли словно выросли.

СТАВРЪ.

Нѣтъ, они изъ монастыря выскочили, какъ разъ когда мы
дозоромъ шли.

ВАСИЛЬКО.

Да точно ли всѣ перебиты?

РАДЬКО.

Всѣхъ положили! Немного ихъ и было, человекъ пятьдесятъ!

ТРЕТІЙ.

А поджечь такъ-успѣли!

СТАВРЪ.

Кабы не нашъ дозоръ, они съ разныхъ концовъ подо-
жгли бы: у каждаго связка смоленого хворосту была.

ГОЛОВНЯ.

А тѣмъ часомъ и приступъ начался бы. Внутри пожаръ
гаси, а снаружи враговъ отбивай!

РАДЬКО—къ Васильку, указывая на Рагуйло.

Смотри, твой живъ еще!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришибить его, что ли?

РАГУЙЛО — приподнимаясь.

Православные... Дайте по-христиански умереть... Отнесите въ церковь, али попа позовите...

ПЯТЫЙ — замахиваясь.

Я тебѣ попу! Благословлю какъ разъ!

ВАСИЛЬКО — отталкивая его.

Прочь, звѣрь! Лежачаго не бьютъ! Спросимъ его, какъ они въ городъ вошли?

Къ Рагуйлу.

Эй, молодецъ!

СТАВРЪ

Обмеръ, должно-быть, али ужъ кончилсѣ

ВАСИЛЬКО

Нѣтъ, живъ еще, да говорить не можетъ! Отнесите его въ монастырь.

Радько и Головня уносятъ Рагуйло. Народъ шумно собирается на площадь. Съ одной стороны входитъ посадникъ, съ другой — Оома съ Жирохомъ и Кривцевичемъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что это было? Что случилось?

ВАСИЛЬКО.

Толпа суздальцевъ ворвалась, государи! Да уже всѣ перебиты...

ПОСАДНИКЪ.

Ты какъ здѣсь? Отчего не съ воеводой?

ВАСИЛЬКО.

Я по его указу сдѣлалъ: послѣ переклички сотню по дорогамъ раздѣлилъ, а самъ пришелъ къ монастырю дожидаться его. Часа три у воротъ стоялъ, какъ изъ нихъ ратники показались; я ихъ откликнулъ, а они на меня съ мечами бросились. Тутъ нашъ дозоръ подошелъ, и мы вмѣстѣ перебили ихъ.

ПОСАДНИКЪ

А воевода? Воевода?

ВАСИЛЬКО.

Не видали его, не приходиль.

ЕОМА—къ Жироху и Кривцевичу.

Смекайте! Тутъ что-нибудь для насъ! Вѣдь это его ходомъ
суздальцы пролѣзли.

Чермный вбѣгаетъ съ мечомъ въ рукѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не можетъ быть! Не вѣрю! Гдѣ они? Гдѣ суздальцы?

ГОЛОСА.

Безъ тебя справились!

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ они вошли? Быть не можетъ!

Радько и Головня, отнесшіе Рагуйло, возвращаются.

РАДЬКО.

Ходъ подземный въ монастырѣ есть. Вы видѣли—монахи
его заваливаютъ.

ЕОМА.

Ходъ подземный? Какой это ходъ?

ЖИРОХЪ.

Да не тотъ ли, про который воевода вчера говорилъ? Отъ
котораго ключъ у него?

Чермный хватается за поясъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ловко прикинулся!

ГОЛОВНЯ.

Вотъ ключъ! Онъ въ дверцѣ снутри торчалъ.

Ропоть.

ЧЕРМНЫЙ.

Господи!—что это? Онъ у меня на поясѣ былъ!

ЕОМА.

А теперь въ дверцѣ очутился? Гм! Странное дѣло!

Сочиненія А. К. Толстого. Т. II.

ЖИРОХЪ.

Что странное дѣло? Ужь ты, прости Господи, не держишь ли подозрѣнія на воеводу?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ты, чай, золь на него за то, что онъ на твое мѣсто сѣлъ?

ЖИРОХЪ.

Радъ безвиннаго чернить!

ОМА.

Что вы, что вы, побойтесь Бога, съ чего вы накинудись? Я не черню его, а надо бы спросить, какъ съ его пояса ключъ въ дверцу попалъ и вороговъ въ городъ впустилъ?

КРИКИ.

Къ отвѣту воеводу! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Постойте, люди! Развѣ можно такъ спрашивать? Подождемъ утра, соберемъ вѣче, воевода Новугороду отвѣтъ дастъ.

ГОЛОСА.

Дѣло, дѣло! Подождемъ утра, на вѣчѣ спросимъ!

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Кто это учинилъ? На кого ты мыслишь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ума не приложу!

ПОСАДНИКЪ.

Голову отдамъ, чтобъ вора найти!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да зачѣмъ же воеводу къ отвѣту ставить? Воевода никому не держитъ отвѣта. Это не простой воевода; онъ и смертную казнь наложилъ всѣмъ, кто не слушаетъ его: какой же на немъ отвѣтъ?

КРИКИ ВЪ НАРОДЪ.

Что-жь, онъ князь надъ нами, что ли? Мы и князей судимъ, а его и подавно! Говори! Отвѣчай! У тебя былъ ключъ?—Кому ключъ отдалъ?—Зачѣмъ вороговъ впустилъ?—Къ отвѣту! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Молчите, смерды! Воевода одному вѣчу повиненъ!

КРИКИ.

Такъ соберемъ вѣче! Чего тутъ ждаты! Бѣгите на колокольню!—Ударьте въ колоколь!—Вѣче! Вѣче!

Крики и возрастающее смятеніе. Разсвѣтаетъ.

ОМА—къ Кривцевичу.

На ловцовъ звѣрь набѣжалъ! Станемъ вразбивку, чтобъ не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Ударъ въ колоколь. Площадь наполняется все болѣе. Впереди чернаго народа становятся бояре и огнищане. Каждая улица подъ своимъ стягомъ. Колоколь умолкаетъ. Посадникъ всходитъ на Лобное мѣсто. Молчаніе.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Великій Новгородъ! Повелите ли вѣчу быть?

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вѣче! вѣче! вѣче!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Открыто вѣче! Горсть суздальцевъ сей ночью ворвалась чрезъ тайный ходъ подземный, отъ него же у воеводы Чермнаго былъ ключъ. Тотъ ходъ уже заваленъ, и враги побиты всѣ. А кто у воеводы похитилъ ключъ—не вѣдаемъ. Велите-ль ему отвѣтъ держать?

КРИКИ.

Пусть говоритъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кому вести прикажете допросъ?
По грамотамъ держаль по Ярославлимъ
Доселъ князь въ Новѣгородѣ судъ;
Въ безкняжіе-жъ и въ смутныя години
Всегда судилъ посадникъ.

КРИКИ.

И теперь
По старинѣ! По пошлинѣ! Посадникъ,
Допрашивай!

ЖИРОХЪ.

Кому же, государи,
Какъ не ему? И кто же лучше Глѣба
Мироныча очистить воеводу?
Ему онъ другъ; его-жъ на воеводство
Онъ посадилъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Такъ какъ же правду мы
Черезъ него узнаемъ? Онъ не можетъ
Допрашивать—онъ будетъ выручать!

КРИКИ

Нельзя ему! Нельзя! Тома пусть будетъ
Допрашивать!

ТОМА.

Увольте, государи!
Когда посадникъ Чермному есть другъ—
Я не таюсь: ему я другомъ не былъ;
Я говорилъ, что молодъ слишкомъ онъ
И довѣрять нельзя ему сидѣнье.
Коль онъ себя, не дай Богъ, не очиститъ,
Подумаютъ, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запуталъ.
Кривцевичу вы лучше прикажите—
Онъ сторона!

ПОСАДНИКЪ.

Придумалъ бы хитрѣ!
Съ Кривцевичемъ вы словно два перста.

Онъ или ты—едино! Государь
Великій Новгородъ! Коли не мнѣ—
Вышатъ прикажите—этотъ чистъ!

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вышатъ! Да! Вышатъ вѣсть допросъ!
Сойди долой, а Чермный станъ къ отвѣту!

Посадникъ сходить со ступеней.
Чермный всходить.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный! Новгородъ знать хочеть:
Какъ суздальцы сей ночью вошли
Черезъ тайный ходъ, отъ коего былъ ключъ
Въ твоихъ рукахъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ святъ Господь, не знаю!

ВЫШАТА.

Кого-нибудь подозрѣваешь ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ—никого!

ВЫШАТА.

Черезъ этотъ самый ходъ
Вчера идти хотѣлъ ты на развѣдку—
Ходилъ ли ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ.

ВЫШАТА.

Отчего?

ЧЕРМНЫЙ.

Судите,

Какъ знаете, меня! Не помню самъ,
Что сдѣлалось со мной, когда ушли вы;
Стыдъ вѣчный мнѣ! Одинъ на лавкѣ сидя,
Забылся я,—забылся и заснулъ,—
Очнулся лишь, когда набать услышалъ!

Сильный ропотъ.

ВЫШАТА.

И не нашель на поясъ ключа?..

ЧЕРМНЫЙ.

Я, не глядя, бѣжать сюда пустился—
Лишь здѣсь увидѣлъ, что съ меня онъ снятъ.

ВЫШАТА.

Съ кѣмъ видѣлся по нашемъ ты уходѣ?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни съ кѣмъ.

ВЫШАТА.

Кто былъ изъ челяди въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Никто. При васъ я отослалъ прислужницъ,
А прочіе съ утра ушли на валь.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный—дома ли Наталья
Гвоя была, когда ты намъ тотъ ключъ
Показывалъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Къ теткѣ ночевать
Предъ тѣмъ ушла. Посадникъ слышалъ, какъ
Я самъ ее отправилъ.

ПОСАДНИКЪ.

Слышалъ, точно—
Но вправду ли она ушла—Богъ-вѣсть!
Никто ее не видѣлъ.

ГОЛОСЪ.

Видѣлъ я!

ВЫШАТА.

Кто говорить? Коль послухъ—выступай!

Выходить изъ толпы мечникъ.

Повѣдай все, что знаешь о Натальѣ!

МЕЧНИКЪ.

Отъ смѣны я во Спасскій монастырь
Вчера пришелъ ко всенощной. Тамъ, вижу,
Стоить она межъ нищихъ, горько плачетъ
И молится. И говорю я ей:
О чемъ ты, горемычная душа,
Такъ горько плачешь?—Къ теткѣ, говоритъ,
Иду къ больной, путемъ же помолиться
Сюда зашла.

О О М А.

Ну, значить, не Наталья!

ВЫШАТА.

Кого другого не было-ль въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Я былъ одинъ.

О О М А.

Одинъ, въ пустыхъ покояхъ—
На поясѣ съ ключомъ! Ключъ, стало, самъ
Съ него снялся и отперъ супостату
Тотъ самый ходъ, о коемъ ни душа,
Опричь его, не вѣдала!

Возрастающій ропоть.

ЖИРОХЪ.

Постой,
Не радуйся, Оома Григорьичъ! Было
Насъ пятеро вчера у воеводы;
Намъ пятерымъ показывалъ онъ ключъ.
Когда судить доводится измѣну,
Въ допросѣ нѣтъ обиды никому.
Пусть спросятъ насъ: всѣ-ль вмѣстѣ мы ушли,
Иль съ Чермнымъ кто послѣдній оставался?

ПОСАДНИКЪ.

Послѣдній я остался. Что-жь съ того?

ЖИРОХЪ.

Гм! Ничего! Я только такъ!

КРИКИ.

На Глѣба

Онъ говоритъ! Каменьями его!
Воръ! Клеветникъ!

ПОСАДНИКЪ.

Оставьте, государи!
Я не изъ тѣхъ, до конхъ клевета
Могла-бъ достигъ.

ЕОМА.

Еще-бъ! Иль мы не знаемъ
Посадника! На Черномъ на одномъ
Лежить отвѣтъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Тогда измѣнникъ Чермный!

КРИКИ.

Измѣнникъ онъ! Измѣнникъ! Смерть ему!

ПОСАДНИКЪ.

Въ умѣ ли вы? Когда-бъ онъ замышлялъ
Намъ измѣнить, не сталъ бы намъ онъ ключъ
Показывать. Онъ не сказалъ бы намъ
О ходѣ томъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о немъ онъ прежде
Намъ не сказалъ? Онъ зналъ его давно.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный! отвѣчай на это!

ЧЕРМНЫЙ.

Что вамъ отвѣтить? Лѣтомъ, на охотѣ,
Я на него набрелъ случайно; было
То до войны; не показался важнымъ
Онъ мнѣ тогда—и я о немъ забылъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Въ свое-жъ опять припомнилъ воеводство?

ЧЕРМНЫЙ.

Когда отвѣтъ я принялъ на себя,
Къ сидѣнью все пригодное мнѣ ясно
Представилось.

ΘΟΜΑ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
Когда бы я объ этомъ ходѣ зналъ—
Все, что враги на насъ ни замышляли-бъ,
Я-бъ вѣдалъ все! Мнѣ-бъ не было нужды
Со княземъ миръ для нашего спасенья
Совѣтовать.

ЖИРОХЪ.

Вишь, хвастается чѣмъ!
Да развѣ самъ не собирався Чермный
Сей ночью на развѣдку?

КРИВЦЕВИЧЪ.

И заснулъ!

И кстати-жъ сонъ попалъ на воеводу:
Какъ разъ когда всѣ изъ дому ушли!
И кстати воръ нашелся въ самый мигъ,
Какъ онъ заснулъ! И кто же этотъ воръ?
Какъ онъ о томъ, о потаенномъ ходѣ
Провѣдать могъ, когда никто изъ насъ
О немъ не зналъ? И какъ онъ догадался,
Что самый ключъ на поясѣ висить
У воеводы? Новгородъ Великій!
Боярина Θому вы отрѣшили
За то, что мира съ княземъ онъ хотѣлъ—
Что-жъ Чермному вы за его измѣну
Положите?

ВЗРЫВЪ КРИКОВЪ.

Смерть за измѣну! Смерть!

ПОСАДНИКЪ—всходить на ступени.

По грамотамъ! По пошлинѣ! Во имя
Святой Софїи! Дайте, государи,
Посаднику къ вамъ слово молвить!

Г О В О Р Ъ .

Тише!
Глѣбъ говоритъ! Молчите! Слушать Глѣба

П О С А Д Н И К Ъ .

Великій Новгородъ! Нельзя казнить
Безъ обыска! Намъ надо сдѣлать обыскъ,
Его домашнихъ надо допросить,
Воръ сыщется! Какъ вору не сыскаться?
За Чермнаго-жъ я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадникъ Глѣбъ! Коль смѣните его—
Все пропадетъ! Одинъ онъ держитъ городъ.
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь имъ однимъ—лишь имъ свобода наша
Теперь жива!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вишь, голосъ какъ трясется
У старика!

ДРУГОЙ.

Слеза по бородѣ
Скатилася! Диковина! Никто
Не видываль, чтобъ плакаль старый Глѣбъ!

П О С А Д Н И К Ъ .

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!
Когда-жъ дотоль мы вора не найдемъ—
Казните насъ обоихъ!

К Р И В Ц Е В И Ч Ъ .

А межъ тѣмъ
Онъ насъ продасть? Какой еще тутъ обыскъ!
Оконченъ судъ!

Е О М А — тихо къ Жироху, который къ
нему непримѣтно подошелъ.

Шепни скорѣе нашимъ,
Чтобъ за меня кричали?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Пусть онъ вора

Намъ назоветъ—не то на казнь его!

КРИКИ.

Пусть назоветъ! Пусть назоветъ! Не то
Смерть Чермному!

КРИКИ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Оому на воеводство!

Оому! Оому! Хотимъ Оому опять!

КРИКИ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

Живеть Оома! Оому на воеводство!

ПОСАДНИКЪ.

Дозвольте слово, Новгородъ Великій,
Послѣднее!

КРИКИ.

Ну, что еще? Скажи!

ПОСАДНИКЪ.

Я Господомъ Спасителемъ Христомъ
Молю того, кто ключъ у воеводы
Увороваль—святой молю Софіей—
И собственной души его спасеньемъ
Его молю—и страхомъ вѣчныхъ мукъ
Грожу ему—пусть самъ онъ назовется!

Молчаніе.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Не такъ-то просто, чай, воевода Чермный,
Самъ на себя не скажетъ!

КРИКИ.

Смерть ему!

Смятеніе и шумъ. Черный народъ
протѣсняется сквозь бояръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Что долго съ нимъ чиниться? Въ Волховъ пса!

ДРУГОЙ — стаскиваетъ Чернаго со ступеней.

Веревку, братцы! И на шею камень!

ТРЕТИЙ.

Во дворъ къ нему! Разграбимъ домъ его!

КРИКИ.

Живеть Оома! Оому на воеводство!

ООМА — торжествуя, къ посаднику.

Что взялъ теперь? Мой городъ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ еще!

Къ толпѣ.

Вамъ нуженъ воръ? Вы вора знать хотите?
Добро-жъ! Такъ я вамъ вора назову!

ОВЩІЕ КРИКИ.

Кто? Назови! Скажи, кто воръ?

ПОСАДНИКЪ.

Я воръ!

Молчаніе. Потомъ прѣдлжательный ропотъ.

ЖИРОХЪ.

Такъ вотъ оно! Вѣдь говорилъ же я!
Вѣдь изо всѣхъ вчера послѣдній съ Чернымъ
Остался онъ.

ООМА — тихо къ Жироху.

Молчи! Его сгубить —

То Чернаго очистить! Городъ этакъ
Въ его рукахъ останется!

Къ толпѣ.

Вы, вящшіе, и вы, простые люди!
Ужели вы повѣрите ему?
Вы видите, онъ на себя клевететь.
Измѣнникомъ ужели можетъ быть
Посадникъ Глѣбъ?

Ропотъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, нѣтъ! То быть не можетъ!
Не вѣримъ! Нѣтъ!

ВЫШАТА—къ посаднику.

Что взводишь, — Глѣбъ Миронычъ,
Ты на себя? Никто изъ насъ тебѣ
Не хочетъ въ томъ, не можетъ вѣры дать!

ПОСАДНИКЪ.

Съ которыхъ поръ мнѣ Новгородъ не вѣрить?

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ, не дамъ тебѣ губиться,
Твою я правду докажу!

ПОСАДНИКЪ—тихо.

Не за тебя, за Новгородъ гублюсь!

Къ собранію.

Великій Новгородъ! Я—Глѣбъ Миронычъ—
У соннаго вчера у воеводы
Ключъ отвязалъ отъ пояса.

ЧЕРМНЫЙ.

Неправда!

Лишь по его уходѣ я заснулъ.

ПОСАДНИКЪ.

А развѣ я не могъ вернуться?

ВАСИЛЬКО.

Люди!

Бояре! Братцы! Не дадимъ ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

КРИКИ.

Неправда! Нѣтъ! Не вѣримъ!

ЖИРОХЪ.

Почему же,
Коль Чермный могъ, посаднику не мочь?

Е О М А — тихо къ Жироху.

Не то! не то! Ты только портишь дѣло.
Молчи совсѣмъ, иль говори за мной.

Ж И Р О Х Ъ.

Нѣтъ, ужъ позволю мнѣ въ петлю супостату
Влѣзть пособить! Долгъ платежомъ краснѣй!

Е О М А.

Да ты съ ума никакъ сошелъ? Намъ надо
Такъ говорить, чтобъ воеводство вновь
Досталось мнѣ. Ты Чермнаго—не Глѣба
Должонъ винить.

Ж И Р О Х Ъ.

Съ тобою спорить мнѣ
Ты самъ велѣлъ—такъ не мѣшай!

Е О М А.

Иуда!

Ты выручаешь Чермнаго!

Ж И Р О Х Ъ.

Зато ужъ
Мироньча я выручить не дамъ!

Е О М А.

Злодѣй! Дай срокъ, съ тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гридни! Огнищане!
Ужели тотъ, чья доблесть, правда, честь—
Всѣмъ вѣдомы—на комъ никто не могъ бы
Ни пятнышка одинаго найти—
Ужели бы тотъ самый человекъ
Могъ Новгородъ продать?

Ж И Р О Х Ъ.

Еще-бъ не могъ,
Коль дорого ему за это дали.

Е О М А.

Типунъ тебѣ на лживый твой языкъ!
На свой погонъ посадника ты мѣришь?

ЖИРОХЪ.

А что-жь? Съ тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на немъ.
Неужто-жь онъ продешевилъ Софію?
Нѣтъ, онъ не глупъ! Ему досталось чѣмъ
И новгородцамъ и любчанамъ все
Отдать сполна.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ! Зачѣмъ бы
Ты продалъ насъ?

ПОСАДНИКЪ.

Жирохъ ужъ вамъ сказалъ:
Чтобъ заплатить долги.

ВЫШАТА.

Тогда зачѣмъ бы
Ты признавался въ томъ *теперь*?

ПОСАДНИКЪ.

Зачѣмъ,
Что съ княземъ торгъ не удался—придется
Мнѣ въ кабалу идти; такъ пусть одинъ
Я пропаду, безвиннаго-жь очищу.

ОМА.

Нѣтъ, въ этомъ насъ ты не увѣришь! Нѣтъ,
Бояринъ Глѣбъ! Изъ насъ бы кто охотно
Твоихъ долговъ не заплатилъ? Не нужно
Тебѣ отъ князя было брать. Нѣтъ, нѣтъ!
Я самъ моихъ достатковъ половину
Тебѣ бы съ радостію далъ. Тяжелъ,
Я чай, врагу продаться, чѣмъ услугу
Отъ своего въ бѣдѣ принять.

ПОСАДНИКЪ.

Отъ чорта

Скорѣ бы услугу принялъ я,
Чѣмъ отъ мерзящей гадины такой,
Отъ гнуснаго такого подлеца,
Продажнаго предателя и вора,
Каковъ есть ты!

ЖИРОХЪ.

Вы слышите его?
Вы слышите? Воистину, къ лицу
Ему еще предателемъ ругаться!

ГОВОРЪ МЕЖДУ БОЯРАМИ.

— Чрезъ мѣру горды!— Таковъ онъ былъ всегда!
— А совѣсть въ немъ таки-заговорила!
— Самъ назвался!— Что вы, побойтесь Бога,
Онъ чистъ какъ день! Не онъ, не онъ насъ продалъ!
— Не можетъ быть!— А почему-жь и нѣтъ?
— Долги кого на грѣхъ не наводили?
— Чѣмъ чортъ не шутить!

ЧЕРМНЫЙ.

Новгородъ Великій!

Когда вы мнѣ не вѣрите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклѣпъ посадникъ держить—
Велите крестъ ему поцѣловать
Въ своихъ словахъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ну, что-жь, и поцѣлуешь!
Что крестъ ему? Чтобъ выручить тебя,
Побочнаго, что-ль, сына своего,
Не морщася онъ поцѣлуешь крестъ.
Извѣстно намъ, не вѣруешь онъ въ Бога!
Вчера еще боярынѣ Мамелѣ
Онъ говорилъ...

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЬ.

То правда—отъ нея
Я слышалъ самъ.

ДРУГОЙ.

Я также.

ТРЕТІЙ.

Тожъ и я!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь, братцы? Глѣбъ не вѣрять въ Бога!

ДРУГОЙ.

Стало,

Измѣнщикъ онъ?

ТРЕТИЙ.

Измѣнщикъ, стало-быть!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ, значить, намъ не Чермнаго, а Глѣба
Теперь топить?

ПЯТЫЙ.

А то кого-жь еще?

Хватай его—иди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ступай ты прежде,

Я за тобой!

ПЯТЫЙ.

Что-жь ты? Небось, полѣзь

На Чермнаго?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тò Чермный былъ, а этотъ

Вишь какъ глядитъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ кинемся всѣ вмѣстѣ!

Ребята! Глѣбъ не вѣрять въ Бога! Глѣбъ

У воеводы ключъ стащилъ! Низовымъ

За деньги продалъ Новгородъ! Пойдемъ

Его топить!

КРИКИ.

Да! Въ Волховъ, въ Волховъ Глѣба!

Топить его! А послѣ грабить домъ!

Ну, навались!

Пародъ бросается къ Лобному мѣсту; бояре
его отгѣсняютъ.

КРИКИ ВЪ ГЛУБИНѢ ПЛОЩАДИ.

Свѣтъ Глѣбъ Мироничъ

Небось! Тебя въ обиду не дадимъ!

Твои мы уличане! За тебя
Одни на цѣлый Новгородъ полѣземъ!
Отець ты нашъ!

ЖИРОХЪ.

Гоните этихъ прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которыхъ онъ кормилъ;
То улица одна кричитъ, а мы
Всѣ говоримъ: онъ воръ!

Народъ вторично напираетъ.

ВЫШАТА.

Назадъ! Не вамъ, а вѣчу
Его судить.

ЖИРОХЪ.

Такъ что-жь не судить вѣче?
Грѣхъ налицо! Умора, право. Онъ
Самъ говорить: я воръ. Они-жь ему:
Не вѣримъ да не вѣримъ. Если-бъ я
Тѣ на себя сказалъ, небось, вѣдь мнѣ бы
Повѣрили.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ—подходить изъ глу-
бины сцены.

Не удержать намъ черныхъ.
Вотъ такъ и пруть. Хотятъ суда надъ Глѣбомъ,
Сбиваютъ съ ногъ. Пойдемъ на голоса.

ДРУГОЙ.

Начнемте судъ, тогда они уймутся.
По улицамъ, бояре, по концамъ.

ТРЕТИЙ.

На голоса!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

На голоса!

Раздѣляются на кучи. Шумъ утихаетъ.
Черный и Василько ходятъ отъ одного
стяга къ другому и увѣщаютъ каждый.
То же дѣлаетъ и Жирохъ.

Г О В О Р Ъ В Ъ Р А З Н Ы Х Ъ К У Ч А Х Ъ .

За это

Одинъ отвѣтъ.—Когда онъ продалъ насъ,
Такъ смерть ему.—Самъ никого на свѣтѣ
Онъ не жалѣлъ.—Въ надежный годъ меня
Въ пухъ разорилъ! Гурты остановилъ
За Волховомъ; скотъ даромъ передохъ!—
Съ меня три виры взялъ!—Меня два раза
Послалъ въ тюрьму!—А сборы-то какъ правилъ?—
Въ срокъ не отдашь—опишетъ животы!
Нѣтъ, жалости въ немъ не было!

Ч Е Р М Н Ы Й—въ одномъ концѣ площади.

Бояре!

За волю онъ себя не пожалѣлъ,
Чужой взялъ грѣхъ, чтобъ не достался городъ
Измѣнникамъ!

В А С И Л Ь К О—въ другомъ концѣ.

Коль облѣить его

Не сможемъ мы—бѣгите поскорѣй
За гридьбою!

Г О В О Р Ъ .

—Одно изъ двухъ: иль воръ—

Иль Чермнаго онъ ложно очищаетъ!—
Посадникомъ его уже намъ долъ
Не слѣдъ держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станеть!—Онъ же
Не вѣритъ въ Бога!—Отъ такого ждать
Чего нельзя?—Безбожникъ, такъ и воръ!—
А коль не воръ, то все же намъ досадчикъ!—
Досадчикъ всѣмъ!—Пора его долой!—
Давно пора!—Пусть онъ и чистъ, пожалуй,
Да намъ онъ не угоденъ!—Благо, случай
Самъ подаетъ! Не мы его чернимъ,
Не нашъ и грѣхъ то будетъ!

Ч Е Р М Н Ы Й—подходить къ посаднику.

Еще пора—мы все поправить можемъ—
Скажи имъ, что не ты.

ПОСАДНИКЪ.

Иди на валъ,
Новгородскій воевода! Приступъ
Въ сей самый мигъ, быть-можетъ, не далекъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Послушай насъ...

ПОСАДНИКЪ.

О Новгородъ думай,
Не обо мнѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
Молю тебя!..

ПОСАДНИКЪ.

Ну, что же, государи?
Я все сказалъ—кончайте приговоръ!

Воленіе. Изъ среды бояръ выступаетъ
Вышата и подходитъ къ Лобному мѣсту

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ!—тяжело
Мнѣ говорить и больно...

ПОСАДНИКЪ.

Къ дѣлу!
Обиняковъ не нужно! Говори,
Какъ велѣно тебѣ отъ вѣча!

ВЫШАТА.

БЫВШІЙ

Посадникъ Глѣбъ! На явную измѣну,
Въ которой ты сейчасъ сознался самъ,—
Кладется смерть. Но Новгородъ Великій,
Прошедшія твои заслуги помня,
Тебя отъ казни милуетъ и только
Изъ города и волости своей
По жизнь тебѣ указываетъ путь.
Съ закатомъ солнца Новгородъ оставить
Сегодня-жъ долженъ ты.

ч е р м н ы й.

Не признаю

Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отмѣнить!

п о с а д н и к ъ.

Не смѣй!

Святъ приговоръ! Чти вѣчевое слово,
Какъ божіе!

ч е р м н ы й.

Не чту неправды я!

Гей, Василько! Бѣги скорѣй съ своими—
Зовите раты!

г р и д е н ь—вбѣгаетъ.

Гдѣ воевода Чермный?

Враги идутъ на приступъ съ двухъ стороны!

п о с а д н и к ъ.

Ты слышишь? Прочь! Твое въ раскатахъ мѣсто!

ч е р м н ы й.

Иду—но правду покажу твою—

Иль въ божью правду вѣрять перестану!

За мной, на валъ!

Уходить.

п о с а д н и к ъ—съ поклономъ.

Я Новгородъ Великій

Благодарю за милостивый судъ!

Сходить съ Лобнаго мѣста. Толпа передъ
нимъ раздается. Занавѣсъ опускается.

..... still open for

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ
ТРАГЕДИИ
„СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО“.

Готовясь поставить на сцену трагедію: «Смерть Іоанна Грознаго», я считаю необходимымъ изложить для руководства художниковъ, которые ее исполняютъ, какъ общую идею этой трагедіи, такъ и всѣ ея характеры, въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю то и другое. Вѣрное опредѣленіе идеи уяснить каждому исполнителю степень важности занимаемаго имъ мѣста и тѣ предѣлы яркости, черезъ которые онъ не долженъ переступить подъ опасеніемъ нарушить гармонію цѣлаго.

Вѣрное пониманіе отдѣльныхъ характеровъ будетъ имѣть слѣдствіемъ возможное совершенство игры, что самое облегчитъ зрителю пониманіе общей идеи. Тогда только возникнетъ передъ публикою цѣльное и осмысленное созданіе, гдѣ не только ни одинъ изъ исполнителей не понесетъ ущерба въ своихъ правахъ, но гдѣ каждому безъ исключенія представится случай показать себя настолько великимъ художникомъ, насколько онъ будетъ способствовать къ единству и гармоніи цѣлаго.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ТРАГЕДИИ.

Общая идея трагедіи очень проста. Іоаннъ, властолюбивый отъ природы, испорченный лестью окружающихъ его царедворцевъ и привычкою къ неограниченной власти, сверхъ того раздраженъ случившимися въ его дѣтствѣ попытками нѣкоторыхъ бояръ завладѣть имъ, какъ орудіемъ

для своего честолюбія. Съ тѣхъ поръ онъ видитъ враговъ во всѣхъ, кто стоитъ выше обыкновеннаго уровня. все равно чѣмъ: рожденіемъ ли, заслугами ли, общимъ ли уваженіемъ народа. Ревнивая подозрительность и необузданная страстность Іоанна побуждаютъ его ломать и истреблять все, что кажется ему препятствіемъ, все, что можетъ, по его мнѣнію, нанести ущербъ его власти, сохраненіе и усиленіе которой есть цѣль его жизни.

Такимъ образомъ, служба одной исключительной идѣ, губя все, что имѣетъ тѣнь оппозиціи или тѣнь превосходства, что по его мнѣнію одно и то же, онъ подъ конецъ своей жизни остается одинъ, безъ помощниковъ, посреди разстроеннаго государства, разбитый и уничтоженный врагомъ своимъ Баторіемъ, и умираетъ, не унося съ собою даже утѣшенія, что наслѣдникъ его, слабоумный Ѳеодоръ, сумѣетъ достойно бороться съ завѣщанными ему опасностями, съ бѣдствіями, вызванными и накликаемыми на землю самимъ Іоанномъ черезъ тѣ самыя мѣры, которыми онъ мечталъ возвысить и утвердить свой престолъ.

Бояре, съ своей стороны, думавшіе только о своихъ личныхъ выгодахъ, пренебрегавшіе благомъ всей земли для достиженія мелкихъ честолюбивыхъ цѣлей, раболѣпные передъ Іоанномъ, но разъединенные между собою, интригующіе другъ противъ друга, бояре, изъ которыхъ каждый надѣялся, по смерти самодержца, наслѣдовать часть его власти—видятъ себя, вслѣдствіе своего эгоизма и распаденія, въ рукахъ и подъ полной зависимою гениальнаго честолюбца, который при жизни Іоанна умѣлъ незамѣтно ихъ опутать и проложить себѣ путь для собственнаго возвышенія.

Въ этой трагедіи всѣ виноваты и всѣ наказаны, не какою-нибудь властью, поражающею ихъ извнѣ, но силою вещей, результатомъ, истекающимъ съ логическою необходимостью изъ образа дѣйствій каждаго, подобно тому, какъ изъ зерна образуется растеніе и приноситъ свой собственный плодъ, себѣ одному свойственный.

Торжествуютъ одинъ Годуновъ и клевететь его, Битяговскій, но зритель предчувствуетъ, что имъ также придется пожать плоды посѣяннаго ими сѣмени.

НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВІЕ УСПѢХА НА СЦЕНѢ.

Если кто-нибудь изъ художниковъ нашихъ театровъ понимаетъ Іоанна иначе, чѣмъ я, то онъ не долженъ сво-

его личнаго взгляда вносить въ исполненіе. Его дѣло быть истолкователемъ поэта, и для этого ему предоставлено широкое поприще.

Поэтъ же имѣетъ только одну обязанность—быть вѣрнымъ самому себѣ и создавать характеры такъ, чтобы они сами себѣ не противорѣчили; человѣческая правда—вотъ его законъ; исторической правдой онъ не связанъ. Укладывается она въ его драму—тѣмъ лучше; не укладывается—онъ обходится и безъ нея. До какой степени онъ можетъ пользоваться этимъ правомъ, признаваемымъ за нимъ всѣми эстетическими критиками, начиная отъ Аристотеля до Ретчера и Бѣлинскаго—это дѣло его совѣсти и его поэтическаго такта. На сценическихъ же исполнителяхъ лежитъ обязанность проникнуться духомъ характеровъ, какъ понималъ ихъ поэтъ, написавшій драму, хотя бы другіе поэты, или даже историки, понимали ихъ иначе. Только полное согласіе исполнителей и поэта упрочиваетъ художественный успѣхъ представленія; антагонизмъ ихъ ведетъ неминуемо къ ослабленію или запутанности впечатлѣнія, а затѣмъ и къ паденію пьесы.

Приступимъ теперь къ объясненію характеровъ, сперва мужскихъ, потомъ женскихъ, и начнемъ съ Іоанна.

Іоаннъ.

Онъ является въ драмѣ въ послѣдній годъ своей жизни, весь сгорѣвшій въ страстяхъ, истерзанннй угрызеніями совѣсти, униженный побѣдами Баторія, но не исправленный несчастіемъ и готовый при первомъ благопріятномъ оборотѣ дѣлъ воспрянуть съ прежнею энергіею, снова начать дѣло всей своей жизни, дѣло великой крови и великаго поту, борьбу со мнимой оппозиціей, которой давно не существуетъ. Послѣ безграничнаго самовластія, вторая черта въ Іоаннѣ—это страстность и впечатлительность. Весьма ошибся бы сценическій художникъ, который, передавая его выходы раскаянья, его желаніе оставить свѣтъ, его самоуниженіе, вложилъ бы въ свою роль хотя легкой оттѣнокъ притворства. Іоаннъ слишкомъ страстенъ и слишкомъ проникнуть божественностью своихъ правъ, онъ слишкомъ презираетъ людей, чтобы низойти до притворства съ ними. Онъ всегда искрененъ и чистосердеченъ, но онъ не можетъ долго оставаться подъ однимъ впечатлѣніемъ. Онъ жестокъ по природѣ и по системѣ; онъ не для того только губить, чтобы губить; онъ

губить съ политическою цѣлью, но пользуется случаемъ, чтобы потѣшить свою жестокость. Онъ чрезвычайно умень и пронизателенъ и, если бы природныя его способности не были затемнены постоянною мыслію объ измѣнѣ, которая сдѣлалась его хроническою болѣзнью, онъ былъ бы великимъ государемъ. Эта боязнь измѣны, это безпокойное охраненіе своей власти, которую никто у него не оспариваетъ, эта злопамятная подозрительность ко всему, что превышаетъ обыкновенный уровень—составляетъ третью главную черту его характера.

Онъ такъ же чистосердечно религіозенъ, но религіозенъ по-своему. Онъ служить Богу, какъ бояре служатъ ему: по страху наказанія и въ надеждѣ награды. Онъ хочетъ купить царствіе небесное вкладами, синодиками, земными поклонами и постомъ, и какъ въ немъ нѣтъ ничего мелкаго, то онъ щедро сыплетъ вкладами и поклонами и изнуряетъ себя постомъ до полусмерти, пока другое впечатлѣніе не замѣнитъ перваго.

Эта искренность Іоанна во всѣхъ проявленіяхъ его характера есть единственная сторона, которая примиряетъ съ нимъ зрителя, и поэтому исполнитель долженъ всегда имѣть ее въ виду. Онъ долженъ показать, что Іоаннъ не простой злодѣй или сумасшедшій, какъ какой-нибудь Неронъ, но что у него есть цѣль, что онъ даже хочетъ блага Россіи, разумѣется, по-своему, т. е. первымъ благомъ Россіи считаетъ безграничное увеличеніе произвола для себя и для своихъ наслѣдниковъ. Онъ вѣритъ своему призванію и своей непогрѣшимости въ дѣлахъ правленія; онъ проникнуть мыслію, что можетъ ошибаться и грѣшить, какъ человекъ, но какъ царь—никогда! Художникъ, который возьметъ на себя роль Іоанна, долженъ возбудить въ зрителѣ впечатлѣніе, что Іоаннъ глубоко несчастенъ; что если онъ предавался разврату, то развратъ его не удовлетворялъ, а только заглушалъ въ немъ на время его душевныя страданія; что если Іоаннъ палачъ Россіи, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой собственный палачъ; наконецъ художникъ, играющій Іоанна, долженъ, среди самыхъ безумныхъ проявленій этого характера, давать просвѣчивать тѣмъ качествамъ, которыя могли бы сдѣлать изъ него великаго человека, если бы не были подавлены страстями, раболѣпствомъ его окружающихъ и раннею привычкою къ неограниченной власти. Качества эти: глубокий государственный умъ, неутомимая дѣятельность, не-

Обыкновенная энергія, страшная сила воли и полная искренность въ убѣжденіяхъ. Но все это испорчено, помрачено, подточено въ корнѣ пороками и произволомъ, и ничего не идетъ ему въ прокъ.

Въ роли Іоанна есть три главныхъ вида. Сначала онъ является мучимый угрызеніями совѣсти вслѣдствіе убіенія своего старшаго сына. Онъ хочетъ оставить свѣтъ и уступить свой престоль другому. Онъ согбенъ и подавленъ, но онъ не окончательно сломанъ. Рѣшимость его удалиться отъ царства есть добровольная.

Въ этой рѣшимости онъ еще выказываетъ собственную волю, которой земля должна подчиниться. Онъ знаетъ, что отъ него зависитъ переимѣнить свое намѣреніе, когда ему вздумается, и въ этой увѣренности есть для него нѣчто утѣшительное. Это своего рода удовлетвореніе произвола, своего рода наслажденіе властью.

Второй видъ—это пробужденіе Іоанна къ жизни и къ жаждѣ государственной дѣятельности вслѣдствіе благопріятнаго извѣстія объ отбитіи Баторіева приступа ко Пскову.

Съ этой минуты забыты всѣ угрызенія, онъ сожалеетъ о своемъ желаніи оставить свѣтъ, и горе боярамъ, которые, по его приказанію, дерзнули бы выбрать другого царя! Бравое письмо Курбскаго разжигаетъ въ немъ еще болѣе сознаніе силы и жажду власти, которую онъ чуть-было не выпустилъ изъ рукъ. Онъ принимаетъ прошеніе бояръ остаться на престолѣ, какъ должную дань, и съ этого времени его высокомѣріе, его самоувѣренность, его ничѣмъ неудержимый произволь растутъ съ усугубленною силой до той минуты, когда онъ, ослѣпленный удачею, оскорбляетъ Гарабурду и узнаетъ отъ него, что войска его разбиты, и что шведы идутъ на Новгородъ.

Здѣсь наступаетъ третій видъ. Бѣдствія за бѣдствіями обрушаются на Іоанна. Баторій, шведы, татары, черемисы—все идетъ на него. Дурныя извѣстія приходятъ одно за другимъ, и на небѣ является комета, какъ знаменье Божьяго гнѣва. Іоаннъ понимаетъ, что его звѣзда зашла навсегда, что ему теперь уже не подняться. Теперь онъ сломанъ окончательно. Силы его упали, энергія его оставила, онъ ожидаетъ смерти, онъ хочетъ примириться съ Богомъ. Но онъ не забылъ, что онъ царь, что на немъ лежитъ до конца отвѣтственность за государство; онъ, среди самаго страха загробныхъ возмездій, даетъ наставле-

нія сыну и дѣлаеть распоряженія о заключеніи мира съ Баторіемъ.

Въ этомъ мѣстѣ роли Іоанна есть для сценическаго художника интересная и благодарная задача.

Онъ долженъ показать, какъ въ этомъ характерѣ перепутываются чувство высокихъ обязанностей, сознание сдѣланныхъ ошибокъ и раскаянье въ бесполезныхъ преступленіяхъ съ закоренѣлою привычкою не знать ничего, кромѣ своего произвола, и не терпѣть противорѣчія ни въ чемъ и ни отъ кого. Іоаннъ искренно хочетъ спасти Россію, но онъ до конца проникнуть мыслию, что она, дарованная ему въ собственность Божьею милостью, не что, какъ матеріалъ, изъ котораго онъ можетъ дѣлать что ему угодно; онъ убѣжденъ, что Россія есть тѣло, а онъ душа этого тѣла, и потому въ правѣ оторвать отъ Россіи часть, какъ въ правѣ отрѣзать у себя палець. Его уступки Баторію кажутся ему государственною необходимостью; но, рядомъ съ этимъ, онъ, считая себя тождественнымъ съ Россіей, приносить ее въ жертву для искупленія своихъ грѣховъ, какъ не усомнился бы принести въ жертву свое тѣло для спасенія души.

Въ этомъ Іоаннъ совершенно наивенъ, и художникъ; его представляющій, долженъ играть такъ, чтобы зритель, осуждая Іоанна, вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ къ нему сожалѣніе.

Новое пробужденіе Іоанна къ энергіи, являющееся въ пятомъ дѣйствіи, вслѣдствіе улучшенія его здоровья, въ тотъ самый день, когда ему предсказана смерть—есть только искусственное. Іоаннъ самъ не увѣренъ, что онъ спасенъ; онъ только старается себя въ этомъ увѣрить.

Тутъ опять художнику представляется случай выказать свое пониманіе характера въ полной силѣ. Насталъ тотъ день, котораго Іоаннъ ожидалъ съ трепетомъ, къ которому готовился съ той минуты, когда волхвы предсказали ему смерть. Къ его удивленію, къ его радости, ему въ этотъ день лучше. Мысль, что волхвы ошиблись, которая, какъ слабая надежда, мелькала иногда передъ нимъ, но на которой онъ не смѣлъ остановиться, теперь принимаетъ значеніе вѣроятности. Іоаннъ, съ свойственной ему страстностью, хватается за эту мысль и, въ противоположность слабымъ характерамъ, боящимся сгл а з и т ь то, чего они желаютъ, предается надеждѣ, которую тотчасъ же облекаетъ въ форму полной увѣренности, потому что вообще по-

ловинныя или неполныя ощущенія ему несносны. Онъ объявляетъ, что снова принялъ отмѣненное имъ недавно намѣреніе жениться на Маріи Гастингсъ, велить себя нести въ палату, гдѣ собраны его сокровища, и выбираетъ подарки для невѣсты. Онъ кажется спокоенъ и даже веселъ, но, вопреки его желанію считать себя выздоровѣвшимъ, предсказаніе волхвовъ безпрестанно приходитъ ему на умъ и тревожитъ его. Кириллинъ день еще не прошелъ! Онъ это знаетъ, онъ знаетъ также, что царедворцы смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, и онъ подозрительно прислушивается къ ихъ разговорамъ. Каждое слово, каждое движеніе кажется ему намекомъ на его близкую смерть, и онъ, въ нетерпѣніи, прежде окончанія дня, посылаетъ Годунова объявить казнь волхвамъ, какъ бы для того, чтобы убѣдить самого себя въ лживости ихъ предсказанія и сдѣлать эту лживость неисправимою. «Царь приказалъ казнить волхвовъ; царь ошибиться не можетъ; стало-быть, волхвы виноваты; стало-быть, они солгали». Такъ точно Іоаннъ, въ концѣ третьяго дѣйствія, услышавъ, что войска его разбиты, приказываетъ служить побѣдныя молебны, какъ бы для того, чтобы этою мѣрою обратить въ ложь извѣстіе, привезенное гонцами. Между тѣмъ, лишь только Годуновъ ушелъ, безпокойство Іоанна увеличивается. Онъ хочетъ, чтобы царедворцы подтвердили ему, что предсказаніе было ложно, онъ требуетъ отъ нихъ поддакиванія своимъ словамъ. Онъ насмѣхается надъ волхвами и говоритъ утвердительно, что никто не можетъ сказать впередъ, ни когда, ни какъ онъ умретъ, но тотчасъ же самъ себѣ противорѣчитъ, объявляя, что онъ проживетъ довольно лѣтъ, чтобы устроить царство, а умереть окруженный святымъ синклитомъ и напутствуемый молитвами митрополита. Это противорѣчіе Іоаннъ долженъ высказать какъ будто подъ невольнымъ вліяніемъ роковой силы, которая обращаетъ въ насмѣшку надъ нимъ самимъ только-что имъ сказанное. Играющій его роль долженъ обдумать это мѣсто и выставить его такъ, чтобы оно поразило зрителя.

Дабы дать мыслямъ Іоанна другое направленіе, Бѣльскій привлекаетъ вниманіе его на шахматы. Хитрость удалась, и Іоаннъ начинаетъ играть съ Бѣльскимъ. Но онъ играетъ разсѣянно; онъ судорожно подвигаетъ фигуру и время отъ времени смотритъ на дверь, ожидая возвращенія Годунова. Во всѣхъ его шуткахъ проглядываетъ теперъ

принужденность, и надо полагать, что Бѣльскій нарочно даетъ ему себя обыгрывать. Наконецъ Годуновъ возвращается и непримѣтно становится напротивъ Іоанна въ то время, какъ глаза послѣдняго опущены на шахматную доску. Но Іоаннъ магнетически почувствовалъ его присутствіе и поднялъ голову. Глаза ихъ встрѣтились, и прежде, чѣмъ Годуновъ открылъ ротъ, Іоаннъ уже понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ понялъ, что отвѣтъ Годунова не добрый, понималъ также, съ какимъ намѣреніемъ Годуновъ готовится къ этому отвѣту.

Здѣсь представляется художнику случай выразить нѣмою игрой все, что происходитъ въ сердцѣ Іоанна.

Услыша свой приговоръ, онъ, вѣрный своему характеру, предается порыву гнѣва, но съ гнѣвомъ смѣшанъ ужасъ смерти и ужасъ Годунова, котораго онъ узнаетъ только въ эту послѣднюю минуту. Какъ истинный царь, онъ и теперь не забываетъ о государствѣ, но зоветъ своего наследника, чтобы предостеречь его отъ Годунова. Напрасно! Часъ его пробилъ, и онъ падаетъ навзничъ, сраженный нервическимъ ударомъ, не успѣвъ распорядиться объ устраненіи того, котораго слушаться онъ самъ велѣлъ своему сыну. Ѳедоръ и вся Россія будутъ въ рукахъ его убійцы. Лежа на полу, поддерживаемый Шуйскимъ, Іоаннъ еще разъ открываетъ глаза и зоветъ духовника. На мѣсто его вбѣгаютъ скоморохи. Здѣсь предстоитъ художнику выразить нѣмою игрой, какъ Іоаннъ объясняетъ себѣ появленіе въ его смертный часъ этихъ безобразныхъ, кривляющихся существъ, и какой смыслъ его совѣсть можетъ придать ихъ безсмысленной пѣснѣ.

Предостерегаю художника въ одномъ. Онъ не долженъ хотѣть развивать эту сцену; довольно одного намека. Ужасъ въ лицѣ Іоанна, отчаянное движеніе назадъ и вытаращенные глаза, которые, прежде чѣмъ закрыться навѣки, вперяются въ скомороховъ, достаточно объяснить зрителю, за кого онъ ихъ принимаетъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о наружной сторонѣ этой роли. Іоаннъ былъ высокъ, строенъ, имѣлъ орлиный носъ, пронизательные глаза, чувственные губы съ опущенными краями, русые волосы и русую бороду. Но въ послѣдніе годы его жизни станъ его согнулся, и волосы и борода почти вылѣзли. Когда онъ является въ драмѣ, ему пятьдесятъ четыре года, но онъ кажется гораздо старше. Представить его на сценѣ плѣшивымъ и безбородымъ было

бы не художественно. Достаточно дать ему рѣдкіе волосы и бороду, расположенную сивыми клячьими. Приемы Іоанна всегда важны и благородны. Онъ никогда не перестаетъ быть царемъ, даже когда стоитъ на колѣняхъ передъ боярами и просить у нихъ прощенія. На лицѣ его написано глубокое убѣжденіе въ своемъ призваніи и въ своихъ божественныхъ правахъ. Рѣчь его отзывается презрѣніемъ къ людямъ. Глаза смотрятъ то гордо, то подозрительно, и всегда готовы вспыхнуть. Движенія, обыкновенно спокойныя, дѣлаются судорожными въ минуту душевныхъ волненій. Вся его наружность должна производить впечатлѣніе, что онъ истерзанъ страстями, которыхъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ обуздывать.

Задача сценическаго художника—разыграть всю гамму самыхъ противоположныхъ состояній души, начиная отъ прони до отчаянья и мотивируя каждое изъ нихъ искусными переходами, такъ, чтобы зритель сказалъ: иначе и быть не могло!

У насъ нѣтъ удовлетворительныхъ портретовъ Іоанна.

Что касается до его одежды, ее можно найти въ «Собраніи Русскихъ Древностей» Солнцева. Въ первомъ дѣйствіи онъ является сперва въ шелковомъ домашнемъ кафтанѣ, сверхъ котораго надѣта простая черная ряса. Голова открыта. Потомъ, сверхъ того же кафтана, онъ, вмѣсто рясы, надѣваетъ всѣмъ извѣстное царское облаченіе. Во второмъ дѣйствіи на немъ можетъ быть другой кафтанъ, опашень и колпакъ. Въ третьемъ дѣйствіи, въ сценѣ съ царицей, на немъ опять домашній шелковый кафтанъ; въ сценѣ же съ Гарабурдой опять царское облаченіе. Въ четвертомъ дѣйствіи онъ входитъ въ комнату въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, потому что возвращается съ краснаго крыльца, съ котораго онъ наблюдалъ комету. Шубу онъ скидаетъ и остается въ домашнемъ кафтанѣ, но уже не шелковомъ, а бархатномъ. Шапка ни въ какомъ случаѣ не должна на немъ быть высокая, въ какихъ обыкновенно во всѣ эпохи являются у насъ на сценѣ бояре. Такихъ шапокъ при Іоаннѣ не носили. Его шапка, какъ и всѣ тогдашнія шапки, низкая, круглая и мягкая, съ мѣховой опушкой, какую мы видимъ у Герберштейна на портретѣ Василья Іоанновича, отца Іоанна Грознаго. Въ пятомъ дѣйствіи онъ въ халатѣ и въ колпакѣ, который можетъ снять или оставить на головѣ, по произволу. На рукахъ у него всегда кольца и перстни съ дорогими ка-

меньями. Сапоги его желтые, зеленые или красные, смотря по большей или меньшей нарядности остального костюма. Посохъ, въ родѣ теперешнихъ поповскихъ, но съ историческимъ желѣзнымъ остріемъ, у него всегда или въ рукѣ, или подъ рукою, исключая первой сцены, гдѣ онъ удалилъ его, какъ орудіе смерти сына, въ которой онъ въ эту минуту раскаивается.

Г о д у н о в ь .

Роль не менѣе важная Іоанновой есть роль Годунова. Постараемся разсмотрѣть и объяснить ее, какъ она понята въ трагедіи. По праву драматурга я сжалъ въ небольшое пространство нѣсколько періодовъ жизни этого лица, которыхъ историческое развитіе требовало гораздо долѣшаго времени.

По тому же праву я позволилъ себѣ здѣсь, равно какъ и въ роли Іоанна, отступать отъ исторіи вездѣ, гдѣ того требовали выгоды трагедіи.

Годуновъ есть во многихъ отношеніяхъ противоположность Іоанна. Энергія и сила у нихъ однѣ, умъ Годунова равняется уму Іоанна. Но насколько Іоаннъ рабъ своихъ страстей, настолько Годуновъ всегда господинъ надъ самимъ собой, и это качество даетъ ему огромный перевѣсъ надъ Іоанномъ.

Честолюбіе Годунова столь же неограниченно, какъ властолюбіе Іоанна, но съ нимъ соединено искреннее желаніе добра, и Годуновъ добивается власти съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться ею ко благу земли. Эта любовь къ добру не есть, впрочемъ, идеальная, и Годуновъ самъ себя обманываетъ, если онъ думаетъ, что любить добро для добра. Онъ любитъ его потому, что свѣтлый и здоровый умъ его показываетъ ему добро, какъ первое условіе благоустройства земли, которое одно составляетъ его страсть, къ которому онъ чувствуетъ такое же призваніе, какъ великій виртуозъ къ музыкѣ.

Годуновъ страдаетъ, глядя на заблужденія, на произволь, на жестокость Іоанна, потому, что видитъ во всемъ этомъ государственныя ошибки. Онъ, какъ гениальный анатомъ, присутствующій при трудной операціи, негодуетъ на хирурга, заставляющаго бесполезно страдать своего пациента, и хотѣлъ бы вырвать у него инструментъ, чтобы самому приступить къ операціи, не потому, что ему жалко пациента, а потому, что онъ боготворитъ свою науку и не

терпитъ на нее посягательства. Годуновъ, въ началѣ своей драмы, способенъ пожертвовать своими личными интересами для блага государства, но пожертвовать ими только временно, то-есть добровольно замедлить свое возвышеніе; совершенно же уничтожиться онъ не способенъ; тогда какъ Іоаннъ (не историческій, а мой Іоаннъ), если бы ему сказали, что, сойдя съ престола, онъ можетъ упрочить за своими наслѣдниками положеніе боговъ на землѣ, былъ бы въ состояніи принести эту жертву, которую, вѣроятно, не выдержалъ бы, но на которую бы рѣшился съ увлеченіемъ и искренностью, свойственными его характеру. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше Годунова. Въ началѣ трагедіи Годуновъ еще не переступилъ за черту, за которою онъ дѣлается безусловнымъ честолюбомъ. Участіе его къ Россіи равносильно его желанію возвыситься. Въ первомъ дѣйствіи онъ говоритъ въ пользу Іоанна потому, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ удержаніе его на престолѣ условіемъ спасенія земли. Во второмъ онъ видитъ, что Іоаннъ можетъ своимъ разводомъ съ царицей возстановить противъ себя духовенство и повредить своей популярности. По собственному побужденію и подъ впечатлѣніемъ своего разговора съ Захарьинымъ, онъ высказываетъ Іоанну свои опасенія. Онъ рѣшается, для блага земли, удержать его отъ развода, несмотря на то, что онъ этимъ спасаетъ своихъ враговъ, Нагихъ, которые, какъ братья царицы, потеряли бы всякое значеніе, когда бы царь взялъ другую жену. Іоаннъ съ оскорбительною насмѣшкой отвергаетъ его предостереженіе. Тогда Годуновъ отказывается навсегда отъ всякой попытки дѣйствовать прямо и начинаетъ тотъ знаменитый окольный путь, который со временемъ приведетъ его къ престолу. Но пока о престолѣ нѣтъ еще и помину. Честолюбіе Годунова еще не представляетъ ему другой цѣли, какъ упрочить себѣ вліяніе на Іоанна и быть первымъ бояриномъ въ думѣ.

Черезъ своихъ лазутчиковъ Годуновъ узналъ всѣ подробности существующаго противъ него заговора. Онъ идетъ къ Шуйскому, застаётъ своихъ враговъ врасплохъ и однимъ взглядомъ узнаётъ Битяговскаго, долженствующаго служить имъ орудіемъ. Гости Шуйскаго уходятъ въ замѣшательствѣ, онъ остается съ хозяиномъ и ведетъ съ нимъ незначительный разговоръ, чтобы продлить время, пока, по его распоряженію, слуга Шуйскаго, давно уже

имъ купленный, придетъ вызвать своего господина и оставить Годунова глазъ-на-глазъ съ Битяговскимъ. Чтобы показать зрителю, что этотъ вызовъ подготовленъ заранѣе, Годуновъ, разговаривая съ Шуйскимъ, долженъ иногда оборачиваться на дверь, какъ будто кого-то поджидая. Вообще, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ, сценической художникъ долженъ пополнять нѣмною игрой то, что авторъ не могъ высказать, не расширивъ условленныхъ предѣловъ драмы.

По уходѣ Шуйскаго, Годуновъ легко подчиняетъ себѣ Битяговскаго и съ этой минуты растетъ до конца. Въ третьемъ дѣйствіи роль его не представляетъ большихъ затрудненій. Онъ докладываетъ Иоанну о своихъ переговорахъ съ послами, а послѣ приѣма Гарабурды вбѣгаетъ въ престольную палату съ извѣстіемъ о пораженіи нашихъ войскъ.

Четвертое дѣйствіе самое трудное для художника. Въ немъ Годуновъ постоянно на сценѣ, но почти вовсе не говоритъ. Онъ только читаетъ Иоанну синодикъ, докладываетъ въ двухъ словахъ содержаніе грамотъ изъ Серпухова и изъ Казани, а въ концѣ акта, подхватывая шаптующагося Иоанна, восклицаетъ: «Государю дурно! Позвать врачей!» Съ перваго взгляда казалось бы, что авторъ въ этомъ дѣйствіи вовсе забылъ о роли Годунова, но онъ нигдѣ не предоставилъ художнику такого широкаго поля для игры, какъ именно здѣсь. Одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ актеровъ, дрезденскій артистъ Квантеръ (который теперь еошелъ со сцены), готовился играть эту роль по превосходному переводу г-жи Павловой и болѣе всего рассчитывалъ для своего успѣха на четвертое дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Годуновъ, хотя безъ словъ, играетъ здѣсь отъ начала до конца, и художникъ, взявшій его роль, не будучи ни въ чемъ стѣсненъ авторомъ, можетъ воспроизводить по своему личному воззрѣнію всѣ рефлексы, которые отражаются на Годуновѣ многочисленными и разнообразными событіями этого дѣйствія.

Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ сопровождавшій Иоанна на Красное Крыльцо, откуда больной царь наблюдалъ комету, возвращается съ нимъ вмѣстѣ въ палату и поддерживаетъ его.

Что выражаетъ теперь лицо Годунова?

Царь еще не объявилъ заключенія, которое онъ вывелъ изъ своихъ наблюдений, но пронизательный Году-

новъ, умѣющій читать въ его чертахъ, уже догадался, что настала минута рѣшительная. Онъ весь превратился въ ожиданіе, которое старается скрыть отъ Іоанна. Къ счастью, царь слишкомъ занятъ своими мыслями, чтобы обратиться на него вниманіе. Онъ объявляетъ присутствующимъ о своей близкой смерти. Ѳеодоръ падаетъ на колѣни, женщины подымаютъ вопль, бояре пугаются. Какъ держитъ себя въ это время Годуновъ? Это минута опасная. Всякая неловкость можетъ раздражить Іоанна. Недаромъ онъ прикрикнулъ на женщинъ и на сына. Годуновъ долженъ найти середину между явнымъ выказываньемъ скорби, которое можетъ показаться Іоанну навязчивымъ, и излишнею сдержанностью, которая можетъ навлечь на него подозрѣніе въ равнодушіи. Истинный художникъ найдетъ эту середину. Годуновъ долженъ держать себя такъ, чтобы Іоаннъ замѣтилъ и мнимую его скорбь и благоговѣніе, мѣшающее ее высказать. вмѣстѣ съ тѣмъ Годуновъ не долженъ играть свою комедію слишкомъ ярко, иначе онъ покажется отвратительнымъ зрителю. Слѣдуютъ сцена съ докторомъ и сцена съ волхвами. Къ обѣимъ Годуновъ относится, какъ тайный наблюдатель. Приказаніе Іоанна принести синодикъ выводитъ его на время изъ напряженнаго положенія. Онъ читаетъ синодикъ съ покорностью, подобающей слугѣ, не имѣющему своей воли. Чтеніе прерывается дворецкимъ Александровой слободы, привезшимъ извѣстіе о сожженіи Іоаннова дворца грозною. Царь, въ припадкѣ угрызеній и ужаса, проситъ на колѣняхъ прощенія у бояръ. Здѣсь Годуновъ не только не суется впередъ, но съ дипломатическимъ благоразуміемъ становится позади другихъ, дабы царь его не замѣтилъ. Неловкая выходка Шуйскаго спасаетъ Годунова отъ личнаго обращенія къ нему Іоанна, который это врядъ ли простилъ бы ему, если-бъ впоследствии выздоровѣлъ. Слѣдуютъ наставленія царевичу, извѣстія о ханѣ и о черемисахъ, и наконецъ докладъ о приходѣ схимника, послѣ чего Годуновъ удаляется изъ палаты вмѣстѣ съ другими. Когда всѣ, кромѣ женщинъ, возвращаются, Іоаннъ заставляетъ Годунова вмѣстѣ съ Захарьинымъ, Мстиславскимъ и Бѣльскимъ цѣловать крестъ въ вѣрности Ѳеодору. Затѣмъ онъ приказываетъ унижительное посольство къ Баторію. Приказъ этотъ пробуждаетъ въ боярахъ столь долго дремавшее чувство чести. Они протестуютъ и наперерывъ предлагаютъ Іоанну свою кровь и свое имущество, чтобы онъ

не уступалъ врагамъ русскихъ городовъ. Годуновъ въ это время, одинъ между всѣми,—молчить. И молчаніе это выказываетъ его характеръ краснорѣчивѣ всякихъ словъ. Заявленія патриотизма были бы теперь оппозиціей, а Годуновъ не можетъ быть въ оппозиціи. И онъ правъ; сопротивленіе ни къ чему не послужить; Іоаннъ ссылкой на св. писаніе и на божественность своихъ правъ убьетъ боярскій патриотизмъ, какъ будто бы его и не бывало, а Годуновъ выждетъ время и найдетъ случай иначе парализовать царскую волю. Постыдное посольство отправится въ путь, но будетъ остановлено и вернется съ дороги. Рѣшившись на неслыханное униженіе и подавивъ сопротивленіе бояръ, Іоаннъ шатается и готовъ упасть. Здѣсь мѣсто Годунову быть впереди всѣхъ. Онъ, а не кто другой, подхватываетъ Іоанна и зоветъ врачей ему на помощь. Такимъ образомъ играющій Годунова не остается празденъ ни на одну минуту во все продолженіе четвертаго дѣйствія. Онъ обдумаетъ заранѣе, какъ ему войти, гдѣ ему стать, на какую сторону перейти, когда выступить впередъ и когда ступеваться съ толпою. Онъ взвѣситъ заранѣе каждое свое движеніе, каждое измѣненіе своего лица и не забудетъ, что каждое изъ нихъ знаменательно, потому что зритель не спускаетъ съ него глазъ и дѣлитъ свое участіе между нимъ и Іоанномъ. Если же играющій Годунова даровитъ, онъ найдетъ тысячу отгѣнковъ, которыхъ невозможно предвидѣть и на которые я могъ только намекнуть. Само собой разумѣется, что въ этомъ дѣйствіи первая роль принадлежитъ Іоанну, и что Годуновъ не долженъ отвлекать отъ нея вниманіе. У Годунова есть другіе акты, гдѣ онъ стоитъ на первомъ планѣ, и ему принадлежитъ конецъ трагедіи. Здѣсь же онъ особенно долженъ быть замѣтенъ своею преднамѣренною незамѣтностью.

Пятый актъ открывается разговоромъ Годунова съ царевичемъ. Кириллинъ день насталь, будущій царь уже весь въ рукахъ Годунова. Но чѣмъ выше восходитъ Годуновъ, тѣмъ выше онъ жаждетъ подняться. Ему уже не довольно сдѣлаться правителемъ государства; онъ сожалѣетъ, что не рожденъ на престолѣ. Это первое мѣсто въ трагедіи, гдѣ Годуновъ выказываетъ всю глубину своего честолюбія. Оно должно сдѣлать на зрителя впечатлѣніе безсознательности. Годуновъ не часто бываетъ такъ откровененъ, но здѣсь онъ у себя, дома, безъ свидѣтелей, онъ увѣренъ въ женѣ и можетъ наконецъ перестать на-

блюдать за собою. Человѣческія отношенія его къ женѣ служатъ, между прочимъ, и контрастомъ отношеній Іоанна къ царицѣ. Они должны также примирить зрителя съ постоянною скрытною Годунова, которая иначе могла бы сдѣлаться утомительною. Здѣсь онъ долженъ быть простъ и естественъ. По уходѣ жены, онъ впускаетъ волхвовъ, и въ разговорѣ его съ ними сквозитъ досада, что здоровье Іоанна поправилось. Предвѣщаніе ему престола поражаетъ его, какъ электрическій ударъ. Все, что доселѣ смутно носилось передъ нимъ, выступаетъ ясно и осязательно. Слово выговорено, и цѣль его воплотилась. Онъ уже не можетъ отвлечь очей отъ этой цѣли; онъ долженъ идти къ ней безостановочно, что бы ему ни попалось на дорогѣ. Съ этой минуты онъ переродился. Взглядъ его сталъ повелителенъ, приемы рѣшительны, голосъ потерялъ обычную мягкость. Въ монологѣ, который онъ произноситъ по удаленіи волхвовъ, зритель долженъ слышать, что хотя онъ еще и не думаетъ объ убіеніи Дмитрія, но не остановится передъ преступленіемъ, если цѣною его будетъ престоль. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ заботится теперь объ устраненіи ближайшихъ препятствій. Но дѣло еще далеко не выиграно, и онъ долженъ продолжать носить личину. Съ притворнымъ участіемъ спрашиваетъ онъ у доктора о состояніи царскаго здоровья и объ условіяхъ его исцѣленія.

«А если бы, не дай Богъ, чѣмъ-нибудь
Онъ раздражился?»

Въ этихъ словахъ Годунова, выговоренныхъ медленно, съ разстановкой, съ испытующимъ взглядомъ на доктора, долженъ звучать для зрителя смертный приговоръ Іоанну. Приказанія, отдаваемые Битяговскому, которыми заключается первая половина пятаго дѣйствія, подтверждаютъ въ зрителѣ убѣжденіе, что Годуновъ теперь не остановится ни передъ чѣмъ, и должны возбудить ожиданіе трагическаго исхода.

Во второй половинѣ того же дѣйствія Годунову опять приходится играть нѣмую, но немаловажную роль до того мѣста, гдѣ онъ, исполнивъ царское порученіе, возвращается въ палату и застаётъ Іоанна, играющаго въ шахматы. Въ появленіи Годунова должно теперь быть нѣчто торжественное. Онъ рѣшился на поступокъ, который, если не удастся, будетъ стоить ему головы. Онъ играетъ въ банкъ; онъ панъ или пропаль; но онъ дѣйствуетъ, не

очертя голову, а взвѣсивъ всѣ возможныя случайности, и, по закону вѣроятностей, дерзкое предпріятіе должно удаться. Блѣдный, но рѣшительный, онъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ подходитъ къ группѣ бояръ и, узнавъ отъ одного изъ нихъ, что Іоаннъ находится въ раздраженномъ состояніи, то-есть именно въ томъ, которое ему нужно, онъ не спѣша обходитъ шахматный столъ и становится напротивъ Іоанна. Онъ неподвижно встрѣчаетъ и выдерживаетъ царскій взглядъ. Онъ своимъ взглядомъ заставляетъ Іоанна затрепетать и отшатнуться. Онъ нарочно медлитъ отвѣтомъ, чтобы продлить въ Іоаннѣ нервическое ожиданіе и потомъ сразить его навѣрняка рѣзко и отчетисто выговореннымъ отвѣтомъ. Онъ, отъ самаго своего прихода до произнесенія этого рокового отвѣта, какъ будто натягиваетъ лукъ и выскиваетъ мѣсто въ своей жертвѣ, куда бы удобнѣе пустить стрѣлу. Вся эта сцена должна быть художественно развита до малѣйшихъ подробностей. Чѣмъ долѣе она продлится, тѣмъ лучше. Здѣсь нечего опасаться утомить зрителя; если Годуновъ сыграетъ свою роль хорошо и найдетъ въ другихъ артистахъ добросовѣстное и понятливое содѣйствіе, зритель не останется равнодушень.

Но вотъ отвѣтъ произнесенъ, Іоаннъ упалъ на землю, врачи подтвердили его смерть, Годуновъ удостовѣрился, что царское сердце болѣе не бьется, и, открывъ окно, возвѣщаетъ народу, что не стало царя Ивана Васильича.

Глухая буря подымается на площади, а Годуновъ уходитъ, чтобы окончить начатое и приготовить послѣднюю сцену, гдѣ онъ явится полнымъ господиномъ царства и поставитъ ногу на первую ступень, ведущую къ престолу. Съ благоговѣнною торжественностью возвращается онъ въ палату и опускается на колѣни предъ растерявшимся Ѳедоромъ. Ѳедоръ передаетъ ему правленіе, и Годуновъ, не колеблясь, вступаетъ въ свои права, какъ будто они ему не новы и онъ уже повелѣвалъ всю свою жизнь. Не давъ никому опомниться, онъ съ неожиданною рѣшительностью избавляется отъ своихъ главныхъ враговъ. Ѳедоръ, рыдая, бросается ему на шею, и народъ смѣшиваетъ ихъ имена въ своемъ привѣтственномъ восклицаніи. Этимъ кончается роль Годунова, а съ нею и трагедія. Ему принадлежитъ послѣднее слово, и зритель понимаетъ, что онъ не остановится на этой ступени, но сумѣетъ осуществить сдѣланное ему предсказаніе.

Роль Годунова несравненно труднѣе роли Іоанна. Въ ней нѣтъ той яркости, благодаря которой Іоаннъ виденъ изъ каждаго своего слова, почти безъ комментарій. Здѣсь авторъ предоставилъ все личному воззрѣнію художника.

Наружность историческаго Годунова была самая привлекательная. Онъ былъ такъ же, какъ Іоаннъ, высокъ и строенъ. Лицо его было смугло; черные глаза, осѣненные темными бровями, глядѣли ласково. Короткая темная борода окаймляла правильный очеркъ лица, и на изящно выгнутой губахъ играла привѣтливая улыбка. Годуновъ подчинялъ себѣ людей столько же превосходствомъ своего ума, сколько своей обходительностью.

Литсграфированную копию съ современнаго портрета можно видѣть въ сочиненіи Висковатаго: «Вооруженіе русскихъ войскъ».

Въ трагедіи приемы Годунова благородны и сдержанны. Голосъ его никогда не возвышается, исключая въ разговорѣ съ волхвами и въ слѣдующемъ за нимъ монологѣ, но и то умѣренно.

Держитъ онъ себя сообразно тому, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Къ равнымъ онъ относится скромно, къ Іоанну съ благоговѣніемъ, къ Захарьину съ почтительною довѣрчивостью, къ царевичу Ѳедору, до его вступленія на престолъ, съ родственною дружбой, не забывающей разстоянія, которое ихъ раздѣляетъ. Съ Битяговскимъ онъ говоритъ повелительно и смотритъ на него, какъ на червяка, котораго можетъ раздавить во всякую минуту. Сверхъ того Годуновъ мастеръ измѣнять свои приемы, смотря по обстоятельствамъ. Вызванный Захарьинимъ на говореніе въ думѣ, онъ начинаетъ свою рѣчь чрезвычайно скромно, но по мѣрѣ успѣха голосъ его получаетъ увѣренность, и подъ конецъ въ немъ слышится власть, которая дается сознаниемъ превосходства. Въ спорѣ своемъ съ Сицкимъ онъ отличается умѣренностью съ легкимъ отгѣнкомъ ироніи, и этотъ отгѣнокъ становится чувствительнѣе, когда онъ несостоятельнымъ боярамъ предлагаетъ въ цари, одного за другимъ, такихъ людей, которыхъ они только что отвергли. Но верхомъ дипломатическаго разчета есть тонъ его съ Іоанномъ, когда онъ, какъ выборный отъ бояръ, приноситъ ему рѣшеніе думы. Несмотря на рабочій оборотъ въ концѣ рѣчи, Годуновъ произноситъ ее, не какъ униженное моленіе, но какъ приказъ отъ всѣхъ къ одному. И расчетъ оказывается вѣренъ. Іоаннъ до-

воленъ, что его принуждаютъ; онъ покоряется думѣ и, цѣлуя Годунова въ голову, говорить:

«Я дерзкую охотно слышу рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца!»

Въ разговорѣ Годунова съ Захарьинымъ, въ началѣ второго акта, есть смѣсь искренности съ долею притворства. Онъ дѣйствительно потому идетъ окольнымъ путемъ, что не можетъ идти иначе, но онъ не столько объ этомъ сожалеетъ, какъ показываетъ. Сожалѣніе выставлено болѣе для Захарьина, коего прямая натура не могла бы иначе примириться съ характеромъ Годунова. Съ Шуйскимъ Годуновъ, когда приходитъ къ нему въ домъ, говоритъ съ полнымъ самообладаніемъ, не отступая ни на шагъ отъ принятой на себя роли, и спокойствіе его составляетъ контрастъ съ суетливымъ радушіемъ Шуйскаго. Къ Битяговскому, когда онъ остается съ нимъ глазъ-на-глазъ, Годуновъ обращается съ неумолимымъ хладнокровіемъ. Здѣсь особенно онъ долженъ сдѣлать на зрителя впечатлѣніе неумолимости. Въ самомъ дѣлѣ, Іоанна легче умолить, чѣмъ Годунова. Іоаннъ можетъ иногда, по капризу, помиловать, кого онъ осудить; но кого въ своемъ сердцѣ осудить Годуновъ, того онъ никогда не помилуетъ. Приговоры его внушены ему не гнѣвомъ, не мстительностью, но холоднымъ убѣжденіемъ въ ихъ необходимости. Іоаннъ губить своихъ враговъ со злобою; Годуновъ, безъ всякой злобы, устраняетъ ихъ, какъ препятствія. Онъ вовсе не жестокъ отъ природы, но когда онъ думаетъ, что жестокость нужна для устрашенія его враговъ, она его не пугаетъ. Онъ это доказалъ впоследствии, когда, чтобы заставить молчать угличанъ, обвинявшихъ его въ убіеніи Дмитрія, онъ разомъ велѣлъ казнить двѣсти человѣкъ и всѣхъ жителей Углича переселить въ отдаленныя области.

О другихъ измѣненіяхъ наружности Годунова въ остальныхъ частяхъ трагедіи уже сказано выше.

Одежда его обыкновенная боярская. При великолѣпной постановкѣ онъ можетъ перемѣнить ее нѣсколько разъ въ продолженіе пьесы.

Шуйскій.

Послѣ Годунова первыя два мѣста въ трагедіи занимаютъ Захарьинъ и Шуйскій. Начнемъ съ послѣдняго, котораго характеръ примыкается естественно къ харак-

теру Годунова. Шуйскій есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабый и искаженный съ него снимокъ. Онъ неудачная попытка природы произвести Годунова. Когда Годуновъ прибѣгаетъ къ хитрости, онъ дѣлаетъ это потому, что не имѣетъ лучшаго способа для достиженія своихъ цѣлей. Если-бъ онъ могъ достичь ихъ прямо, онъ отвергъ бы хитрость, какъ замедляющее средство. Шуйскій, напротивъ, любитъ хитрость для хитрости. Онъ въ ней катается, какъ сыръ въ маслѣ. Ему доставляетъ удовольствіе сначала притвориться, а потомъ поразить всѣхъ неожиданнымъ эффектомъ. Онъ по своей природѣ заговорщикъ, тогда какъ Годуновъ уже потому не можетъ быть заговорщикомъ, что онъ ни съ кѣмъ не дѣлится своими планами, а всѣхъ употребляетъ какъ свои орудія, и друзей и враговъ. Годуновъ знаетъ всю подноготную Іоанна; Шуйскій знаетъ только его главныя черты. Оттого онъ и суется такъ неудачно съ своею фразой, когда Іоаннъ проситъ у него на колѣняхъ прощенія. Цѣль Годунова, еще до мысли о престолѣ, это—подчинить себѣ всю Россію; цѣль Шуйскаго—составить себѣ партію. Годунова взвела на престолъ Россія, Шуйскаго взвела партія; оттого онъ и не удержался. Но рядомъ съ этою посредственностью у Шуйскаго есть и хорошія качества. Онъ неустрашимъ въ опасности и твердъ въ несчастіи. Когда онъ сдѣлался царемъ, онъ соблюдалъ законность; когда народная дума свела его съ престола, онъ показалъ достоинство; когда его насильно постригали, онъ отказался произносить монашескій обѣтъ; когда Жолкѣвскій привезъ его, плѣнникомъ, въ Варшаву, онъ не хотѣлъ кланяться королю и, лишенный престола, явилъ истинно-царское величіе. Но всѣ эти черты лежатъ внѣ трагедіи, и я только для того указываю на нихъ, чтобы исполняющій роль Шуйскаго получилъ ясное о немъ понятіе.

Наружность Шуйскаго не имѣла благородства наружности Іоанна и Годунова. Его описываютъ толстымъ, небольшого роста, съ маленькими глазами. Портретъ его, находящійся, кажется, въ московской оружейной палатѣ, врядъ ли даетъ о немъ вѣрное понятіе.

Приемы его должны быть льстивы, особенно съ Іоанномъ; лицо хитро и подозрительно, хотя и видна въ немъ рѣшительность; онъ высматриваетъ и выслушиваетъ; онъ не умѣетъ скрыть то, что онъ хитеръ. Онъ прислушивается

и поддакиваетъ Іоанну, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не долженъ казаться хамомъ. Этотъ оттѣнокъ принадлежитъ скорѣе Нагимъ, братьямъ царицы, о которыхъ рѣчь будетъ послѣ.

Захарьинъ.

Захарьинъ, извѣстный Никита Романовичъ, братъ царицы Анастасіи, первой жены Іоанна, дядя царевича Федора, родоначальникъ Романовыхъ, есть по народнымъ преданіямъ олицетвореніе добра въ темную эпоху Іоанна.

Онъ является въ старинныхъ пѣсняхъ какъ добрый геній, какъ противоположность Малюты Скуратова; онъ даетъ добрые совѣты Іоанну, онъ удерживаетъ его отъ казней. Характеръ этотъ я старался сохранить ему и въ трагедіи. Онъ въ полномъ смыслѣ честный и прямой человѣкъ, готовый всегда идти на плаху скорѣе, чѣмъ покрыть душой или промолчать тамъ, гдѣ совѣсть велитъ ему говорить. Но онъ живетъ въ эпоху Іоанна, въ такую эпоху, гдѣ злоупотребленіе власти, раболѣпство, отсутствіе человѣческаго достоинства сдѣлались нормальнымъ состояніемъ общества.

На все это онъ насмотрѣлся вдоволь, и его способность негодовать притупилась. Въ немъ есть только протестъ, въ немъ нѣтъ инициативы. Онъ не герой; онъ можетъ быть только мученикомъ; онъ стоитъ ниже Сицкаго, въ которомъ негодование кипитъ въ полной силѣ. Смиреніе Захарьина смѣшано съ долею апатіи. Въ томъ-то и проклятіе временъ нравственнаго упадка, что они парализируютъ лучшія силы лучшихъ людей. Подобные примѣры мы видимъ въ исторіи Рима и Византіи. Захарьинъ свыкъся съ окружающимъ его порядкомъ, и энергія его пробуждается только въ экстренныхъ случаяхъ, когда Іоаннъ уже черезчуръ далеко хватилъ. Въ трагедіи я избѣжалъ выставить всѣ ужасы Іоанновой эпохи и указалъ на нихъ только рефлексамъ. Это спасаетъ роль Захарьина, иначе зритель не могъ бы помириться съ его терпимостью. Захарьинъ, какъ онъ стоитъ въ трагедіи, долженъ быть противоположностью всѣхъ низкихъ, злыхъ и эгоистическихъ началъ, которыя кишатъ вокругъ него. Онъ, какъ братъ Анастасіи, первой и болѣе всѣхъ любимой жены Іоанна, уцѣлѣлъ отъ его періодическихъ казней. Со времени смерти сестры онъ пережилъ шесть царицъ и привязался къ послѣдней, къ Нагой, напоминаю-

щей ему Анастасію своей кротостью. Онъ любитъ ее, какъ дочь, называетъ ее дитяткомъ, а она его дядюшкой, и между ними существуетъ чистая и нѣжная привязанность, на которой зритель долженъ отдохнуть послѣ всего грубаго и нечистаго, представленнаго ему доселѣ. Лучшая минута Захарьина—это его монологъ къ Іоанну передъ приѣмомъ Гарабурды. Здѣсь онъ выходитъ изъ своей обычной пассивности. Онъ начинаетъ сдержанно, голосъ его дрожить, но мало-по-малу онъ одушевляется, говоритъ съ жаромъ и кончаетъ съ энергіей, доходящей до негодованія. Второе мѣсто, гдѣ Захарьинъ выходитъ изъ своего спокойствія—это обращеніе его къ Годунову послѣ смерти Іоанна. Онъ уже пересталъ называть его «Борисомъ», когда Годуновъ велѣлъ Шуйскаго и Бѣльскаго схватить стрѣльцамъ. «Ты скоръ, бояринъ!»—говоритъ онъ ему съ неудовольствіемъ. Теперь же, когда Годуновъ отправляетъ царицу и Нагихъ въ Угличъ, терпѣніе его истощилось. «Бояринъ Годуновъ, — говоритъ старикъ:

«Я вижу, ты распорядиться мастеръ:
Всѣмъ мѣсто ты нашель; лишь одного
Меня забылъ ты. Говори, куда
Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?
Въ тюрьму? Или на плаху?»

Слова эти должны быть произнесены съ достоинствомъ и благородствомъ оскорбленнаго нравственнаго чувства и обманутаго довѣрія къ Годунову.

Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ, которыя Захарьинъ произноситъ послѣ обращенія къ нему царицы и которыя суть его послѣднія:

«О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!
Прости насъ всѣхъ! Вотъ самовласть кара!
Вотъ распаденья нашего исходъ!»—

должны звучать глубокая горестъ и предвидѣнныя будущаго несчастій. Въ нихъ заключается смыслъ и синтезъ всей трагедіи, и потому весьма важно, чтобы художникъ произнесъ ихъ вѣрно, и чтобы они сдѣлали должное впечатлѣніе на зрителя. Играющаго роль Захарьина считаю нужнымъ предостеречь въ одной опасности. Онъ не долженъ забывать, что Захарьинъ не есть отвлеченная личность, на которой лежитъ обязанность читать мораль другимъ, но живой человѣкъ со всѣми свойствами человѣка, иначе онъ рискуетъ сдѣлаться похожимъ на Правдина, Здравомысла и другихъ благонамѣренныхъ резонеровъ нашихъ комедій прошлаго вѣка.

Не знаю, существуетъ ли гдѣ портретъ Захарыина, но наружность его не можетъ быть достаточно почтенна. Высокій ростъ, сѣдые волосы и сѣдая борода очень пристанутъ его характеру.

Бѣльскій.

Союзникъ Шуйскаго во враждѣ его къ Годунову есть Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, думный бояринъ и оружничай государевъ. Роль его въ драмѣ очень коротка, но, какъ историческое лицо, онъ заслуживаетъ нѣкоторыхъ указаній. Послѣ смерти Малюты Скуратова, онъ наслѣдовалъ при Іоаннѣ мѣсто довѣреннаго человѣка по всѣмъ тайнымъ и кровавымъ порученіямъ. Онъ былъ рѣшителенъ и заносчивъ, любилъ роскошь и сыпалъ деньгами. Изъ этого видно, что выраженіе его должно быть сурово, а приемы надменны. Собственно о его наружности мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что у него была длинная и окладистая борода, которую Годуновъ въ послѣдствіи велѣлъ у него выщипать.

Въ сценѣ шахматной игры мнѣ нѣкоторые замѣтили, что Бѣльскій долженъ не сидѣть, но стоять передъ Іоанномъ. Я съ ними не согласенъ. Іоаннъ не подчинялся церемоніалу до такой степени, чтобы пожертвовать ему своимъ комфортомъ. Если бы Бѣльскій, играя, стоялъ, то Іоанну пришлось бы смотрѣть ему въ животъ или, говоря съ нимъ, подымать голову. Онъ не для Бѣльскаго, а для собственнаго удобства велитъ ему сѣсть, какъ велѣлъ бы ему лечь, если-бъ нашелъ это сподручнѣе. Къ тому же, если-бъ даже сидѣнье Бѣльскаго и не было согласно съ обычаемъ, то здѣсь необходимо отступленіе отъ исторической правды для сценическихъ требованій. Годуновъ, вернувшійся съ отвѣтомъ, долженъ одинъ, отдѣльно отъ всѣхъ, стоять передъ Іоанномъ и господствовать надъ нимъ всею осанкой. Другой, стоящій рядомъ съ Годуновымъ, испортилъ бы картину и ослабилъ бы впечатлѣніе.

Мстиславскій.

Второй союзникъ Шуйскаго, Мстиславскій, старшій бояринъ въ думѣ, не замѣчателенъ ничѣмъ ни въ исторіи ни въ драмѣ. Положеніемъ своимъ онъ обязанъ не личнымъ достоинствамъ, но знатности, которою онъ очень гордится.

Братья Нагіе.

Нагіе, братья царицы, оба грубые люди, дурного воспитанія, попавшіе въ честь, которой они и во снѣ не ожидали и которая вскружила имъ голову. Михайло Нагой сверхъ того еще и пьяница. Въ сценѣ своей съ Салтыковымъ онъ долженъ быть немного подгулявши.

У Григорія Нагого есть довольно интересное мѣсто: чтеніе письма Курбскаго. Онъ долженъ читать такъ, чтобы въ его голосѣ слышался страхъ, но чтобы чрезъ то не была ослаблена язвительность письма и ни одна изъ дерзостей Курбскаго не прошла бы незамѣченною.

Сицкій.

Сицкій—благородная, горячая натура, одинъ изъ тѣхъ людей, которые являлись, какъ исключеніе, въ царствованье Іоанна и весьма скоро сходили со сцены, не поддержанные общимъ мнѣніемъ. Замѣчаніе Годунова: «меня князь Сицкій старше» относится не къ лѣтамъ его, но къ породѣ. Онъ долженъ быть молодъ, потому что при Іоаннѣ такіе люди до старости не достигали. Рѣчь его дышитъ пылкостью и благородствомъ. Эта роль не велика, но очень эффектна. Ее не надобно давать статисти, она стѣдуетъ тщательнаго исполненія.

Битяговскій.

Битяговскій и Кикинъ—два мошенника, одинъ на другого не похожіе, Битяговскій—мошенникъ грандіозный. Онъ кинулся во всѣ пороки, очертя голову, и отказался отъ совѣсти безо всякаго сожалѣнія и усилія. У него нѣтъ ничего святого.

Отличительныя черты его—смѣлость и наглость. Пронгравшись въ карты, онъ продается Замойскому, потомъ продается Шуйскому, а наконецъ продается Годунову и служить ему вѣрно потому, что находитъ въ томъ свою выгоду. Онъ сорви-голова; любитъ разгулъ и удалство; но въ присутствіи людей высшаго круга ему не совѣмъ ловко, не потому, чтобы онъ чувствовалъ къ нимъ почтеніе, а потому, что привычки у нихъ другія. Когда Шуйскій и его гости толкуютъ съ нимъ о способѣ погубить Годунова, онъ отказывается сѣсть, отвѣчаетъ сурово и односложно. Зато на базарѣ, среди простого народа, онъ въ сво-

емъ элементѣ. Онъ затягиваетъ пѣсню, говорить рѣчисто, смѣется и исполняетъ свое порученіе съ молодецкою развязностью.

Кикинъ.

Кикинъ, напротивъ того, обыкновенный плутъ; между нимъ и Битяговскимъ такое же разстояніе, какъ между Шуйскимъ и Годуновымъ.

Чтобы взбунтовать народъ, онъ прибѣгаетъ къ передѣванью, онъ измѣняетъ свою рѣчь и приемы; онъ забираетъ издалека, чтобы наклеветать на Годунова. Битяговскій же является на площадь, какъ онъ есть, и отхватываетъ свою клевету на Шуйскаго и Бѣльскаго безо всякихъ приготовленій. Наружность ихъ также противоположна. Битяговскій человекъ сильнаго тѣлосложенія, видъ его разбойничій; волосы и борода нечесанные, цвѣтъ лица блѣдный, глаза воспаленные, взглядъ дерзкій; голосъ хриплый отъ водки.

Кикинъ человекъ низенькій, пухленькій, съ заплывшими глазками, съ круглымъ краснымъ носомъ, съ лысиной на лбу; приемы его добродушны, голосъ масляный. Онъ хотя тоже гуляка, но совсѣмъ другого рода. Когда Битяговскій цѣлыя ночи просиживалъ въ кабацѣ, а утромъ вставалъ изъ-за стола, какъ встрепанный, Кикинъ послѣ перваго штофа спускался подъ столъ. Когда Битяговскій смѣло передергивалъ карты, не заботясь о томъ, замѣтятъ ли это или нѣтъ, Кикинъ осторожно пускалъ въ ходъ сверленныя кости. Когда Битяговскій хватался за ножъ, Кикинъ хватался за шапку. Роль Битяговскаго важнѣе роли Кикина, но обѣ требуютъ понятливыхъ исполнителей, ибо онѣ освѣщаютъ цѣлую сторону драмы: отраженіе на народѣ придворныхъ интригъ.

Гарабурда.

Михайло Богдановичъ Гарабурда, секретарь великаго княжества Литовскаго и посолъ короля Баторія, является только одинъ разъ въ драмѣ, въ одной изъ самыхъ короткихъ сценъ, но на немъ основанъ переломъ Іоанновой судьбы, и онъ представляетъ ту ось, на которой совершается оборотъ всего хода событій, когда драматическое движеніе изъ восходящаго превращается въ нисходящее. Онъ есть вершина драматической пирамиды, и потому коротенькая роль его одна изъ самыхъ важныхъ. Къ тому-жъ

Онъ поставленъ къ Іоанну въ исключительное положеніе явнаго антагониста, положеніе, въ которомъ изо всѣхъ прочихъ дано стоять одному Годунову, да и этому только въ концѣ трагедіи. Если Годуновъ убиваетъ Іоанна физически, Гарабурда является въ самой серединѣ трагедіи, чтобы убить его морально и приготовить его физическую смерть. На эту роль нельзя достаточно обратить вниманія, ни приложить къ ней слишкомъ много старанья. Художникъ, берущій ее на себя, никакъ не долженъ увлекаться оттѣнкомъ комизма, который слышится въ словахъ Гарабурды. Развивать этотъ комизмъ, напр., заставляя Гарабурду говорить ломанымъ русскимъ языкомъ или придавать ему ужимки изъ оперы: «Москаль-чаривникъ»—было бы грубой ошибкой. Малороссійское происхождение Гарабурды достаточно обозначено оборотами его рѣчи. Играющій его можетъ прибавить къ этому болѣе мягкій выговоръ, напр., вѣди-еръ произносить какъ вѣди, а не какъ фертъ, и болѣе ничего.

Національность Гарабурды заключается въ его характерѣ.

Пріѣхавъ въ Москву во время продолжительной и неудачной осады Пскова, когда счастье Баторія грозило ему измѣнить, онъ, вѣроятно, былъ уполномоченъ на уступки. Но въ самый день, назначенный для его пріема, къ нему прискакалъ литовскій гонецъ и привезъ извѣстіе о побѣдѣ короля надъ русскими войсками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя инструкціи. Іоаннъ объ этомъ еще не знаетъ, но уже отзывался презрительно о Баторіи. Гарабурда не говоритъ никому ни слова и рѣшается проучить Іоанна. Онъ вступаетъ въ престольную палату съ скромнымъ достоинствомъ, и лицо его не выражаетъ ни малѣйшаго торжества. Онъ терпѣливо сноситъ насмѣшки Іоанна, но, когда царь задѣваетъ его короля, онъ самъ принимаетъ ироническій тонъ и, не выходя изъ своего хладнокровія, осаживаетъ Іоанна. Если это мѣсто будетъ сыграно хорошо, оно должно произвести большой эффектъ. Это первое униженіе, претерпѣнное Іоанномъ на сценѣ. Надобно вообразить себѣ неограниченнаго владыку, передъ кѣмъ все трепещетъ, окруженнаго всѣмъ блескомъ своего величія, которому, въ присутствіи его рабовъ, иностранный посолъ, русскій по происхожденію, даетъ урокъ. Но Іоаннъ скрываетъ свою досаду подъ презрительною насмѣшкой и велитъ послу продолжать. Тогда Гарабурда, тѣмъ же хладно-

кровнымъ тономъ, высказываетъ ему неожиданныя и неумѣренныя требованія Баторія. Ропотъ раздается въ собраніи, буря собирается въ сердцѣ Іоанна, и чѣмъ болѣе онъ ее сдерживаетъ, тѣмъ сильнѣе она должна разразиться. Это минута всеобщаго ожиданія. Гарабурда, не измѣняя своего голоса, предлагаетъ Іоанну поединокъ отъ имени Баторія и бросаетъ передъ нимъ перчатку (западный рыцарскій обычай, о которомъ врядъ ли московскій царь имѣетъ и понятіе).

«Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты, или король? Къ чему перчатка эта?»

начинаетъ Іоаннъ сдержаннымъ голосомъ, котораго поддѣльное хладнокровіе составляетъ контрастъ съ дѣйствительнымъ хладнокровіемъ Гарабурды. Но вскорѣ царь не въ силахъ себя сдерживать. Онъ уже не владѣетъ собою. Очи его вспыхнули, онъ весь задрожалъ, ругательства загремѣли изъ устъ его, и, выхвативъ у рынды топоръ, онъ бросаетъ его въ посла.

«Поторопился-жъ ты, панъ царь!»

говоритъ Гарабурда съ невозмутимымъ спокойствіемъ и объявляетъ Іоанну, что онъ разбитъ, и что шведы взяли Нарову и идутъ на Новгородъ. Вотъ гдѣ переломъ въ судьбѣ Іоанна, вотъ откуда онъ начинаетъ падать, и вотъ гдѣ обратная точка трагедіи, дающая такую важность этой сценѣ.

Гарабурда остается хладнокровнымъ до конца. Отличительная черта его—невозмутимость. На лицѣ написаны умъ, твердость и скрытность.

Онъ, какъ малороссіянинъ, хотя и прикидывается добродушно-простоватымъ, но этотъ отбѣнокъ никогда не доходитъ до карикатурности.

Историческій Гарабурда пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Россію и пользовался у насъ большимъ уваженіемъ. Онъ былъ православной вѣры и хорошо зналъ русскій языкъ. Наружность его намъ извѣстна. Одежда должна быть малороссійская, въ родѣ той, какую мы видимъ на портретахъ гетмановъ; волосы острижены въ кружокъ, борода бритая, усы длинные; лѣтъ ему подъ пятьдесятъ.

Царевичъ Ѳедоръ.

Царевичъ Ѳедоръ Іоанновичъ играетъ весьма незначительную роль въ трагедіи, но какъ онъ историческое

тицо и какъ личность Іоанна отражается на немъ рефлексамъ, то необходимо сказать нѣсколько словъ и о немъ.

Это доброе, ограниченное и забытое существо. Онъ боѣе, чѣмъ другіе, боится Іоанна. Онъ застѣнчивъ и набоженъ; ему хотѣлось бы сходить пѣшкомъ къ Троицѣ, но онъ боится попроситься у бабушки. Онъ пугается мысли взойти на престолъ; онъ знаетъ о политическихъ событіяхъ только черезъ Бориса; второе слово его: Борисъ. Въ немъ онъ видитъ наставника и будущаго своего спасителя. Онъ плачетъ, когда Годуновъ отсылаетъ въ Угличъ его мачеху и брата, но онъ не смѣетъ противиться Борису. Все вниманіе артиста должно быть обращено на то, чтобы не сдѣлать его смѣшнымъ. Онъ долженъ возбуждать жалость, а не смѣхъ, и на всѣхъ его пріемахъ должно быть видно вліяніе Іоанна.

Здѣсь считаю умѣстнымъ замѣтить вообще, что всѣмъ лицамъ трагедіи предстоитъ постоянно отражать это вліяніе, каждому по-своему.

Напримѣръ, передъ всякимъ появленіемъ Іоанна во всѣхъ присутствующихъ замѣтно волненіе. Иной оправится, другой откашлянется, третій погладитъ бороду, и всѣ лица напрягаютъ свое выраженіе; никто не остается самимъ собою, развѣ только одинъ Захарьинъ.

Федоръ же, когда услышитъ бабушкины шаги, сперва засуетится, а потомъ такъ и замретъ.

Портреты Федора не внушаютъ мнѣ довѣрія. Но мы знаемъ, что онъ былъ малъ, дряблъ и опухловатъ. Въ бородѣ природа ему отказала или дала такую жиденькую, что о ней не стѣитъ и говорить. Одежда его должна быть самая богатая, не потому, чтобы онъ любилъ наряжаться, но потому, что Іоаннъ не позволилъ бы ему ходить какъ-нибудь. Онъ хочетъ, чтобы все къ нему близкое, все ему принадлежащее, носило печать его собственности и его величія. Федоръ, одѣтый въ парчу и въ бархатъ, долженъ казаться какъ не въ своемъ платьѣ. Ему бы скорѣе хотѣлось надѣть подрясникъ, но бабушка не велитъ. Всѣ движенія его нерѣшительны, и главный характеръ его наружности—запуганность.

Схимникъ.

Схимникъ—роль очень эффектная, но довольно легкая. Тутъ нужно болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ.

ныхъ качествъ. Исполнитель долженъ только помнить, что онъ уже тридцать лѣтъ отказался отъ свѣта, не видѣлъ людей, не знаетъ ничего и весь ушелъ въ себя. Глаза его потухли, станъ согнулся, голосъ ослабъ отъ непривычки говорить, лицо выражаетъ равнодушіе и кротость. Когда онъ входитъ, въ немъ незамѣтно никакого любопытства узнать, зачѣмъ онъ понадобился Іоанну. Только при воспоминаніи о Казани онъ относительно оживляется. Онъ самъ бралъ Казань, онъ знаетъ всѣхъ знаменитыхъ воеводъ того времени, и картина минувшей славы мало-по-малу воскресаетъ въ его воображеніи и облекается въ яркія краски. На минуту, но только на одну минуту, онъ забываетъ, что онъ схимникъ, и воображаетъ себя снова воиномъ, когда онъ говоритъ :

«Встань, государь, и за святое дѣло
Самъ поведи на брань свои полки!»

Ни малѣйшаго волненія не производитъ въ немъ грозное восклицаніе Іоанна, когда царь слышитъ отъ него имя своего убитаго сына.

«Царь, твой гнѣвъ
Не страшенъ мнѣ, хотя и непонятенъ!
Уже давно я смерти жду, мой сынъ».

Эти слова схимникъ произноситъ совершенно просто и спокойно, безъ малѣйшаго паѳоса.

Признанія Іоанна во всѣхъ казняхъ и убійствахъ потрясаютъ эту чистую душу, и когда на вопросъ царя :

«И никакого наставленія боги
Ты мнѣ не дашь?»

онъ отвѣчаетъ :

«Прикажи меня
Отвѣсть обратно въ келію мою!»—

въ его кроткомъ голосѣ слышится ужасъ, внушаемый ему Іоанномъ. Считаю почти излишнимъ замѣтить, что всѣ вопросы схимника о казненныхъ воеводахъ—совершенно наивны, и что въ нихъ нѣтъ и тѣни желанія попрекнуть Іоанна. Схимникъ дѣйствительно ничего не знаетъ. Отличительныя черты его—это кротость и простота. Если бы онъ могъ явиться на сцену въ схимѣ, эта живописная, мрачная одежда произвела бы прекрасный контрастъ съ богатою одеждой Іоанна; но какъ, по нашимъ театральнымъ правиламъ, схема не допускается, то пусть онъ будетъ въ простой черной рясѣ, въ родѣ той, въ которую одѣтъ Іоаннъ въ первомъ дѣйствіи.

Пусть, по той же причинѣ, онъ назовется на афишѣ не схимникомъ, а старцемъ.

Гонецъ изъ Пскова.

Коротенькая роль гонца изъ Пскова также требуетъ скорѣе предостереженія, чѣмъ указаній. Важнѣе всего, чтобы исполнитель избѣгалъ напыщенности, а говорилъ бы просто, иначе онъ будетъ напоминать Расиновскаго Өерамена. Гонецъ чловѣкъ военный; онъ прибылъ изъ осажденнаго города, гдѣ мало занимаются церемонаіаломъ. Поэтому, при всемъ его благоговѣннн къ Іоанну, въ немъ нѣтъ того оттѣнка раболѣпства, который болѣе или менѣе замѣтенъ въ другихъ лицахъ трагедіи. Въ немъ видны радость успѣха и чистосердечная благодарность къ Богу. Одежда его бранная; на головѣ шлемъ или мисюрка. Онъ прямо съ коня явился къ Іоанну, и потому доспѣхи его не могутъ блестѣть, какъ только-что вычищенные наждакомъ, а должны быть запылены и заржавлены. На такого рода мелочи слишкомъ мало обращается вниманія, а между тѣмъ онѣ много способствуютъ къ впечатлѣнню правды или, лучше сказать, ихъ несоблюденіе сильно разрушаетъ это чувство.

Ш у т ь.

Про шута, являющагося во второй половинѣ послѣдняго дѣйствія, не могу сказать ничего, кромѣ, что онъ есть арабескъ, долженствующій усилить наружную пестроту обстановки. Все, что въ концѣ трагедіи блеститъ и сверкаетъ вокругъ Іоанна, есть золотистый грунтъ, на которомъ отдѣляется мрачная катастрофа. Чѣмъ цвѣтистѣе и ярче эта наружная сторона, тѣмъ живѣе чуется приближающееся событіе. Но шутъ имѣетъ еще и другое назначеніе: онъ даетъ поводъ Іоанну обнаружить нѣкоторыя черты своего характера, которыя высказать доселѣ не было случая. Іоаннъ шутливъ; онъ любитъ фарсы. Грубое издѣваніе надъ Нагимъ, выходка насчетъ бояръ, насмѣшка надъ королемъ—находить въ немъ одобреніе. Только передъ возвращеніемъ Годунова Іоанномъ овладѣваетъ безпокойство, и веселость его дѣлается натянутой. Когда онъ роняетъ шахматнаго короля, а шутъ неосторожно восклицаетъ: «Царь шлепнулся!»—это восклицаніе должно произвести впечатлѣннє невольнаго пророчества, а вспышка Іоанна напомнить, что жизнь его ви-

ситъ на волоскѣ. Шутъ не долженъ хотѣть занимать собою публику. Когда говорятъ другіе, онъ долженъ теряться въ толпѣ. Всякое излишнее или неумѣстное кривляніе было бы верхомъ не только безвкусіа, но и непониманія своего назначенія. Одежда шута полусермяжная, полупарчевая, во всякомъ случаѣ очень пестрая, а на головѣ у него колпакъ съ бубенчиками.

Скоморохи.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о скоморохахъ. Они должны быть какъ можно болѣе безобразны: съ горбами, съ большими носами, съ пеньковыми бородами, нѣкоторые, пожалуй, съ золочеными рогами, иные въ польскихъ, другіе въ нѣмецкихъ одеждахъ того времени, въ насмѣшку шведамъ и полякамъ, врагамъ Іоанновымъ. Имъ не только позволяется, но ставится въ обязанность кривляться. Они появляются два раза: сначала, когда шутъ представляетъ ихъ Бѣльскому, потомъ въ минуту смерти Іоанна. Первое появленіе имѣетъ цѣлю врѣзать ихъ наружность и нѣкоторыя изъ ихъ словъ въ памяти зрителя, второе должно только напомнить о нихъ зрителю, такъ, чтобы онъ имъ не удивился, а тотчасъ понялъ бы, что это ему знакомые скоморохи и что они вбѣжали по ошибкѣ. Въ первый разъ они могутъ проплясать предъ Бѣльскимъ цѣлую маленькую пантомиму, то-есть ровно столько времени, сколько нужно, чтобы пропѣть свои пять стиховъ; второе появленіе должно быть мгновенное. Бояре не дадутъ имъ добѣжать до авансены; и какъ скоро Іоаннъ ихъ увидѣлъ, они должны исчезнуть. Это чрезвычайно важно, чтобы не возбудить рукоплесканій въ райкѣ. Последнее появленіе должно быть однимъ намекомъ. Скомороховъ не слѣдуетъ представлять страшными; они только уродливы; одна нечистая совѣсть Іоанна можетъ насчетъ ихъ ошибиться.

Волхвы.

Роль двухъ волхвовъ не такъ легка, какъ она кажется съ перваго взгляда. Если гдѣ-либо нуженъ тактъ, то, конечно, въ этой роли. Малѣйшая фальшивая нота можетъ сдѣлать ихъ смѣшными и испортитъ впечатлѣніе двухъ весьма важныхъ сценъ въ трагедіи. Первою заботою играющихъ должно быть отсутствіе всего риторическаго и театральнаго, при нѣкоторой торжествен-

ной рѣчи. Эту середину найти довольно трудно. Волхвы не обманщики; они убѣждены въ истинѣ своей науки. Многіе опыты показали имъ, что предвѣщанія ихъ сбываются, и это объяснить не трудно. Сильно потрясенное воображеніе часто производитъ то, чего оно желаетъ или чего боится. Такимъ образомъ, не прибѣгая даже къ сверхъестественному (которое въ извѣстной степени допускается въ трагедіяхъ), могло бы случиться, что Іоаннъ, потрясенный ожиданіемъ предстоящей ему смерти, дѣйствительно умеръ бы въ назначенный день, даже и безъ содѣйствія Годунова. Жизнь его виситъ на волоскѣ, онъ вѣрить въ предсказаніе, и Годуновъ даетъ лишь толчокъ дереву, уже подпиленному у корня. Онъ совершаетъ убійство, не предвидѣнное уголовными уложеніями. Предсказаніе Годунову престола (если оно дѣйствительно случилось, какъ говорятъ лѣтописи) также должно было немало способствовать къ его успѣху. Если бы Макбету шотландскій тронъ не былъ предсказанъ, онъ, вѣроятно, на него не взошелъ бы.

Итакъ, прежде всего, волхвы люди убѣжденные. Видь ихъ мраченъ, какъ сдружившихся съ недоброю силой. Іоаннъ спрашиваетъ ихъ, христіане ли они? Волхвы отвѣчаютъ, что ихъ крестили. Двусмысленность этого отвѣта не должна пройти незамѣченной. Она должна набросить на всю сцену колоритъ чего-то недобраго и нечистаго, внушающаго ужасъ Іоанну, который, по своему обыкновенію, отдѣляется отъ него, обрекая на казнь людей, его испугавшихъ.

Я нарочно одного изъ волхвовъ назвалъ кореломъ, другого литвиномъ. Это даетъ случай къ разнообразію костюмовъ. Не знаю, какъ одѣвались корелы того времени, но полагаю, что въ родѣ нынѣшнихъ чухонцевъ. Волосы у корела должны быть черные, плоскіе и длинные, борода и усы бритые, на тѣлѣ рысій или волчій полушубокъ, на ногахъ сапоги. Рожа у него въ родѣ старушечьей, но съ сильно развитыми скулами, со впалыми и безпокойными глазами, цвѣтъ лица нечистый. Литвинъ можетъ быть рыжъ и съ бородой. На немъ что-нибудь въ родѣ бѣлорусской свитки, а на ногахъ лапти. У обоихъ волхвовъ на поясахъ разныя мѣдныя привѣски и побрякушки, какъ у теперешнихъ коноваловъ, между которыми и понынѣ есть знахари. У одного изъ нихъ можетъ быть заткнуть за поясомъ короткій орѣховый пруть. Шапки нѣтъ ни

у одного. Они ихъ, изъ почтенія, бросили въ сѣняхъ. Боже сохрани сдѣлать волхвовъ въ чемъ-либо похожими на западныхъ астрологовъ. Они изъ простого народа, и хотя читаютъ въ «Рафляхъ», но не имѣютъ никакого образованія. Въ ихъ рѣчи звучитъ убѣжденіе, таинственность, иногда торжественность, но отнюдь не высокопарность.

Врачи Эльмсъ и Якоби.

Иностранные врачи, Эльмсъ и Якоби, также представляютъ камень преткновенія для исполнителей. Изъ нихъ Якоби говоритъ въ двухъ сценахъ довольно продолжительно; Эльмсу же приходится сказать только нѣсколько словъ надъ умершимъ Іоанномъ. Но чѣмъ короче роль, тѣмъ требовательнѣе къ ней зритель, бѣда, если она будетъ поручена непонятливымъ статистамъ. Они въ состояніи испортить не только ее, но цѣлыя тѣ сцены, и очень важныя, гдѣ участвуютъ врачи.

Есть люди, надѣленные отъ природы смѣшнымъ голосомъ. Когда роль ихъ длинна, публика мало-по-малу къ нимъ привыкаетъ; но если они являются только для того, чтобы сказать два слова, и эти два слова пропищать или прокричать въ носъ, то результатомъ бываетъ всеобщій смѣхъ. Мнѣ помнится одинъ герольдъ въ «Робертѣ», который приходилъ вызывать его на поединокъ отъ имени гренадскаго принца. Кажется, чему бы тутъ смѣяться? Но голосъ герольда былъ таковъ, что вся зала тряслась отъ смѣха, и эффектъ разрушался надолго. Этого знаменитаго герольда еще кое-какъ спасала музыка, но что спасетъ врачей, когда они, нагнувшись надъ Іоанномъ, начнутъ, съ невѣрными интонаціями, говорить:

- «Не бьется пульсъ!
- Не бьется, вѣтъ!
- Не бьется сердце!
- Умеръ!
- Окончилъ жизнь!»

Эта минута торжественная, и играющіе должны, сверхъ приличнаго голоса, имѣть еще довольно уха, чтобы попасть въ надлежащую ноту. Весьма было бы желательно, чтобы хорошіе артисты пожертвовали собою и взяли на себя роли волхвовъ и врачей.

Трудно вообразить, какое значеніе получаетъ самая незначительная роль, когда она сыграна мастерски, тѣмъ болѣе роль, такъ тѣсно связанная съ жизненными частями

трагедіи. Если-бъ я былъ великимъ артистомъ, я бы нарочно искалъ случая играть иногда второстепенныя, даже самыя послѣднія роли, чтобы показать товарищамъ мнѣ, что нѣтъ такой роли, которой бы слѣдовало пренебрегать, а публикѣ, что нѣтъ такой роли, изъ которой нельзя было бы сдѣлать чего-нибудь примѣчательнаго. Я сейчасъ употребилъ слово: пожертвовать собой. Это выраженіе невѣрно. Нигдѣ талантъ сценическаго художника не находитъ случая заявить свое превосходство, какъ именно въ роляхъ, повидимому, безцвѣтныхъ. Чтобы испортить яркую, цвѣтистую роль, гдѣ самый текстъ указываетъ и предписываетъ характеръ игры, нужно быть рѣшительно посредственнымъ актеромъ; но малѣйшій недостатокъ драматическаго чутья достаточенъ, чтобы испортить роль, гдѣ авторъ не указалъ ни на что, а все предоставилъ такту художника.

Врачи носятъ европейскую одежду XVI вѣка, присвоенную ихъ званію, но говорятъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ.

Пристава.

Въ роли двухъ приставовъ, являющихся въ первой части четвертаго дѣйствія, можно допустить маленькую карикатурность. Вся эта часть написана тономъ ниже остальныхъ; здѣсь нѣтъ ничего возвышеннаго, и зрителю можно дать случай раза два улыбнуться прежде, чѣмъ онъ будетъ введенъ въ мрачный покой Іоанновъ, гдѣ начнутся сцены видѣній, раскаянья и приготовленій къ смерти.

Итакъ, пусть пристава будутъ пузатые, румяные, заплывшіе жиромъ, который они высосали изъ народа. Пусть ихъ наружность составляетъ контрастъ съ блѣдными испитыми лицами голодныхъ людей, толпящихся вокругъ лабаза; на головахъ у нихъ колпаки, въ рукахъ высокія палки.

Григорій Годуновъ.

О Григоріи Годуновѣ, являющемся въ концѣ той же сцены, говорить нечего. Это роль статиста, одареннаго громкимъ голосомъ. Но можно замѣтить нѣчто объ его лошади и о лошадяхъ бирючей, его сопровождающихъ. Нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, какъ стучъ лошадиныхъ копытъ по театральнымъ доскамъ. Во-первыхъ, онъ мѣ-

шаетъ слушать играющихъ, а во-вторыхъ—у зрителя тотъ часъ отымается иллюзія, что онъ подъ открытымъ небомъ, и вся искусственность театральнаго устройства неумолимо бросается ему въ глаза. Устранить это неудобство очень легко. Стоитъ только подковать лошадей толстой гуттаперчей.

Дворецкій кремлевскаго дворца и ключникъ, открывающіе вторую половину пятаго дѣйствія, суть только средства посвятить зрителя въ положеніе дѣлъ. Это роли совершенно понятныя, и потому о нихъ говорить нечего.

Дворецкій Александровой слободы.

Дворецкій Александровой слободы, приносящій Іоанну вѣсть о пожарѣ его терема, долженъ находится подъ страхомъ отвѣтственности за этотъ пожаръ, произведенный грозою. Ему, по-настоящему, слѣдовало бы броситься Іоанну въ ноги; но въ трагедіи и безъ того уже столько колѣнопреклоненій и земныхъ поклоновъ, что они могутъ утомить зрителя. Поэтому достаточно, чтобы голосъ и колѣни дворецкаго дрожали и онъ все свое извиненіе искалъ бы въ повтореніи словъ: «Гнѣвъ Божій!»

Стрѣлецкій голова, стрѣлецкій сотникъ и лабазникъ, равно и всѣ стольники и слуги, не требуютъ никакихъ замѣчаній, исключая, что послѣдніе не менѣе бояръ боятся Іоанна и дрожатъ при его приближеніи.

Перебравъ всѣ главныя и второстепенныя мужскія роли, обратимся къ женскимъ.

Ихъ всего четыре: царица, царевна Ирина, Марія Годунова и мамка. Изъ нихъ важна одна царица, во-первыхъ, сама по себѣ, а во-вторыхъ—какъ поводъ для Іоанна выказать пароксизмъ своего произвола.

Царица Марія Ѳеодоровна.

Царица Марія Ѳеодоровна Нагая, послѣ царевича Ѳедора, болѣе всѣхъ чувствуетъ гнетъ Іоаннова характера. Мягкая и женственная натура ея совершенно имъ подавлена.

Здоровье ея разстроено, а нервы приведены въ такое раздраженіе, что они чувствуютъ атмосферу событій еще прежде ихъ наступленія. Такъ для страдающаго невралгіей бываетъ ощутительно не только малѣйшее прикосновеніе, но и самая близость иныхъ предметовъ.

Та невидимая оболочка нашей души, которая отдѣ-

ляетъ ее отъ внѣшняго міра и замедляетъ его впечатлѣнія, исчезла для царицы. Она все воспринимаетъ непосредственно. Она чувствуетъ, что царь хочетъ съ ней развестись; она знаетъ, что ея сыну грозитъ опасность отъ Годунова. Это болѣзненное ясновидѣніе есть дѣло Іоанна. Его вліяніе отражается постоянно на всѣхъ лицахъ трагедіи.

Брошенная насильственно въ среду для нея враждебную, постигая всѣхъ и опасаясь каждаго, царица счастлива, что встрѣтила Захарьина и что можетъ ему довѣриться. Дружба къ нему и любовь къ своему ребенку—единственная свѣтлая сторона ея жизни. Такою она должна показаться зрителю съ перваго своего появленія. Въ разговорѣ съ болтливою мамкой видна ея материнская заботливость, но она не совсѣмъ вѣритъ и мамкѣ, и потому не высказываетъ ей своей антипатіи къ Годунову, а только велитъ ей никому не давать говорить съ ея сыномъ. Съ Захарьинимъ она вполнѣ откровенна. Въ присутствіи Іоанна она чувствуетъ себя парализованною до той минуты, когда онъ объявляетъ ей о разводѣ. Здѣсь материнское чувство беретъ верхъ, и она, вопреки предостереженіямъ Захарьина, восклицаетъ внѣ себя: «Такъ это правда?» но тотчасъ же подавляетъ свое волненіе и съ тономъ совершенной покорности проситъ пощады для сына. Когда Іоаннъ послѣ наблюденія кометы объявляетъ о близкой своей смерти, царица плачетъ не изъ одной обрядности, но и по человѣческому чувству, внушающему намъ прощать, въ минуту ихъ смерти, тѣмъ, кто намъ сдѣлалъ зло. Если всѣ эти переходы изъ одного состоянія души въ другое будутъ выражены вѣрно, роль царицы выйдетъ привлекательна и интересна.

Царица должна быть непременно молода и красива. Иначе Іоаннъ не женился бы на ней. Рѣчь ея безпокойна, неровна, лихорадочна, но отнюдь не плаксива. Она мѣняетъ свой костюмъ четыре раза. Въ сценѣ съ мамкой и съ Захарьинимъ она является во вседневной домашней одеждѣ. Потомъ, для принятія Іоанна, надѣваетъ большой или царскій нарядъ. Въ четвертомъ дѣйствіи, когда она смотритъ на комету, на ней снова домашняя одежда, но богаче первой, и наконецъ въ послѣдней сценѣ пятаго дѣйствія она одѣта въ праздничное платье по случаю улучшенія Іоаннова здоровья.

Прекрасные образцы женскихъ одеждъ можно найти въ «Русскихъ Древностяхъ» Солнцева.

Марія Годунова и царевна Ирина.

Маріи Годуновой характеръ сильнѣе царицы. Она, же будучи въ постоянномъ соприкосновеніи къ Іоанну и чувствуя въ мужѣ своемъ сильную опору, не такъ залугана. То же можно сказать и о царевнѣ Иринѣ, въ которой есть доля нравственной силы ея брата, Годунова. Но прекрасный историческій характеръ Ирины не могъ быть развитъ въ трагедіи, и ей приходится сказать только нѣсколько словъ. Тѣмъ не менѣе они должны быть сказаны съ достоинствомъ и скромностью, составлявшими ея особенность.

Марія Годунова, когда мужъ ея, въ пятомъ дѣйствіи, обнаруживаетъ при ней всю глубину своего честолюбія, должна испугаться, а весь разговоръ ея съ мужемъ долженъ дать зрителю возможность заглянуть въ душу Годунова, дотолѣ непроницаемую. Этимъ установится переходъ къ слѣдующей сценѣ (Годунова съ волхвами), къ которой зритель долженъ быть подготовленъ заранѣ, такъ, чтобы переворотъ въ Годуновѣ не показался ему сюрпризомъ.

Вообще никакихъ психологическихъ сюрпризовъ не должно быть въ трагедіи. Я старался избѣгать ихъ въ текстѣ, но многіе переходы долженъ былъ подразумевать, за недостаткомъ мѣста. На сценическихъ артистахъ и артисткахъ лежитъ обязанность пополнять и объяснять эти переходы своею игрою.

Царевна Ирина и Марья Годунова также молоды и красивы. Въ «Русскихъ Древностяхъ» Солнцева онѣ найдутъ себѣ богатый выборъ костюмовъ.

М а м к а.

О мамкѣ царевича Дмитрія необходимо сказать только, что она не та историческая мамка, боярыня Василиса Волохова, которая участвовала въ убіеніи царевича. Волохова была приставлена къ Дмитрію позже. Моя мамка простая, добрая и безтолковая баба, какъ большая часть мамокъ. На ней парчевая душегрѣйка и такая же шапочка.

Здѣсь кончается обзоръ всѣхъ нашихъ отдѣльно дѣйствующихъ лицъ; но намъ остается разобрать еще два важныхъ характера въ трагедіи, а именно: бояръ и народъ.

Бояре и народъ.

Когда дѣдъ Іоанна Грознаго, Иванъ Васильевичъ III, положилъ конецъ удѣльной системѣ, независимые князья, лишившіеся своихъ дружинъ и владѣній, стали въ ряды московскихъ царедворцевъ, уже испорченныхъ и поработченныхъ. Областные интересы обратились въ придворные, характеры измельчали, и началась пора мѣстничества, явленія уродливаго, смѣси западной родовой іерархіи съ какимъ-то чиновничествомъ и генеральствомъ. На первыхъ порахъ эта запутанность понятій и сбивчивость положеній много способствовали къ усиленію верховной власти, которая пользовалась ими, руководствуясь правиломъ: «Divide et impera». Но въ послѣдствіи мѣстничество стало большимъ неудобствомъ для самой верховной власти, особенно во время внѣшнихъ опасностей. Управление дѣлами замедлялось, сраженія проигрывались, потому что воеводы и военачальники спорили о первенствѣ въ самыя рѣшительныя минуты, и ни одинъ не хотѣлъ быть подъ начальствомъ другого, на томъ основаніи, что отецъ или дѣдъ его занималъ когда-нибудь высшее мѣсто. Сама желѣзная воля Іоанна Грознаго не могла искоренить этотъ пагубный обычай, и царь въ важныхъ случаяхъ долженъ былъ довольствоваться временнымъ приказаніемъ: быть безъ мѣстъ.

Таково положеніе общества, когда открывается трагедія.

Несостоятельность бояръ должна съ перваго раза броситься въ глаза. Созванные для избранія новаго государя, они думаютъ только о томъ, какъ бы не уронить своего личнаго званія. Всѣ понятія о чести у нихъ извратились, вся энергія сосредоточилась въ заботѣ каждаго о себѣ самомъ насчетъ всѣхъ прочихъ.

Безусловно покоряясь высшему произволу, они въ свою очередь позволяютъ себѣ безусловный произволъ надъ низшими и всячески угнетаютъ народъ. Явленіе понятное: кто не признаетъ за собою никакихъ человѣческихъ правъ, тотъ не признаетъ и никакихъ обязанностей въ отношеніи другихъ, и наоборотъ. Интриги, доносы, клевета и обрядность—вотъ жизненное содержаніе этихъ растлѣнныхъ бояръ, низощедшихъ до рабства, но жадныхъ къ власти и къ почестямъ. Рядомъ съ этимъ они мужественно дерутся въ бояхъ и почти равнодушно умираютъ на плахѣ. Странное противорѣчіе, которое врядъ ли до-

статочно объясняется ихъ фатализмомъ, облеченнымъ въ религіозную форму; явленіе, которому трудно было бы повѣрить, если-бъ исторія Византіи не представляла намъ сходныхъ примѣровъ. Исключеній, слава Богу, было не мало, но они тѣмъ не менѣе оставались исключеніями, и общій уровень былъ самый безотраднѣйшій.

Іоаннъ, послѣ бурной своей юности, начавшій подъ руководствомъ Адашева и Сильвестра заниматься дѣлами, между прочимъ обратилъ вниманіе и на угнетенное состояніе народа.

Онъ издалъ судебникъ, ограничилъ права воеводъ и областныхъ судей и положилъ строгое наказаніе за криво-судіе и лихоимство. Народъ вздохнулъ подъ его правленіемъ, и когда вскорѣ потомъ начались боярскія казни, онъ ими не возмущался, видя въ казненныхъ своихъ угнетателей. Но Іоаннъ казнилъ бояръ не для того, чтобы оградить народъ (для этого не нужно было такого сильнаго средства); не для того даже, чтобы сдѣлаться популярнымъ. Онъ казнилъ ихъ отъ страха и изъ мщенія; отъ страха измѣны, которой не существовало; изъ мщенія за ихъ олигархическія попытки во время его дѣтства. Если-бъ онъ былъ тотъ другъ народа, которымъ старается выставить его новая школа, онъ не велѣлъ бы избивать цѣлыя деревни, цѣлыя села и посады, принадлежащія опальнымъ боярамъ; онъ не травилъ бы медвѣдями нищихъ, приходившихъ просить у него милостыни; онъ, чтобы сдѣлать непріятность своимъ сановникамъ, не приказывалъ бы зарѣзывать ихъ слугъ.

Нѣтъ, Іоаннъ не зналъ лицепріятія къ сословіямъ. Народъ былъ для него такимъ же матеріаломъ, какъ и бояре, и онъ убивалъ крестьянъ своихъ опальниковъ такъ точно, какъ убивалъ ихъ скотъ и разорялъ ихъ жатвы. Онъ дѣйствительно хотѣлъ равенства, но того равенства, которое является между колосьями поля, потоптаннаго конницей или побитаго градомъ. Онъ хотѣлъ стоять надъ порабощенной землею одинъ, аки дубъ въ чистомъ полѣ. Тщетно историкъ будетъ искать послѣдовательности или системы въ его дѣствіяхъ. Онъ вездѣ наткнется на противорѣчія. Единственная система Іоанна было лманіе и уничтоженіе всего, чтò съ поводомъ или безъ повода подпадало подъ его немилость. Единственный способъ объяснить его характеръ, это признать, что онъ былъ рабъ своихъ страстей и жилъ въ такую пору, когда нація не только не протестовала противъ произвола, но

какъ будто сговорилаcь помогать ему всѣми силами. Если можетъ быть извиненіе Іоанну, то его слѣдуетъ искать въ общицѣ всей Россіи. Что была возможность ему противостоятъ—это доказываетъ, между прочимъ, и самое мѣстничество, котораго онъ не въ силахъ былъ истребить, потому что оно имѣло свой корень въ у б ѣ ж д е н і и в с ѣ х ѣ .

Итакъ, если народъ вздохнулъ подѣ правленіемъ Іоанна, то относительное благоденствіе его было непродолжительно. Удаливъ Сильвестра и Адашева, Іоаннъ сталъ первый попираетъ ногами собственные свои законы. Неустройство земли подѣ конецъ его царствованія достигло высшей степени. Она была разорена и опричиною, и войнами, и ханскими набѣгами, и голодомъ, и алчностью воеводъ, которымъ царь въ послѣдніе годы опустилъ поводья. Когда частные случаи неправосудія или лихоимства доходили до него, онъ казилъ виновныхъ и въ этомъ походилъ на извѣстнаго доктора Санградо, лѣчившаго всѣ болѣзни однимъ и тѣмъ же средствомъ. Не менѣе того эти отдѣльные случаи скорого правосудія получали извѣстность въ народѣ, который, не будучи избалованъ и не находясь въ личномъ соприкосновеніи къ Іоанну, продолжалъ видѣть въ немъ защитника и славилъ издали его справедливость. Все доброе относилось къ нему, все дурное къ его воеводамъ, Іоаннъ же былъ огромная сила, а сила всегда нравится народу.

О стремленіи къ настоящему и прочному огражденію отъ административнаго произвола не было въ народѣ и понятія. Ни народъ ни бояре не заботились объ общихъ началахъ. Всякій думалъ лишь о настоящемъ днѣ и радовался бѣдѣ своего врага или угнетателя, не помышляя о томъ, что и надъ нимъ всякую минуту могла разразиться такая же бѣда. Никто не искалъ отъ произвола другого средства, кромѣ произвола; онъ былъ и болѣзнію и лѣкарствомъ. Ни въ боярахъ ни въ народѣ не было чувства законности, и въ этомъ заключается ихъ вина и трагическая сторона, которую я старался выразить.

Передать эту вину игрою въ отдѣльныхъ сценахъ почти невозможно. Она должна явствовать изъ цѣлой трагедіи; но я считалъ нужнымъ указать на нее здѣсь, потому что она набрасываетъ свѣтъ на всѣ характеры и событія вообще.

Что касается до игры массъ, то я замѣчу слѣдующее.

Вся сцена боярской думы должна идти какъ можно живѣе. Она только вступительный аккордъ, которымъ зритель посвящается въ положеніе Россіи и готовится къ своему знакомству съ Іоанномъ. Всѣ споры, восклицанія, перебивки и то, что я назвалъ говоромъ, должны сыпаться какъ горохъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдуетъ всѣмъ говорить вмѣстѣ. Не бѣда, если зритель и проронитъ иное слово; гдѣ играютъ массы, важны не слова, а общія психическія движенія.

Послѣ сцены въ думѣ, бояре являются еще массою, когда просятъ Іоанна остаться на престолѣ; потомъ при приемѣ Гарабурды; потомъ когда возстаютъ противъ унижительнаго посольства, и наконецъ въ послѣдней сценѣ, когда Іоаннъ умираетъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ имъ предстоитъ нѣмая игра, сообразная съ ихъ положеніемъ. Они не должны стоять неподвижно, пока говорятъ другіе, но и не должны метаться, какъ танцующіе балетъ. Умѣренное движеніе въ ихъ рядахъ, обращеніе время отъ времени одного къ другому, выраженіе на лицахъ радости, ужаса или иного чувства, вызваннаго обстоятельствами, покажутъ ихъ участіе къ драматическому дѣйствію и свяжутъ ихъ съ отдѣльными лицами трагедіи. Сверхътого слѣдуетъ замѣтить, что бояре, хотя и раболѣпные, соблюдаютъ степенность, считавшуюся въ то время главною принадлежностью высокаго сана.

Когда они, въ первомъ дѣйствіи, преклоняютъ колѣна передъ Іоанномъ, на ихъ лицахъ изображается страхъ и недоумѣніе. Когда царь, принимающій Гарабурду, обращается къ нимъ съ вопросомъ:

«Ужель забавнымъ я кажусь!»

нѣкоторые смущаются, другіе готовы броситься на Гарабурду. Когда царь настаиваетъ на своемъ унижительномъ посольствѣ, взрывъ негодованія слышится въ ихъ отвѣтѣ:

«Нѣтъ, государь! Нѣтъ! Этого нельзя!»

Они наконецъ (увы, не надолго!) почувствовали свое достоинство, и отвѣтъ ихъ долженъ гремѣть такимъ единодушіемъ, что онъ всякаго, кромѣ Іоанна, заставилъ бы войти въ себя. Но Іоаннъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Медленно встаетъ онъ съ своего кресла; медленнымъ и сдержаннымъ голосомъ начинаетъ:

«Такъ-то

Присягу бережете вы свою?

Такъ помните писанье?»

И когда онъ доходитъ до мѣста:

«Ницъ! Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыка!»—

Бояре преклоняють головы.

Когда наконецъ, въ послѣднемъ дѣйстви, Іоаннъ падаетъ мертвымъ, когда врачи объявили, что онъ дѣйствительно умеръ, на лицахъ бояръ изображается тупая одурѣлость. Они, какъ узники, проведеншіе половину жизни въ тюрьмѣ и выпущенные внезапно на волю, не радуются божьему свѣту. Они обступаютъ умершаго царя, смотрятъ на него и ничего не понимаютъ, пока Захарьинъ не говоритъ имъ:

«Чего же мы стоимъ и ждемъ, бояре?»

Тогда они со страхомъ приближаются къ Іоанну, съ робостью поднимаютъ и бережно кладутъ его на скамью.

Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, когда Годуновъ беретъ въ руки правленіе царствомъ и отдѣляется отъ своихъ враговъ, лица бояръ выражаютъ изумленіе, страхъ, досаду или зависть.

Одежда ихъ разнообразна; въ ней допускаются многіе цвѣта, но она всегда богата, ибо они являются или въ думѣ, или въ присутствіи государя. Въ Іоанново время бояре стригли волосы коротко. Длинные волосы были знакомъ опалы, а прическа *à la mougigue* вовсе не существовала. Въ думѣ они сидятъ въ шапкахъ; въ царскихъ палатахъ стоятъ съ обнаженной головой.

Народъ является только въ одной сценѣ, въ первой половинѣ четвертаго дѣйствія. Она, равно какъ и боярская дума, должна быть сыграна живо вездѣ, гдѣ говорятъ массы. Такихъ мѣстъ въ ней четыре. Сперва напоръ голоднаго народа на мучной лабазъ; потомъ возстаніе на Годунова, потомъ предложеніе повѣсить Битяговскаго и Кикина, и наконецъ восклицанія въ пользу Годунова и нападеніе на Кикина. Въ этой короткой сценѣ психическія движенія массъ очень разнообразны и всѣ они должны быть выражены дружно, съ нѣкоторымъ обдуманымъ беспорядкомъ. Когда они доходятъ до взрыва, всѣ должны кричать вмѣстѣ, перебивая другъ друга. Криковъ *unisono* въ общемъ движеніи быть не можетъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ народѣ двѣ партіи: умѣренныя и отчаянныя. Первые вступаются за Годунова до

вольно вяло и робко, а вторые тотчасъ берутъ надъ ними верхъ, какъ оно обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Одежда народа та же самая, что и въ наше время, но она потерта и изношена; многіе въ лохмотьяхъ. Они давно голодаютъ, продали и заложили все, что у нихъ было получше; на многіхъ не сапоги, а лапти; иные даже босикомъ. Лица ихъ блѣдны, изнурены; глаза безпокойны; они въ отчаяніи; они готовы на все.

Теперь мы разобрали весь живой и человѣческій элементъ трагедіи.

Посмотримъ на мѣстность, въ которой онъ движется.

ДЕКОРАЦИИ.

Въ каждомъ изъ пяти актовъ есть двѣ половины, и каждая половина имѣетъ свою декорацию, итого десять декораций, а именно: 1) боярская дума; 2) опочивальня Іоаннова; 3) покой въ царскомъ теремѣ; 4) покой въ домѣ Шуйскаго; 5) покой на царицыной половинѣ; 6) престольная палата; 7) площадь на Замоскворѣчѣ; 8) внутренній царскій покой съ видомъ изъ окна на Кремль, на комету и на звѣздное небо; 9) покой въ домѣ Годунова, и наконецъ 10) великолѣпная палата, наполненная Іоанновыми сокровищами, также съ окномъ, выходящимъ на Кремль.

Описывать подробно всѣ эти декорации здѣсь не мѣсто, но нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ тѣсной связи съ игрою, и потому можно сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Опочивальня Іоанна должна носить характеръ ея хозяина и его настоящаго настроенія. Все въ ней просто; она похожа на келью. Стѣны тесовыя, печь или лежанка изразцовыя, въ сторонѣ простая кровать изъ голыхъ досокъ. Единственнымъ украшеніемъ служитъ богатый кивотъ съ образами. Но здѣсь представляется затрудненіе, которое можетъ быть устранено двоякимъ способомъ. Показывать образа на сценѣ у насъ запрещается, но одинъ кивотъ врядъ ли подпадетъ подъ это запрещеніе. Я предлагаю или показать его наискось (въ перспективѣ), такъ, чтобы образовъ не было видно, или задернуть его пологомъ, что было въ обычаяхъ нашихъ предковъ.

Къ тому же способу можно прибѣгнуть и въ домѣ Шуйскаго и на царицыной половинѣ.

Внутренній царскій покой, изъ котораго царица и дру-

гя женщины смотрять на комету, долженъ быть освѣщенъ слабо, дабы всей сценѣ придать болѣе таинственности.

Палата, гдѣ Іоаннъ осматриваетъ свои сокровища, не можетъ быть достаточно великолѣпна. Пусть декораторъ истощитъ все свое воображеніе, чтобы представить намъ московско-византійскую залу, съ низкими сводами, съ вычурными столбами, съ живописью на стѣнахъ, съ лежащими на столахъ и наваленными въ кучу, на полу, грудами золотыхъ и шелковыхъ матерій, сосудовъ, ковшей, чашъ и черпаль, драгоценнаго оружія, конскихъ сбруй, однимъ словомъ всего, что способствуетъ къ блеску впечатлѣнія и гармонируетъ съ дѣйствительными предметами, принесенными на сцену.

Когда, по смерти Іоанна, Годуновъ открываетъ окно, чтобы объявить о ней народу, комета опять видна на небѣ, но уже не такъ близко, какъ въ четвертомъ дѣйствіи, и не въ томъ направленіи. Она совершила свое дѣло; приходила предвѣстить намъ кончину Іоанна со всѣми ея послѣдствіями и уходитъ теперь въ невѣдомыя пространства предвѣщать другимъ мірамъ другія бѣдствія.

Подробности мебелировки можно найти въ брошюрѣ Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа», а также и въ сочиненіи Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей», а рисунки утвари и оружія въ «Русскихъ древностяхъ» Солицева.

ОБЩИЙ РИСУНОКЪ ТРАГЕДІИ.

Теперь собраны передъ нами всѣ отдѣльные матеріалы для постановки трагедіи; но какъ всякая картина или всякая симфонія, независимо отъ своихъ подробностей, украшеній, эпизодовъ и прочихъ составныхъ частей, должна имѣть свой особенный, основной рисунокъ, который остается виденъ даже по ихъ устраненіи, такъ и трагедія имѣетъ свой твердый остоу, который не всегда бываетъ замѣтенъ, но на который слѣдуетъ указать сценическимъ художникамъ, чтобы они могли сразу обозрѣть архитектуру трагедіи и чрезъ это облегчить себѣ цѣльность исполненія.

Въ «Смерти Іоанна Грознаго» мы видимъ двѣ восходящихъ линіи, изъ которыхъ одна подымается какъ ракета, держится нѣкоторое время на воздухѣ и потомъ быстро опускается, описывая параболу; другая подымается вслѣдъ за ней, пересѣкаетъ ее въ нисходящемъ ея пути, а сама

не падаетъ, но теряется въ небѣ, выходя изъ рамы трагедіи.

Первая линія принадлежитъ Іоанну, вторая Годунову. Судьба Іоанна съ той минуты, когда онъ сожалѣетъ о своемъ намѣреніи сойти съ престола, до той, когда онъ падаетъ мертвый, составляетъ одно цѣльное происшествіе, съ его развитіемъ, апогеею и катастрофой. Судьба Годунова не кончается въ трагедіи; она, когда опускается занавѣсъ, находится въ періодѣ полнаго развитія и образуетъ какъ бы прологъ для новой драмы.

Пунктъ апогеи Іоанна—это пріемъ Гарабурды; пунктъ пересѣченія его нисходящей линіи восходящею линіею Годунова—это конецъ народной сцены въ четвертомъ дѣйствіи. Отсюда Годуновъ продолжаетъ подыматься, а Іоаннъ продолжаетъ падать. Не выпускать изъ виду этихъ двухъ линій очень важно для исполнителей, потому что на этихъ линіяхъ должно быть основано *crescendo* общей игры.

ОБЩИЙ КОЛОРИТЬ ТРАГЕДИИ.

Далѣе: какъ въ живописи каждая картина, такъ въ драматическомъ искусствѣ каждое произведеніе имѣетъ свой особенный колоритъ, которому подчиняются и съ которымъ гармонируютъ всѣ прочіе цвѣта, какъ бы они ни были между собою различны.

Господствующій колоритъ смерти Іоанна Грознаго есть давленіе, производимое Іоанномъ на все окружающее. Оно замѣтно и тогда, когда его нѣтъ на сценѣ, но при каждомъ его появленіи въ вѣздухѣ чувствуется какъ будто перемѣна температуры. Становится душно и дышится тяжело.

Іоаннъ въ трагедіи то же, что басъ въ симфоніи. Онъ тотъ знаменатель, къ которому приводятся всѣ дробы, какого бы онѣ ни были названія. Онъ также камертонъ, по которому строятся всѣ инструменты. Между лицами трагедіи онъ представляетъ солнце, вокругъ котораго вращаются всѣ планеты, не исключая и самого Годунова. Одинъ Гарабурда пересѣкаетъ эту систему, какъ налетѣвшая на нее комета. Вотъ почему роль Іоанна, въ содержаніи своемъ равная важностью роли Годунова, несравненно ея важнѣе въ исполненіи, хотя послѣдняя и требуетъ болѣе искусства. Если роль Годунова будетъ сыграна слабо, трагедія еще можетъ существовать; если же будетъ испорчена роль Іоанна, пропала вся трагедія.

Въ заключеніе да будетъ мнѣ позволено напомнить нашимъ артистамъ, что успѣхъ каждаго преимущественно зависитъ отъ содѣйствія ему всѣхъ прочихъ. Мнѣніе, что плохая игра одного выставляетъ въ выгодномъ свѣтѣ хорошую игру другого—весьма ошибочно. Одно изъ главныхъ сценическихъ условій—это иллюзія; а ничто такъ не разрушаетъ иллюзію, какъ ошибочность реплики. Слушатель, присутствующій при правильномъ чтеніи драмы кѣмъ-нибудь однимъ, полнѣе переносится въ ея міръ, чѣмъ зритель, видящій передъ собою декорации и костюмы, когда, рядомъ съ наслажденіемъ превосходной игрой, онъ получаетъ нестерпимые моральные толчки. Знаменитая Рашель среди отличной труппы въ Парижѣ была несравненно выше, чѣмъ окруженная какими-то жиденятами, наряженными въ Орестовъ и Эсексовъ, которыхъ она навезла съ собою въ Россію. Въ каждой правильно и вѣрно сказанной фразѣ соревнующаго художника есть что-то электрическое, вызывающее на правильность выраженія. Напротивъ того, невѣрность дикціи въ другомъ парализируетъ самый высокій талантъ, и чѣмъ талантъ выше, чѣмъ вѣрнѣе его драматическое ухо, тѣмъ труднѣе ему удержаться на своей высотѣ, когда играющіе съ нимъ фальшивятъ.

Онъ тогда находится въ положеніи пѣвца, если-бъ оркестръ вдругъ сталъ повышать или понижать тонъ аккомпанеента. Или, чтобы употребить другое музыкальное сравненіе, онъ будетъ какъ превосходная скрипка среди безсовѣстныхъ дергачей. Нѣтъ сомнѣнія, что и достоинство и оцѣнка этой скрипки сильно пострадаютъ отъ общей разладицы.

Итакъ, наши первостатейные художники поступать и благородно и благоразумно, если будутъ всѣми силами помогать играющимъ съ ними достигнуть до возможной для нихъ высоты. Дѣло, за которое всѣ принимаются дружно, совершается легко и выносится на плечахъ, къ очевидной выгодѣ каждаго.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе.

Трагедія написана стихами, и къ нимъ приложено много старанья. Надобно, чтобы всѣ играющіе выучили свои роли твердо и наизусть. Полагаться на суфлера вещь вообще сомнительная, но въ прозѣ она сходитъ иногда съ рукъ. Въ стихахъ же вовсе не все равно, которое слово будетъ сказано прежде и которое послѣ. Каждая перестановка и каждое неправильное удареніе можетъ поразить слушателя какъ обухомъ по лбу.

Это, конечно, говорится не для первоклассныхъ художниковъ, которымъ оно и безъ того извѣстно, но, при многочисленности дѣйствующихъ лицъ, надобно имѣть въ виду всѣхъ безъ исключенія.

АНТРАКТЫ И МУЗЫКА.

Антракты должны быть какъ можно короче. На хорошо организованныхъ сценахъ они не превышаютъ пяти минутъ. Только послѣ третьяго дѣйствія, въ концѣ котораго совершается переломъ въ судьбѣ Іоанна, антрактъ можетъ быть длиннѣе, потому что здѣсь трагедія дѣлится какъ бы на двѣ половины: восходящее движеніе кончилось и начинается нисходящее. Весьма было бы желательно, чтобы всѣ антракты были наполнены музыкой русскаго характера, которая согласовалась бы съ содержаніемъ слѣдующаго за ней дѣйствія. Такъ, передъ первымъ дѣйствіемъ небольшая увертюра могла бы выразить споръ бояръ, раскаянье Іоанна и торжество его новаго вступленія на престоль. Передъ четвертымъ дѣйствіемъ можно было бы включить въ музыкальную пьесу, исполненную диссонансовъ, нѣсколько аккордовъ изъ: «Со святыми упокой!» А передъ послѣднимъ дѣйствіемъ музыка могла бы изобразить радость о выздоровленіи Іоанна, принять въ себя пѣснь и пляску скомороховъ и кончиться беспорядочнымъ рушеньемъ трагическаго зданія.

Въ третьемъ дѣйствіи Іоаннъ входитъ въ престольную палату при звукѣ трубъ и звонѣ колоколовъ.

Я бы заставилъ трубы сыграть одну фразу изъ народной обрядной пѣсни: «Слава» и кончить тушемъ: «Многія лѣта!»

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь, кажется, сказано о постановкѣ все, что было нужно. Я не имѣю притязанія, что при разборѣ характеровъ я истощилъ предметъ и указалъ на всѣ его стороны и оттѣнки. Даровитый художникъ найдетъ, безъ сомнѣнія, множество такихъ, о которыхъ я и самъ не подозреваю. Цѣль моя была только опредѣлить главные линіи, дабы творчество исполнителей не шло врознь съ творчествомъ поэта, коихъ согласіе составляетъ первое и необходимое условіе успѣха.

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ

ТРАГЕДІИ

„ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя въ настоящую минуту мнѣ еще неизвѣстно, будетъ ли дана эта драма, но я нахожу нелишнимъ изложить мои объясненія теперь же, въ надеждѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ окажутся небезполезными для драматическихъ артистовъ вообще, и что во всякомъ случаѣ они могутъ пригодиться на частномъ театрѣ.

«Царь Ѳедоръ» есть особая, замкнутая въ себѣ драма, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ продолженіемъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» и составляетъ слѣдующее за ней звено. Многое въ немъ связано съ предшествующимъ, и потому, разбирая «Царя Ѳедора», мнѣ придется иногда оглядываться на «Смерть Іоанна».

Въ проектѣ о постановкѣ послѣдней пьесы я, въ самомъ концѣ, очень осторожно упомянулъ о необходимости всѣмъ исполнителямъ знать свои роли наизусть. Опытъ показалъ, что не только напоминаніе не было лишнимъ, но что я не доволенъ на немъ настаивалъ.

Въ виду этого факта я считаю весьма важнымъ поставить теперь въ самой главѣ настоящей статьи энергическое заявленіе о томъ, что первое условіе порядочнаго исполненія есть знаніе ролей совершенно буквально.

У каждаго автора какъ выборъ выраженій, такъ и порядокъ размѣщенія словъ **составляетъ** его особенность и

физиономію. Измѣнять этотъ порядокъ—значить отнимать у него его физиономію, давать его рѣчи чуждый ей колоритъ. Если такое обращеніе не допускается въ прозѣ, то въ стихахъ оно двояко непозволительно, ибо посягаетъ не только на колоритъ автора, но и на слухъ публики. Не все равно сказать:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

или:

Охъ, шапка Мономаха, ты тяжела!

Въ первомъ случаѣ это пятистопный ямбъ, во второмъ—вовсе не стихъ.

Какое же впечатлѣніе сдѣлаетъ на публику актеръ, который, не довольствуясь перестановкой словъ, вмѣсто:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

скажетъ:

Охъ, какъ меня давитъ Рюрикова фуражка!

А искаженія, довольно близко подходящія къ этому примѣру, можно, къ сожалѣнію, слышать иногда на нашей сценѣ.

Итакъ, если трагедія «Царь Ѳеодоръ» будетъ дана, то прежде всего надобно ее выучить наизусть.

Приступаю къ ея разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ.

Двѣ партіи въ государствѣ борются за власть: представитель старины—князь Шуйскій и представитель реформы—Борисъ Годуновъ. Обѣ партіи стараются завладѣть слабонравнымъ царемъ Ѳеодоромъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Ѳеодоръ, вмѣсто того, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, или же подчинить себѣ ту и другую, колеблется между обѣими и черезъ свою нерѣшительность дѣлается причиной: 1) возстанія Шуйскаго и его насильственной смерти; 2) убіенія своего наследника, царевича Дмитрія, и пресѣченія своего рода. Изъ такого чистаго источника, какова любящая душа Ѳеодора, истекаетъ страшное событіе, разразившееся надъ Россіей долгимъ рядомъ бѣдствій и жолъ.

Трагическая вина Іоанна была пограніе имъ всѣхъ человѣческихъ правъ въ пользу государственной власти; трагическая вина Ѳеодора—это исполненіе власти при совершенномъ нравственномъ безсиліи.

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДИИ.

Построение «Царя Федора»—не знаю, къ выгодѣ или ко вреду его—есть совершенно исключительное и не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какой другой драмѣ. Борьба происходитъ не между главнымъ героемъ и его оппонентами (*Spiel und Gegenspiel*), какъ во всѣхъ драмахъ, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на которомъ эта борьба вертится, какъ на своей оси, вовсе въ ней не участвуетъ: онъ, напротивъ, всѣми силами старается прекратить ее, но самымъ своимъ вмѣшательствомъ рѣшаетъ ея трагическій исходъ.

Въ отношеніи Шуйскаго и Годунова Федоръ играетъ роль древней греческой судьбы, толкающей своихъ героевъ все впередъ къ неизбѣжной катастрофѣ, съ тою разницей, что Федоръ—не отвлеченная идея, но живое лицо, имѣющее само свою судьбу, которая истекаетъ изъ его характера и дѣйствій. Такимъ образомъ трагедія является какъ бы сплетенною изъ двухъ отдѣльныхъ драмъ, изъ коихъ одна имѣетъ предметомъ фактическую борьбу Шуйскаго съ Годуновымъ, другая—моральную борьбу Федора съ окружающимъ его міромъ и съ самимъ собою.

Если представить себѣ всю трагедію въ формѣ треугольника, то основаніемъ его будетъ состязаніе двухъ партій, а вершиною—весь душевный микрокосмъ Федора, съ которымъ событія борьбы связаны какъ линіи, идущія отъ основанія треугольника къ его вершинѣ, или наоборотъ. Изъ этого естественно выходитъ, что одна сторона трагедіи выдержана болѣе въ духѣ романской школы, а другая—болѣе въ духѣ германской *).

*) Особенность романской школы состоитъ въ преимущественной отдѣлкѣ *интриги*, тогда какъ германская преимущественно занимается анализомъ и развитіемъ *характеровъ*. Название свое получили онѣ отъ предпочтенія двухъ западныхъ народностей, каждой одному изъ двухъ направлений, которыя лежатъ въ самомъ существѣ драмы и исключаютъ обыкновенно одно другое. Прошу прошенія у поборниковъ *русскихъ началъ искусства*, но, кромѣ этихъ двухъ направлений, я не знаю другого, равно какъ въ противуположность часто упоминаемой *европейской* драмѣ не знаю драмы ни *азиатской* ни *африканской*.

Отвергать же въ русскомъ драматическомъ искусствѣ европейскую технику—все равно, что отвергать въ русской живописи европейскую перспективу.

КОЛОРИТЬ ТРАГЕДИИ.

Царь Иванъ умеръ. Гроза, свирѣпствовавшая надъ русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживаетъ. Оживаютъ и тѣ могучія силы, которыя сдерживала желѣзная рука царя Ивана, какъ шлюзы сдерживаютъ напирющую воду. Въ государствѣ являются политическія партіи, дѣйствующія смѣло и открыто. Всѣ сословія принимаютъ участіе въ ихъ борьбѣ; жизнь со всѣми ея сторонами, свѣтлыми и темными, снова заявляетъ свои права.

Въ «Смерти Іоанна» господствующимъ колоритомъ было давленіе власти на всю землю; въ настоящей трагедіи господствующій колоритъ есть пробужденіе земли къ жизни и сопряженное съ нимъ движеніе. Оно должно сразу почувствоваться въ первой сценѣ перваго акта, которая служитъ драмѣ изложеніемъ. Свѣтлый колоритъ проходитъ черезъ всю трагедію, до четвертаго акта; всѣ лица держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна», темпъ общей игры идетъ живѣе.

ХАРАКТЕРЫ.

Царь Федоръ.

Не отступая отъ указаній исторіи, но пополняя ея пробѣлы, я позволилъ себѣ изобразить Федора не просто слабодушнымъ, кроткимъ постникомъ, но человѣкомъ, надѣленнымъ отъ природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остротѣ ума и совершенномъ отсутствіи воли. Природная неспособность его къ дѣламъ еще умножена гнетомъ его отца и постояннымъ страхомъ, въ которомъ онъ находился до 27 лѣтъ, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Федора выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Она такъ велика, что можетъ иногда достигъ высоты, гдѣ чувство и умъ, составляющіе на низшихъ степеняхъ отдѣльные свойства, сходятся вмѣстѣ и смѣшиваются въ нераздѣльномъ сознаніи правды. Поэтому Федоръ, несмотря на свою умственную ограниченность, способенъ иногда имѣть взгляды, не уступающіе мудростью государственнымъ взглядамъ Годунова. Такъ, въ сценѣ доклада о боярахъ, бѣжавшихъ въ Литву, оба приходятъ къ одному и тому же заключенію: Годуновъ умомъ, а Федоръ—сердцемъ.

Но эта способность замѣнять умъ чувствомъ не всегда присуща Ѳедору. Она въ обыкновенныхъ случаяхъ затемняется нѣкоторыми недостатками, неразлучными съ слабостью характера. Онъ, на примѣръ, не любитъ сознаваться, что онъ слабъ, ни передъ другими, ни передъ самимъ собой, и это часто приводитъ его къ неумѣстному, хотя скоро проходящему упрямству. Ему хочется иногда показать, что онъ самостоятеленъ, и ничѣмъ нельзя такъ польстить ему, какъ упрекнувъ его въ непреклонности или суровости.

Онъ большой хлопотунъ во всемъ, что не касается государственныхъ дѣлъ; никто, по его мнѣнію, не знаетъ такъ, какъ онъ, человѣческое сердце; для него примирить враждующихъ—есть не только долгъ, но и наслажденіе. Набожность его происходитъ отъ природнаго расположенія; но она перешла въ постничество вслѣдствіе ранняго протеста противъ разврата и жестокости его отца; впоследствии постничество стало ему привычкой, но онъ нисколько не сдѣлался педантомъ; онъ не смотритъ на мірское веселіе, какъ на грѣхъ; онъ любитъ медвѣжью травлю и не видитъ въ представленіяхъ скомороховъ служенія сатанѣ. Какъ всѣ люди робкіе, онъ чувствуетъ большое уваженіе къ смѣлости: геройскій характеръ князя Шуйскаго и удалство купца Красильникова затрогиваютъ въ немъ тѣ же сочувственныя струны.

Великодушіе Ѳедора не имѣетъ предѣловъ. Личныхъ обидъ для него не существуетъ, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его изъ обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно имъ любимаго, то негодованіе лишаетъ его всякаго равновѣсія: онъ кричитъ и шумитъ, ничего не видя, кромѣ совершенной несправедливости. Попавъ въ такую колею, онъ спѣшитъ воспользоваться своимъ настроеніемъ; и, зная, что оно недолго продолжится, онъ наскоро предпринимаетъ строгія мѣры, справедливыя по его убѣжденію, но несогласныя съ его характеромъ.

Когда Ѳедоръ взшелъ на престолъ, онъ не обманывался насчетъ своей неспособности и передалъ Годунову полное управленіе царствомъ, съ намѣреніемъ самъ ни во что не вмѣшиваться. Въ расчетъ Годунова не входило взять на первыхъ порахъ всю отвѣтственность на себя. Онъ нашелъ полезнымъ прикрыться авторитетомъ Ѳедора, сохранилъ ему весь наружный видъ неограниченнаго вла-

дыки, докладывалъ ему обо всемъ, испрашивалъ на все его рѣшеній, и Ѳедоръ мало-по-малу, при содѣйствіи неизбежныхъ придворныхъ льстецовъ, увѣрился, что онъ не такъ неспособенъ, какъ полагалъ. На этомъ періодѣ застаетъ его трагедія. Лѣнь и природное отвращеніе продолжаютъ удалять его отъ дѣлъ; но онъ уже привыкъ думать, что Годуновъ дѣйствуетъ по его инструкціямъ. Только въ важныхъ кризисахъ жизни, когда воля Годунова прямо противорѣчитъ благодти Ѳедора, какъ, напримеръ, когда Годуновъ грозитъ его оставить, если онъ не выдастъ ему Шуйскаго, самообольщеніе Ѳедора исчезаетъ; онъ убѣждается въ независимой силѣ Годунова, и, не умѣя бороться съ нимъ въ качествѣ царя, даетъ ему отпоръ какъ человѣкъ и христіанинъ. На этой почвѣ онъ стоитъ всегда неизмѣримо выше и Годунова и самого Шуйскаго, и всѣхъ его окружающихъ. Ошибка Ѳедора состоитъ въ томъ, что онъ не постоянно держится своего призванія быть человѣкомъ, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли онъ не выдерживаетъ, но отъ нея не отказывается; не можетъ обойтись безъ руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положеніе рождаетъ безпрестанное противорѣчіе между его природой и обязанностями его сана. Въ этомъ его и трагическая, и комическая стороны.

Роль Ѳедора очень многосложна и проходитъ черезъ самыя разнообразныя состоянія души—отъ добродушной веселости, когда онъ шутитъ съ Ириной, до изступленія, когда онъ узнаетъ о смерти Шуйскаго. Изъ всѣхъ лицъ, какъ, первой трагедіи, такъ и этой, лицо Ѳедора, по моему мнѣнію, самое трудное. Оно требуетъ большого изученія и большой тонкости уже потому, что въ немъ трагическій элементъ и оттѣнокъ комизма переливаются одинъ въ другой, какъ радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценической художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости. Это не что иное, какъ фольга, слегка окрашивающая чистую душу Ѳедора, прозрачную какъ горный кристаллъ. Прибавлять послѣ этого, что въ его роль не слѣдуетъ вмѣшивать карикатурности—я считаю излишнимъ. Одно предположеніе такой возможности было бы для исполнителя оскорбленіемъ, ибо заключало бы въ себѣ самое низкое мнѣніе о его пониманіи искусства.

Первое появленіе Ѳедора, въ короткой сценѣ съ стреляннымъ, съ Ириной и съ Годуновымъ, есть вступительный аккордъ въ его характеръ и должно быть именно такъ понято исполнителемъ. Ребяческій гнѣвъ на вздыбившагося коня, заблужденіе насчетъ своей физической силы, добродушное поддразниваніе Ирины, скорбь о раздѣленіи царства на партіи, жадно схваченный намекъ Годунова, что онъ непрочь отъ мира съ Шуйскимъ, увѣренность въ знаніи человѣческаго сердца и равнодушіе къ дѣламъ,—все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключаетъ въ себѣ зародыши полного характера, которые должны быть сразу и гармонически переданы.

Когда въ слѣдующемъ актѣ Ѳедоръ является примирителемъ Годунова съ Шуйскимъ, зритель долженъ быть уже настолько знакомъ съ Ѳедоромъ, чтобы его интересовало узнать, какъ этакая личность возьмется за такое дѣло? Въ приготовленіяхъ Ѳедора, въ наставленіяхъ его Годунову, Иринѣ, духовнымъ лицамъ и боярамъ видна виртуозность человѣка, который чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ, которому пріятно взяться за трудное дѣло, гдѣ онъ, по своему мнѣнію, мастеръ. Но по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты Ѳедоромъ овладѣваетъ робость, и когда онъ начинаетъ увѣщавать Шуйскаго, застѣнчивость его такъ велика, что онъ не находитъ словъ и передаетъ рѣчь Годунову. Во все продолженіе спора обоихъ противниковъ Ѳедоръ слѣдитъ за ними съ бьющимся сердцемъ. На лицѣ его написаны напряжение и безпокойство до той минуты, когда протівники берутся за руки. Тутъ радость его проявляется взрывомъ, какъ то бываетъ у добрыхъ дѣтей, получившихъ наконецъ, чего они давно желали, но на что не смѣли надѣяться. Дѣтская сторона Ѳедора должна особенно быть видна въ его разговорѣ съ выборными. Я не опасаюсь того рода смѣха, который возбуждаютъ въ публикѣ перебивки старика Курюкова, рассказъ Ѳедора о медвѣдѣ или его совѣты Шаховскому, какъ биться на кулачкахъ. Это будетъ смѣхъ добрый, не умаляющій нисколько уваженія къ высокимъ достоинствамъ Ѳедора; и когда онъ уйдетъ отъ выборныхъ, затыкая уши, то, при хорошей игрѣ, публика успѣетъ достаточно полюбить его, чтобы надъ нимъ не смѣяться, а развѣ только улыбнуться неловкому положенію, въ которое онъ себя поставилъ. Есть большая разница между

тѣмъ, что смѣшно (*drôle*), и тѣмъ, что достойно осмѣянія (*ridicule*). Первое совмѣстно съ любовью и уваженіемъ, второе исключаетъ эти чувства. На русскомъ языкѣ оба понятія выражаются тѣмъ же словомъ, но они отъ этого не менѣе различны. Ребенку часто подобаетъ эпитетъ: *drôle*, но ему не можетъ подобать эпитетъ: *ridicule*. Федоръ же въ этой сценѣ долженъ быть изображенъ ребенкомъ въ самомъ хорошемъ значеніи слова. Впослѣдствіи онъ покажетъ, что можетъ быть и чѣмъ-нибудь инымъ; но если бы, несмотря на свою благость, онъ кому-нибудь представился не довольно достойнымъ, то мы попросили бы подождать до третьяго акта. Вообще въ искусствѣ бояться выставлять недостатки любимыхъ нами лицъ—не значить оказывать имъ услугу. Оно, съ одной стороны, предполагаетъ мало довѣрія къ ихъ качествамъ, съ другой—приводитъ къ созданію безукоризненныхъ и безличныхъ существъ, въ которыя никто не вѣритъ. Здѣсь кстати замѣтить, въ отвѣтъ на нѣкоторыя опасенія объ униженіи царскаго достоинства въ лицѣ Федора, что значеніе каждой пьесы опредѣляется общимъ ея впечатлѣніемъ, а не отдѣльными частями, тѣмъ менѣе отдѣльными фразами или словами. Общее впечатлѣніе Федора не должно быть иное, какъ сочувственное; а сочувствія нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ правдоподобія, которое исчезнетъ, когда отнять у Федора его слабыя стороны. Если роль будетъ сыграна хорошо, то отвлеченная идея царскаго достоинства не пострадаетъ отъ того, что публика увидитъ на сценѣ подтвержденіе факта, извѣстнаго ей изъ исторіи, то-есть, что послѣдній государь изъ династіи Рюриковичей былъ слабъ и ограниченъ. Царское достоинство можетъ развѣ пострадать отъ плохой игры, и то не въ одной роли Федора, но и въ роли всякаго вѣнца-носца, хотя бы онъ былъ Августъ.

Итакъ, отъ драматическаго артиста зависитъ передать Федора—какъ онъ понять авторомъ, то-есть исполненнымъ высокихъ душевныхъ достоинствъ, далеко превышающихъ его недостатки.

Послѣ сцены доклада, характеръ Федора является съ новой стороны. Желая выписать царевича Дмитрія изъ Углича, онъ бунтуется противъ Годунова, не соглашающагося на эту мѣру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что онъ противопоставитъ Годунову свою самую слабую сторону—свое качество не-

ограниченнаго царя. Зато въ слѣдующей сценѣ, гдѣ Годуновъ требуетъ выдачи Шуйскаго, Ѳедоръ остается побѣдителемъ, потому что, вмѣсто царской власти, опирается на свою самую сильную сторону—на качество человѣка и христіанина. Онъ уже не спрашиваетъ съ сердцемъ:

«Я царь, или не царь?»

но откровенно и кротко говорить:

«Какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить и обмануть нетрудно!»

Эти двѣ сцены нарочно сопоставлены вмѣстѣ, чтобы первая усиливала вторую своимъ съ ней контрастомъ, и чтобы Ѳедоръ, внезапно сознающійся въ неспособности быть царемъ, выросъ во мнѣніи зрителя какъ человѣкъ.

Переходъ Ѳедора отъ несостоятельнаго царя къ человѣку, сильному однимъ человѣческимъ чувствомъ, его исканіе и обрѣтеніе убѣжища отъ собственной слабости въ христіанскомъ смиреніи должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удаленіи Годунова, Ѳедоръ бросается на шею Иринѣ, зритель долженъ видѣть, какого усилія стоилъ ему разрывъ съ правителемъ и какъ дорого онъ ему обошелся. Лицо Ѳедора измѣнилось, какъ послѣ болѣзни, но оно преображено сознаниемъ, что онъ поступилъ по совѣсти; оно выражаетъ теперь его полное согласіе съ самимъ собой, и когда онъ, сломанный физически своей моральной побѣдой, опирается на руку Ирины,—его прежніе недостатки, его ограниченность, его комизмъ должны представиться зрителю въ иномъ значеніи, и онъ долженъ понять, что они были нужны, дабы Ѳедоръ явился великъ не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христіанскимъ смиреніемъ, лишеннымъ всякаго блеска.

Если бы Ѳедоръ могъ удержаться на этой высотѣ, онъ бы заслуживалъ быть причисленнымъ къ лику святыхъ, но человѣческая слабость беретъ свое. Въ четвертомъ актѣ онъ, сидя за кипомъ бумагъ, которыхъ не можетъ понять, сожалеетъ о своей ссорѣ съ Годуновымъ и готовъ сдѣлать ему уступки. Клешнинъ приноситъ ему ультиматумъ правителя, но Годуновъ требуетъ слишкомъ много, Ѳедоръ не соглашается и попрежнему не вѣритъ измѣнѣ Шуйскихъ. Слѣдуетъ очная ставка Клешнина съ Шуйскимъ. Непроницательность Ѳедора, смѣшанная съ великодушіемъ и упрямствомъ, высказывается здѣсь ярче.

чѣмъ гдѣ-либо. Когда онъ, добиваясь отъ Шуйскаго оправдательнаго отвѣта, тѣмъ самымъ вынуждаетъ у него признаніе въ измѣнѣ, этотъ неожиданный оборотъ приводитъ его въ такой испугъ, что не Шуйскій, а онъ кажется попавшимъ въ западню. Чтобы выручить Шуйскаго, Ѳедоръ не находитъ лучшаго средства, какъ увѣрять, что Шуйскій по его приказанію объявилъ царемъ Дмитрія. Комизмъ этой уловки не долженъ мѣшать зрителю быть тронутымъ великодушіемъ Ѳедора и согласиться съ Шуйскимъ, когда онъ говоритъ:

«Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него!»

Задача исполнителя въ этомъ трудномъ мѣстѣ—заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если она удастся, то публика пойметъ, въ какомъ раздраженіи находятся нервы Ѳедора, когда онъ узнаетъ изъ бумаги, поданной ему Шаховскимъ, что тотъ самый Шуйскій, котораго онъ только-что спасъ, за котораго поссорился съ Годуновымъ—хотѣлъ развести его съ женой, такъ нѣжно и горячо имъ любимой.

Возстаніе Шуйскаго, какъ обида личная, не возбудило въ Ѳедорѣ ни малѣйшаго гнѣва. Онъ не принялъ это возстаніе ни какъ государственное преступленіе, ни какъ обиду; оно представилось ему только съ точки зрѣнія опасности, которой подвергался глубоко чтимый имъ воевода, тотъ, кому земля обязана спасеніемъ. Но когда Шуйскій затронулъ его Ирину, Ѳедоръ сперва плачетъ, потомъ выходитъ изъ себя. Онъ не соображаетъ хронологическаго отношенія измѣны, имъ только-что прощенной, съ челобитней о разводѣ, не поданной Шуйскимъ; не соображаетъ, что челобитня предшествовала измѣнѣ, а измѣна исключаетъ челобитню; поступокъ Шуйскаго представляется ему какъ черная неблагодарность, и, ничего не разбирая, ничего не видя, кромѣ оскорбленія своей Ирины, онъ яростно кричитъ:

«Въ тюрьму! Въ тюрьму!»

и прихлопываетъ печатью заготовленный Клешнинымъ приказъ.

Не смѣю утверждать, что поспѣшность Ѳедора происходитъ отъ одного негодованія, и что къ ней не примѣшивается облегчительнаго чувства, что онъ можетъ теперь, не грѣша противъ совѣсти, исполнить требованіе правителя и съ нимъ помириться. Во всякомъ случаѣ Ѳедоръ

уже смотреть на возстаніе иначе, чѣмъ за нѣсколько минутъ, ибо чувство его къ Шуйскому измѣнилось, а въ природѣ человѣческой—окрашивать чужіе поступки нашимъ личнымъ расположеніемъ къ ихъ совершителямъ.

Въ пятомъ актѣ нѣтъ вовсе комизма; заключительный аккордъ долженъ быть чисто трагическій. Обращеніе Ѳедора къ усопшему родителю, послѣ панихиды, есть послѣднее его усиліе выдержать неподобающую ему роль. Его изступленіе при вѣсти о смерти Шуйскаго, его возгласъ:

«Палачей!»

не должны возбуждать улыбки. Это слово хотя не имѣетъ въ устахъ Ѳедора того значенія, какое имѣло бы въ устахъ его отца—должно быть произнесено съ неожиданной, потрясающей энергіей. Это высшій пароксизмъ страданія, до котораго доходитъ Ѳедоръ, такъ что силы его уже истощены, когда онъ узнаётъ о смерти Дмитрія, и эта вторая вѣсть дѣйствуетъ на него уже подавляющимъ образомъ. Подозрѣніе на Годунова, мелькнувшее въ немъ по поводу Шуйскаго, еще разъ промелькиваетъ, какъ молнія, относительно Дмитрія:

«Ты, кажется, сказалъ:

Онъ удавился? Митя-жъ закололся?

Арина—а? Чтò если...»

Послѣднюю строку Ѳедоръ произноситъ съ испугомъ, чтобы зритель понялъ, какая ужасная мысль его поразила. Годуновъ устраняетъ ее предложеніемъ послать въ Угличъ Василю Шуйскаго, племянника удушеннаго князя; Ѳедоръ бросается ему на шею, прося прощенія, что мысленно оскорбилъ его—и совершенно теряется. Онъ хочетъ дать наставленія Василю Шуйскому, но рыданія заглушаютъ его слова. Теперь онъ сознаётъ, что по его винѣ погибли Шуйскій и Дмитрій, а царство осталось безъ преемника, и въ первый разъ постигаетъ, до какой степени было несостоятельно его притязаніе государить. Почва царственности проваливается подъ нимъ окончательно, онъ окончательно отказывается отъ всякой попытки на ней удержаться. Отнынѣ онъ уже ни во что не вмѣшивается, онъ умеръ для міра, онъ весь принадлежитъ Богу.

Это отреченіе отъ жизни, этотъ разрывъ съ прошедшимъ должны быть символически ознаменованы обстановкой Ѳедора въ послѣдней сценѣ трагедіи. Всѣ окружавшія его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа ни-

щихъ, да, пожалуй, два-три стольника съ царской стражей, чтобы не слишкомъ отступать отъ этикета. Въ этомъ скромномъ окруженіи Ѳедоръ произноситъ свой заключительный монологъ, а нищая братія въ то же время затягиваетъ вполголоса псаломъ, и на его «покаянномъ» напѣвѣ слова Ѳедора вырѣзываются какъ старинная живопись на золотомъ полѣ.

Мы видѣли изъ предшествующаго обзора, что въ характерѣ Ѳедора есть какъ бы два человѣка, изъ коихъ одинъ слабъ, ограниченъ, иногда даже смѣшонъ; другой же, напротивъ, великъ своимъ смиреніемъ, почтененъ своею нравственной высотой. Но эти два человѣка рѣдко являются отдѣльно; они большею частью слиты въ одну цѣльную личность, и воплощеніе этой цѣльности составляетъ главную задачу драматическаго исполнителя.

Наружность Ѳедора уже описана въ постановкѣ «Смерти Іоанна». Онъ былъ малъ, дряблъ, склоненъ къ водяной болѣзни и почти безбородъ. Цвѣтъ лица его блѣдно-желтоватый (*sallowe complexion*, по выраженію Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, носъ соколиный, губы улыбающіяся. Это, очевидно, не м о й Ѳедоръ. М о е м ъ Ѳедору можно отъ его исторической наружности сохранить только малый ростъ, отсутствіе бороды, неровность поступи и улыбающіяся черты лица. Портретъ Ѳедора надъ его гробницей, въ Архангельскомъ соборѣ, воспроизведенный Солнцевымъ въ «Русскихъ древностяхъ», не имѣетъ никакого значенія, ибо это не портретъ, а просто человѣческое лицо безъ всякой фізіономіи, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ дѣти. Возврѣнія на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

Въ трагедіи я придалъ Ѳедору болѣе живости, чѣмъ у него было на дѣлѣ, но она проявляется только въ его хлопотливости, когда онъ хочетъ что-нибудь устроить; обыкновенно же онъ скорѣе лѣнивъ и вялъ: но какъ у меня онъ почти всегда занятъ желаніемъ кого-нибудь помирить, или оправдать, или спасти, то онъ почти непрерывно хлопочетъ. Приемы его робки, видъ застѣнчивъ, голосъ и взглядъ чрезвычайно кротки, при большомъ желаніи казаться твердымъ и рѣшительнымъ.

Черезъ всю роль Ѳедора проходитъ одна черта, дающая ему особенный колоритъ: это его любовь къ Иринѣ. Она ему и другъ, и опора, и утѣшительница въ скорбяхъ. Мысль о ней не покидаетъ его ни на мигъ и примѣши-

вается ко всѣмъ его душевнымъ движеніямъ. Все, что съ нимъ случается, онъ относитъ къ ней; горе ли съ нимъ приключится, или обрадуется онъ чему, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Иринѣ и дѣлится съ ней своимъ впечатлѣніемъ. Также, если онъ что-нибудь затѣетъ, Ирина непременно должна ему помогать.

Особенно же онъ разсчитываетъ на поддержку Ирины, когда Годуновъ требуетъ отъ него чего-нибудь противнаго его благодушію. Но бываетъ, что онъ и не соглашается съ Ириной, особенно въ мелочахъ, потому что ему хочется показать, что онъ все-таки царь и господинъ въ своемъ домѣ. Иногда онъ любитъ и подразнить Ирину, но это дѣлается очень добродушно и только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же выказать къ ней еще большую нѣжность.

Для передачи Ѳедора требуется не только тонкій умъ, но и сердечное пониманіе. Если же исполнитель, сверхъ того, еще и полюбитъ его, сживется съ нимъ и войдетъ къ нему въ душу, то въ его роли можетъ оказаться много отгѣнковъ, не тронутыхъ въ этомъ обзорѣ, и много эффектовъ, мною не предвидѣнныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ я никого такъ не желалъ бы видѣть въ роли Ѳедора, какъ Сергѣя Васильевича Шумскаго.

Годуновъ.

Въ проектѣ о постановкѣ моей первой трагедіи я описалъ подробно его характеръ и потому ограничусь здѣсь только тѣми особенностями, которыя принадлежать ему, какъ правителю царства.

Получивъ верховную власть, Годуновъ, вѣрный своимъ правиламъ, остается наружно на второмъ планѣ. Онъ всегда держитъ себя съ Ѳедоромъ чрезвычайно почтительно; съ Ириной же, при свидѣтеляхъ, даже преувеличиваетъ свое благоговѣніе, ибо хочетъ подавать примѣръ другимъ, и, возвышая свою сестру въ общемъ мнѣніи, самъ дѣлается сильнѣе. Мы видимъ изъ исторіи, что онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Онъ умножилъ число ея боярынь, далъ ей цѣлый полкъ личныхъ тѣлохранителей и въ торжественные дни, особенно въ день ея рожденія, издавалъ грамоты о прощеніи виновныхъ однимъ ея именемъ, не упоминая о Ѳедорѣ.

Въ сношеніяхъ съ иностранными державами онъ выставялъ Ирину какъ участницу въ управленіи царствомъ, такъ что Елизавета англійская почла нужнымъ писать лично къ Иринѣ, чтобы этой любезностью расположить ее къ себѣ въ дѣлѣ объ уменьшеніи пошлинъ съ англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя на тщеславіе бояръ, Годуновъ завелъ званые царскіе обѣды, на которые иногда самъ не былъ приглашаемъ, но кто въ такой день обѣдалъ у царя, тотъ завидовалъ гостямъ Годунова. Въ думѣ онъ сидѣлъ не на первомъ, а на четвертомъ мѣстѣ.

Эта сдержанность, умѣренность и наружное смиреніе видны во всѣхъ его приемахъ, но теперь сознаніе власти просвѣчиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна». Годуновъ при случаѣ умѣетъ быть гордымъ — даже съ Ѳедоромъ.

Когда Шуйскій приноситъ на него жалобу, а Ѳедоръ его спрашиваетъ:

«То правда-ль, шуринъ?»

онъ отвѣчаетъ: «Правда!» съ такимъ видомъ, изъ котораго ясна его увѣренность, что не Ѳедоръ, а онъ — настоящій господинъ царства.

То же чувство сквозитъ въ его обращеніи къ Иринѣ:

«Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася, во что не разумѣешь!»

равно какъ и въ его замѣчаніи на удостовѣреніе Ѳедора Шуйскому, что Дмитрій будетъ перевезенъ въ Москву:

«А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ».

Но Годуновъ обнаруживаетъ сознаніе своей власти только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ скрываетъ его подъ видомъ полной зависимости отъ Ѳедора:

«Твоему желанью
Повиноваться — долгъ мой, государь!»

говоритъ онъ въ сценѣ примиренія такъ скромно, какъ будто оно не имъ самимъ возбуждено, а принято изъ покорности къ Ѳедору. Въ продолженіе своего спора съ Шуйскимъ онъ держитъ себя чрезвычайно достойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромно, и умѣренность его составляетъ контрастъ съ кипучею гордостью Шуйскаго.

Когда онъ объявляетъ Ѳедору о необходимости взять Шуйскаго подъ стражу, въ его невозмутимомъ спокойствіи слышится непреклонность. Онъ знаетъ, чего хочетъ, и не останавливается передъ послѣдствіями. Неожидан-

ный отказъ Федора поражаетъ его удивленіемъ, ибо онъ не привыкъ ошибаться въ людяхъ и думалъ доселѣ, что знаетъ Федора насквозь. Но здѣсь случилось, что случается иногда съ людьми, привыкшими играть другими, какъ пѣшками: они въ своихъ смѣтахъ слишкомъ дешево ставятъ нравственное чувство человѣка—и расчетъ ихъ бываетъ невѣренъ.

● Монологъ Годунова въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говорить о своемъ отрѣшеніи, долженъ быть произнесенъ съ непривычнымъ ему волненіемъ. Зритель долженъ видѣть, что въ немъ, какъ и въ Шуйскомъ, произошелъ переворотъ, рѣшающій направленіе всей его жизни.

Сцена съ Клешнинымъ, гдѣ рѣчь идетъ о Волоховой, очень трудна. Годуновъ не велитъ убить Дмитрія. Онъ, напротивъ, три раза сряду говоритъ Клешнину: «Скажи ей, чтобъ она царевича блюла!» и, несмотря на то, Клешнинъ долженъ понять, что Дмитрій осужденъ на смерть. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнителю предоставляется обширное поле для его художественныхъ соображеній. Троекратное: чтобы она блюла царевича — должно каждый разъ быть сказано иначе. Мысль Годунова, противорѣчащая его словамъ, сначала едва сквозитъ; потомъ она какъ будто самого его пугаетъ, и онъ готовъ отъ нея отказаться; въ третій же разъ, послѣ словъ:

«Убить, но живь!»—

эта мысль является установившеюся, и наставленіе блюсти царевича должно звучать какъ смертный ему приговоръ. Отказъ Годунова увидѣть Волохову также долженъ быть сказанъ знаменательно: Годуновъ, съ одной стороны, отклоняетъ отвѣтственность на случай нескромности Волоховой; съ другой—чувствуетъ невольное содроганіе вступить въ личные переговоры съ своимъ гнуснымъ орудіемъ. Всѣ эти подробности должны быть въ дѣйствіи такъ отчеканены, чтобы онѣ подготовили зрителя къ тому чувству чего-то недобраго, которое, при хорошей игрѣ, исполнить его въ слѣдующей сценѣ Клешнина съ Волоховой.

Послѣ разговора съ Клешнинымъ, Годуновъ является въ началѣ пятаго акта, сперва въ сценѣ съ Василиемъ Шуйскимъ, потомъ въ сценѣ съ Ириной. Первая сцена не важна въ отношеніи характеристики Годунова: цѣль ея только подготовить отправку Василя Шуйскаго на

углицкое слѣдствіе; но вторая имѣетъ особенную важность. Она, по положенію своему въ экономіи драмы, принадлежитъ къ разряду замедляющихъ, ибо драматическое движеніе быстро спѣшитъ къ концу, а ему бросаютъ навстрѣчу препятствіе, чтобы, опрокинувъ его, оно тѣмъ неудержимѣ ринулось въ катастрофу. По содержанію своему эта сцена синтетическая, ибо она въ своемъ фокусѣ собираетъ весь характеръ Годунова, опредѣляетъ значеніе Федора и заставляетъ зрителя оглянуться на пройденную имъ дорогу. Сверхъ того, въ ней полнѣе опредѣляется характеръ Ирины. По формѣ эта сцена лирическая и въ этомъ качествѣ должна быть играна съ нѣкоторымъ паэосомъ. Ирина проситъ Годунова пощадить Шуйскаго; онъ ей отказываетъ—вотъ и все внѣшнее содержаніе. Но въ немъ, съ обѣихъ сторонъ, много психическихъ движеній, а непреклонность Годунова является теперь въ строгой формѣ государственной необходимости. Какъ ни жестоки его мѣры, зритель долженъ видѣть, что онѣ внушены ему не однимъ честолюбіемъ, но и болѣе благородною цѣлью—благомъ всей земли, и если не простить ему приговора Дмитрія, то понять, что Дмитрій есть дѣйствительно препятствіе къ достиженію этой цѣли. Свой монологъ:

«Высокая гора

« Былъ царь Иванъ...»

Годуновъ произноситъ внятно, не спѣша, какъ бы погруженный въ самого себя. Когда онъ доходитъ до мѣста:

«Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень...»

голосъ его одушевляется, и въ немъ слышатся гнѣвъ и скорбь, а послѣднія слова:

«Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!»

онъ выговариваетъ съ рѣшительностью, не допускающей возраженія. Но Ирина не считаетъ себя побужденной. Она истощаетъ всѣ доводы въ пользу Шуйскаго. Годуновъ ихъ всѣ опровергаетъ и, переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, требуетъ отъ Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйскихъ. Ирина отвергаетъ это требованіе, и братъ и сестра расходятся какъ достойные противники, знающіе другъ друга и не теряющіе лишнихъ словъ, а зритель остается въ недоумѣніи, кому изъ двухъ будетъ принадлежать побѣда.

Эта сцена должна усилить ожиданіе развязки, и на нее нельзя не обратить главнаго вниманія.

Въ концѣ пятаго акта Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ, выходитъ съ Ѳедоромъ изъ собора.

Когда Ѳедоръ, узнавъ объ умерщвленіи Шуйскаго, обращается къ Годунову со словами:

«Ты вѣдалъ это?»

а Годуновъ отвѣчаетъ:

«Видитъ Богъ—не вѣдалъ!»—

въ его отвѣтъ есть и правда и ложь; онъ дѣйствительно не зналъ, что Шуйскій удушенъ, но, приставивъ къ нему его смертельнаго врага, Туренина, онъ имѣлъ поводъ ожидать, что дѣло именно такъ кончится.

При извѣстїи о смерти Дмитрія Годуновъ не можетъ казаться равнодушнымъ. Его волненіе видно сквозь наружное спокойствіе; но онъ скоро оправляется и съ него возмущеннымъ видомъ предлагаетъ послать на слѣдствіе Василя Шуйскаго.

Слова свои, обращенныя вполголоса къ Иринѣ:

«Пути сошлись наши!»

онъ произноситъ съ сдержаннымъ торжествомъ и, ставъ подъ начало Мстиславскаго (фактъ историческій), покидаетъ сцену съ эффектомъ, но безъ напыщенности, оставляя зрителю искупающее впечатлѣніе челоуѣка, которому участь земли дороже всего и который умѣетъ не только повелѣвать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требуетъ.

Темпъ его роли въ концѣ пятаго акта идетъ очень быстро, какъ и всѣхъ прочихъ ролей, ибо дѣйствіе напираетъ на катастрофу, нѣтъ болѣе мѣста для анализа, и событія изображены подъ титлами, или en tableau.

Подобно какъ въ «Смерти Іоанна», такъ и въ этой драмѣ судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обѣ трагедїи, теряется въ будущемъ.

Насчетъ его наружности и приемовъ отсылаю исполнителя къ «Постановкѣ Смерти Іоанна».

Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Этотъ врагъ, соперникъ и жертва Годунова представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Отличительныя качества его—прямота, благородство и великодушїе; отличительныя недостатки—гордость, стремительность и односторонность. Къ этому присоединяется нѣко-

торая мягкость сердца, не чуждая сильному характеру, но всегда вредная для достиженія политическихъ цѣлей.

«Зло онъ мягкосердъ»,

говорить про него благовѣщенскій протопопъ.

«Младенецъ сущій!»

говорить его племянникъ, Василиій Шуйскій.

«Скорь больно князь Иванъ!»

говорить Дмитрій Шуйскій.

«Трудно кривить душой!»

говорить онъ самъ про себя.

Понятно, что такой человекъ не могъ выдержать борьбу съ Годуновымъ, который не былъ ни одностороненъ, ни мягкосердъ, ни стремителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни разборчивъ въ средствахъ, и которому ничего не стоило кривить душой для достиженія своихъ цѣлей. Но на сторонѣ Шуйскаго, какъ главы партіи, были такія преимущества, которыхъ не доставало Годунову. Военская слава князя Ивана Петровича гремѣла не только по всей Россіи, но въ цѣломъ образованномъ мірѣ, читавшемъ еще недавно, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, описаніе знаменитой осады Пскова и восторженныя хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нравъ, съ отгѣнкомъ западнаго рыцарства, былъ вѣдомъ друзьямъ и недругамъ. Вызовъ его Замоискому на единоборство, на который намекаетъ Шаховской въ первой сценѣ трагедіи, есть фактъ историческій. Гейденштейнъ и русская хроника рассказываютъ, что во время псковскаго обложенія Шуйскій получилъ изъ литовскаго стана письмо отъ одного нѣмца, Моллера, изъявлявшаго желаніе перейти на нашу сторону. При этомъ Моллеръ послалъ Шуйскому тяжелый ящикъ съ просьбой вынуть изъ него казну и блюсти до его прибытія. Изъ предосторожности Шуйскій поручилъ искусному мастеру открыть ящикъ, и въ немъ оказалось 24 заряженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрывъ, если-бъ ящикъ былъ открытъ неумѣючи.

Приписывая это варварство, быть-можетъ ошибочно, Замоискому, Шуйскій послалъ ему письменный укоръ, что онъ поступилъ нечестно, и предложилъ ему, вмѣсто того, помѣряться съ нимъ на сабляхъ лицомъ къ лицу. Одна эта черта освѣщаетъ всего Шуйскаго со стороны его благородства и будущей несостоятельности, какъ руководителя заговора. Всевода, имѣвшій подъ своею отвѣтствен-

ностью многія тысячи людей и согласившійся играть жизнью въ личномъ дѣлѣ, изъ одного чувства прямоты—есть тотъ самый человекъ, который въ послѣдствіи, на очной ставкѣ съ Клешнинимъ, предпочтетъ погубить свою голову, чѣмъ отвѣтить неправду на вопросъ царя, сдѣланный ему именемъ его чести. И Ѳеодоръ, съ вѣрнымъ чутьемъ высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается въ Шуйскомъ, когда не требуетъ отъ него ни клятвы ни цѣлованія иконы, а говорить:

«Скажи по чести мнѣ, по чести только,
И слова твоего съ меня довольно!»

Вообще причина любви Ѳеодора къ Шуйскому—это испытанная прямота и благородство послѣдняго: они—два родственные характера. Имѣй Ѳеодоръ силу и умъ, онъ былъ бы похожъ на Шуйскаго.

Какъ въ роли Ѳеодора, такъ и въ роли Шуйскаго главные основанія изложены во вступительной сценѣ. Изъ первыхъ словъ Шуйскаго мы узнаемъ его ненависть къ Годунову и упорную привязанность къ старинѣ; изъ возраженія Василию Шуйскому—его честность съ самимъ собою; изъ отвѣта Головину—его доселѣ непоколебимую вѣрность Ѳеодору; а изъ заключительнаго монолога—его отвращеніе отъ кривыхъ путей. Сверхъ того, въ этой сценѣ разсѣяно, въ разговорахъ разныхъ лицъ, много рефлексовъ, объясняющихъ другія стороны Шуйскаго, такъ что при помощи этихъ данныхъ исполнителю будетъ нетрудно воплотить его личность и сдѣлать ее для зрителя несомнительною.

Въ сценѣ примиренія прежде всего бросается въ глаза гордость Шуйскаго. Слова:

«Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего», и т. д.

должны быть сказаны даже съ нѣкоторою суровостью. Она продолжаетъ являться и во всѣхъ возраженіяхъ его Годунову и въ первомъ отвѣтѣ царицѣ. Только послѣ монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говоритъ:

«Моимъ большимъ поклономъ
Прощу тебя, забудь свою вражду!»—

ледяной панцырь, которымъ Шуйскій обложилъ свое сердце, растаиваетъ, и въ голосѣ его слышится дрожаніе, когда онъ отвѣчаетъ:

«Царица-матушка, ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!»

Этотъ переходъ отъ суровости къ умиленію, это преклоненіе мужественнаго характера передъ женскою благостію—лучше всего обрисовываютъ Шуйскаго, и драматическій артистъ сдѣлаетъ хорошо, если обратитъ большое вниманіе на это мѣсто.

Со словами Шуйскаго:

«Вотъ моя рука!»

которыя онъ выговариваетъ съ откровенною рѣшимостью, все враждебное исчезаетъ изъ его сердца и съ его лица. Онъ искренно помирился съ Годуновымъ, искренно вѣрить его обѣщаніямъ и съ полнымъ чистосердечіемъ проносить свою клятву. Къ выборнымъ, дерзающимъ сомнѣваться, что правитель сдержитъ свое слово, Иванъ Петровичъ обращается съ гнѣвнымъ упрекомъ, въ то самое время, какъ Годуновъ шепчетъ Клешнину:

«Замѣть ихъ имена
И запиши!»

Здѣсь особенно виденъ контрастъ между характерами Годунова и Шуйскаго. Оба исполнителя должны на репетиціяхъ усвоить себѣ: первый — благозвучную убѣдительность голоса и невозмутимое спокойствіе приемовъ; другой—сначала гордую суровость, потомъ стремительную довѣрчивость въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ примиренному врагу.

Въ третьемъ актѣ, при вѣсти о вѣроломствѣ Годунова, Шуйскій сперва не можетъ ей повѣрить, потомъ вскипаетъ негодованіемъ. Когда же братья его хлопотливо предлагаютъ каждый свою мѣру, онъ молчитъ, сдвинувъ брови, погруженный самъ въ себя, и вдругъ, какъ будто опомнившись и удивляясь, что они такъ долго ищутъ исхода, восклицаетъ:

«Вы словно всѣ въ бреду!»

и рѣшается идти къ царю, увѣренный, что прямой путь—самый лучший. Его слова:

«И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!»

должны звучать увѣренностью въ успѣхъ, а слѣдующія затѣмъ:

«Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ!
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ засіяетъ»—

торжествомъ побѣды, какъ звуки бранной трубы.

«Младенецъ!»—замѣчаетъ, пожимая плечами, Василій Шуйскій, когда дядя его удалился. И въ самомъ дѣлѣ, князь Иванъ Петровичъ въ этомъ случаѣ такой же младенецъ, какъ и самъ Ѳедоръ, такой же, какъ и всякій чистый человѣкъ, не вѣрящій, что наглая неправда можетъ взять верхъ надъ очевидной правдой.

Опытъ доказываетъ, что онъ слишкомъ много рассчитывалъ на Ѳедора. Эта слабая опора подъ нимъ подламывается, и когда онъ уходитъ съ негодующими словами:

«Прости, великій царь!»—

зритель долженъ видѣть и слышать, что въ немъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые измѣняютъ всю жизнь человѣка.

Свои распоряженія насчетъ возстанія онъ дѣлаетъ стремительно и отдаетъ свои приказанія отрывисто, съ лихорадочною рѣшимостью. Ему нелегко отказаться отъ долготѣней вѣрности царю, отъ тѣхъ началъ законности, во имя которыхъ онъ жилъ доселѣ; но онъ думаетъ, что того требуетъ благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакиваетъ. Но если бы Ѳедоръ еще одумался и смѣнилъ Годунова, Шуйскій отказался бы отъ возстанія. Поэтому, когда Ѳедоръ за нимъ посылаетъ, онъ повинуется, предполагая, что Ѳедоръ хочетъ дать ему удовлетвореніе.

Вмѣсто того происходитъ сцена очной ставки, и Шуйскій, изъ чувства чести, выдаетъ себя головой. Здѣсь, быть-можетъ, не бесполезно сдѣлать возраженіе на ошибочное мнѣніе, что чувство чести въ XVI вѣкѣ было исключительно принадлежностью Запада. Къ прискорбію, мы не можемъ скрыть отъ себя, что въ московскій періодъ нашей исторіи, особенно въ цареніе Ивана Грознаго, чувство это, въ смыслѣ охраненія собственнаго достоинства, значительно пострадало, или уродливо исказилось, и что если мы обязаны московскому періоду нашимъ внѣшнимъ величіемъ, то, купивъ его внутреннимъ своимъ униженіемъ, мы дорого за него заплатили. Но въ смыслѣ долга, признаваемаго человѣкомъ надъ самимъ собой и обрекающаго его, въ случаѣ нарушенія, собственному презрѣнію, чувство чести, слава Богу, у насъ уцѣлѣло.

Древняя юридическая формула: да будетъ мнѣ стыдно! была отмѣнена и забыта, но духъ ея не вовсе исчезъ изъ народнаго сознанія. Чему приписать иначе

столько случаевъ именно въ цареніе Грознаго, гдѣ его жертвы предпочитали смерть студному дѣлу? Чему приписать поступокъ князя Репнина, умершаго, чтобы не плясать передъ царемъ? Или поступокъ нашихъ пушкарей подъ Венденомъ, лишившихъ себя жизни, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ? Или (если не ограничиваться одними мужскими примѣрами) поступокъ боярынь княгини Старицкой, жены князя Владиміра Андреевича, избравшихъ казнь и мученія, чтобы не принять царскихъ милостей? Солгать же изъ желанія спасти свою жизнь, безъ сомнѣнія, считалось не менѣе постыднымъ, чѣмъ отдаться живымъ непріятелю.

Связь съ Византіей и татарское владычество не дали намъ возвестъ идею чести въ систему, какъ то совершилось на Западѣ, но святость слова осталась для насъ столь же обязательною, какъ она была для древнихъ грековъ и римлянъ. Довольно потеряли мы нашего достоинства въ тяжелый московскій періодъ, довольно приняли униженій всякаго рода, чтобы не было нужно отымать у нашихъ лучшихъ людей того времени еще и возможности религіи честнаго слова, потому только, что это чувство есть также западное *)

Какъ ни извѣстна Шуйскому благодать Ѳедора, но послѣ своего признанья онъ не ожидалъ того оборота, который Ѳедоръ дастъ его дѣлу. Послѣднее усиліе Шуйскаго выдержать свой характеръ выражается въ словахъ:

«Не вздумай, государь,
 Меня простить! Я на тебя бы снова
 Тогда пошелъ».

Слова эти онъ выговариваетъ гордо и сурово, какъ бы для того, чтобы отнять у Ѳедора всякую возможность его помиловать. Но съ Ѳедоромъ сладить нелегко, когда онъ взялъ себѣ въ голову спасти утопающаго. Онъ, какъ неустрашимый пловецъ, бросается за нимъ въ воду, хва-

*) Это равняется отверженію въ русской драмѣ общихъ законовъ искусства, потому что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное исканіе русской народности въ сходствѣ съ туранцами и русской оригинальности въ клеймахъ татарскаго ига! Славянское племя принадлежитъ къ семьѣ индо-европейской. Татарщина у насъ есть элементъ наносный, случайный, привившійся къ намъ насильственно. Нечего имъ гордиться и имъ щеголять! И нечего *становиться спиной къ Европѣ*, какъ предлагаютъ нѣкоторые псевдо-руссы. Такая позиція доказывала бы только необразованность и отсутствіе историческаго смысла.

таеть его за руку, хватаетъ за волосы, хватаетъ за что попало и противъ воли тащить на берегъ. Суровость Шуйскаго разбивается въ дребезги объ это безпредѣльное великодушіе. Онъ побѣжденъ имъ теперь, какъ прежде былъ побѣжденъ благостью Ирины, слезы брызнули изъ его глазъ, и со словами:

«Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него!»

онъ упалъ бы на колѣни передъ Ѳедоромъ, если бы тотъ не вытолкалъ его изъ покоя, говоря:

«Ступай, ступай! Раздѣлай, что ты сдѣлалъ!»

Послѣ этой сцены мы видимъ Шуйскаго въ послѣдній разъ, въ кандалахъ, подъ стражею, ведомаго въ тюрьму его заклятымъ врагомъ, Туренинымъ, назначеннымъ ему въ пристава. Онъ принялъ свой приговоръ какъ заслуженное наказаніе, и въ его осанкѣ, въ его голосѣ должны чувствоваться раскаяніе, участіе къ народу, достоинство и преданность судьбѣ. Совѣсть уже не позволяетъ ему идти противъ Ѳедора, но онъ не можетъ пристать къ Годунову; ему остаются только—тюрьма или смерть. Его слова къ народу суть его послѣднія въ трагедіи; исполнитель произнесетъ ихъ какъ можно проще, но съ большимъ чувствомъ, такъ, чтобы они сдѣлали впечатлѣніе на зрителя.

Разобравъ роль Шуйскаго, мы приходимъ къ заключенію, что это человѣкъ гордый и сильный, способный даже къ мѣрамъ суровымъ, сознательно совершающій несправедливости, когда онѣ, по его убѣжденію, предписаны общей пользой, но слабый противъ движеній своего сердца. Такіе люди могутъ приобрести восторженную любовь своихъ согражданъ, но они не созданы осуществлять перевероты въ исторіи. На это нужны не Шуйскіе, а Годуновы.

Лѣтописи не сохранили намъ наружности Ивана Петровича, но въ трагедіи она должна быть представительна. Мы можемъ вообразить его человѣкомъ высокаго роста, лѣтъ шестидесяти, съ просѣдью. Осанка его благородна, голосъ рѣзокъ, поступь тверда, приемы съ равными повелительны, съ низшими—благосклонны.

«Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ,

А съ нами горды!»—

говоритъ про него Клешнинъ, и этотъ оттѣнокъ не долженъ пропасть въ исполненіи.

Ирина.

Какъ ангель-хранитель Ѳедора, какъ понуждающее, сдерживающее и уравновѣшивающее начало во всѣхъ его душевныхъ проявленіяхъ, стоитъ возлѣ него царица Ирина.

Это одна изъ свѣтлыхъ личностей нашей исторіи. Рускіе и иностранцы удивлялись ея уму и восхищались ея красотой. Ее сравнивали съ Анастасіей, первой женой Ивана Грознаго, той, кому Россія обязана краткими годами его славы. Послѣ смерти Ѳедора она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась подѣ именемъ Александры, но таково было къ ней уваженіе земли, что боярская дума нашла нужнымъ издавать грамоты не иначе, какъ отъ имени царицы Александры, до самаго избранія Годунова.

Рѣдкое сочетаніе ума, твердости и кроткой женственности составляютъ въ трагедіи ея основныя черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нея всѣ великія качества Годунова безъ его темныхъ сторонъ. Все ея честолюбіе обращено на Ѳедора. Ей больно, что онъ такъ слабъ; ей хотѣлось бы пробудить въ немъ волю; она не только не выставляетъ наружу свое вліяніе на него, но тщательно его скрываетъ, стараясь всегда оставаться въ тѣни, а его выказывать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Она бережно обращается съ его слабостями; знаетъ его желаніе казаться самостоятельнымъ и никогда ему не перечить. Любовь ея къ Ѳедору есть любовь материнская; она исполняетъ его капризы, поддается его поддразниванью, занимаетъ его, няньчится съ нимъ, но не пропускаетъ случая напомнить ему, что онъ царь, что онъ имѣетъ право и обязанности повелѣвать, гдѣ того требуетъ его совѣсть. Нѣтъ сомнѣнія, что Годуновъ преимущественно ей обязанъ своей силой; но она поддерживаетъ брата не изъ родственнаго чувства, а по убѣжденію, что онъ единственный человѣкъ, способный править царствомъ. Тѣмъ не менѣе ее оскорбляетъ слишкомъ полное подчиненіе ему Ѳедора. Ей хотѣлось бы, чтобы онъ не только казался, но дѣйствительно былъ господиномъ въ своемъ домѣ. Она наперекоръ брату напоминаетъ Ѳедору, что выписать Дмитрія изъ Углича—есть дѣло не государственное, но семейное, въ которомъ онъ долженъ быть судьей. Съ ея высокимъ умомъ, съ ея бла-

городствомъ сердца, она не могла не одѣвннть Ивана Петровича Шуйскаго, и хотя не раздѣляетъ его политиче-скихъ мнѣній, но понимаетъ его оппозицію и находитъ, что братъ ея долженъ бы склонить Шуйскаго на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, какъ и Ѳедоръ, хотѣла бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но, когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, гдѣ, по ея убѣжденію, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходитъ черезъ трагедію, но она освѣщаетъ ее всю своимъ индивидуальнымъ свѣтомъ, ибо всѣ нити событій сходятся въ Ѳедорѣ, а Ѳедоръ неразрывно связанъ съ Ириной.

Въ Иринѣ характеръ не выказывается сразу, какъ въ Ѳедорѣ и въ Шуйскомъ. Она въ своей первой сценѣ видна только со стороны своей кротости, заботливости о Ѳедорѣ и готовности попасть въ тонъ его шутливаго настроенія. Это сцена интимная, гдѣ Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

Въ слѣдующемъ актѣ качество это отступаетъ на второй планъ и даетъ мѣсто, въ сценѣ примиренія, другому качеству: официальной представительности. Здѣсь Ирина не иначе относится къ Ѳедору, какъ къ государю. Къ Шуйскому она обращается какъ царица и даже даетъ ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать разстояніе, ихъ раздѣляющее. Тѣмъ сильнѣе она дѣйствуетъ на Шуйскаго, когда, напомнивъ ему, что онъ слуга и подданный, она кланяется ему въ поясъ и проситъ его забыть свою вражду къ Годунову. Этотъ поклонъ и предшествующій ему монологъ Ирины должны быть проникнуты такимъ чувствомъ и достоинствомъ, чтобы всѣмъ стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять имъ.

Въ концѣ третьяго акта Иринѣ предстоитъ довольно трудная нѣмая игра, съ того мѣста, гдѣ Годуновъ отрекается отъ правленія, до того, гдѣ Ѳедоръ, давъ ему уйти, бросается къ ней на шею. Всѣ страданія Ѳедора—его изнеможеніе, борьба съ самимъ собой и наконецъ побѣда надъ собственной слабостью—отражаются на лицѣ Ирины участіемъ, боязнью, состраданіемъ и радостью. Нѣжность ея къ Ѳедору, когда она обнимаетъ его, со словами:

Нѣтъ, Ѳедору, нѣтъ, ты сдѣлалъ такъ, какъ должно—

имѣеть характеръ сердечнаго порыва и производить тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ сдержаннѣе будетъ передъ этимъ исполнительница.

Въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ очной ставки, Ирина съ перваго появленія Шуйскаго догадалась, что въ немъ таится враждебный замыселъ. Она слѣдитъ съ безпокойствомъ за его выраженіемъ и, когда Федоръ требуетъ отъ него отвѣта, она съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, чтобы спасти Шуйскаго и вмѣстѣ обязать его въ вѣрности, проситъ Федора не спрашивать его о прошедшемъ, но только взять съ него слово за будущее. Во всей этой сценѣ, а равно и въ слѣдующей, гдѣ Федоръ, узнавъ о челобитнѣ Шуйскихъ, посылаетъ ихъ въ тюрьму, Ирина своимъ благородіемъ, спокойствіемъ и присутствіемъ духа представляетъ контрастъ съ хлопотливостью и растерянностью Федора.

Въ пятомъ актѣ Ирина является вмѣстѣ съ княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое такъ легко западаетъ въ сердце даже великодушной женщины, не коенулось Ирины.

Въ ласковомъ обращеніи съ своей невольной соперницей она не выказываетъ преувеличенья, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая, побѣдившая свою ревность. Съ заботливой добротой и съ женскою солидарностью она поправляетъ разстроенныя подлужи Мстиславской и не думаетъ показать этимъ великодушіе: ея участіе и солидарность разумѣются для нея сами собою. Колѣнопреклоненіе Ирины предъ Федоромъ, ея просьба за Шуйскаго—все должно быть просто и естественно, безъ малѣйшей торжественности. Вѣсть о смерти Шуйскаго, а потомъ о смерти Дмитрія поражаетъ ее сильно, но не лишаетъ присутствія духа, и, утѣшая Федора, она не упускаетъ изъ вида участи государства. Ея соболѣзнованіе проникнуто несказанною горестью, а ея отвѣтъ Годунову, торжествующему, что ихъ пути сошлись,—тяжелымъ сознаніемъ, что дѣйствительно оба страшныя событія ихъ сблизили. Ея восклицаніе:

«О, если-бъ имъ сойтись не довелось.»

которымъ оканчивается ея роль, есть болѣзненный крикъ, вырвавшийся изъ самой глубины ея сердца.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ портретовъ Ирины. Одежда ея всегда богата, а въ торжественныхъ случаяхъ—вели-

колѣпна. Архіепископъ эласонскій, Арсеній, бывший въ 1588 году въ Москвѣ, вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, видѣлъ ее въ длинной мантии, поверхъ бархатной одежды, осыпанной жемчугомъ. На груди у нея была цѣпь изъ драгоцѣнныхъ камней, на головѣ корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами. Одежда ея боярынь была бѣлая какъ снѣгъ. Англичанинъ Горсей также говоритъ, что Ирина въ день вѣнчанія Ѳеодора сидѣла на престолѣ у открытаго окна, въ коронѣ, вся въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Въ трагедіи она перемѣняетъ одежду нѣсколько разъ, смотря по обстановкѣ, въ которой находится.

Самое задушевное желаніе Ирины было имѣть дѣтей, и въ своемъ свиданіи съ константинопольскимъ патріархомъ она такъ трогательно просила его молить о томъ Бога, что патріархъ заплакалъ. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, и единственный ребенокъ Ирины, дѣвочка, названная Ѳеодосіею, умерла вскорѣ послѣ рожденія.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взглядъ ея уменъ, улыбка добра и привѣтлива; каждое ея движеніе плавно, голосъ ея тихъ и благозвученъ, скорѣе контральто, чѣмъ сопрано. Атмосфера спокойствія ее окружаетъ; при ней каждый невольно становится на свое мѣсто, и ему отъ этого дѣлается легко; ея присутствіе вызываетъ въ каждомъ его лучшія стороны, при ней дѣлаешься добрѣе; при ней дышится свободнѣе; отъ нея, по выраженію Шуйскаго, вѣетъ тихимъ лѣтомъ.

Князь Василій Шуйскій.

Объ этомъ хитромъ, но не глубокомъ человѣкѣ я говорилъ подробно въ моемъ первомъ «Проектѣ», такъ что немного придется здѣсь прибавить. Онъ представленъ у меня изобрѣтателемъ и зачинщикомъ сложной козни противъ Годунова. Мастеръ въ такого рода дѣлахъ, онъ чрезвычайно остороженъ и не суется въ опасность, не упрочивъ себѣ возможности отступленія. Онъ непрочь и свергнуть Ѳеодора, чтобы посадить на царство Дмитрія; но находитъ, что это дѣло недостаточно подготовлено, и говорить Головину:

«Такъ, зря, нельзя!»

По этой причинѣ, а не изъ вѣрности Ѳеодору, онъ и дядю отговариваетъ отъ возстанія. Держать же въ своихъ

рукахъ нити замысловатой интриги, имѣющей за собой вѣроятіе успѣха, ему очень пріятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписавъ челобитню о разводѣ, попались въ западню и должны, хотя или нѣхотя, идти вмѣстѣ съ Шуйскими. Онъ выказываетъ большую виртуозность въ уговариваньи Мстиславскаго отказать Шаховскому и сдѣлать изъ сестры своей царицу.

Когда его приводятъ, арестованнаго, къ Годунову, онъ не показываетъ смущенія, но говоритъ очень спокойно, что затѣялъ челобитню ему же въ услугу. При этомъ онъ нисколько не ожидаетъ, что Годуновъ ему повѣритъ, но употребляетъ этотъ изворотъ только для благовидности, чтобы перейти на сторону Годунова не въ качествѣ переметчика, но давнишняго его приверженца. И Годуновъ, знающій его насквозь, не тратитъ съ нимъ лишнихъ словъ, но принимаетъ его увѣреніе въ преданности и вѣритъ ей теперь, потому что она въ интересахъ Шуйскаго. Нѣкоторые критики замѣтили мнѣ, что Василій Шуйскій, сдѣлавшись такъ легко орудіемъ Годунова, играетъ невыгодную для себя роль—и я не могу съ ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшаго совѣта, какъ играть Шуйскаго такъ, какъ играетъ его г. Зубровъ въ «Дмитріи Самозванцѣ» Чаева и въ моей «Смерти Іоанна».

Головинъ.

Этотъ также интриганъ, и въ томъ же самомъ дѣлѣ, но съ особеннымъ, индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Онъ заносчивѣе Шуйскаго. Ставя свою цѣль выше, онъ болѣе рискуетъ и, надѣясь на свою находчивость, не подготавливаетъ себѣ задней двери на случай неудачи. Въ немъ болѣе дерзости, чѣмъ хитрости.

Лупъ-Клешнинъ.

Этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Это типъ мошенника преимущественно русскій; по крайней мѣрѣ его рѣдко встрѣчаешь между иностранцами. Можно бы назвать его мошенникомъ сугубымъ, или мошенникомъ съ перехватомъ. Каждую свою плутню онъ совершаетъ не просто, а посредствомъ другой, предварительной плутни. Такъ, на примѣръ, когда льститъ, онъ

не просто льстить, но посредствомъ грубости, заключающей въ себѣ похвалу, и на людей не особенно тонкихъ такая лесть дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе ея оболочка. Образчикомъ тому служить его упрекъ Ѳедору, что онъ «пошелъ весь въ батюшку». Насъ рѣдко оскорбляетъ обвиненіе въ порокахъ, которыхъ мы рѣшительно чужды, тѣмъ менѣе — обвиненіе въ излишней силѣ. А Ѳедору такой упрекъ—настоящая лафа. Какъ ему не согласиться, что онъ дѣйствительно суровъ и крутъ, когда его обвиняетъ въ томъ его дядька, старый, испытанный слуга, извѣстный своей простотой и откровенностью? Мало-по-малу этотъ приемъ перешелъ Клешнину въ привычку, и онъ грубитъ даже безкорыстно. Для Годунова такой человѣкъ—находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего онъ самъ не хочетъ высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказываетъ Клешнинъ безъ обиняковъ, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнинъ же преданъ Годунову столько же изъ личныхъ выгодъ, сколько отъ скрытаго презрѣнія къ Ѳедору. Онъ не въ состояніи понять Ѳедоровой благодати и откровенно предпочитаетъ ему батюшку Ивана Васильича, который ни съ кѣмъ долго толковать не изволилъ. Клешнинъ—человѣкъ очень рѣшительный, ничѣмъ не стѣсняющійся, безъ совѣсти и предразсудковъ, не бѣлоручка и большой циникъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые говорятъ: «Мы люди простые, люди русскіе! Рукъ не моемъ, ковшей не полощемъ! То все про большихъ господъ, про бояръ да про нѣмцевъ, а нашъ братъ по простотѣ: морду зоветь рыломъ, а пощечину—оплеухой!» И за этой простотой, за этой грубостью таится цѣлый механизмъ кознодѣйства. Впрочемъ, Клешнинъ мало кого обманываетъ: онъ для этого недостаточно изворотливъ; да оно ему и не нужно; съ него довольно, чтобы его боялись, какъ Годуновскаго человѣка, и сторонились отъ него, какъ отъ быка.

Въ его роли два важныя мѣста: вербованіе Василисы Волоховой и очная ставка съ княземъ Иванъ-Петровичемъ. Оба мѣста сами по себѣ понятны и не требуютъ поясненій.

Предложеніе его ѣхать въ Угличъ, на слѣдствіе, исполнитель долженъ сказать, обдумавши его хорошенъко; оно знаменательно для всей трагедіи и намекаетъ на историческій фактъ.

Наружность Клешина грубая, циническая, а взглядъ его волчій. Онъ въ послѣдствіи убоился огня ада, пошелъ въ монахи и посхимился подъ именемъ отца Левкія.

Князь Туренинъ.

Это роль нетрудная, заключающаяся только въ непримиримой враждѣ къ князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена какъ можно ярче. Такъ какъ между его первымъ и вторымъ появленіемъ есть большой промежутокъ, то наружность его должна быть очень замѣтна, дабы, когда онъ ведетъ Ивана Шуйскаго въ тюрьму, зритель тотчасъ его припомнилъ и узналъ, что это именно Туренинъ, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйскаго. Выраженіе Туренина—мрачное и мстительное.

Василиса Волохова.

Роль очень эффектная и не совсѣмъ легкая, если не брать ее съ одной внѣшней стороны. Изъ разныхъ ея проявленій зритель долженъ еще до сцены съ Клешинымъ составить себѣ полное понятіе о характерѣ Волоховой, такъ, чтобы ея готовность совершить преступленіе его не удивила. Клешинъ опредѣляетъ ее вѣрно, говоря про нее:

«На всѣ пригодна руки:

Гадальщица, лѣкарка, сваха, сводня,

Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ».

Единственный двигатель всѣхъ дѣйствій Волоховой—это деньги. Изъ-за нихъ она пускается на всевозможныя ремесла и, какъ Протей, принимаетъ всевозможныя виды. У нея, какъ у Клешина, нѣтъ ничего святого, но она съ большою готовностью подлаживается подъ всѣ вкусы. Цинизмъ ея не менѣе безстыденъ, чѣмъ цинизмъ Клешина, но онъ гораздо наивнѣе, ибо она судить обо всѣхъ по себѣ и высказываетъ часто самыя рискованныя убѣжденія, полагая, что кто не дуракъ, у того и быть иныхъ не можетъ. Въ молодости она была баба веселая, нестрогая къ добрымъ молодцамъ, когда къ ней обращались не съ пустыми руками; теперь же она принимаетъ большое участіе въ сердечныхъ дѣлахъ другихъ: кого посватаетъ, кому и такъ доставить свиданіе. Ея мнѣніе о людяхъ самое низкое: она полагаетъ, что нѣтъ чело-

вѣка, который за деньги не сдѣлалъ бы всего на свѣтѣ, не отравилъ бы отца и матери; но это, по ея словамъ, отъ немощи человѣческой и быть иначе не можетъ; стало, тутъ нѣтъ ничего и дурного, а глупъ тотъ, кто ближняго не бережется, а паче всего—собственныхъ дѣтей; на то и разумъ человѣку данъ.

Она большая богомолка, охотница прикладываться къ иконамъ, знаетъ всѣхъ московскихъ игуменій и игуменовъ и вхожа въ лучшіе дома. Боярыни отъ нея души не чаютъ, она имъ и солить, и варить, и лѣтники кроетъ, и ферязи шьетъ, а боярышнямъ про суженыхъ гадаетъ; а боярамъ отъ разныхъ скорбей нашептываетъ; а всѣмъ вмѣстѣ переносить сплетни изъ дома въ домъ; однихъ поссорить, другихъ помирить, и съ обѣихъ сторонъ выпросить себѣ подарокъ. Самые сложные обряды она знаетъ наизусть, и нѣтъ свадьбы, и нѣтъ помолвки, и нѣтъ крестинъ, и нѣтъ именинъ, и нѣтъ похоронъ, гдѣ бы она не играла роли. За каждый свой совѣтъ, за каждую услугу она получаетъ—отъ кого ширинку, отъ кого пару себолей, отъ кого деньги, и все это прячется подъ замкъ, отъ котораго ключъ она носить на шеѣ, вмѣстѣ съ образками и ладонками. Она любитъ говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкаго свойства; за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и, при случаѣ, великая мастерица ругаться. Бываетъ, что иной бояринъ, который нравомъ покруче, велитъ за какую-нибудь продѣлку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая изъ воротъ, успѣетъ при всей дворнѣ насулить ему такую кучу разныхъ бѣдъ, что, узнавъ о томъ, бояринъ призадумается. А если вскорѣ захвораетъ въ домѣ ребенокъ или начнется пожаръ, то на представленія жены бояринъ скажетъ: «Ну, ну, добро, пошли этотъ кошель чортовой бабѣ, чтобъ она порчи у насъ не чинила!»

Типъ ея, съ неизбѣжными измѣненіями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ея и приемы не требуютъ описанія. Не думаю, чтобы кто-либо могъ передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки—г-жи Линской.

Князь Шаховской и княжна Мстиславская.

Эти два лица играютъ хотя краткую, но необходимую роль въ трагедіи, по ихъ органической связи съ ея ме-

ханизмомъ; безъ Мстиславской не было бы отказа Шаховскому; безъ Шаховского Ѳеодоръ не послалъ бы Шуйскихъ въ тюрьму. Но оба лица, какъ эпизодическія, особенно Мстиславская, едва очерчены и не даютъ времени исполнителямъ углубиться въ ихъ характеры. Мстиславская—красивая дѣвушка, привязанная къ своему дядѣ и воспитателю, Ивану Шуйскому, котораго она очень боится; жениха же своего, Шаховского, она любитъ и сильно съ нимъ кокетничаетъ.

Шаховской—красивый, удалой молодець, благородный, отважный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но не легко связывающій двѣ идеи вмѣстѣ. Отличительная его черта — необдуманность, и критика, порицая его за этотъ недостатокъ, доказала свою пронизательность, равно какъ и открытіемъ, что Иванъ Петровичъ Шуйскій способенъ быть главою политической партіи.

Митрополитъ Діонисій, архіепископъ Іовъ, архіепископъ Варлаамъ и прочія духовныя лица.

Хотя ни одному изъ нихъ не суждено явиться на сцену иначе, какъ инкогнито, но для полноты обзора не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Діонисій былъ человекъ достойный, всѣми уважаемый, заслужившій отъ современниковъ своею ученостью и краснорѣчіемъ прозваніе мудраго грамматика. Главной его заботой было расширеніе церковныхъ правъ. Онъ не поддавался Годунову, которому не разъ приходилось его задабривать, и грамота, врученная ему во второмъ актѣ, есть фактъ историческій. Когда начался процессъ Шуйскихъ, онъ и крутицкій архіепископъ Варлаамъ—оба энергически протестовали противъ ихъ осужденія, и оба были сведены съ престоловъ. Іовъ же, архіепископъ ростовскій, напротивъ, всегда держалъ сторону Годунова и былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. Роль его въ дѣлѣ объ убіеніи царевича Дмитрія—очень незавидная. Экономія трагедіи не допускала развитія святительскихъ характеровъ, но въ ней сохранены самостоятельность Діонисія и подобоострастіе Іова. На сценѣ они могутъ показаться только въ условномъ видѣ старцевъ, равно какъ и благовѣщенскій протопопъ и чудовскій архимандритъ. Духовника же Ѳеодора можно и вовсе исключить.

Богданъ Курюковъ и прочіе купцы.

Роль перваго требуетъ нѣкотораго поясненія; другіе только способствуютъ колориту трагедіи. Курюковъ—человѣкъ минувшаго вѣка, когда еще значеніе удѣльныхъ князей было только побѣждено, а не вовсе уничтожено. Въ его время народъ принималъ еще участіе въ дѣлахъ земли, и сочувствіе его давало перевѣсъ той или другой сторонѣ. На него опирались политическія партіи съ успѣхомъ, не такъ, какъ попытался опереться Шуйскій, когда уже царь Иванъ истолокъ, какъ въ ступѣ, всѣ историческія отношенія, связывавшія народъ съ удѣльнымъ княжествомъ. Курюковъ еще помнитъ эти отношенія и держится ихъ свято. Другіе купцы привержены къ Шуйскимъ болѣе по тождественности ихъ интересовъ и по личному сочувствію; но для Курюкова Шуйскіе представляютъ знамя, которому онъ служитъ по преданію и за которое умираетъ. Это одна изъ тѣхъ богатырскихъ фигуръ до-Петровскаго времени, про которыя полякъ Пасекъ говоритъ, что когда онѣ стояли въ сомкнутомъ строю, съ бердышами въ рукахъ, то казалось, что идешь «на отцовъ родныхъ». Но въ трагедіи Курюковъ является уже какъ развалина былого, навсегда прошедшаго времени. Онъ сталъ слабъ и болтливъ, и часто заговаривается, только когда дѣло идетъ о Шуйскихъ, онъ находитъ свою прежнюю ясность и прежнюю энергію. Лицо его умно и добродушно, ростъ высокъ, вся фигура живописна.

Иванъ Красильниковъ и Голубъ-сынъ—оба дюжіе молодцы, особенно второй. Ихъ ролей не слѣдуетъ давать тщедушнымъ статистамъ—иначе выйдетъ смѣшное противорѣчіе между ихъ наружностью и приписываемой имъ силой. Одно изъ назначеній обоихъ—это показать неизгладившіяся еще или возобновившіяся послѣ Іоанна отношенія взаимнаго довѣрія между народомъ и боярствомъ.

Князь Андрей, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе; князь Мстиславскій и князь Хворостининъ.

Всѣ три Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и сосланы въ заточеніе, гдѣ одновременно съ Иваномъ Петровичемъ удушены также Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ. Послѣдній, настаивающій въ третьемъ актѣ на убіеніи Годунова, былъ признанъ главнымъ преступникомъ.

Желательно, чтобы у всѣхъ троихъ въ осанкѣ и приемахъ была видна родственная черта гордой независимости, которою они, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ, отличаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе бояре, ихъ сторонники.

О Хворостининѣ и Мстиславскомъ не могу сказать ничего, кромѣ того, что первый былъ извѣстенъ умомъ и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновымъ, — одною доблестью. У Мстиславскаго есть сцена, требующая большой живости въ исполненіи, именно сцена, гдѣ онъ даетъ отказъ Шаховскому.

Федюкъ Старковъ.

Этотъ шпионъ, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говоритъ, но является въ трехъ важныхъ мѣстахъ трагедіи. Чтобы придать ему нѣкоторую оригинальность, я предлагаю представлять его сѣдымъ человѣкомъ самаго почтеннаго вида, котораго одна наружность вселяетъ довѣріе. Онъ какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей должности дворецкаго, но, когда на него не смотрятъ, глаза его бѣгають какъ мыши, а уши такъ и навастриваются. Если за эту роль возьметса умѣющій, она дастъ ему случай къ интересной нѣмой игрѣ.

Гусляръ.

Онъ долженъ быть молодъ, а не старъ, чтобъ его наружность составляла контрастъ съ Курюковымъ. Пѣсня его о Шуйскомъ передѣлана изъ настоящей народной пѣсни, и бѣольшая часть стиховъ сохранена. Очень важно подобрать подъ нихъ приличный напѣвъ, чтобы несвѣдущій въ археологіи исполнитель не вздумалъ угостить публику какимъ-нибудь романсомъ. Худшей услуги онъ бы не могъ оказать народной сценѣ на Яузскомъ мосту.

Въ собраніи Стаховича онъ найдетъ характерные и подходящіе мотивы. Одежда гусляра бѣдна, но опрятна.

Нищіе.

Эти должны быть въ лохмотьяхъ, и чѣмъ они будутъ оборваннѣе, тѣмъ живописнѣе выйдетъ послѣдняя картина. Когда Годуновъ со Мстиславскимъ уходятъ со

сцены, а бояре и народъ спѣшать за ними, нищѣ затягиваютъ псаломъ, но такъ тихо, что онъ только слышится сквозь послѣдній монологъ Ѳедора, но его не заглушаетъ. Нѣкоторыя особенности одежды, а главное, оригинальный народный налѣвъ—можно найти въ «Каликахъ перехожихъ» г. Безсонова.

ДЕКОРАЦИИ.

Большая часть декораций «Смерти Іоанна Грознаго» годится и для «Царя Ѳедора»; но если онъ будетъ данъ, то надобно сдѣлать три новыя:

Первую—въ началѣ третьяго акта:

Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На первомъ планѣ кусты смородины и большіе подсолнечники; въ сторонѣ заборъ съ калиткой; въ глубинѣ прудъ, съ отраженіемъ въ немъ звѣзднаго неба, и крыльцо княжескаго дома, по которому сходятъ дѣйствующія лица. Сначала ночь, потомъ занимающаяся заря.

Вторую—въ концѣ четвертаго акта:

Мостъ черезъ Язу.

Онъ долженъ идти отъ зрителей въ глубину сцены, немного наискось, чтобы все на немъ происходящее было видно. За рѣкой уголь укрѣпленія съ воротами, черезъ которыя выводятъ Шуйскихъ на мостъ. Вдали—рощи и монастыри.

Третью—въ концѣ пятаго акта:

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Церковныя врата должны находиться на первомъ планѣ, справа или слѣва, ибо вся сцена происходитъ у самаго собора.

ОБЩАЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

При неустановившейся еще у насъ театральной критикѣ, при отсутствіи общепризнанной теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

Да будетъ же мнѣ позволено, не вдаваясь въ подробную теорію, которой здѣсь не мѣсто, заявить только о коренномъ законѣ, долженствующемъ руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Законъ этотъ для нихъ

тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма, или, простыми словами, соединеніе правды съ красотою.

Полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно противорѣчить правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя всю, какъ она есть. Оно беретъ отъ каждаго явленія только его типическія черты и отбрасываетъ все несущественное. Этимъ живопись отличается отъ фотографіи, поэзія отъ исторіи и, въ частности, драма отъ драматической хроники. Иллюзія, производимая искусствомъ, не должна быть иллюзіей полнаго обмана. Удовольствіе, ощущаемое нами при видѣ художественнаго портрета, есть иное чувство, чѣмъ созерцаніе оригинала въ зеркалѣ. Напротивъ, оригиналь часто бываетъ намъ непріятенъ, а воспроизведеніе насъ привлекаетъ. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасываетъ все, что въ оригиналѣ случайно, незначенательно, и дифферентно, и сохраняетъ только его сущность. Она возводитъ единичное явленіе природы въ типъ или въ идею, другими словами, она его идеализируетъ и тѣмъ придаетъ ему красоту и значеніе. То же дѣлаетъ драматургъ съ историческимъ событіемъ; то же должны дѣлать съ нимъ и драматическіе исполнители, которыхъ обязанность — облекать въ плоть и кровь идею драматурга. Какъ его фигуры въ драмѣ не суть повторенія живыхъ личностей, но идеи этихъ личностей, очищенные отъ всего, что не принадлежитъ къ ихъ сущности, такъ и драматическій артистъ долженъ въ исполненіи воздерживаться отъ всего, что не составляетъ сущность его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить всѣ эти типическія черты. Его игра должна быть согласна съ природой, но не быть ея повтореніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юлію Кесарю случилось иногда кашлять и чихать, какъ и всѣмъ другимъ смертнымъ, и художникъ, который въ его роли вздумалъ бы кашлять и чихать, не отступилъ бы отъ природы, но онъ своимъ реализмомъ умалилъ бы идею Юлія Кесаря, ибо его сущность состояла не въ чиханіи, которое онъ раздѣлялъ и съ другими римлянами, но въ чертахъ, ему одному принадлежащихъ. Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движеніе, каждая его интонація имѣютъ

значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго и не долженъ упускать ничего существеннаго: однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться идеей, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ, имѣя въ виду идеальную, а не реальную правду. Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же пристали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гёте, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ по справедливости назваться закономъ европейскимъ. Хотя многіе у насъ находятъ, что мы не обязаны подчиняться этимъ законамъ, «потому что мы не европейцы»,—«подождемъ, чтобы Азія или Новая Голландія выслали намъ болѣе вѣрную эстетику, или же чтобы явились особенные русскіе законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимѣніемъ лучшаго, будемъ держаться, какъ въ технику драмы, такъ и въ ея исполненіи, законовъ европейскихъ, подъ опасеніемъ попасть въ беззаконность.

Если бы кто нашелъ, что все сказанное мною разумѣется само собою, и что я, по французскому выраженію, взламываю незамкнутую дверь,—я тому отвѣчу, что совершенно съ нимъ согласенъ, но въ оправданіе себѣ укажу на распространившуюся доктрину о какихъ-то русскихъ началахъ, на которыхъ должны у насъ развиваться наука и искусство.

Есть русскіе нравы, русская фізіономія, русская исторія, русская археологія, есть даже русское искусство—но нѣтъ русскихъ началъ искусства, какъ нѣтъ русской таблицы умноженія. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, и европейскихъ началъ, а есть начала абсолютныя, общія, вѣчныя. Можно сомнѣваться въ вѣрности ихъ опредѣленія, но не ихъ существованія; можно спорить о ихъ сущности, но не о ихъ примѣнимости. И если бы даже которое-нибудь изъ этихъ началъ не было достаточно уяснено, то съ минуты своего уясненія оно станетъ обязательно для всѣхъ націй безъ исключенія. Которое же изъ нихъ признано годнымъ для одного народа, то годно для всѣхъ народовъ, ибо передъ законодательствомъ искусства нѣтъ привилегированныхъ классовъ.

Съ этими абсолютными началами не слѣдуетъ смѣшивать ни ту національную фізіономію, которую невольно высказываетъ каждый драматургъ и каждый исполнитель

и которая, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ недостаткомъ; ни тѣ національныя особенности, которыя принадлежать по праву всѣмъ драматическимъ лицамъ, смотря по ихъ народности, и съ которыми соображаться есть долгъ и обязанность. Мы требуемъ какъ отъ драматурга, такъ и отъ исполнителя, чтобы каждое лицо дѣйствовало въ нравахъ своей націи (русская ли она, или другая—все равно), и несоблюденіе этого правила заслуживаетъ порицанія; но иное—грѣшить противъ національности, иное—противъ законовъ искусства, и каждый изъ этихъ проступковъ подлежитъ особой подсудности. Спутывать національныя нравы съ небывалыми національными началами искусства—значить вносить неясность въ понятія не только артистовъ и публики, но и самихъ писателей. Такъ-называемая живая струя, «которая бьетъ изъ самобытнаго родника русскаго творчества», если она рождаетъ дѣйствительно художественныя произведенія, бьетъ, безъ сомнѣнія, изъ родника, общаго всему художеству, какъ бы ни были національны ея краски. Если же она бьетъ изъ другого источника, то, при всей національности красокъ, никогда ничего не произведетъ истинно-художественнаго. Туманныя выраженія, въ родѣ: «своеобычная форма историческаго развитія русскаго народа», или «родовыя черты бытового начала», или «условія родовыхъ отличій русской жизни» и такъ далѣе, которыя выдаются намъ за предтечи новыхъ, оригинальныхъ законовъ творчества, переводятся очень просто словами: русскіе нравы, русская фізіономія. Само собою разумѣется, что держаться этихъ условій на русской сценѣ есть долгъ какъ драматурга, такъ и исполнителя, но нѣтъ причины давать этому простому правилу какой-то глубокой таинственный смыслъ. Писатель, который бы заставилъ Дмитрія Донскаго пѣть серенаду подъ балкономъ своей возлюбленной, или актеръ, который въ роли Пожарскаго сталъ бы расшаркиваться, держа шапку подъ мышкой, оба провинились бы не передъ русскими началами искусства, а передъ русскими нравами и русской фізіономіей. И странно было бы говорить про нихъ, что они нарушили «своеобычныя условія родовыхъ отличій», или приписывать ихъ недѣлность тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняютъ самыя простыя понятія и упо-

добляются ученому, глубокомысленному отыскиванію рукавицъ, торчащихъ за поясомъ.

Итакъ, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими съ головы до ногъ, тѣмъ не менѣе свято соблюдаютъ общіе законы искусства, обязательные для всѣхъ націй, и не упускаютъ изъ вида главнаго изъ нихъ: закона идеальной правды, который есть краеугольный камень всякаго художества.

Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили—оно никогда не дается намъ даромъ, и что если нѣтъ художника безъ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника. Какія бы ни были природныя дарованія живописца, зодчаго, ваятеля, музыканта или поэта, если они не подвергнутъ себя самой строгой дисциплинѣ, они не возвысятся надъ посредственностью. Успѣхъ же, пріобрѣтаемый ими иногда насчетъ честнаго исполненія дѣла, есть стыдъ, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматическаго артиста—это буквальное изученіе своей роли; вторая—присвоеніе себѣ передаваемаго характера въ малѣйшихъ подробностяхъ, съ отбрасываніемъ всего, что не составляетъ его сущность; третья—согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы и держаніе себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше ни ниже.

Это согласованіе ролей, которое называется у насъ неприятнымъ именемъ ансамбль и которое можно бы замѣнить словомъ дружность, есть преимущественно дѣло режиссера. Оно такъ важно, что безъ него никакое художественное исполненіе немислимо. Живописецъ, ваятель, зодчій или поэтъ зависятъ каждый отъ себя самого; но драматическій артистъ, равно какъ и музыкантъ, участвующій въ симфоніи, зависятъ каждый отъ своихъ товарищей, какъ и эти отъ него зависятъ. Малѣйшее между ними несогласіе производитъ диссонансъ, разладицу, фальшь, и отвѣтственность за это лежитъ на режиссерѣ, который есть капельмейстеръ труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которыхъ общее согласіе единственно упрочиваетъ успѣхъ ихъ общаго дѣла, такъ трудно найти это согласіе, но причина тому въ самомъ существѣ ихъ искусства. Исполнитель живетъ только въ настоящемъ времени; въ немъ одномъ лежатъ его успѣхъ и торжество.

Другіе художники, если они не признаны современниками, могутъ надѣяться на одобреніе потомства; исполнитель ожидаетъ его только отъ современниковъ. Отсюда его жажда рукоплесканій; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этотъ вкусъ противорѣчилъ его артистическимъ убѣжденіямъ; отсюда его желаніе быть замѣченнымъ во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ пьесѣ. Но дѣйствующій такъ ошибается. Правда окончательно беретъ верхъ надъ неправдой, и хотя у исполнителя короче срокъ, чѣмъ у другого художника, чтобы заставить публику его оцѣнить, но жизни его на это достаточно. Вспомнимъ покойнаго Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тѣмъ самымъ заставлялъ толпу подыматься до его высоты. Художникъ, жертвующій своею совѣстью минутному торжеству, перестаетъ быть художникомъ, ибо онъ забываетъ, что уже одно служеніе искусству заключаетъ въ себѣ свою награду. Пусть лучше онъ останется непризнаннымъ, пусть лучше вся пьеса упадетъ и провалится, чѣмъ допустится посягательство на достоинство искусства! Въ этой области, болѣе чѣмъ во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свѣтъ пропадай!» *Fiat justitia, pereat mundus!*

Красный-Рогъ, Чернигов. губ.
Сентябрь 1868.

„СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО“ НА ВЕЙМАРСКОЙ СЦЕНѢ

(Изъ письма гр. А. К. Толстого къ Б. М. Маркевичу).

...Вы желали, чтобъ я описалъ вамъ подробно, какъ сошло съ рукъ представленіе на Веймарской сценѢ моей трагедіи: «Смерть Іоанна Грознаго», въ превосходномъ переводѢ г-жи Павловой. Спѣшу исполнить ваше желаніе.

Я пріѣхалъ въ Веймаръ поздно вечеромъ и на другой же день былъ приглашенъ на первую репетицію. Съ веймарскою трупой познакомился я въ самомъ театрѢ. Главнаго трагика, Лефельда, я зналъ уже съ прошлаго года, и какъ въ тотъ же разъ, такъ и теперь, былъ пораженъ его наружностью. Игры его я еще ни разу не видалъ, но если бы мнѢ было предоставлено заказать фигуру Грознаго по историческимъ преданіямъ и по собственнымъ моимъ понятіямъ, я не могъ бы выдумать ничего лучше. Ростъ его высокъ, осанка величественна, голосъ звученъ, выразительныя, рѣзкія и подвижныя черты страстно-зловѣщаго типа кажутся созданными олицетворять гнѣвъ. ГдѢ бы я ни встрѣтилъ этого человѣка, мнѢ непремѣнно пришлось бы въ голову: Вотъ лицо, подходящее къ Іоанну Грозному! Характеръ этого артиста, какъ я узналъ послѣ, вполне соотвѣтствуетъ его наружности. Ему на представленіи не даютъ ничего остраго въ руки; платья шьютъ на него прочнѣе, чѣмъ на другихъ. Онъ, въ моемъ присутствіи, подошелъ къ директору театра, или, какъ его тамъ называютъ, къ гофъ-интенданту, барону Лону, и сказалъ ему съ озабоченнымъ видомъ: «Ради Бога, господинъ баронъ, не велите, въ сценѢ съ Гарабурдой, давать мнѢ металлическаго топора, или я не отвѣчаю ни за что!» Историческій посохъ Іоанна, съ желѣзнымъ концомъ, былъ для него нарочно сдѣланъ тупой. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что эти предосторожности не излишни.

Но, несмотря на свою страстность, г. Лефельдъ человекъ совершенно благовоспитанный, образованный и въ высшей степени добросовѣстный. Это качество онъ раздѣляетъ со всею веймарскою труппой, и я, на первой же репетиціи, былъ пораженъ тою совѣстливостью, тою любовью и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ искусству, которыми проникнуть каждый изъ артистовъ. Какія бы ни были ихъ личныя отношенія между собою, отношенія эти забываются и исчезаютъ предъ общимъ дѣломъ. Искусство есть для веймарскихъ артистовъ какъ бы священнодѣйствіе, къ которому они готовятся, каждый по мѣрѣ силъ. Къ моему удивленію и удовольствію, я тотчасъ же убѣдился, что артисты были знакомы съ моею брошюрой: «Проектъ постановки на сцену: Смерть Грознаго». Готовясь поставить трагедію и узнавъ, что есть такая брошюра, дирекція позаботилась добыть съ нея переводъ, и добыла отличный, который я видѣлъ въ рукописи у гофъ-интенданта. О томъ, что всѣ актеры, отъ перваго до послѣдняго, знали свои роли совершенно твердо—нечего и говорить. Лефельдъ нѣсколько разъ просилъ сифлера не подсказывать ему, говоря, что онъ только мѣшаетъ, и когда я выразилъ ему по этому поводу мое удивленіе, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это моя первая обязанность; если-бъ я не зналъ своей роли наизусть, я заслуживалъ бы, чтобы меня со стыдомъ согнали со сцены!» Лефельдъ одинъ изъ первыхъ трагиковъ Германіи, а въ роли короля Лира считается рѣшительно первымъ. Это не мѣшало ему выслушивать всѣ мои замѣчанія не только со вниманіемъ, но даже съ признательностью. То же дѣлали и прочіе артисты. Каждый изъ нихъ просилъ меня остановить его, если я найду, что онъ говоритъ или играетъ не такъ. Случаевъ испытать ихъ готовность представлялось немного, и они болѣе относились къ произношенію собственныхъ именъ и къ удареніямъ, но и эта трудность была скоро побѣждена, исключая имя: Мстиславскій, которое до конца произносилось *Mistislavski*. Нѣкотораго труда стоило мнѣ отучить бояръ отъ поклоновъ со сложенными крестообразно на груди руками. Они привыкли такъ кланяться въ разныхъ Лжедмитріяхъ, начиная отъ шиллеровскаго до написаннаго Геббелемъ.—«*Aber es ist ja orientalisch!*»—говорили они мнѣ.—«*Darum eben muss nicht sein!*»—отвѣчалъ я съ невольною досадою на это постоянное смѣшиваніе насъ съ турками и татарами.

Легче было мнѣ заставить бояръ становиться предъ Иоанномъ на оба колѣна, вмѣсто того, чтобы преклонять одно, какъ они дѣлали сначала. Предъ начатіемъ репетиціи нѣкоторые актеры подошли къ барону Лону и попросили его возстановить кое-какія мѣста, вычеркнутыя для сокращенія драмы. Сокращенія эти были сдѣланы того же утра барономъ Лономъ вмѣстѣ со мною. Но когда я предложилъ ему сократить сцену схимника, онъ на это не согласился, говоря, что она навѣрно понравится публикѣ. Ни изъ этой сцены ни изъ чтенія синодика не было выкинуто ни слова. Зато въ боярской думѣ мы вычеркнули почти все начало, и хорошо сдѣлали. Она вышла несравненно живѣе. Я не могъ также не одобрить, что послѣ рѣчи Сицкаго всѣ бояре вскочили съ своихъ мѣстъ, вышли на средину сцены и продолжали такъ играть до конца.

Лефельдъ, предъ репетиціей, объявилъ мнѣ, что этотъ разъ онъ будетъ не играть, а только говорить, и просилъ меня не имѣть о немъ еще никакого сужденія; но мало-по-малу онъ увлекся. Его сокрушеніе, его радость при добрыхъ извѣстіяхъ изъ Пскова, его гнѣвъ на Курбскаго, его иронія съ боярами, его хладнокровный приговоръ Сицкому и, сверхъ всего, его царственный видъ и голосъ— все было великолѣпно. Безъ гримировки, безъ костюма, я увидѣлъ предъ собой настоящаго Иоанна Грознаго, какимъ я его воображаю.

Въ этотъ день репетировали только три первыя дѣйствія, отъ 4 до 7 $\frac{1}{2}$ часовъ. Годуновъ (г. L'Намé) былъ также очень хорошъ и понималъ свою роль вѣрно. Въ сценѣ, гдѣ Шуйскій угощаетъ своихъ гостей, я замѣтилъ за кулисами одного человѣчка въ очкахъ, съ длиннымъ носомъ, съ отвислыми губами и съ подвязанною рукой, который, казалось, смотрѣлъ съ любопытствомъ на угощеніе Шуйскаго. Довольно непріятная его наружность отвлекала мое вниманіе отъ актеровъ.

«Что это за фигура въ очкахъ?—думалъ я:—и зачѣмъ она тутъ стоитъ? Должно-быть, какой-нибудь отставной учитель математики!» Къ немалому моему удивленію, Шуйскій обратился къ нему со словами:

«Войди, Данилычъ!»

«Ну, хорошаго же прибрали вы Битяговскаго!»—подумалъ я, но съ первыхъ же словъ человѣка измѣнилъ свое о немъ мнѣніе. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно заключается вѣрность дикціи, но каждое слово Битягов-

скаго въ очкахъ было сказано такъ вѣрно, что тотчасъ же исчезли и очки, и длинный носъ, и отвислыя губы. Это былъ тотъ безсовѣстный кутила, котораго я старался описать въ моей брошюрѣ. Всѣ движенія его были художественны, естественны и картинны. За ножомъ онъ полѣзъ въ свой салогъ такимъ молодцомъ, что страшно стало за Годунова. Когда кончилась сцена, я пошелъ за кулисы и, еще не зная его имени, крѣпко пожалъ ему здоровую, неподвязанную руку. Онъ извинился за болѣзную, сказавъ, что недавно сломалъ ее, но что на представленіи онъ ее скроетъ. «Нѣтъ, пожалуйста, оставайтесь какъ вы есть,—отвѣчалъ я:—это вамъ къ лицу и совершенно къ вашей роли; вы подрались въ кабацкѣ, и ваша рука пострадала!» Я узналъ, что этотъ человекъ весьма извѣстный и даровитый актеръ Кношъ, котораго я видѣлъ прошлаго года на веймарской сценѣ въ роли венгерскаго цыгана, гдѣ онъ игралъ на скрипкѣ чардашъ пѣлъ какъ цыганъ и выговаривалъ какъ венгерецъ, но безъ всякаго преувеличенія. Меня тогда же поразила необыкновенная правда и вѣрность его игры. Я радъ былъ съ нимъ познакомиться.

Гарабурда оказался слабъ. Онъ не былъ ни тѣмъ молодцоватымъ, вызывающимъ паномъ, какимъ представляетъ его Бурдинъ, ни тѣмъ сосредоточеннымъ, невозмутимымъ малороссіяниномъ, какимъ я описываю его въ моей брошюрѣ. Роль Гарабурды болѣе вертится на его національности, а нѣмцы не понимаютъ славянскихъ оттѣнковъ. Я пожалѣлъ, что Гарабурда достался не Кноппу. Тотъ бы навѣрно понялъ.

«И нынѣ же молебны

Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!»—

прохрипѣлъ, задыхаясь, Иоаннъ и упалъ въ изнеможеніи на свой престолъ, совершенно какъ стоитъ у меня въ текстѣ. Этимъ кончилась первая репетиція. Когда я подошелъ къ Лефельду, руки его были холодны и потъ катился съ его лица.

— Это вы называете не играть, а говорить?—сказалъ я.

— Пожалуйста, не судите обо мнѣ,—отвѣчалъ Лефельдъ:—я берегу мои средства!

«Ну!»—подумалъ я.

Въ этотъ же день я познакомился съ заслуженнымъ семидесятилѣтнимъ актеромъ Франке, которому выпала на долю роль Мстиславскаго. Онъ хорошо зналъ Гёте, по-

мнилъ много анекдотовъ того времени, и я обѣщалъ себѣ немалое удовольствіе отъ его разказовъ, но, къ моему и къ общему сожалѣнію, съ нимъ случился на другой же день ударъ, и роль была передана другому.

На слѣдующее утро репетировали два послѣднія дѣйствія. Великій герцогъ пріѣхалъ на репетицію. Я познакомился съ царицей, царевной и Маріей Годуновой. Всѣ три молоды, красивы и представительны, особенно царица (Mlle Charles), родомъ штирійка и, вѣроятно, съ примѣсью славянской крови: такъ она похожа на русскую.

Народную сцену репетировали разъ шесть сряду; она все шла не довольно живо, по мнѣнію режиссера, г. Подольскаго. Персоналъ веймарской труппы не великъ, и въ толпу народа надо было примѣшать много женщинъ. Здѣсь мнѣ пришлось отстаивать характеръ и достоинство русской женщины. Режиссеръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы крики: «Порѣшимъ Годунова! Вздернемъ Битяговскаго! Разнесемъ на клочья Кикина!» пали на долю женщинъ. Онъ даже показывалъ имъ, какъ онѣ должны потирать руки отъ удовольствія, и приводилъ имъ въ примѣръ *dames de la halle* во время французскаго террора. Я насилу убѣдилъ его, что это не въ русскихъ нравахъ, и скромныя статистки благодарили меня за избавленіе ихъ отъ несвойственной имъ кровожадности.

Народная сцена подъ конецъ пошла отлично. Битяговскій игралъ мастерски, но Кикинъ былъ рѣшительно плохъ. Въ пятомъ дѣйствіи явились скоморохи. То были почтенные отцы семейства, съ сѣдыми бакенбардами, кривляющіеся основательно и добросовѣстно. Лефельдъ заставилъ ихъ вбѣгать нѣсколько разъ сряду, прежде чѣмъ опредѣлилась мѣра ихъ кривляній и то мѣсто, гдѣ они должны были остановиться, чтобы дать себя увидѣть умирающему Іоанну, а его не загородить отъ зрителей, ибо Лефельдъ много, и совершенно справедливо, рассчитывалъ на свою мимику въ этой сценѣ. Онъ, уже лежа на полу, привсталъ при видѣ скомороховъ, отползъ отъ нихъ въ ужасѣ и окончательно упалъ навзничъ. Онъ исполнилъ слово-въ-слово совѣтъ мой въ брошюрѣ о постановкѣ, и нѣмая игра его вышла потрясательна для самихъ актеровъ.

Теперь вся трагедія была предо мною, и я не могъ не порадоваться тому старанію, уваженію и даже любви, съ которыми всѣ актеры къ ней относились. Никто изъ

нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и на мои сомнѣнія Лефельдъ отвѣчалъ теперь, какъ и прошлаго года, со свойственною ему страстностью: «Если эта пьеса не будетъ имѣть величайшаго успѣха—назовите меня подлецомъ! Nennen Sie mich einen Schuft. Буду виноватъ я, а не вы!»

Вообще участіе въ трагедіи и ея постановкѣ было общее. О ней говорилъ весь Веймаръ, и это счастливое обстоятельство я приписываю прежде всего моему доброму пріятелю Листу (нынѣ аббату Листу), который, три года тому, прочелъ въ Римѣ первый актъ, въ переводѣ г-жи Павловой, напечатанномъ въ «Russische Revue» покойнаго Вольфсона, и остался имъ такъ доволенъ, что рекомендовалъ его великому герцогу Веймарскому. Великій герцогъ, чрезъ Листа, предложилъ мнѣ поставить трагедію на его театрѣ, и я принялъ предложеніе съ благодарностью. Съ тѣхъ поръ великій герцогъ не переставалъ интересоваться трагедіей. Въ прошломъ году я доставилъ ему рисунки нашего академика Шварца. Онъ поручилъ мнѣ написать къ г. Шварцу, находившемуся въ Парижѣ, и пригласить его на возвратномъ пути заѣхать въ Веймаръ. Г. Шварцъ остался вполне доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ. Онъ успѣлъ осмотрѣть готовые костюмы, дать кое-какіе совѣты о постановкѣ и составить нѣкоторые новые рисунки. При этомъ онъ имѣлъ случай, какъ и я, оцѣнить горячую любовь великаго герцога къ искусству, его уваженіе къ исторіи и къ археологіи и радушную добросовѣстность его дирекціи.

Было еще двѣ репетиціи всей трагедіи два дня сряду; послѣдняя была утромъ въ день представленія. Великій герцогъ пріѣзжалъ каждый разъ на нѣкоторое время въ свою ложу. Въ эти четыре дня актеры успѣли отлично сыгратъся, и пьеса обѣщала идти хорошо. Всѣ были въ этомъ увѣрены, только Лефельдъ, простудившійся накануне, боялся за свой голосъ. Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ декораціи. Онѣ были неудовлетворительны для русскаго археологическаго глаза и большею частью подобраны изъ другихъ пьесъ. Залы въ византійскомъ вкусѣ, взятые изъ «Велизарія» и «Тангейзера», болѣе всего подходили къ русскому характеру. Я пошелъ посмотрѣть костюмы и главными остался очень доволенъ. Царское облаченіе и Мономахова шапка были превосходны, шубы и кафтаны бояръ совершенно приличны. Женскіе костюмы я увидѣлъ только вечеромъ, на представленіи.

Тутъ чуть-было не случилась бѣда. Осматривая костюмы, я замѣтилъ на одной полкѣ штукъ десять какихъ-то турбановъ, въ родѣ тѣхъ пироговъ, которые подаютъ къ чаю, но отороченныхъ мѣхомъ. Рустанъ, мамелюкъ Наполеона I, также носилъ на головѣ такой пирогъ. Зловѣщее предчувствіе мною овладѣло.

— Скажите,—спросилъ я костюмера:—вѣдь это не для моей трагедіи приготовлено?

— Для вашей!—отвѣчалъ онъ, пріятно улыбаясь.

— Помилуйте, да это не по рисункамъ Шварца.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ костюмеръ:—das ist aus dem «Demetrius». Мы это надѣнемъ на тѣхъ статистовъ, которые появятся при приемѣ посла.

— Но такихъ пироговъ русскіе никогда не носили!

— Aber es ist orientalisches!—отвѣчалъ костюмеръ.

Опять orientalisches!—и я въ отчаяніи побѣждалъ отыскивать гофъ-интенданта.

— Ради Бога, велите это прибрать въ кладовую и запереть на ключъ, надѣньте на статистовъ что вамъ угодно, только не это!

Баронъ Лонъ обѣщалъ мнѣ исполнить мою просьбу, и турбаны были прибраны.

Когда настало время представленія, я отправился въ маленькую боковую ложу великаго герцога, предоставленную на этотъ разъ мнѣ одному. Она была съ рѣшеткой, которую я могъ отворять, и съ дверью, ведущею на сцену. Ложа гофъ-интенданта была напротивъ меня. Самъ великій герцогъ съ семействомъ находился въ большой средней ложѣ. Театръ былъ полонъ, всѣ билеты давно разобраны, и многимъ желающимъ не достало мѣстъ. Не знаю почему, я не ощущалъ никакого волненія, и мнѣ казалось, что я готовлюсь смотрѣть не на свою, но на чужую драму. На репетиціяхъ, напротивъ, особенно въ первый разъ, когда я взошелъ на сцену и почувствовалъ подъ собою тѣ самыя доски, по которымъ лѣтъ за шестьдесятъ ходили Гёте и Шиллеръ, дыханье мое сперлось, и слезы навернулись на глаза.

Условный знакъ былъ поданъ, и началась увертюра «Коріолана».

Послѣ ея мастерскаго исполненія, послышались споры бояръ, занавѣсь поднялась, я увидѣлъ волнующуюся думу, и тотчасъ же услышалъ монологъ Захарыина о цѣли собранія, который въ несокращенной сценѣ говорится позже.

Захарьина игралъ Herr von Milde, докторъ философіи, трагикъ и вмѣстѣ первый баритонъ веймарской оперы. Онъ игралъ хорошо и съ достоинствомъ, но далеко не такъ симпатично и художественно, какъ нашъ почтенный Леонидовъ. Годуновъ (г. L'Hamé) былъ очень хорошъ, Сицкій также.

Вообще, благодаря движенію, введенному режиссеромъ, и болѣе скорому темпу веймарской труппы, сцена боярской думы сошла съ рукъ живо и вовсе не скучно. Когда она кончилась, единодушныя рукоплесканія наградили актеровъ.

Перемѣна декораций совершилась очень быстро. Я не видалъ Лефельда съ послѣдней репетиціи и увидѣлъ его въ первый разъ въ костюмѣ. Онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, съ опущеннымъ взоромъ, съ опущенною рукой, державшею четки, у стола, на которомъ лежали бармы и шапка Мономаха. (Все совершенно согласно съ текстомъ трагедіи). Лицо его вовсе не было гримировано, да и не оказывалось въ томъ надобности. Чтобы сдѣлать изъ него Іоанна Грознаго, достаточно было рѣдкой русой бороды и рѣдкихъ волосъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ Іоаннъ Грозный— и не кто другой! Онъ говорилъ сдержанно, умѣренно, глухимъ голосомъ, до самаго письма Курбскаго, которое, въ роли Нагого, отлично прочелъ молодой, красивый и даровитый сербъ, Савичъ, единственный изъ актеровъ, умѣвшій произносить имя Мстиславскаго. Когда кончилось чтеніе, Лефельдъ вскочилъ, вырвалъ письмо у Нагого и громкимъ голосомъ потрясъ весь театръ. Это, по моему мнѣнію, была ошибка. Онъ слишкомъ скоро превратился въ богатыря. Но зато какой богатырь!

Я не видалъ Мочалова, но Лефельда могу сравнить только съ Каратыгинымъ, и не знаю, кому дать преимущество. Когда надѣли на него полное облаченіе, царственная фигура его явилась во всемъ его величіи. Слова: Теперь идемъ въ соборъ передъ Всевышнимъ преклонить колѣна! онъ произнесъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, и въ театрѣ послышался взрывъ уже прежде начинавшихся, но доселѣ сдержанныхъ рукоплесканій, которыя продолжались и послѣ опущенія занавѣси. Ко мнѣ вбѣжалъ режиссеръ, увѣряя, что это меня вызываютъ, но я не имѣлъ причины ему повѣрить и велѣлъ просить Лефельда, чтобъ онъ вышелъ на сцену. Лефельдъ вышелъ неохотно, и когда я, въ антрактѣ

отыскалъ его въ уборной, онъ казался въ отчаяніи, чуть не сорвалъ съ себя парика, метался во всѣ стороны и повторялъ: «Я играю отвратительно! Я играю отвратительно!»

— Что съ вами?—спросилъ я:—вы играли прекрасно!

— Нѣтъ, нѣтъ, я простудился, у меня катарръ, у меня нѣтъ голоса!

— Помилуйте, у васъ такой голосъ, какой дай Богъ всякому!

— Aber ich kann nicht mit der Stimme malen! (Я не могу живописать своимъ голосомъ!)—отвѣчалъ онъ и, бросившись въ кресла, закрылъ лицо руками. Мнѣ показалось, что онъ плакалъ. Меня позвали въ мою ложу, куда пришелъ великій герцогъ поздравить меня съ успѣхомъ. Я рассказалъ ему о состояніи Лефельда, и онъ, съ свойственною ему добротой, пошелъ самъ на сцену ободрить унывающего артиста. Это удалось ему не вполнѣ; Лефельдъ былъ неутѣшенъ.

Послѣ второго акта возобновились рукоплесканія, режиссеръ опять вбѣжалъ ко мнѣ, увѣряя, что публика меня вызываетъ, но я, не слыша слова: «автора!», опять выслалъ на сцену Лефельда и Ламе (Годуновъ), сказавшаго свой монологъ замѣчательно хорошо.

Въ третьемъ актѣ я, къ сожалѣнію, нашелъ, что Лефельдъ на репетиціяхъ игралъ лучше. Онъ былъ теперь слишкомъ энергиченъ, тратилъ слишкомъ много силы, но это замѣтилъ только я, а не публика. Очень пріятно поразила меня своею картинностью Mlle Charles, въ костюмѣ царицы. Она была великолѣпна: костюмъ богатъ и вѣренъ, наружность свѣжей и красивой ярославской дѣвушки; игра очень хороша.

Въ Гарабурду Лефельдъ не пустилъ топоромъ, но только замаяхнулся и откинулъ топоръ въ сторону. Это было разумно: въ его встревоженномъ состояніи онъ и деревяннымъ топоромъ раскроилъ бы Гарабурдѣ голову.

Опять начались рукоплесканія, опять вошелъ режиссеръ, а съ нимъ и самъ гофъ-интендантъ, увѣряя меня, что я не хочу показаться публикѣ.

— Но они не зовутъ автора!

— У насъ никогда автора не зовутъ, но если въ новой пьесѣ хлопаютъ продолжительно, это значитъ, что хотятъ видѣть автора.

Я еще колебался, какъ вошелъ въ ложу одинъ знакомый и сказалъ мнѣ, что публика на меня негодуетъ.

— Wir klatschen uns die Hände wund, und er will nicht erscheinen! (У насъ отъ хлопанья болятъ руки, а онъ не показывается!).

Сомнѣнія не оставалось, я долженъ былъ показаться. Меня вызвали два раза.

Въ четвертомъ актѣ случился сюрпризъ.

Предъ поднятiемъ занавѣси, я ушелъ на сцену и осмотрѣлъ Кикина. Онъ былъ одѣтъ какъ слѣдуетъ, только усы закрутилъ себѣ ужасно молодецки, что придавало ему видъ итальянскаго браво, тѣмъ болѣе, что онъ былъ огромнаго роста, выше всѣхъ головой. «Такъ нехорошо,—сказалъ я:—позвольте вамъ опустить усы!» и, опустивъ ему усы, я возвратился въ ложу. Народная сцена пошла отлично, но вотъ явился Кикинъ, и, къ ужасу моему, я увидѣлъ, что онъ успѣлъ всунуть свои длинныя ноги, до половины икорь, въ какія-то соломенные корзины, которыя, должно-быть, приберегъ для большаго эффекта до послѣдней минуты. Корзины эти, какъ я узналъ послѣ, особенно понравились публикѣ. Она увидѣла въ нихъ этнографическую точность, *couleur locale*; но я на другой же день написалъ къ гофъ-интенданту, прося его запереть ихъ въ кладовую на ключъ, вмѣстѣ съ тюрбанами. Кикинъ былъ неимоверно плохъ, и когда пришлось ему убѣгать отъ толпы, ноги его оказались такъ длинны, что онѣ съ своими корзинами могли сдѣлать только два шага чрезъ всю сцену. Зато Битяговскiй былъ прекрасенъ, и вообще вся сцена сыграна мастерски.

Во второй половинѣ этого дѣйствiя Лефельдъ опять выказалъ слишкомъ много энергiи. Онъ раза два безъ нужды бросался на полъ и тѣмъ ослабилъ впечатлѣнiе того мѣста, гдѣ онъ становится предъ боярами на колѣни. Но сталъ онъ на колѣни отлично, а предъ этимъ, когда вскочилъ съ кресла со словами:

«Что тамъ скребетъ въ подпольѣ?»

онъ въ лицѣ и голосѣ выразилъ такой ужасъ, что у меня, отъ художественнаго чувства, волосы зашевелились на головѣ, и многiе изъ зрителей привстали съ своихъ мѣстъ. Это, кажется, была его лучшая минута.

Но вотъ настала сцена со схимникомъ. Изнеможенный Иоаннъ говорилъ вяло, схимникъ отвѣчалъ ему вяло. Завязалось между ними нѣчто въ родѣ дуэта на однѣ и тѣ же ноты, какъ будто они бились объ закладъ, кто кому прежде надѣстъ. Это было такъ нестерпимо, что мною

овладѣла зѣвота и почувствовалась тоска въ ногахъ. Кто тутъ былъ виновать? Я, или они? Кажется, они. Иоаннъ и схимникъ не могутъ и не должны говорить въ одномъ тонѣ, да еще въ пѣвучемъ. Тутъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимъ контрастъ. По мнѣ, этой сценѣ слѣдовало провалиться, но она понравилась публикѣ. Окончаніе акта:

«Боже всемогущій!

Ты Своего помазанника видишь» и пр.

было сказано прекрасно и покрыто рукоплесканіями.

Въ сценѣ съ волхвами актеръ L'Намэ даже удивилъ публику. Онъ считался доселѣ приличнымъ *jeune premier*, но въ этой сценѣ выказалъ себя настоящимъ трагикомъ и выросъ въ общемъ мнѣніи. Онъ сказалъ мнѣ потомъ, что очень полюбилъ свою роль, и по мѣрѣ игры все болѣе въ нее вживался.

Окончаніе пятого акта: игра въ шахматы, появленіе Годунова, его взглядъ на Иоанна, гнѣвъ и смерть Иоанна, а въ особенности его трагическое движеніе при появленіи скомороховъ—произвели глубокое впечатлѣніе на публику. Мнѣ сказали, что зрители, бывшіе на заднихъ мѣстахъ, всѣ встали, когда вышелъ Годуновъ, и не сядили до самаго конца.

Вообще всю вторую половину пятого акта въ театрѣ царствовало глубокое молчаніе, и только по опущеніи занавѣси начались громкія и продолжительныя рукоплесканія, и я былъ вызванъ два раза сряду.

Я пошелъ на сцену и благодарилъ всѣхъ актеровъ. Успѣхъ трагедіи былъ несомнителенъ. Онъ превзошелъ ихъ собственныя ожиданія. Всѣ были довольны, всѣ меня поздравляли; одинъ Лефельдъ ходилъ, повѣся голову.

— Не судите обо мнѣ,—говорилъ онъ:—ради Бога, не судите обо мнѣ, я игралъ прескверно, но въ слѣдующій разъ вы меня не узнаете! Изъ всего моего репертуара роль Иоанна моя любимѣйшая. Она какъ будто скроена для меня (*sie ist für mich geschnitten*), но моя простуда, мой катарръ, совершенно меня разстроили.

Я не считалъ нужнымъ сообщать ему теперь мои замѣчанія о сдѣланныхъ имъ ошибкахъ, а, напротивъ, высказалъ ему мое чистосердечное восхищеніе общимъ характеромъ его игры. По моему мнѣнію, Лефельдъ актеръ, обладающій средствами необыкновенными, но изъ двухъ условій великаго артиста: способности вживаться въ роль

и способности управлять собою, онъ усвоилъ себѣ только первую. Онъ такъ вживается въ роль, что перестаетъ сомнѣваться въ своей тождественности съ представляемымъ лицомъ; но его необузданность есть врагъ его таланта.

Какъ бы то ни было, нѣмецкая публика приняла русскую трагедію съ давно невиданною благоволиительною. «Wir müssten zurückgreifen,—говорили мнѣ актеры:—um uns eines solchen Erfolgs zu erinnern». Я спросилъ ихъ, не изъ уваженія ли къ одобренію великаго герцога это случилось? Но мнѣ отвѣчали, что веймарская публика очень самостоятельна и даже любить противорѣчить.

Второго представленія я не видалъ. Оно было назначено чрезъ недѣлю, преимущественно для иногородныхъ, то-есть для жителей Іены, Эрфурта и Мейнингена, въ какомъ случаѣ обыкновенно учреждается экстренный вечерній поѣздъ.

Теперь вотъ мой общій выводъ: успѣхомъ своимъ и самымъ появленіемъ въ Веймарѣ трагедія прежде всего обязана мастерскому, высоко-художественному переводу г-жи Павловой. Я не считалъ возможнымъ передать такъ вѣрно и такъ поэтично, стихъ-въ-стихъ, весь характеръ русскаго оригинала, со всѣми его особенностями и архаизмами. Подобнаго перевода я не знаю ни на какомъ языкѣ. Потомъ живому участию великаго герцога, и наконецъ необыкновенной добросовѣстности самихъ артистовъ, сохранившихъ на своей сценѣ еще гётевскія преданія. Что касается до матеріальныхъ средствъ веймарскаго театра, они уступаютъ не только нашимъ, но и другихъ главныхъ городовъ Германіи. Одинъ актеръ долженъ часто играть двѣ и три роли въ той же пьесѣ. Такъ, у меня Сицкаго и схимника игралъ одинъ и тотъ же. Роли Григорія Нагого и гонца были слиты въ одну роль. Изъ двухъ волхвовъ одинъ взялъ на себя роли обоихъ, а другой молчалъ. Изъ двухъ врачей явился только одинъ. Всѣ столтники и слуги были замѣнены, къ моему прискорбію, мальчиками, которыхъ представляли женщины, названныя на афишѣ (увы!) пажами. Изъ сорока четырехъ лицъ «Смерти Іоанна» явилось только тридцать три. Бирючей въ народной сценѣ не было вовсе, а вмѣсто Григорія Годунова, верхомъ, явился пѣшій приставъ. Костюмы главныхъ ролей, то-есть Іоанна, царицы, Феодора, Годунова, Ирины и Маріи Годуновой были прекрасны и

богаты, прочіе только приличны. Народъ одѣтъ очень странно и совсѣмъ не по-русски. Декораціи очень неудовлетворительны и небогаты. Но веймарская публика въ этомъ отношеніи нетребовательна. Она, не избалованная внѣшнею постановкой, обращаетъ вниманіе только на игру.

Изъ моего пребыванія въ Веймарѣ я вынесъ чувство уваженія къ труппѣ, благодарности къ радушію великаго герцога и признательности ко вниманію публики.

Лефельдъ сказалъ мнѣ, что, если-бъ его пригласили играть Іоанна въ Петербургѣ на нѣмецкомъ театрѣ, онъ вмѣнилъ бы себѣ это въ честь и въ удовольствіе.

ПИСЬМО гр. А. К. ТОЛСТОГО КЪ Г. РОСТИСЛАВУ
(Ө. М. ТОЛСТОМУ)

по поводу появленія А. А. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго.

Вы принимали такое живое участіе въ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» съ самой ея постановки на сцену (ваши журнальныя статьи служатъ тому доказательствомъ), что я чувствую потребность высказать вамъ мое мнѣніе объ игрѣ г. Нильскаго въ роли Іоанна. По моему убѣжденію, ни одинъ изъ русскихъ артистовъ не передалъ этотъ характеръ такъ удовлетворительно, какъ г. Нильскій. Я знаю, что многіе со мной не согласятся и скажутъ, что я подкупленъ тѣмъ, что г. Нильскій всегда твердо знаетъ свою роль. Сознаюсь, что обстоятельство это расположило меня въ пользу г. Нильскаго съ перваго моего съ нимъ знакомства. Въ одной французской поварской книгѣ сказано: чтобъ сдѣлать соусъ изъ зайца, нужно прежде всего достать зайца. Изреченіе мудрое, которое можно перефразировать такъ: чтобъ хорошо сыграть свою роль, нужно прежде всего ее выучить. Г. Нильскій выучилъ обѣ свои роли (Годунова и Іоанна) почти безукоризненно. Я говорю почти, и этимъ заявляю мое безпристрастіе, но и нѣкоторыя вкравшіяся неправильности въ роляхъ г. Нильскаго доказываютъ только одно: что преданіе строгой драматической школы на нашей сценѣ потеряно. Ни самъ авторъ ни большинство публики не поражаются перестановкою словъ, искажающей стихи и глубоко оскорбляющей метрическое ухо. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ (за исключеніемъ г. Леонидова), Нильскій одинъ зналъ свою роль наизусть и тѣмъ исполнилъ первое условіе, требуемое отъ драматическаго артиста.

Но онъ не ограничился однимъ знаніемъ: онъ проникнулся характеромъ представляемаго имъ лица, не пренебрегъ ни одною его чертою и разрѣшилъ трудную за-

дачу соединить царственность со всѣми видами страсти. Нѣкоторыя мѣста вышли у него потрясательны. Такъ, напримѣръ, при чтеніи синодика, онъ превосходно сказалъ:

«Пятнадцать?

Ихъ было болѣе—двадцать напиши!»

Это мѣсто не только не вызвало у зрителей улыбки, какъ случилось на разныхъ сценахъ, гдѣ давали «Смерть Іоанна», но произвело глубокое впечатлѣніе.

Слушая Нильскаго, я вспомнилъ, что мнѣ сказалъ веймарскій актеръ Лефельдъ, когда я, опасаясь неудачи, предложилъ ему выпустить это мѣсто.

— Ни за что!—возразилъ Лефельдъ.—Ich werde ihnen schon das Lachen vertreiben! (Я отобью у нихъ охоту смѣяться!). И дѣйствительно, никто не улыбнулся.

У Лефельда несравненно болѣе природныхъ средствъ, чѣмъ у Нильскаго, но въ томъ и заключается заслуга Нильскаго, что онъ воспользовался всѣми средствами, которыя, впрочемъ, далеко не малы. Прекрасно выразилъ онъ ужасъ Іоанна въ словахъ:

«Что тамъ скребетъ въ подпольѣ?»

Прекрасно упалъ на колѣни передъ боярами и прекрасно прервалъ Шуйскаго словами:

«Молчи, холопы!»

за которыми произнесъ строки своего покаянія голосомъ гнѣва и угрозы. Это намѣренное противорѣчіе голоса съ содержаніемъ словъ произвело эффектъ сильный, психически вѣрный и совершенно новый. Очень тонко выразилъ Нильскій въ сценѣ Іоанна съ волхвами то чувство, которое овладѣваетъ Іоанномъ въ присутствіи недоброй силы. Онъ ее и вызываетъ, и отрекается отъ нея, и боится ея, и хочетъ ее наказать. Все это слышалось въ его голосѣ и видѣлось на его лицѣ. Такихъ тонкихъ чертъ у Нильскаго было много; но были также и недостатки.

Въ сценѣ съ Гарабурдой онъ показался мнѣ нѣсколько однообразенъ. Когда Гарабурда бросилъ ему перчатку, онъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, сперва помолчать, а потомъ начать совершенно тихо и сдержанно, почти шопотомъ:

«Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?

Ты, иль король? Къ чему перчатка эта?»

а затѣмъ уже дать волю своему гнѣву и дойти до бѣшенства.

Въ пятѣмъ актѣ, когда его вносятъ на креслахъ, онъ

былъ не довольно хилъ и изнуренъ. Въ своей послѣдней сценѣ онъ добровольно лишилъ себя того огромнаго эффекта, которымъ такъ удачно воспользовался Лефельдъ, когда, уже лежа на полу, онъ увидѣлъ скомороховъ, и отползъ отъ нихъ въ ужасъ.

Гримированъ былъ Нильскій въ день своего дебюта неудовлетворительно, но зато въ слѣдующій разъ нельзя было желать лучшей фигуры и лучшей маски.

Вы видите, что я говорю о Нильскомъ безпристрастно, pro и contra. Повторяю, что, по моему мнѣнiю, онъ былъ на русской сценѣ лучшій изъ всѣхъ Іоанновъ, и предсказываю ему вообще, какъ трагическому актеру, блистательную будущность, если онъ, при своемъ пониманiи и при своихъ средствахъ, выработаетъ въ себѣ ту строгую школу, безъ которой невозможна серьезная драма. Какъ ни велики дарованiя актера, онъ не достигнетъ совершенства однимъ вдохновенiемъ, какъ не достигнетъ его и пѣвецъ, при самомъ прекрасномъ голосѣ, безъ школы и метода. Естественность въ искусствѣ, конечно, необходима. Всякое появленiе въ его области, къ какой бы отрасли оно не принадлежало, должно быть естественно, т. е. должно согласоваться съ законами правды; но сущность искусства есть высшая красота, или высшая правда (что одно и то же), и потому не всякое естественное проявленiе годится въ искусствѣ, которое отвергаетъ все случайное, все ненужное, и сохраняетъ только то, что ведетъ прямо къ цѣли, т. е. къ выраженiю заданной идеи. Фотографiя, воспроизводящая всѣ случайности природы, никогда не войдетъ въ область искусства; но живопись, игнорирующая бесполезныя подробности и признающая только тѣ черты подлинника, которыя составляютъ его характеръ— есть одно изъ высшихъ выраженiй искусства. Въ сценическомъ воспроизведенiи характеровъ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, должно держаться одного необходимаго, одного ведущаго къ цѣли. Сценическое искусство менѣе, чѣмъ всякое другое, допускаетъ случайности. Каждое лишнее движенiе (я уже не говорю о движенiяхъ фальшивыхъ) не только бесполезно, но и вредно. Рама, въ которой вращается драматическое представленiе, такъ узка, время, ему удѣленное, такъ ограничено, что каждая минута драгоцѣнна для артиста и каждое его движенiе знаменательно. Опъ не имѣетъ права не только на что-нибудь ложное, но и на что-нибудь индифферентное.

Индифферентизмъ на сценѣ есть потеря времени, которая ничѣмъ не вознаграждается. Мѣста, произносимыя актеромъ безцвѣтно, или въ которыхъ онъ встаетъ, или садится, или ходитъ взадъ и впередъ безъ надобности—равняются мѣстамъ, вычеркнутымъ изъ его роли, если (что еще вѣроятнѣе) они не наводятъ скуку на зрителя.

Сказать, что г. Нильскій вполне созналъ всю важность этого правила, значило бы отклониться отъ истины. Но я смѣю утверждать, что онъ созналъ его лучше, чѣмъ другіе, видѣнные мною Іоанны; могу сказать также, что если не всѣ мѣста были переданы имъ равно знаменательно, онъ ни одного не передалъ фальшиво.

Видѣть и слышать Нильскаго доставило мнѣ художественное наслажденіе, и я сожалѣлъ только объ одномъ: что, пріобрѣвъ въ немъ замѣчательнаго Іоанна, публика лишилась замѣчательнаго Годунова, котораго она не цѣнила по заслугамъ, но котораго достоинство почувствуется чрезъ его потерю.

Оглавленіе

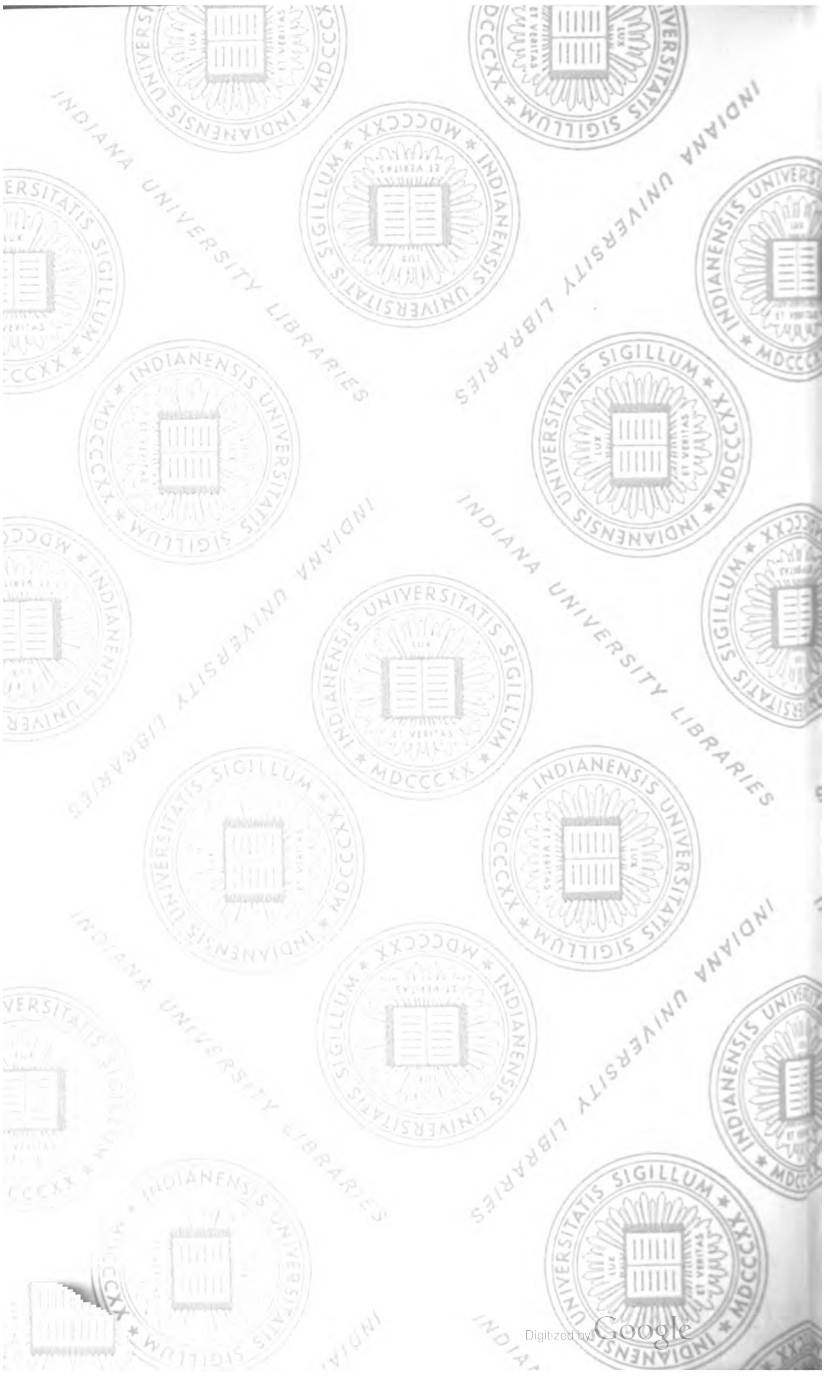
II ТОМА.

Драматическая трилогія:

- I. Смерть Іоанна Грознаго. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ . . . 5
II. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. . . 133
III. Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. . . : . . . 269

Приложенія нѣ драматической «Трилогіи»:

- Проектъ постановки на сцену трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» . 519
Проектъ постановки на сцену трагедіи «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ». 565
«Смерть Іоанна Грознаго» на Веймарской сценѣ. Изъ письма гр.
А. К. Толстого къ Б. М. Маркевичу. 605
Письмо гр. А. К. Толстого къ Г. Ростиславу (Ѳ. М. Толстому) по
поводу появленія А. А. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго. . 618

PG 3363

A1
1907
V.2

3 2000 004 537 785

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

Digitized by Google

